

Klio
СЕРИЯ

ВЫДАЮЩИЕСЯ
РУССКИЕ
ЛАТВИЙЦЫ

ВЫДАЮЩИЕСЯ РУССКИЕ ЛАТВИЙЦЫ

Книга издаётся при поддержке
Правительственной комиссии
по делам соотечественников за рубежом

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

ВЫДАЮЩИЕСЯ
РУССКИЕ
ЛАТВИЙЦЫ

Рига
2008

УДК 94(474.3) (092)

Г962

Список авторов:

Ватолин Игорь Вячеславович, *историк-публицист*
Гурин Александр Григорьевич, *кандидат исторических наук*
Гусев Игорь Николаевич, *историк, краевед*
Емельянов Александр Тимофеевич, *журналист, ответственный секретарь журнала «Поморский Вестник»*
о.Алексий Николаевич Жилко, *духовный наставник, председатель Центрального Совета Древлеправославной Поморской Церкви Латвии*
Журавлёв Сергей Анатольевич, *поэт, писатель, председатель рижского клуба «Улей»*
Иванов Илларион Иванович, *председатель Правления Старообрядческого общества Латвии, гл. редактор журнала «Поморский Вестник»*
Ковальчук Светлана Николаевна, *доктор философии, ведущий исследователь Института философии и социологии ЛУ*
Лапидус Нина Ивановна, *искусствовед, член Союза художников Латвии*
Петкевич Надежда Лаврентьевна, *служащая Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины*
Пикуль Антонина Ильинична, *член Союза писателей России*
Ракитянский Анатолий Тихонович, *краевед, публицист, библиофил*
Талберг Феликс Артошесович, *историк, краевед, коллекционер русского портрета*
Хаенко Светлана Ивановна, *магистр искусств, член Союза художников Латвии, доцент Балтийской Международной академии*

Координатор проекта: И.Н.Гусев

Дизайн и вёрстка: А.Э.Макеев

Технический редактор: З.П.Корепанова

Корректор: Ж.Л.Зайцева

Фотограф: И.Н.Стрельцов

Использованы иллюстрации и материалы из личных архивов: Ю.И.Абызова, С.А.Видякиной, И.Н.Гусева, В.Н.Дедкова, А.Т.Емельянова, Э.А.Жагарса, С.А.Журавлёва, М.Н.Задорнова, И.И.Иванова, Б.Ф.Инфантьева, С.Н.Ковальчук, Н.И.Лапидус, Л.Д.Ленца, Ю.Ю.Мелконова, С.В.Мирского, А.И.Пикуль, А.Т.Ракитянского, В.А.Рыбакова, Ф.А.Талберга, Т.Д.Фейгмане, С.И.Хаенко, Г.Б.Черфас.

Выдающиеся русские латвийцы

биографический справочник. - Рига, «IK ZORIKS», 2008. - 160 с.: ил.

Данный биографический справочник включает в себя сведения о наиболее достойных русских представителях культуры, науки, государственной, общественной и военной службы, жизнь и деятельность которых была тесно связана с Латвией. Они уже ушли из жизни, но их судьбы, их дела, их свершения должны всегда оставаться для нас благим примером.

Разрешается воспроизведение в любой форме! Популяризация и распространение исторических знаний есть главная цель этой книги.

ISBN 978-9934-8028-0-5

© ИК «ZORIKS», 2008

Содержание

Обращение С.В.Лаврова.....	7
Предисловие.....	8
Основная часть.....	10
Кавалеры «Золотой звезды».....	124
Краткая история латвийских русских.....	132
Дополнительные сведения.....	152
Список в алфавитном порядке.....	157

Министр иностранных дел России,
Председатель Правительственной
комиссии по делам
соотечественников за рубежом
Сергей Викторович Лавров

Обращение к читателям
Председателя Правительственной комиссии
по делам соотечественников за рубежом

Вашему вниманию предлагается книга о российской диаспоре. Примечательно, что она подготовлена самими соотечественниками и рассказывает о том, как складывались их судьбы, формировалась диаспора. Её лейтмотив в том, что, несмотря на различия, всех нас объединяет любовь к Отечеству, чувства сопричастности великой русской культуре, гордости за нашу страну.

Развитие отношений партнёрства с зарубежными соотечественниками всегда будет среди приоритетов внешней политики России. Это также касается защиты их законных прав и интересов, укрепления позиций русского языка и культуры за рубежом.

Убеждён, книга найдёт своего заинтересованного читателя, будет востребована как убедительное подтверждение традиционно тесных связей соотечественников с исторической Родиной, объединяющей нас приверженности раскрытию колоссального созидательного потенциала «русского мира».

С.СЛАВРОВ

Предисловие

В своё время великий латышский поэт Ян Райнис, видя для себя идеалом братства народов Швейцарию, жители которой вне зависимости от национальности именуют себя швейцарцами, предложил ввести в латышский язык новый термин *latvijietis* - *латвиец*. Позднее ему с сожалением пришлось констатировать, что это предложение не встретило сочувствия. Тем не менее, именно этим термином мы попробуем обозначить ту особую породу русских людей, для которых Латвия является родиной, но которые при этом не желают отказываться от своих русских корней.

Приступая к работе над книгой-справочником «Выдающиеся русские латвийцы», поневоле чувствуешь некоторую оторопь и смущение, поскольку с самого начала сталкиваешься с таким изобилием трудноразрешимых вопросов, что просто голова кругом идёт.

Во-первых, надо определить, кого следует отнести к понятию «русский». Что заставляет человека осознавать свою принадлежность к тому или иному народу? Воспитание, язык или мистический «голос крови»? Сколь часто встречаем мы в повседневной жизни людей, имеющих вроде бы русские имя и фамилию и, возможно, отменно говорящих по-русски, но назвать данных субъектов русскими язык никак не поворачивается... Или, напротив, фамилия не та, имя не то и даже по паспорту «совсем посторонний», а поговоришь с ним, и окажется он человеком подлинно русской культуры! Что же это за туманная неопределённость, когда даже расовая принадлежность не может быть определяющим фактором в данном запутанном вопросе (вспомним великого Александра Сергеевича Пушкина).

Быть может, дело в существительном (кто?) - англичанин, немец, поляк... У нас же - «русский», то есть «чей?», принадлежащий кому-то или чему-то. Чему же принадлежим мы, какому неведомому предназначению? Какая роль уготована нам Всевышним? Вспомним, что земля Русская - особая земля, она собиралась нашими предками как удел Пресвятой Богородицы (таково её историческое духовное наименование). Но вот удивительное, знаковое совпадение... На Латеранском

соборе 1215 года, этом крупнейшем собрании церковных властей средневекового мира, папа Иннокентий III не только официально провозгласил крестовую войну против язычников Прибалтики, но и посвятил вновь обращаемую страну Пресвятой Деве (подобно тому, как Палестина считалась страной Христа). Отныне Ливония стала «страной Марии» - «терра Марианна». Таким образом, Пресвятая Богородица осеняет своим высоким духовным покровительством и Россию, и Латвию! Самим Господом заповедано быть им в содружестве и в любви. Если бы неразумные политики чаще вспоминали об этом...

Так что же заставляет человека считать себя русским? Возможным ответом будет осознание своей принадлежности к русской цивилизации, которой писатель Олег Платонов дал такое определение: «Русская цивилизация - это общность духовно-нравственных и материальных форм существования русского народа, определившая его историческую судьбу и сформировавшая его национальное сознание». Чаще всего мы сами не можем чётко сформулировать для себя подлинные ценности русской цивилизации, её духовные идеалы и традиции. В большинстве своём мы даже близко не соответствуем им. Но если от соприкосновения с чем-то родным, общим начинает болеть душа, если стучит сильнее сердце от неосознанной принадлежности к великому и необъятному Русскому миру, значит, возможно, есть нечто, дающее нам право называться красивым и гордым именем - РУССКИЕ.

Но живём мы в Латвии, и именно она является нашей Родиной, нашим любимым домом. Значит, мы несколько иные русские, особые. Мы - русские латвийцы.

Так возникает вопрос «во-вторых»: кого же считать «выдающимся русским латвийцем»? Что должен сделать человек, чтобы мы осмелились выделить его из многих? Прежде всего, он должен быть ЛИЧНОСТЬЮ. Одним из тех, кто способен творить, рождать и созидать. Художник, поэт, литератор, учёный. Он может быть одним из тех, кто готов пострадать за Правду, кто готов повести за собой, не страшась ответа за свои ошибки, не боясь

ответственности за тех, кто поверил ему. Это может быть великий актёр, певец, музыкант. Это может быть отважный воин, духовный пастырь, искренний общественный деятель, самоотверженный учитель. Кто угодно, при условии, что человек нашёл себя и достиг в своём деле вершин.

Но как определить принадлежность нашего героя к Латвии? Можно ли считать его мимолётное пребывание на латвийской земле относящим к званию «латвийца»? Это самый сложный вопрос. Проще всего с теми, кто жил, трудился и ныне покоится в латвийской земле. Тут его принадлежность к нашему выбору бесспорна.

Труднее с теми гениями, которые родились и провели здесь лишь несколько лет раннего детства. В какой степени их связь с Латвией заслуживает того, чтобы мы упомянули их в своём справочнике? Исходя из мысли, что рождение каждого из нас есть акт возвышенный и несчастный, останемся при мнении, что какое-то несомненное влияние на судьбу и способности выдающегося человека место рождения всё же имеет. Следовательно, детских лет, проведённых на этой земле, должно быть по справедливости достаточно, чтобы признать человека «своим». В конце концов, честь и слава Латвии созидаются из достоинства и славы рождённых на её земле детей.

Но бывает и так, что, проведя в Латвии лишь несколько лет своей жизни, человек достигает именно в эти годы наивысшей степени своих судьбоносных свершений. И где бы не жил он потом, чтобы не делал, может статься, что именно «латвийский» период станет для него вершиной достижений. И, значит, он также «латвиец», особенно если деятельность его осталась в перечне латвийских достижений культуры и науки.

Увы, но строгих и безошибочных критериев отбора представить мы не сможем никогда. Всегда найдётся элемент, уязвимый для критики. Так что в основе отбора списка «выдающихся русских латвийцев» присутствовал и субъективный подход, с которым, разумеется, каждый вправе не согласиться.

Все лица, биографии которых представлены ниже, так или иначе, внесли свой вклад в исто-

рию, науку и культуру Латвии. Кто в большей степени, кто в меньшей. Есть среди них знаменитости мировой величины, есть и скромные труженики своего дела.

Имеется лишь одно строгое обстоятельство, которое уравнивает их всех. Те, о ком мы будем рассказывать, уже ушли от нас... Среди ныне живущих современников есть немалое число тех, кто по-настоящему достоин считаться подлинно «выдающимся русским латвийцем», и дай Бог им всем богатырского здоровья и долгих счастливых лет жизни. Но слишком велики соблазны, и каждый из нас в душе тщеславен. Трудно сохранять беспристрастность и легко незаслуженно обидеть кого-то, кто посчитает себя несправедливо обойдённым в столь деликатном деле, как быть отнесённым к числу подлинной русской элиты Латвии. И если в силу обстоятельств или же по роковому недосмотру мы кого-то не включили в данный перечень лучших, самых выдающихся русских людей Латвии, никогда не поздно исправить ошибку, добавив достойное имя в позднейшие справочные издания.

От лица всего нашего творческого коллектива, я выражаю надежду, что книга эта окажет существенную помощь в отыскании редких сведений, точных данных и неизвестных фактов латвийской истории. Но, самое главное, она не позволит кануть в небытие судьбам многих замечательнейших людей, являющихся гордостью и славой страны, которой все они принадлежат.

***Координатор проекта
Гусев Игорь Николаевич***

Князь Вячко

(конец XII в. -1224)

ВЛАДЕТЕЛЬ КУКЕНОЙСА

Центр княжества Кукенойс располагался у места впадения в Даугаву р.Персе. Древнее название города русское - Кукенос - по имени речки Кокны (прежнее имя р.Персе) и означало «мыс Кокны». По другому варианту, нос- приток реки. В своей хронике Генрих Латвийский прямо называет Кукенойс «русским городом» (*castrо Ruthenico*). Теперь на этом месте стоит небольшой латвийский городок Кокнесе.

В древности здесь находилось торговое поселение, в котором проживали купцы и ремесленники. Археологические исследования показали, что оно представляет собой многослойный исторический памятник с толщиной культурного слоя 4-7 м. Люди поселились здесь ещё в середине I тысячелетия н.э. Городище-замок занимало площадь 2000 кв. м. Оно было обнесено валом с мощными деревянными стенами. Учёные нашли остатки православной церкви XII века. Она стояла на каменном фундаменте. Были открыты настил пола из доломитового камня и каменные ступени, устроенные при входе. В вещевом инвентаре и домостроительстве Кокнесе больше, чем где-либо в Латгалии, проявляется влияние древнерусской культуры. К изделиям из Руси относятся стеклянные бусы, браслеты, перстни... Найдена свинцовая печать Св. Георгия и Софии с греческой надписью. Преобладает гончарная керамика древнерусского образца (98%). Судя по находке массивного деревянного предмета с выемкой и ручкой, имеющего аналогии среди приспособлений для натягивания паромного каната, там действовала паромная переправа через Даугаву. Материалы раскопок свидетельствуют, что в городе бок о бок жили русские, латгалы, селы. В 1209 году Орден меченосцев начал здесь строительство каменного замка. Нынешние развалины относятся к последнему периоду его истории -1209-1701 гг.

Кукенойс был прежде всего воинским поселением. Об этом свидетельствуют броневые наконечники стрел, которых там найдено особенно много. В замке постоянно находилась боевая княжеская дружина, защищавшая окрестные земли от набегов воинственных соседей (литвы, земгалов, эстов). В начале XIII века княжеством управлял внук одного из героев «Слова о полку Игореве», смоленского князя Давыда Ростиславича, отважный воитель Вячеслав Борисович (Вячко), которого латвийские учебники истории именуют «правитель Ветсеке». Знаменитый Татищев, рассказывая про Вячко из Кокнесе, ссылается на летопись Еропкина, где повествуется о Борисе Давидовиче Полоцком, жене его Святохне и сыновьях Васильке и Вячке. Увы, эта летопись погибла в 1812 году во время Наполеоновского нашествия.

Генрих Латвийский в своей хронике отзывается о нём достаточно уничижительно, возможно, потому, что Вячко был ещё очень

молод. Об этом свидетельствует и то, что нигде не говорится о его семье, поскольку он в то время ещё не был женат.

Правитель Кукенойс пытался жить с тевтонами в мире и добрососедстве. В 1207 г. Вячко встречался с Альбертом, и «*епископ почитил короля многими дарами, обещал ему помощь людьми и оружием...*». За это пришлось обещать немцам половину своих владений. В том же году, несмотря на мирные договорённости, воины епископского вассала Даниила фон Бенерова напали на Кукенойс. Об этом достаточно подробно поведал нам Генрих Латвийский: «*Однажды ночью слуги Даниила поднялись вместе с ним самим и быстро двинулись к замку короля. Придя на рассвете, они нашли спящими людей в замке, а стражу на валу мало бдительной. Взойдя неожиданно на вал, они захватили главное укрепление; отступавших в замок русских, как христиан, не решились убивать, но угрозив им мечами, одних обратили в бегство, других взяли в плен и связали. В том числе захватили и связали самого короля, а всё имущество, бывшее в замке, снесли в одно место и тщательно охраняли*».

Многое непонятно в этой истории. Вряд ли рыцарь Даниил решился на эту провокацию без тайного одобрения своего сюзерена епископа Альберта. Странно выглядит и захват замка. Получается, что немцы с какой-то непонятной лёгкостью проникли в крепость, благодаря «мало бдительной» страже! В рассказе хрониста чувствуется лукавая недоговорённость. С большой натяжкой можно списать всё на юность князя и легкомыслие его молодой дружины, проспавшей нападение врага. Казалось бы, эта тайна должна быть навсегда погребена в толще времён. Но сохранилось в окрестностях Кокнесе одно старинное предание, которое дошло до нас сквозь столетия и многое объясняет. Вот эта легенда: «*Когда-то в Кокнесе правил богатый властитель. Похвально он верностью своих слуг, которую щедро оплачивал. Однажды на пиру, когда он снова принялся бахвалиться, какой-то швед заметил: „Купленная верность не многого стоит!“ Правитель высмеял шведа и предложил ему доказать правоту своих слов. Тот вызвался завоевать Кокнесский замок, который в ту пору считался неприступным. Швед набрал войско и осадил его. С замкового вала всячески высмеивали осаждавших. Тогда швед приблизился, вынул из кармана тяжёлую золотую цепь и сказал: „Эту цепь получит тот, кто ночью отпрёт ворота. Кроме того, я обещаю возвысить этого человека над собою и над всем моим войском“. Не проронив больше ни слова, он ушёл. Настала ночь. Владелец замка, полагаясь на своих людей, спокойно лёг спать. Около полуночи один из сторожей тихо приоткрыл ворота. Осаждавшие вошли в замок и разграбили его. Правителя и*

его слуг, которые спокойно спали, шведы не тронули. Когда замок был начисто ограблен и все богатства вынесены, швед подозвал слугу, отворившего ворота, петлёй накинул ему на шею золотую цепь и сказал: „Цепь ты уже получил, теперь я возвышу тебя“. Сказав это, он повесил предателя на одном из столбов. Потом швед написал на листе бумаги: „Этот человек отпер ворота замка, чем заслужил золотую цепь и положение надо мною и моими воинами“. Лист бумаги он прикрепил к столбу рядом с повешенным и удалился. Утром владелец замка, потрясённый случившимся, и боясь ещё большего позора, бросился с замкового вала в реку Персе». Если сделать поправку на некоторые детали и то, что со временем немецкий крестоносец превратился в «шведа», то картина становится предельно ясна. Не обошлось, как видно, без подкупленного мерзавца, который и впустил кнехтов в крепость. Хочется, однако, верить, что старинная легенда доносит до нас реальное положение вещей, и рыцарь Даниил действительно повесил негодяя на замковых воротах, «возвысив его» над всеми.

Можно представить ту бездну отчаяния и позора, которую ощущал в душе молодой гордый Вячко. Преданный и ограбленный, он был отправлен в Ригу. Епископ Альберт лицемерно «возмутился» и через несколько месяцев (!) отпустил пленника. Весной 1208 года он вернулся в свой разорённый замок, сопровождаемый двумя десятками рыцарей. Их разместили в крепости. То, что случилось потом, немецкий хронист возмущённо именует «изменой» и «вероломством». Дождавшись удобного случая, воины Вячко безжалостно вырезали тевтонов, бросив тела убитых в Даугаву. Не дождавшись помощи из Полоцка, князь Вячко поджёг свой замок и ушёл на Русь.

Не было с тех пор у тевтонов врага злее, чем князь Вячеслав Борисович. Лишившись родовых владений, став изгнанником, Вячко мстил последовательно и жестоко. Историк Карамзин пишет: «...чтобы удержать за Россией Дерпт [Юрьев] они [новгородские князья] уступили сей город одному из владетелей кривских, мужественному Вячку, который начальствовал прежде в Двинском замке Кукеносе. Имея у себя не более 200 воинов, он утверждал своё господство в Северной Ливонии - брал дань с жителей, строго наказывал ослушников и беспрепятственно тревожил немцев». Ещё один источник - «Жития русских святых» монахини Таисии повествует: «В начале 13 века город Юрьев, воздвигнутый великим князем Ярославом Мудрым на реке Омовже [р.Эмайги] на запад от Пскова, был взят немецкими рыцарями-меченосцами. Князь же юрьевский, Вячко, видя гибель своего города, бросился с конём с городской стены прямо в пламень, объявший город - и погиб». Это случилось в 1224 году.

Предстояние, худ. Ю.Ракша.

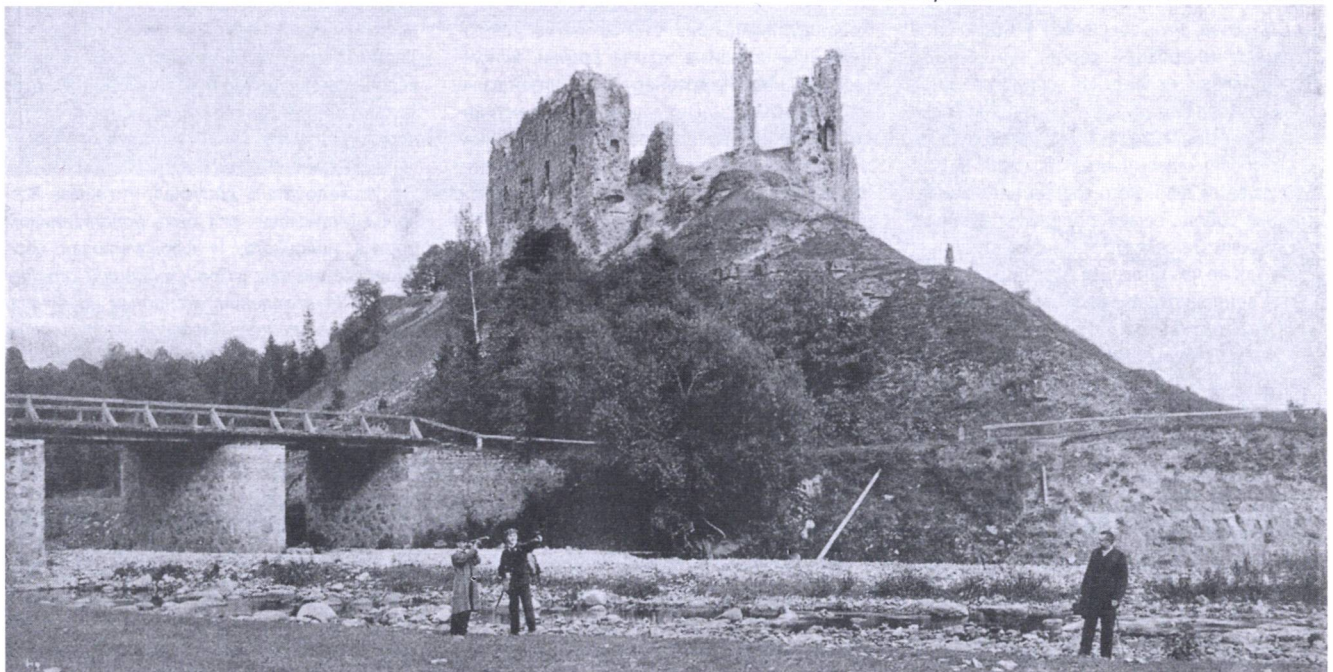
Ангел. Вторая половина XII века.

Кокнесский замок сегодня.

В 60-е гг. XX века его окрестности были затоплены водохранилищем Плявиньской ГЭС.

Кокнесе. Развалины орденского замка, выстроенного на месте крепости Вячко. Фото начала XX века.

Всеволод Мстиславич

(конец XII - начало XIII вв.)

ПРАВИТЕЛЬ ДРЕВНЕЙ ЕРСИКИ

История древнейшего на территории Латвии города и княжества Ерсика (Герцике) восходит к X столетию, если не к более раннему периоду. Легендарное и ныне почти забытое древнерусское княжество на Двине являлось уделом Полоцка. Обширна была его территория, к которой относились земли на левом берегу Даугавы, дюжина замков с прилегающими к ним деревнями. Большая часть этих малых крепостей принадлежала русским «мужам» - дружинникам, о которых говорится не только в хрониках, но и в исторических актах. Они платили подати князю Ерсика, оказывали ему помощь на войне. Кроме Генриха Латвийского, Герцике (Герцикэ) упоминается у Германна фон Вартбергэ в Chron. Livoniae, у Дитлеба фон Альнпекэ в Рифмованной Хронике и во многих актах XIII-XIV вв. Позднейшие упоминания относятся к 1359 году.

Известно, что город Герцике был и велик, и богат. Во время своих грабительских набегов тевтоны не раз брали там множество ценной добычи. Город был населён не только русскими, но и латгальско-селским населением. Находился он на правом берегу Даугавы. С трёх сторон городище имело крутые склоны, а с напольной стороны было защищено дугообразным валом и деревянными стенами. Площадь укреплённого поселения составляла 7500 кв.м. За валами города находилась обширная неукреплённая часть. В начале XIII в. здесь стояли две православные церкви.

Само название *Герцикэ* сближается со старославянским *град*, польским *grad*, русским *город*. В качестве аналогии можно вспомнить *Городище* - наименование рюрикова замка близ Новгорода, на правом берегу Волхова, называвшегося у норманнов *Holmgardr* (островной город) или *Gardar*, с чем близко исландское прилагательное *gerzkr*, в более позднем написании *gerskr* - *русский*. Словом *Gerseke*, как и словом *Городище*, обозначалась часть Новгорода. Вывод в отношении двинского города напрашивается сам собою: если Городище на Волхове по-немецки *Gerseke*, то и *Gerrike* на Двине, вероятно, не что иное, как Городище. Викинги X-XI вв. прекрасно знали Двину (Дупа), в сагах упоминают они и Полоцк (*Paltskja*) и Смоленск (*Smaland*). Знали они и русское поселение на Двине (Даугаве). Скорее всего, оно было первым на пути вверх по реке, ставшее им известным, как русское. Именно поэтому и было дано ему название с эпитетом *gerskr*. Исходя из норманнского происхождения названия Герцике, можно судить и о древности города. Уже около 990 г. на нижней Двине было много укреплённых мест (Кожнесе, Герцике и другие). Все они были укреплены русскими для обеспечения плавания по Двинскому торговому пути.

В начале XIII века правил в Ерсике князь Всеволод, которого латышские историки любят называть «Висвалдисом». Но даже если, отрицая русское происхождение этого правителя, признать его православным латгалом, несомненно то, что он к тому времени полностью обрусел, а подданные его представляли собой многоязыкое и многоплеменное сообщество. Князь был женат на дочери знатного литвина Даугерута. На этом основании некоторые делают вывод, что правитель Ерсика находился во враждебных отношениях с Полоцком, поскольку состоял в родственной связи со злейшими врагами полочан, литвинами. Однако средневековая история знает немало случаев, когда правители заключали династические браки, и это не мешало им в дальнейшем воевать друг с другом. Зять напал на тестя, дядя на племянника, а брат мог резаться с братом. Всеволод пытался вести тонкую политику и, сохраняя вассальные отношения с Полоцком, налаживал дружбу с опасными соседями-литвинами, что в его обстоятельствах было весьма разумным шагом.

По словам Генриха Латвийского, князь был ожесточённым врагом латинян (т.е. католиков) и постоянно враждовал с немцами. Осенью 1209 года епископ двинул свои силы на владения Всеволода. Войско тевтонов ворвалось в город и, как пишет хронист: «...собрало по всем его углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра...». В числе пленных оказалась и княжеская семья. Разграбив Ерсик и забрав в плен жителей, «благочестивые пилигримы» сожгли город дотла. Показательно, что ставя перед собой святую цель распространить среди язычников веру Христову, немцы без тени сомнения разграбили православные храмы Ерсика. Вспомним, что никто из древнерусских князей даже не пытался насильно навязывать христианство местному населению. У тевтонов такой подход вызывал презрительное недоумение. Как заявил один из епископов: «Кто не желает креститься, тот должен умереть».

После разгрома, чтобы спасти семью, Всеволод был вынужден признать своё подчинённое положение от епископа Альберта. Историк Карамзин в одном из примечаний о нём в соответствующем месте «Истории Государства Российского» приводит свидетельство немецкого источника. Клянясь епископу Альберту в верности, Всеволод называет его «пачка», что немецкий источник, а вслед за ним и Карамзин расшифровывают как «батюшка» (следовательно, Всеволод говорил по-русски!).

В 1212 году в Ерсике прошла встреча полоцкого князя Владимира и епископа, при участии вождей латгалов и ливов. Тогда и состоялась окончательная передача ливских

земель Альберту, в обмен на его помощь в отражении литовских набегов.

В отношении судьбы Всеволода сведения скудны и противоречивы. Казалось бы, след утерян, тем более, что масса родовых архивов дворянских семей России безвозвратно сгинула в огне Гражданской и Мировых войн. Но, к счастью, нашёлся историк, который ещё в предреволюционные годы провёл колоссальную исследовательскую работу, буквально по крупицам разматывая генеалогические клубки и сверяя родовые предания, восстанавливал историческую правду. Его звали Михаил Александрович Таубе.

К сожалению, эмиграция вычеркнула имя этого выдающегося учёного из анналов советской исторической науки. Он и его исследования оказались под запретом. Любопытно, что и сегодня открытия М.Таубе не приветствуются в современной Латвии.

Основываясь на своих кропотливых научных изысканиях, Таубе сделал однозначный вывод, что правитель Ерсика, упоминаемый в Хронике Генриха Латвийского, есть никто иной, как Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Романовича смоленского. Учёный доказал, что после 1215 г. Всеволод, «князь Герцике», на целых 10 лет, до августа 1225 года исчезает из поля зрения автора Хроники. В это же время в Пскове появляется князь Всеволод Мстиславич, участвовавший в дальнейшем в двух походах на Ливонию, а также в Липицкой битве 1216 г. После изгнания его новгородцами в 1221 году Всеволод Мстиславич упомянут в перечислении князей, бывших при Калке. Потом он в 1224 г. появляется на съезде князей в Киеве, а затем исчезает из русских летописей как раз к тому времени, когда в Хронике Генриха вновь появляется описание деятельности «князя Герцике» в Ливонии! Таким образом, один из авторитетнейших в Европе специалистов по генеалогии, Михаил Таубе, ещё в начале XX века однозначно отнюстил *Wissewalde*, «князя Герцике», к русским князьям древнего рода.

Исследователь допускал, что князь Всеволод Мстиславич мог быть родственником Бориса полоцкого, и формулировал своё определение так: «*Происходивший от Рюрика в 11 поколении, женатый на дочери литовского вожды, Всеволод Мстиславич, из рода князей смоленских, был около 1200 г. призван стать удельным князем великого княжества полоцкого (бывшего в то время под сильным влиянием Смоленска), может быть, как родственник великого князя полоцкого и, вероятно, как двойная гарантия против Смоленска и литовцев*». Последнее известие о нём относится к 1239 г., когда согласно Лаврентьевской летописи Всеволод Мстиславич стал смоленским князем. Когда и при каких обстоятельствах скончался последний правитель Ерсика, нам не известно...

Правитель Ерсика князь Всеволод передаёт свои владения епископу Альберту, 1209 год. Рисунок Ф.Майделя.

Русский князь, худ. О.Фёдоров.

Валы Ерсика со стороны реки.

Ерсика. Вид с крепостного вала на Даугаву.

Заморские гости,
худ. Н.Рерих.

А.И.Репнин

(1668-1726)

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ГУБЕРНАТОР РИГИ

Сын именитого боярина, князь Аникита Иванович Репнин родился 12 августа 1668 года. В 15 лет он начал службу и скоро вошёл в тесный круг лиц, пользовавшихся особым доверием молодого царя Петра. В 1685 году, при учреждении потешной роты, был пожалован её поручиком, а через два года - произведён в полуполковника. Он получил боевое крещение в 1695 году при осаде турецкой крепости Азов. В 1698 году, будучи в Москве, Репнин во многом содействовал быстрому усмирению внезапно вспыхнувшего стрелецкого бунта, своевременно успев занять Кремль своим сильным отрядом. В 1699 году ему поручено сформировать в Москве 9 солдатских полков, набор которых произведён был им лично. Эти новые полки, сведённые в дивизию, поступили под его команду. В 1700 году началась Великая Северная война, продолжавшаяся 21 год. Репнин выступил со своей дивизией под Нарву, осаждаемую Петром, но, узнав о поражении русских, повернул назад и спешно отошёл к р.Луге, где принял на себя отступавшие остатки армии и вместе с ними вернулся в Новгород, где занялся приведением в порядок расстроенных полков.

Весной 1701 года царь Пётр выслал в помощь союзнику Августу Саксонскому свой единственный резерв - корпус Репнина. Князь Аникита Иванович выступил из Пскова, ведя под Ригу, осаждаемую саксонцами, 18 солдатских и 1 стрелецкий пехотные полки. В июне он соединился с частями фельдмаршала Штейнау под Кокенгузеном (Кокнесе). О прибывших полках тот дал весьма любопытный отзыв: *«Сюда прибыли русские войска, числом около 20.000. Люди вообще хороши, не больше 50 человек придёт забраковать; у них хорошие мастрихтские и лютихские ружья, у некоторых полков шпаги вместо штыков. Они идут так хорошо, что нет на них ни одной жалобы, работают прилежно и скоро, беспрекословно исполняют все приказания. Особенно похвально то, что при целом войске нет ни одной женщины и ни одной собаки; в военном совете московский генерал сильно жаловался и просил, чтобы женам саксонских мушкатеров запрещено было утром и вечером ходить в русский лагерь и продавать водку, потому что через это его люди приучаются к пьянству и разного рода дебоширству. Генерал Репнин человек лет сорока; в войне он не много смыслил, но он очень любит учиться и очень почтителен: полковники все немцы, старые, неспособные люди и остальные офицеры люди малоопытные».*

Часть своих солдат Репнин отправил на усиление саксонцев, строивших «траншаменты» у Риги; остальные были переведены за Двину в верстах в 10 от Риги и образовали резерв саксонской армии. Далее, в сражении под Ригой на полях Спилве, 9 июля 1701 года Карл XII наголову разбил саксонцев. При-

ближение победоносных шведов заставило Репнина отвести свои войска на соединение с Б.П.Шереметевым.

В дальнейшем он принимал участие во многих баталиях Северной войны, не всегда, впрочем, заканчивавшихся для него благоприятно. В 1708 году, побеждённый шведами при Головчине, генерал был разжалован в солдаты. Но опала его длилась недолго. Уже в бою при Лесной ему было доверено командование драгунским полком, и он, «показав дело своё мужественно, старый ранг свой достал». В октябре того же года ему возвращено командование дивизией. Во главе своих пехотных полков Репнин принимал участие в Полтавской баталии и 7 августа 1709 года был пожалован «Ридер-бантом» Св.Андрея Первозванного. После Полтавы дивизия Репнина вошла в состав армии Шереметева, отправленного Петром под Ригу.

Действия против Риги, к открытию которых (9 ноября) прибыл сам Пётр, в том году ограничились лишь бомбардировкой. Сила шведского гарнизона, обильно снабжённого артиллерийскими и иными припасами, и позднее время года вынудили русских отказаться от ускоренной атаки и перейти к блокаде.

Основные силы отошли в Курляндию на зимние квартиры. Оставлен был сменный - «для отдыха людей, а паче для зимнего времени» - отряд под общим начальством А.И.Репнина. Он простоял под городом всю зиму, препятствуя подвозу припасов и подерживая бомбардировку. В декабре, на половинном расстоянии между Ригой и Динамюнде, им построен был шанец для обстрела реки; на берегу поставлены две батареи. В марте 1710 года вернулся под Ригу Шереметев, и вскоре русские войска приступили к тесной блокаде города. В июле Рига капитулировала, и генерал Репнин первым вступил в город, сменив своими войсками шведские караулы.

По отъезде Шереметева, указом 23 июля назначенного в Польшу, главноначальствование в Риге перешло к Репнину. Помимо военно-административных задач, которые пришлось выполнить ему за это время (сбор контрибуции, подвоз провианта, отправка стругов к Витебску, сгонка леса по Двине, сбор и опись оружия, борьба с эпидемией, всё ещё свирепствовавшей в войсках), он в качестве генерал-губернатора ведал и гражданским управлением Лифляндии.

В феврале 1711 г. дивизия Репнина выступила из Риги в Прутский поход. В дальнейшем генерал воевал в Померании, принимал участие в осаде Штеттина и взятии Фридрихштадтских укреплений. В 1715 г. он защищал побережье Курляндии.

В марте 1719 года Репнин возвращается в Ригу, где сменив на посту князя П.А.Голицына, вновь становится генерал-губернатором. Ему удалось успешно справиться с нелёгким де-

лом управления страной, недавно отвоёванной у Швеции. Благодаря положенной им в основу своего управления «правде - сильнейшей подпоре удовольствия» Репнин установил самые добрые отношения между войсками и жителями и сумел сгладить существовавшие до него трения. Оценив его деятельность, Пётр постепенно расширил полномочия Лифляндского генерал-губернатора. Указом 24 февраля 1720 г. в ведение Репнина были переданы все дела, «которые к охранению города Риги принадлежат, т. е. в строении и починке фортеции, в содержании гарнизона, артиллерии, оружейных дворов, амуниции и магазинов, служителей и фортификации, а также городской пехоты». Несколько позже ему был передан также контроль за городскими доходами и расходами и наблюдение за избранием выборных должностных лиц. Немало трудов положил Аникита Иванович на развитие Рижской торговли, активно способствовал оборудованию многочисленного торгового флота. Он заложил с этой целью верфь в Риге.

20 января 1724 года Репнин был назначен президентом Военной Коллегии на место А.Д.Меншикова, удалённого Петром от дел. Репнин принял самое деятельное участие в борьбе придворных партий, особенно обострившейся в это время ввиду резкого ухудшения здоровья царя, ставившего на очередь вопрос о престолонаследии. Вместе с Голицыным, Долгорукиком и одним из Апраксиных Аникита Иванович стоял за объявление наследником сына царевича Алексея (внука Петра I). Меншиков, Толстой и адмирал Апраксин настаивали на провозглашении Императрицей самой Екатерины. Имея меньше сторонников при Дворе, чем партия Голицыных, Меншиков был силён поддержкой гвардии, «решение которой служило законом». Сознывая неравенство борьбы при этих условиях и считая выгодным для себя ослабление сильного влияния Голицыных, Репнин после кончины Петра Великого решительный момент перешёл на сторону Меншикова. Его пример увлёк остальных - и провозглашение Екатерины Императрицей свершилось. Поступок Репнина было оценён по достоинству. Он был осыпан наградами и произведён в генерал-фельдмаршалы с оставлением в должности президента Военной Коллегии и Лифляндского генерал-губернатора. Но возвышение Репнина не входило в расчёты Меншикова, получившего по волешии на престол Екатерины решающий голос при Дворе. Ему удалось добиться указа об отъезде Репнина в Ригу для осмотра артиллерии, амуниции, пополнения запасов и постройки нового ретраншемента на берегу Двины. Из этой поездки он уже не вернулся. Старые хвори обострились, и 3 июля 1726 года Аникиты Ивановича не стало. Он был погребён в Риге, в православной Алексеевской церкви.

Сержант и фузилер лейб-гвардии Преображенского полка времён Северной войны. Литография XIX в.

Храм Св.Алексия, Человека Божия, в Риге (ныне католическая церковь Марии-Магдалины). Рис. И.Х.Броце, 1780 г.

Пётр I в Риге, рис. В.Валдманя.

Я.П.Кульнев

(1763-1812)

ГЕНЕРАЛ-РЫЦАРЬ

Яков Петрович Кульнев родился 6 августа 1763 года в семье городничего города Люцин, ныне Лудза. Отец его, Пётр Васильевич, участвовал в Семилетней войне России с Пруссией в составе полка, которым командовал А.В.Суворов. Впоследствии великий полководец стал другом семьи и кумиром подрастающих сыновей.

Детские годы он провёл в усадьбе отца, построившего дом у озера, откуда открывался величественный вид на руины орденового замка. Детство в лудзенской усадьбе сыграло важную роль в формировании характера будущего генерала-гусара Кульнева. Из обширного сада были видны грозные стены Люцинской орденовой крепости. Вокруг витал дух рыцарства и средневековья. Сказания и древние легенды в семье Кульневых передавались из уст в уста. Мать считала себя наследницей прусских рыцарей и могла в романтической манере долго рассказывать сыновьям о тех временах. Важно отметить, что юный Кульнев рос в семье с разными вероисповеданиями, что воспитало в нём толерантность, которая так подкупала финнов и шведов во время русско-шведской войны 1808-1809 гг.

По рекомендации А.В.Суворова юный Яков Кульнев вместе с братом воспитывался в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. Из стен корпуса он был выпущен в чине поручика, а погибнуть ему было суждено в звании гусарского генерал-майора. Всего за 27 лет беспорочной воинской службы Яков Петрович участвовал в шести войнах и 55 сражениях.

Его имя прогремело во время наполеоновских кампаний 1806 и 1807 годов. Во главе эскадрона Гродненского гусарского полка Кульнев одержал несколько блестящих побед. В ходе Фридландского сражения его отряд, увлекшись атакой, попал в окружение. Командир вздыбил коня и бросился в прорыв, увлекая за собой однополчан. Ему удалось вывести своих людей. Настоящая же слава пришла к Кульневу во время следующей военной кампании - войны России со Швецией, проходившей на территории Финляндии. Здесь Кульнев, возглавляя авангард корпуса, дважды прошёл с боями всю Финляндию с юга на север. За решающий вклад в победу в сражениях при Сальми, Куортане и Оровайсе его наградили орденом Св. Георгия 3-й степени.

На этой войне Кульнев выработал свою особую манеру поведения с гражданским населением. Всегда быть приветливым с местными жителями, делиться с ними фуражом и продуктами, проявлять гуманность к пленным. Он стремился быть до такой степени справедливым и корректным с противником, что просил своих гусаров не убивать молодых непомерно горячившихся шведских офицеров. Этим он поражал противника и завоёвывал любовь у местного населения, слагавшего о нём легенды.

Эта популярность отчасти сохранилась и сегодня, поскольку каждый финский и шведский школьник знакомится в школе со строками посвящённой Кульневу поэмы классика шведской и финской литературы Иоганна Людвиг Рунеберга:

*На нас рука его неслась
Беду и смерть, и ужас боя.
Но честь его и нам мила,
Как честь родного нам героя.*

Гуманизм Кульнева оценил и российский самодержец. Когда Кульнев со своим авангардом, проявляя чудеса храбрости и находчивости, осуществил фантастический по трудности переход через Аландские острова к берегам Швеции, Александр I вручил ему орден Св. Анны 1-й степени и произнес: «Благодарю Тебя, Кульнев, не только за службу, но и за то, что Ты сделал для населения».

В 1810-1811 гг. Яков Петрович во главе Белорусского гусарского полка отправился на войну с Турцией. Здесь, командуя армейским авангардом, Кульнев отличился в боях под Шумлюю, за что был награжден арендой на 12 лет по 1000 рублей, которую тотчас отдал в приданое дочери своего брата. За Батинское сражение он был удостоен золотой сабли с алмазами, потом участвовал во взятии Никополя и блокаде крепости Рущук. После одного из неудачных боёв генерал-гусар вступил в спор с главнокомандующим Каменским и был вынужден покинуть действующую армию. С 1811 года Кульнев вновь командовал Гродненским гусарским полком.

Когда грянула гроза 1812 года, Кульнев возглавил пятитысячный кавалерийский отряд в составе корпуса Витгенштейна. Успешные действия кульневского авангарда позволили на

8 часов остановить продвижение наполеоновского маршала Удино, что дало возможность Витгенштейну без потерь отойти к Динабургу (Даугавпилсу). Это была первая победа российского оружия в той войне.

В течение месяца Кульнев одержит ещё три победы и погибнет в Клястицком сражении 20 июля (1 августа) 1812 года. Прорываясь к основным силам под сильным артиллерийским огнём, Яков Петрович замыкал отступление своего отряда. В этот момент его настигло неприятельское ядро, оторвавшее ему обе ноги выше колен. Умирая, он ещё успел произнести: «Друзья, не уступайте врагу ни шагу родной земли. Победа нас ожидает!» Узнав о его гибели, Наполеон напишет в Париж: «Вчера погиб лучший генерал русской кавалерии - Кульнев».

Чеканную характеристику генерала-рыцаря оставил Василий Андреевич Жуковский, воспевавший Кульнева в стихотворении «Певец во стане русских воинов», написанном по горячим следам героических событий:

*Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал - главу на щит склонил
И стиснул меч во длани.
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила...
Где колыбель его была,
Там днесь его могила.*

Кульнев погиб в сотне вёрст от родной Лудзы, недалеко от белорусской деревни Боярщина. Его прах покоится в семейной церкви Кульневых в местечке Илзескалнс, неподалёку от Резекне.

В сущности, нет ничего вреднее и даже более - никто не может быть так жесток, как вредны и жестоки по результатам своих действий сентиментальные люди. Человек, любящий своих ближних, человек, ненавидящий войну, - должен добить врага, чтобы вслед за одной войной не началась другая.

А.В.Суворов

Ежели я паду от меча неприятельского, то паду славно. Я почитаю счастьем пожертвовать последнюю каплю крови моей, защищая Отечество.

Я.П.Кульнев

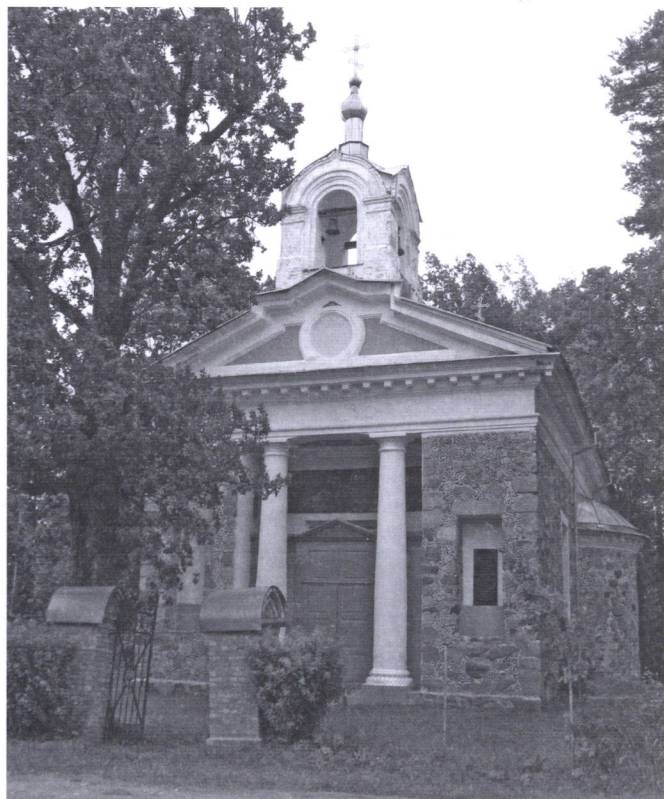
Атака у Клястиц 20 июля 1812 г.

Усадьба Кульневых в Лудзе.

Могила Я.П.Кульнева.

Илзескалнс. Храм-усыпальница во имя Скорбящей Божией Матери (1833).

Ю.Ф.Самарин

(1819-1876)

СЛАВЯНОФИЛ, ПИСАТЕЛЬ, ПАТРИОТ

Юрий Фёдорович Самарин - известный славянофил, первый русский политический писатель, предопределивший политику России в отношении Прибалтийских губерний, знаток крестьянского вопроса в Лифляндии, участник редакционных комиссий по подготовке крестьянской реформы 1861 года.

Потомок старинного дворянского рода, родился 21 апреля (по старому стилю) 1819 года. На крестинах восприемником от купели был сам император Александр I.

16-летним юношей Самарин поступил в Московский университет, где проучился три года на словесном отделении. Сдав по окончании курса магистерский экзамен, Юрий Фёдорович несколько лет посвятил написанию диссертации об известных деятелях православия петровской поры Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче. Успешно защитил её в первых числах июня 1844 года. Вскоре поступает на службу в Министерство юстиции, служит в Сенате, а с июля 1846 г. он два года пребывает в Риге в составе ревизионной комиссии Министерства внутренних дел по устройству быта крестьян Лифляндской губернии.

Из письма А.Н.Попову: *«Вот я и в Риге, в сквернейшем трактире, и обдаёт меня со всех сторон немецким духом. Трудно поверить, что находишься в России (...)* Скутchenко в Риге! Город не представляет решительно никаких общественных ресурсов». В Лифляндии Самарин много работает. Блестящее знание языков помогает ему при изучении богатейших архивов. Из письма к Попову: *«Попадались и любопытные вещи для русской истории, между прочим, свидетельства немецких историков о мирном распространении православной веры в Лифляндии до прибытия немцев».* Составление служебных записок увлекло Самарина необходимостью сбора архивных документов по истории Ливонии. И если усилия в служебных начинаниях не принесли ему реального успеха, то оказались плодотворными для написания исторического труда «История Риги» и знаменитого памфлета «Письма из Риги». Все решения и пожелания министерской комиссии по возвращении в Петербург оказались заблокированными т.н. Остзейским комитетом - высокородными потомками немецкого рыцарства. Два года жизни в Риге стали роковыми в дальнейшей судьбе Самарина. Балтийский опыт окончательно сформировал политические пристрастия Юрия Фёдоровича. Мысли о крае, резкие и даже едкие, Самарин выразил не только в частной переписке, «уверовав в глубокую и систематическую вражду немцев к русским и России».

Возвратившись в Петербург, он давал друзьям читать свою рукопись, названную «Письма из Риги». Это закончилось для него краткосрочным заточением в Петропавловской крепости и личной встречей в марте 1849 года с императором Николаем I.

Радикализм политических суждений Самарина на три десятилетия опережал реальные события, они стали своего рода пророчеством. Только в начале 80-х годов XIX столетия, после ревизии сенатора Манасеина, началось преодоление немецкого начала в жизни Лифляндской, Курляндской, Эстляндской губерний путём осуществления политики «приращения» Прибалтийского края к российскому законодательству, активное введение русского языка, к чему неустанно призывал Самарин.

В середине 1860-х годов он задумал написать серии книг под общим названием «Окраины России». Первую из них Юрий Фёдорович посвятил Русскому Балтийскому Поморию, т.е. Прибалтийским губерниям. Первый том из серии, посвящённый осмыслению самых разнообразных проблем Лифляндской губернии (положение православия и православных латышей, крестьянский вопрос, общественное и финансовое управление и др.), был напечатан по соображениям безопасности в Праге в 1868 году.

Появление этого тома вызвало скандал. Самарину, как и двадцать лет назад, пришлось объясняться с царем. Его Императорское Величество Александр II был крайне возмущён пражской публикацией. Это обстоятельство внушило Самарину мысль «повергнуть оправдание непосредственно к стопам» царя. Он пишет письмо, в котором утверждалось, что книги его от «первой строки до последней, посвящены защите государственных интересов России, против неумеренных и постоянно возрастающих притязаний Остзейского провинциализма». Особые права и привилегии следует ликвидировать: Лифляндская, Курляндская, Эстляндская губернии должны жить в соответствии общероссийским законам: законодательная и экономическая основа православной церкви должна быть взята под неусыпный контроль правительства; государство должно следить за положением местного крестьянства; русский язык должен быть введен в делопроизводство губернских канцелярий. Если правительство не смеет завершить то, что Пётр I оставил незавершённым - довести до логического конца факт присоединения балтийского края к Российской империи, то свою позицию Самарин обещал царю отстаивать всеми возможными средствами. Впрочем, реакция правительства, хоть и не столь явная, но

всё-таки была - в Третьем отделении царской охранки завели папку под названием «Дело о Самарине, издавшем за границей книгу „Окраины России“».

Всего вышло шесть книг Балтийской серии. В последнем томе, увидевшем свет в 1876 году, Юрий Фёдорович вновь проявил себя как блестящий знаток крестьянского вопроса, истории крестьянского законодательства Лифляндской губернии.

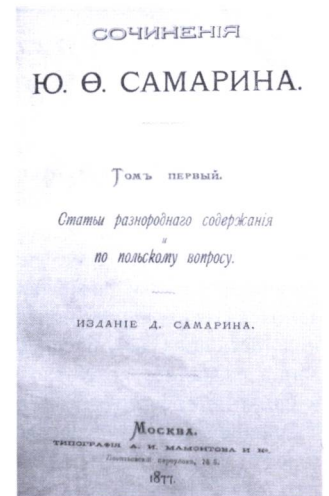
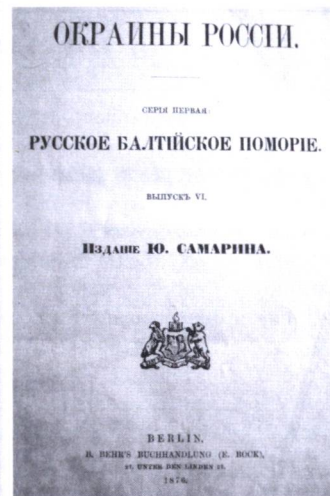
Когда последний том уже лежал в берлинской типографии, Самарина не стало. Ошеломляющей была его внезапная смерть - незначительный порез пальца вызвал гангрену. Он умер в Берлине 19 марта 1876 года. Неожиданность кончины усугубили обстоятельства, потрясшие его единомышленников. А.И.Кошелев свидетельствует: *«Грустно было для нас лишиться такого прекрасного человека и такого полезного и даровитого деятеля; но трагичность его кончины нас особенно поразила. Имея огромную семью - мать, братьев, сестру, и состоя в дружбе и приязни с весьма многими, он умирает в полном одиночестве, посреди людей чужих; сердечно и глубоко любя Россию и её народ, он оканчивает жизнь на чужбине; воевавши постоянно и горячо против немцев, он в последние свои дни и часы окружён только немцами; известный не только в России, но и в Европе, он умирает в немецком Krankenhaus'e под чужим именем; наконец, православный христианин и ревностный поборник православия, он не имеет утешения веры при последних страданиях (священник приезжает, но находит его уже в беспомощности), и церковь православная при русском посольстве не впускает к себе тело усопшего, и он отпевается в протестантской церкви! Это ужасно!»*

Скупой лютеранский обряд в скромной кирхе, тихая молитва безвестного пастора примирили Юрия Фёдоровича с немцами. Самарин был независим, свободен, горд и одинок. Как он жил, так он и умер.

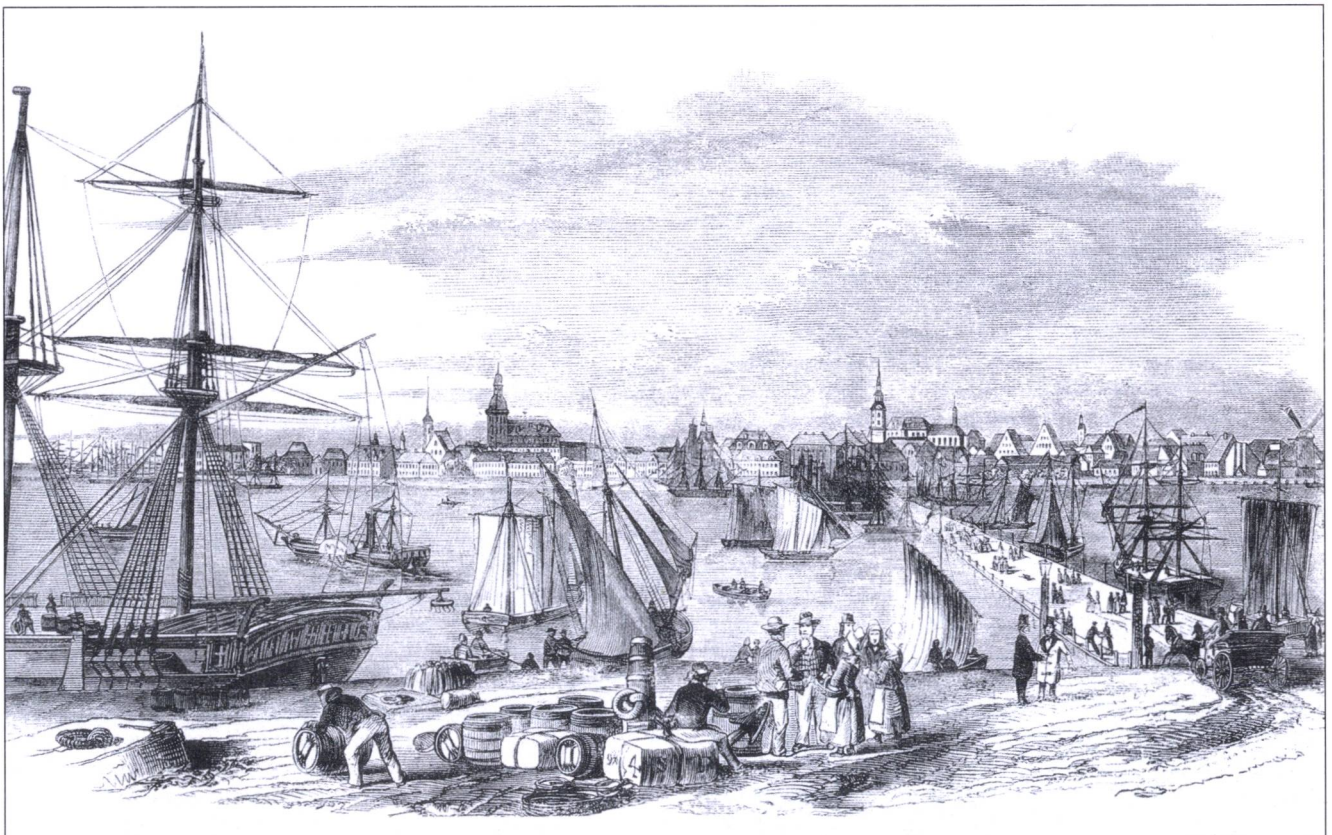
Вскоре после кончины Самарина его родственниками была передана в ведение Рижского Православного Петро-Павловского братства крупная сумма денег. Проценты с Самаринского капитала, по завещанию усопшего, предназначались для поддержки образования исключительно православных латышей не только в городах, но и в сельских районах. В 1910 году в Риге было создано общество имени Ю.Ф.Самарина. В 1923 году, в знак признания его заслуг, одну из улиц Московского форштадта латвийской столицы переименовали в честь русского славянофила - Юрия Самарина (ныне - ул.Ломоносова).

Ю. Ф. Самарин

*Вечер накануне Иванова дня в Риге.
Литография 1842 г.*

Панорама Риги со стороны Задвинья. Литография второй половины XIX века.

А.А.Суворов

(1804-1882)

СЛУГА ПРЕСТОЛА, АДМИНИСТРАТОР, ЛИБЕРАЛ...

Князь Итальянский, граф Рымникский Александр Аркадьевич Суворов родился в имении своего великого деда, селе Кончанском Новгородской губернии. Когда мальчику исполнилось семь, отец, генерал-лейтенант, трагически погиб при спасении человека на переправе через реку Рымник. Мать дала сыну блестящее образование сначала в иезуитском пансионе в Санкт-Петербурге, затем в институте Фелленберга и прославленном Геттингенском университете в Германии. В 20 лет Александр Суворов-младший вернулся в Россию, чтобы посвятить себя военной карьере.

После подавления восстания декабристов 1825 года Суворова, как и многих, арестовали. Читая списки заговорщиков, Николай I произнёс: «Я не верю, чтоб внуки великого человека могли быть изменниками» и вычеркнул Александра из списка. После чего корнета Суворова направили служить на Кавказ, где шла война с горцами.

На Кавказе А.Суворова за храбрость произвели в поручики, наградили орденом и золотой шпагой. В 1828-м он был назначен флигель-адъютантом при императоре и сопровождал того в действующую армию во время Русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

В 1831 году при подавлении польского восстания он участвует в штурме Варшавы и, посланный парламентаром, лично принимает капитуляцию. Его же посылают с известием о победе в Санкт-Петербург.

В 1839 году Суворов-внук назначается командиром легендарного Фангорийского гренадерского полка, прославленного победами под началом Суворова-деда.

В 1847-1848 гг. генерал-адъютант Суворов получает первый опыт административной работы губернатором Костромы. 1 января 1848 года он был назначен генерал-губернатором Лифляндской, Эстляндской, Курляндской губерний и военным губернатором Риги. Назначение совпало со вспышкой эпидемии холеры в Риге и Митаве (ныне Елгава). Генерал-губернатор лично обходил временные госпитали и, по воспоминаниям современников, находил нужные слова не только для образованных страждущих, но и для простонародья.

Сложнее было найти общий язык с господствующей немецкой элитой. Русского интеллигентного общества в крае

тогда не было. Немцы доминировали в культуре и экономике. В генерал-губернаторской администрации в Рижском замке на несколько сотен чиновников приходилось всего восемь православных. Путём компромиссов и уговоров Суворов научился договариваться с немецкими баронами и городскими бюргерами. Он прослыл лоббистом их интересов, не превращаясь при этом в немецкую марионетку. Об этом свидетельствует поддержка, оказанная могущественным губернатором будущим младолатышам: двум Кришьянам - Валдемару и Барону.

По настоянию Суворова Барон получил стипендию для учёбы в прославленной Митавской гимназии. Губернатор лично представил Валдемара министру внутренних дел Валуеву, с чего началась его блестящая карьера устроителя морских дел Российской империи.

Непросто складывались отношения губернатора с местными русскими верующими - православными и старообрядцами. Последние до сих пор считают период его правления одним из тяжелейших для своей общины. Хозяину края приходилось учитывать агрессивное неприятие немцами перехода в «царскую веру» латышских и эстонских крестьян.

Но вместе с тем не без влияния Суворова в 1850 году Николай I утвердил преобразование Рижского викариата в самостоятельную православную епархию со 109 храмами и двумя монастырями. Тогда же на базе рижского духовного училища открыли духовную семинарию с усиленным преподаванием латышского и эстонского языка. Шло строительство и благоустройство православных храмов. Именно при Суворове началось создание сети школ с преподаванием на русском, а также латышском и эстонском языке.

Во всех своих начинаниях Суворов-администратор избегал прямой конфронтации и старался согласовать интересы сторон. Даже самые суровые критики вынуждены признать вклад Суворова в торгово-промышленное развитие края и превращение Риги в динамичный европейский город. При губернаторской поддержке начали строить железную дорогу Рига - Динабург (ныне Даугавпилс) - первую в Прибалтике. Разросшаяся железнодорожная сеть превратила край в важнейший транзитный регион из центра России в Западную Европу. Именно Суворов иници-

ровал строительство уникальной базы по перевалке товара, выходящей прямо на набережную Двины - квартала Красных амбаров.

А.А.Суворов сумел убедить императора Александра II в необходимости сноса обветшавших укреплений Рижской крепости. По его распоряжению их место занимают парки и широкие каменные мосты, соединяющие Старый город с бурно строящимися предместьями. Обустраиваются великолепные бульвары, один из которых позже назовут именем Суворова (ныне ул. Кр.Барона). При содействии губернатора закладывается грандиозное здание городского театра - нынешняя Национальная опера... Трудно перечислить всё, что дал латвийской столице склонный к компромиссам генерал-губернатор.

В апреле 1861 года царь Александр II назначил Суворова членом Государственного совета, а уже в октябре - военным генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Относительно либеральный стиль управления Суворова способствовал его популярности среди населения Петербурга, особенно студенческой молодежи, и одновременно восстановил против него консерваторов, в том числе представителей высшей императорской администрации.

Последней каплей, приведшей к уходу Суворова с губернаторского поста, стало покушение на царя студента Каракозова в апреле 1866 года. Во избежание обид седовласого князя и нежелательного общественного резонанса наверху решили просто - упразднить столичное генерал-губернаторство как таковое. Суворова перевели на почётную и необременительную должность генерал-инспектора пехоты, при какой он оставался до самой смерти.

В последний период жизни он занимался общественной деятельностью. Возглавлял Вольное экономическое общество и попечительский совет заведений общественного призрения, был почётным членом Демидовского дома трудящихся и Академии наук, действительным членом Императорского человеколюбивого общества, председателем российского общества покровительства животных и других организаций. Был избран почётным гражданином четырёх российских городов (но не Риги) и почётным мировым судьей. Похоронили А.А.Суворова в Троице-Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом.

Колонна Победы в Отечественной войне 1812 года, фото начала XX века.

Рига. Суворовская улица, вид через перекрёсток бульв. Наследника в направлении Елизаветинской улицы, фото начала XX века.

Рижский замок – резиденция генерал-губернатора Прибалтийского края, фото начала XX века.

Рига. Вид с Суворовского моста в направлении Театрального бульвара. Напротив – здание Главного Почтамта и Телеграфа, фото начала XX века.

Начало срытия рижских валов 15 XI 1857 г.

Е.В.Чешихин

(1824-1888)

СОЗДАТЕЛЬ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ В РИГЕ

Евграф Васильевич Чешихин - издатель, редактор «Рижского вестника», основатель Русского литературного кружка, многолетний председатель Православного Петро-Павловского братства. Родился 6 декабря 1824 года в Оренбурге, в семье военного аудитора (чиновничья должность при штабе). Детские годы прошли в Динабурге, куда переведён был его отец. В 1843 году он окончил гимназию и поступил на 2-е отделение философского факультета Московского университета. Близко сошёлся со славянофилами, познакомился с братьями Аксаковыми, с А.С.Хомяковым, Ю.Ф.Самариным, что оказало в дальнейшем сильное влияние на его убеждения и взгляды. По окончании университета служил в должности бухгалтера в Замосце (царство Польское), откуда в 1862 г. перевёлся в столицу Остзейского края - в Ригу. Оживление экономической, культурной и общественной жизни русского населения было воодушевлено широким празднованием в 1862 году 1000-летия российской государственности. Несмотря на то, что уже долгие годы Прибалтика входила в состав Российской империи, русское влияние почти не сказывалось здесь. Балтийские немцы (остзейцы) крепко держались за свои права и привилегии, всеми силами стремясь не допустить всестороннего слияния с Россией. Немецкий язык по-прежнему доминировал в общественной, экономической и политической жизни Риги. Такое положение не могло удовлетворять славянофила Чешихина, который задался целью создать то, чего Рига не имела, но в чём явно, по его мнению, нуждалась - местную русскую газету.

С 1 января 1869 года началась история «Рижского вестника». Е.В.Чешихин стал первым профессиональным русским публицистом, заложившим традиции и идейные основы русской прессы Лифляндской губернии. Он приобрёл за 200 рублей крошечную типографию. Его поддерживал купец Евтихий Яковлевич Осипов, который в первые годы существования газеты покрывал все убытки из своих средств.

По воспоминаниям современников, редакция размещалась «в каменном доме грязного, средневекового облика» на углу ул.Грешной и Водопроводного переулка (Грециниеку и Уденсваду), во дворе. Вход был с переулка, в котором с трудом разъезжались две телеги. В комнате редактора было мало света и много грязи, из окон дуло, с потолка текло. Ничего не замечая, Чешихин работал в таком помещении около десяти лет.

Материальное положение было тяжёлым. Держались исключительно на средства жертвователей.

В 60-е годы XIX столетия в городе уже действовали Рижское Николаевское русское купеческое вспомогательное общество (аналогичное общество было создано и для приказчиков), Русский банк, Певческие общества «Баян» и «Лад», Русско-латышская типография, Русская общественная библиотека, Акционерное общество «Улей» и Русский клуб, Русское благотворительное общество, Третье Рижское общество Взаимного кредита, Русская Ремесленная артель, Православное Петро-Павловское братство. Начали работу мужская Александровская и женская Ломоносовская русские гимназии. Тем не менее лозунг, под которыми писались статьи Чешихина - «Один Бог, один Государь, одно Отечество, один язык» - не привлёк внимание русских обывателей, а, скорее, возбудил у них боязливое сомнение. Как писал Всеволод Чешихин (сын), далеко не всегда чувства симпатии и одобрения высказывались посетителями редакции «Рижского вестника». Напротив, в стенах издательства *«нередко происходили сцены всевозможных объяснений с местной администратцией и с публикой, считавшей себя вправе давать указания по поводу направления газеты».*

Публикации «Рижского вестника», личная переписка Чешихина с Ю.Ф.Самариным давали последнему интересный материал в подготовке 6-ти томной серии книг «Окраины России. Русское Балтийское Поморие».

Чешихин внимательно следил за деятельностью рижского Латышского общества. Желание латышей выйти из-под немецко-лютеранского давления поддерживалось и подкреплялось славянофильскими кругами России. Евграф Чешихин отстаивал права русских - некогда победителей в Северной войне. Горькая ирония заключена была в истории западной прибалтийской окраины Российской империи: через 150 лет после подписания в 1721 году Ништадтского мирного договора между Россией и Швецией местные русские вынуждены были отстаивать свои национальные интересы, права и желание жить согласно законам Российской империи. Ведь в Прибалтике династией Романовых последовательно и бережно охранялись права и привилегии исключительно немецкого дворянства!

Лишь в период правления Александра III в 80-90-е годы XIX столетия автономному существованию западных губерний был положен конец. Крайности

немецко-лютеранского давления в западных губерниях сменились ускоренной русификацией.

Евграф Чешихин не ограничивал свою политическую страстность одними газетными публикациями. Особенность его личности состояла в том, что он шёл вглубь обсуждаемых политических реалий, собирал архивные, исторические материалы. Чешихин был прекрасным переводчиком исторических трудов, ранее не известных широкому кругу российских читателей. Так «Ливонская хроника Бальтазара Рюсова» и «Ливонская хроника Генриха Латвийского» впервые появились в русском переводе благодаря стараниям именно Чешихина. Он стал составителем 4-х томного «Сборника материалов и статей по истории Прибалтийского края», в котором возможно было прочитать уникальные документы - письма Петра Великого, князя А.Репнина и др. В последние годы жизни главным занятием Евграфа Васильевича стала работа над трёхтомной «Историей Ливонии с древнейших времен», прерванной на полуслове кончиной автора.

К великому огорчению Чешихина, столичные исторические журналы не оценили по достоинству его исторические труды. Затраченные духовные и материальные усилия не принесли удовлетворения. Друзья Е.В.Чешихина - адвокат А.Ф.Кони, писатель И.А.Гончаров, увы, не смогли действительно помочь ему. Многие высокопоставленные лица писали из Петербурга о «высокой полезности несомненно патриотического издания», но «История Ливонии», да и «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края» не приобретали от этих лестных слов популярности среди читателей. Возможно, местную публику пугала славянофильская «закваска», которая была положена в основу чешихинских исторических трудов.

Незадолго до своей смерти, рассылая даром «Историю Ливонии», Чешихин писал пронзительные слова: *«Примите благосклонно эту книгу на память о человеке, который имеет слабость думать, что подобные издания могут принести пользу и обществу, и науке, но которого печальная действительность постоянно разубеждает в том. (...) Тяжело - ой, как тяжело идёт дело, - но уж мне так на роду написано, что коли не потянешь тяжести, то ничего и не выйдет».*

Евграф Васильевич Чешихину скончался 2 марта 1888 года. Памятник на его могиле был сооружён на пожертвования благодарных рижан.

Е.В.Чешихин

Один из первых выпусков «Рижского вестника».

Попытки издания в Риге газеты на русском языке относятся ещё к началу XIX века, когда в течение 1816 года вышло 53 номера «Российского еженедельного издания в Риге».

С 1853 г. не только на немецком, но и на русском языке начинают выходить официальные «Лифляндские губернские ведомости», а также «Курляндские губернские ведомости». Газета Е.В.Чешихина стала первой общественной русской газетой и сыграла огромную роль в деле укрепления национального самосознания русских рижан.

Рига, вид на Бастиионную гору со стороны Александровского бульвара. Гравюра конца XIX века.

Покровское кладбище в Риге. Памятник на могиле Е.В.Чешихина. На его обратной стороне высечена надпись: «Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся».

П.Ф.Дубровин

(1839-1890)

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА

В Даугавпилсе найдётся немного имён, пришедших к нам из далёкого прошлого и сохранивших добрые воспоминания о себе. Таково имя Павла Фёдоровича Дубровина, бывшего городского головы Динабурга. Сегодня горожан по-прежнему манят под свою сень тенистые деревья Дубровинского парка, на месте которого когда-то было болото, рос мох, цвёл багульник, а осенью краснела клюква. На свои личные средства Павел Фёдорович купил этот участок и начал устраивать сад. Там посадили не только местные виды деревьев, но и белую акацию, карельскую берёзу, венгерскую сирень и прочие диковины. Для концертов была устроена эстрада. Здесь играл оркестр, а по бульвару гуляла нарядная публика. Этот сад Дубровин подарил городу. Он завещал назвать его своим именем, хотя в действительности парк стал Дубровинским ещё при жизни его создателя как признание заслуг мэра в развитии города.

П.Ф.Дубровин родился 24 мая 1839 года и происходил из дворян Псковской губернии Великолукского уезда. По окончании Константиновского кадетского корпуса он находился на военной службе. С 1864 года П.Ф.Дубровин выполнял обязанности председателя первого участка мировых посредников Динабурга, а с 1874 г. состоял директором городского общественного банка.

15 июня 1876 г. П.Ф.Дубровин был избран на пост городского головы и исполнял эту должность в течение 15 лет вплоть до своей смерти 23 мая 1890 года, переизбираясь 4 раза подряд. Он был награждён орденами Св. Станислава 2-й степени с императорской короной и без неё, Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени, а также иностранными орденами - японским «Восходящего солнца» 5-й степени и черногорского князя Даниила.

Благодаря воспоминаниям Якова Витенберга «Памяти П.Ф.Дубровина»

в газете «Двинский голос» (1932 г.), мы можем ярче представить себе не только характер, но и внешность городского головы - этого высокого человека с «открытым русским лицом и характерной бородкой».

Сохранился редкий документ: «Историческая записка о Двинской женской гимназии. 1879-1901», целая глава которого посвящена П.Ф.Дубровину. В городском голове отмечается его «здравый и пронизательный ум, горячая любовь к делу, решительность поступков, твёрдая вера в правоту своего дела». Как общественного деятеля и человека Павла Фёдоровича ярко характеризует приведённое автором «Записки» его обращение к воспитанницам женской гимназии: *«Здесь рядом с приобретением научных познаний усваивайте себе все благородные порывы души и сердца; здесь с малолетства приучайтесь любить друг друга, любить ближнего, помогать друг другу, снисходить к недостаткам других и быть строгими только к самим себе»*. Эти слова как нельзя лучше свидетельствуют о жизненных принципах этого замечательного человека.

Любопытно, что именем Дубровина горожане называли пожарный насос! В этом не было насмешки. Дело в том, что город тогда был застроен, по преимуществу, деревянными домами, и нередко случались пожары. Городская пожарная команда не в силах была противостоять огню. И городской голова предложил создать добровольное пожарное общество, которое сам же и возглавил. На пожертвования построили каланчу на Новом строении, закупили всё необходимое: насосы, лошадей, багры и так далее. Вот первый насос и прозвали «дубровиним». Как пишет в своей книге краевед З.Якуб, добровольцы не только по сигналу сбегались тушить пожары. Они действовали во время наводнений, любых стихийных бедствий и пользовались огромным уважением.

При городском голове П.Ф.Дубровине Динабург развивался стремительно, что было связано не только с его личностью, но и с общим ходом исторического процесса в конце XIX столетия. Следует отметить, что именно в те годы в Динабурге интенсивно застраивались Новое строение и Гаек, проводилось мощение улиц, был сооружён каменный гостиный ряд, множество магазинов которого превратили его в настоящий торговый центр города, велась прокладка водопровода, было учреждено «Общество взаимного кредита», созданное в целях развития промышленности и торговли, открылась женская прогимназия, а затем и гимназия, ставшая крупнейшим женским учебным заведением в Витебской губернии и, наконец, был создан городской парк.

Сейчас уже трудно представить, как выглядел центр города при Дубровине. На месте нынешней часовенки возвышался величественный собор. К нему примыкала просторная площадь, на которой в выходные дни шумел базар. В 1879-м году было решено строить на площади новые торговые ряды. На проект Дума выделила 119 тысяч рублей. Так появились магазины, прекрасно вписавшиеся в архитектурный ансамбль. Горожане сразу полюбили это место, здесь всегда было многолюдно. Во время масленицы вокруг гостиного ряда устраивались катания на лошадях, ярмарка и прочие развлечения.

Павел Фёдорович скончался в мае 1890-го года и был похоронен на городском православном кладбище. В 1991 году городскому парку возвратили его исконное название, и имя Дубровина не кануло в Лету. Кажется, что где-то здесь незримо присутствует дух создателя этого зелёного сада, человека, достойного нашей благодарной памяти, человека, чья многогранная деятельность снискала уважение не только современников, но и потомков.

П.Ф.Дубровин

Дубровинский сад в г.Даугавпилс. Фото начала XX века.

Городской сад в Даугавпилс. 30-е годы XX века.

Базарная площадь в 30-е гг. XX века.

*Могила
П.Ф.Дубровина.*

*Памятник
Дубровину,
установленный
в 2007 году.*

И.Ф.Александровский

(1817-1894)

СОЗДАТЕЛЬ ОДНОЙ ИЗ ПЕРВЫХ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК

Выдающийся русский изобретатель Иван Фёдорович Александровский родился в городе Митаве Курляндской губернии (ныне г.Елгава). Семья его была бедна, и он из-за отсутствия средств смог закончить лишь ремесленное училище. Разносторонне одарённый мальчик очень любил рисовать и мечтал поступить в Петербургскую академию художеств. Но мечте этой осуществиться было не суждено. Тогда он начал самостоятельно заниматься живописью и сумел добиться некоторых успехов: за четыре пейзажа, представленных на столичной выставке, Петербургская академия художеств присвоила Александровскому звание «неклассный художник». Так 20-летний Иван Александровский стал школьным учителем рисования и черчения. В это время в Европе успешно развивалась фотодело. Александровский увлекается им, изучает оптику, механику и коллоидную химию. Вскоре он сам сконструировал несколько типов фотоаппаратов, в том числе аппарат для стереоскопического фотографирования. Кроме того, Александровский предложил ряд рецептов для обработки фотопластинок и фотобумаги.

Открытое им на Невском проспекте ателье стало лучшим в Санкт-Петербурге. Иван Фёдорович мог бы жить спокойно и обеспеченно, если бы его не тянуло к военно-морскому делу.

Переломным моментом в его жизни явилась Крымская война (1853-1856 гг.). Будучи в Лондоне, он видел, как открыто Англия готовилась к войне с Россией. Александровский, горячо любивший свою Родину, решил создать новые способы борьбы с кораблями противника. *«Мне казалось, - писал он позже, - самым лучшим к тому средством изобрести подводную лодку, которая бы могла нанести вред и даже истребить неприятелей там, где они всего менее ожидали.»*

Изучив все известные попытки строительства подводных лодок, Александровский пришёл к выводу, что неудачи его предшественников состояли в отсутствии на лодках механического двигателя и соответствующего технического оснащения. К 1861 году Иван Фёдорович разрабатывает проект подводной лодки с двигателем, работающим на сжатом воздухе. После двухлетних мытарств по официальным инстанциям проект его утвердили, и на постройку было выделено 140 тысяч рублей. Ещё во время обсуждения проекта один из видных учёных-кораблестроителей России генерал-майор Корпуса корабельных инженеров С.О.Бурачек дал официальное заключение. Он писал: *«Вникнув строго критически во все подробности проекта подводной лодки и проверяя его вычислениями, я пришёл к убеждению в действительной его практичности...»*

В июле 1866 года подводную лодку спустили на воду. Длина её была 33 метра, ширина - 4 и высота - 3,5 метра. Надводное водоизмещение составляло 352 тонны, подводное

- 363 тонны. Лодка имела шлюзовую камеру для выхода водолазов при нахождении лодки под водой. На ней были установлены две одноцилиндровые пневматические машины общей мощностью 234 лошадиных силы. Сжатый воздух хранился в 200-х баллонах под давлением 100 атмосфер. Используемый машинами воздух поступал в лодку для вентилирования внутрилодочной атмосферы, а излишек его - отсасывался в освобождёвшиеся баллоны. Общий запас воздуха равнялся 6 кубометрам, что обеспечивало трёхчасовое плавание со скоростью 6 узлов. Вооружение состояло из двух соединённых тросом мин - «зажигательного снаряда», подводимого под корабль противника и взрываемого из лодки с помощью электричества. Баллоны должны были накачиваться сжатым воздухом с помощью четырёхцилиндрового компрессора, установленного на борту корабля, обслуживающего лодку. Для испытаний опытного образца Морской учёный комитет назначил контр-адмирала А.А.Попова. В течение июня и июля 1866 года лодка успешно погружалась в Средней гавани и на Большом рейде Кронштадта. Находясь на глубине нескольких метров, она маневрировала, всплывала и возвращалась своим ходом в гавань. А.А.Попов дал высокую оценку работе её механизмов.

Вскоре на подводную лодку была назначена военная команда, состоявшая из одного офицера, двух унтер-офицеров, 10 машинистов и 10 матросов.

Несмотря на положительное заключение приёмной комиссии, Александровский попросил дополнительные средства на некоторые переделки и улучшение конструкции корабля. Полностью отдавшись конструированию и забросив фотодело, изобретатель переживал большие материальные затруднения. Он понимал, что его работа сопряжена с риском для жизни и, в случае несчастья, семья останется без куска хлеба. Александровский просит управляющего Морским министерством Н.К.Краббе назначить ему вознаграждение за изобретение, *«...стоившее тяжких трудов и бессонных ночей, и ещё важнее, причинившее мне громадные потери по фотографическим занятиям, которые я принужден был бросить в продолжение того времени, как шло дело с проектированием и самой постройкой подводной лодки.»* И дальше: *«Могу, положим, погибнуть и я, но польза и развитие моего изобретения останется навсегда...»*

На усовершенствование подводной лодки было дополнительно выделено 70 000 рублей. Летом 1868 года закончилась модернизация лодки, и начались испытания. Командиром назначили капитана 1 ранга Эрдмана. Испытания прошли успешно. Лодка показала подводную скорость хода около 3,5 узлов и находилась непрерывно под водой в течение 16 часов. Дальность подводного хода равнялась 9 милям. Позже Александровский писал, что *«...воздух в лодке несколько не был испорчен,*

все лампы и свечи горели светло и ясно, и никто не ощущал ни малейшего неудобства под водою: ели, пили, спали совершенно так, как в обыкновенных комнатах... Лодка же находилась на глубине 30 футов...»

Морской учёный комитет, в составе которого были А.А.Попов и Г.И.Невельский, подвёл итог: *«...Главный вопрос о возможности подводного плавания решён: лодка, сделанная Александровским, удобно и легко опускается в воду и всплывает...». И дальше подчёркивалось, что это русское изобретение «призвано к великой будущности совершить огромный переворот в морских войнах и дать на море такую силу, какой не обладают ещё другие народы...».*

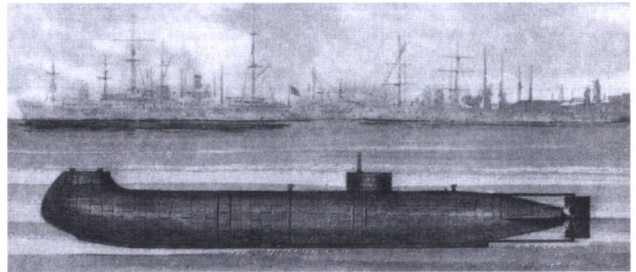
Однако судьба изобретения Александровского оказалась печальной. В 1871 году было принято решение испытать лодку на прочность, и для этого её опустили на предельную, по расчётам изобретателя, глубину - 24 метра. Лодка была без экипажа. Пролетав на дне час, она благополучно всплыла. Никаких повреждений в корпусе и механизмах обнаружено не было. Пользуясь отсутствием Александровского, руководитель испытаний контр-адмирал Стеценко приказал погрузить лодку на 30 метров. При погружении корпус деформировался, и она затонула. Только через 2 года её подняли с помощью изобретённых Александровским мягких понтонов. Морской учёный комитет, значительно обновлённый по составу, сделал вывод, что на восстановление корабля потребуется 125 тысяч рублей, а так как подводные лодки не имеют применения для военных целей, то восстанавливать её нецелесообразно. Так было загублено выдающееся русское изобретение XIX века.

Начались бесконечные мытарства Александровского, предлагавшего новые, более совершенные проекты подводных лодок. Но все они были отклонены Морским министерством.

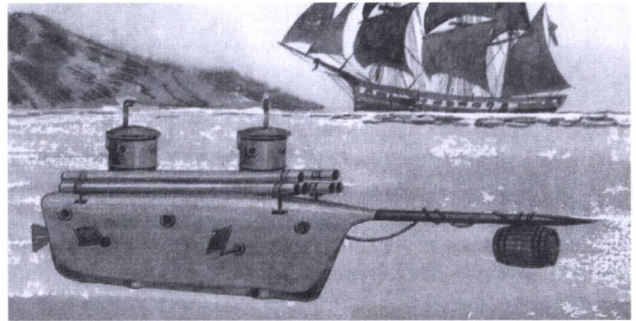
Но, несмотря на косность и рутину чиновничьего аппарата, невзирая на нужду и лишения, Александровский продолжал работать. Им была изобретена первая в мире самодвижущаяся мина-торпеда (1865), разработан проект подводного миноносца, вооружённого этим оружием. Следует заметить, что созданные позднее торпеды Уайтхеда шли по заданному курсу с меньшей скоростью и точностью. Однако Морское министерство закупало их по очень высокой цене, отказавшись от производства отечественных торпед по проекту Александровского. Чтобы отвязаться от неугомонного изобретателя, недоброжелатели добились его увольнения со службы в Морском министерстве, сославшись на то, что он якобы *«... не оправдал возлагавшихся надежд.»*

Умер Иван Фёдорович в 1894 году в Петербурге, пребывая в крайней бедности... Почти 50 лет своей жизни он посвятил изобретательству в области подводного судостроения и вооружения.

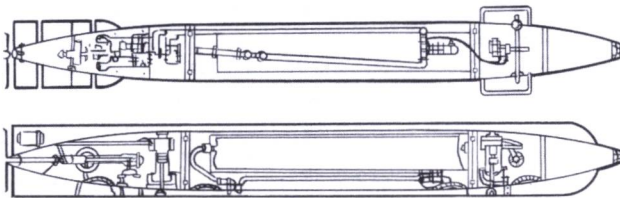
И.Ф.Александровский

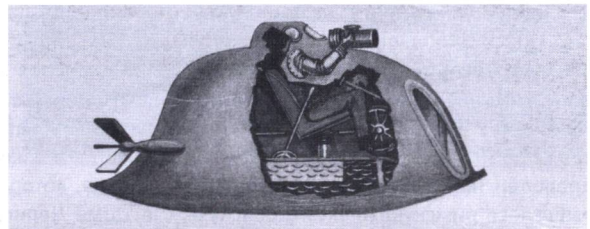
Подводная лодка И.Ф.Александровского (1866).

Подводная лодка К.А.Шильдера (1834).

Торпеда Александровского.

Подводная лодка С.К.Джевецкого (1877).

Митава в XIX веке.

О.Н. Милевский

(1836-1900)

УЧИТЕЛЬ, ИСТОРИК, КРАЕВЕД

Орест Николаевич Милевский родился 10 января 1836 года в семье настоятеля церкви Нового Вознесения Николая Федотовича Милевского (1801-1865). Жили они во Пскове, древнем русском городе, наполненном памятниками истории, овеянном преданиями героического прошлого. Отец Ореста страстно увлекался историей родного края. В нескольких номерах «Псковских губернских ведомостей» за 1841 год он поместил первую краеведческую статью под названием «Археологическое описание древностей города Пскова, сохранившихся по настоящее время». Николай Федотович выявил в местных архивах и опубликовал в той же газете множество старинных документов, активно участвовал в работах Губернского статистического комитета и общественных организаций.

В своём увлечении служению музе Клио Орест Николаевич пошёл по стопам отца. Окончил местную мужскую гимназию, позднее преподавал историю в ней и в псковском Мариинском женском училище. В 1868 году был переведён на службу в только что открывшуюся рижскую Александровскую гимназию. Там он не забывал родной город и к 300-летию его героической обороны от иноземных захватчиков Орест Милевский перевёл с польского на русский язык «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. (Осада Пскова)». Псковское археологическое общество в 1882 году опубликовало его перевод в 22-х номерах «Псковских губернских ведомостей» и отдельной книгой.

Через 15 лет Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете издало переведённые Милевским «Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.)», во время которого королевские войска заняли Великие Луки и другие крепости на юге псковской земли. Уже в наше время обе эти книги с переводами О.Милевского были переизданы в солидном томе, названном «Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580-1581 гг.)».

Надо понять то время, когда О.Милевский преподавал историю в рижской Александровской гимназии. Хотя Рига с 1710 года и относилась к Российской Империи, в городе царило полное немецкое засилье. Многие русские рижане

откровенно онемечивались, теряя свой язык, традиции и культуру. В этих условиях роль простого гимназического учителя становилась поистине велика. Внушить ученикам любовь к Отечеству, гордость за русское имя и родную историю становилось важнейшей педагогической задачей.

Мы сегодня особо должны быть благодарны Оресту Николаевичу за то, что благодаря ему из неизвестности был извлечён удивительный факт истинно русского мужества, самоотверженности и преданности долгу, относящийся к событиям Северной войны. Тогда, в июле 1700 года на острове Луцавсала героически сражались и погибали солдаты Петра Великого, отправленные им в помощь саксонскому королю Августу, осаждавшему Ригу, принадлежавшую в то время Швеции.

Король Карл XII, напористый и лхой, на виду у саксонцев сумел переправиться через Двину и в ожесточённом сражении на полях Спилве наголову разгромил армию Августа. Предание гласит, что знаменитый сапог шведского короля, который долгие годы хранился в Доме Черноголовых, этот отчаянный рубака потерял во время той самой горячей схватки.

На острове Луцавсала оставался ещё русский отряд в 400 бойцов. Про этих людей в горячке боя и последующего бегства большие начальники, скорее всего, просто забыли. Но пост свой они не покинули. Об участии этой горсти русских почти ничего не было известно, но именно О.Милевский сумел разыскать и опубликовать недостающие подробности. Он приводит редкий источник исследователя Кельха, дающий полную картину разыгравшейся драмы: *«Уже за несколько дней перед этим, губернатор Дальберг отрядил полковников Гельмерса и Врангеля, каждого с 300 человек из полков, составивших рижский гарнизон, произвести диверсию против русских, стоявших у Даленгольма; им же было поручено при возвращении оттуда истребить несколько сот русских, засевших на острове Люцаусгольме, так как нашли справедливым не давать этим русским никакой пощады... Упомянутые офицеры решили ночью с 9 на 10 июля исполнить приказание и в самую полночь атаковали засевших в укреплении 300 и более русских, но встретили отчаянное сопротивление... Раз-*

давшиеся за тем выстрелы и крики подняли на ноги весь шведский лагерь, так как многие не могли объяснить себе причину тревоги; сам король, заключивший по страшной пальбе, что происходит жестокая схватка, с некоторыми из своих генералов и с отрядом кавалерии поспешил на место боя. Он подоспел уже тогда, когда всё было кончено, когда державшиеся в окопах были истреблены и тела убитых образовали такую гряду, что негде было поставить ноги на землю. Оставшиеся в живых бросались в воду и там тонули, других находили в кустарнике и там убивали, забравшихся на деревья расстреливали „как птиц“. Только двадцать человек продолжали держаться в небольшом редуте: их спасло появление короля, который велел пощадить их жизнь и взять в плен, к большому неудовольствию офицеров и рядовых, разъярённых потерями, которые они понесли при приступе. Полковник Гельмерс, многие офицеры и более 100 мушкетеров были убиты, а майор Лилентерн и несколько других офицеров и рядовых тяжело ранены».

Благодаря тому, что Орест Милевский сделал эту уже позабытую историю достоянием общественности, в 1891 году на месте, увековеченном геройским самоотвержением горсти российских воинов, которые решились лучше умереть, чем сдаться, сооружён был памятник. Несколько лет назад силами русских рижан его отреставрировали. Ныне возобновилась старая традиция, и теперь ежегодно, 10 июля, у его подножия проходят памятные траурные церемонии.

Из других опубликованных работ О.Милевского нам известен «Исторический очерк Александровской гимназии» (1893) и «Репетиц. картины по географии» (Рига, 1894).

В газете «Рижский вестник» за 18 июля 1900 года было опубликовано траурное извещение матери, жены, сыновей, дочерей, зятьёв и внуков Ореста Милевского «о кончине его 7-го сего июля в Киссингене после кратковременной, тяжкой болезни» (Киссинген - город в баварской провинции Франконии, в 8 км от которого находился известный курорт Бокле). Извещалось также о предстоящем 20 июля отпевании в церкви Александровской гимназии и погребении в тот же день на Покровском кладбище.

Памятник на о.Луцавсала.

Бой на Луцавсале 10 июля 1701 г.

Вдали виден взрыв Кобершанца, уничтоженного отступающими саксонцами
(автор И.Литен, 1705 г.).

Могила на Покровском кладбище.

Л.Н.Витвицкий

(1856-1919)

ПУБЛИЦИСТ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕСТВА ГАРАНТОВ РУССКОГО ТЕАТРА

Со смертью Леонида Николаевича Витвицкого завершился полувековой период русской общественной жизни в Латвии, совпавший в своих истоках с периодом «первого латышского Пробуждения» (после 1862 г.). В газете «Воля» (1920, № 5) в связи с кончиной «старейшего из рижских журналистов» публикуется информация: «Покойный происходил из дворянской семьи, образование получил в Риге и во всех отношениях был коренной рижанин». Там же в заметке известного педагога и общественного деятеля Ф.А.Эрна говорится: «Старожилам-рижанам это имя напоминает о многом. В нём Рига потеряла крупную общественную силу. Совсем молодым человеком, ещё будучи студентом политехнического института, Л.Н.Витвицкий стал принимать участие в общественной жизни. В то время (середина 1880-х годов) в русском обществе в Риге только что начинало пробуждаться и развиваться национальное самосознание, и потребность в энергичных работниках в этом направлении была очень велика; одно за другим создавались различные русские общественные учреждения и всюду жизнь кипела ключом. Крупнейшей заслугой покойного является, несомненно, создание русской газеты в Риге; Л.Н. был главным сотрудником, а потом и редактором «Рижского вестника» (в марте 1888г., после смерти Е.В.Чешихина - прим. ред.); впоследствии, когда он разошёлся с издателем этого старейшего русского органа, он создал новую, прогрессивную газету, на ведение которой ему приходилось тратить массу энергии и сил. В городской думе, в русском „Улье“, в деле создания русского театра - везде главным защитником русского дела был Л.Н.Витвицкий. Особенно ярко выявилась деятельность покойного в годы освободительного движения (1905-1907 гг. - прим. ред.), когда всё русское общество было захвачено водоворотом политических событий».

В 1921 г. «Рижский курьер» (№ 44) извещал, что в годовщину смерти Л.Н.Витвицкого, 20 февраля, в Александро-Невской церкви будет отслужена панихида. О цельности личности, прогрессивных взглядах видного публициста, издателя-патриота даёт представление статья под псевдонимом «Бинокль» (за ним стояла спутница жизни покойного, журналистка Б.И.Витвицкая): «Л.Н. положил начало русскому театру в Риге (играя на сцене ремесленного общества, ещё будучи студентом). Редактировал первый в здешнем крае русский иллюстрированный журнал под заглавием „Свет в картинах“. Просматривая теперь этот журнал, удивляешься, какая определённая план и какой художественный вкус были у этого юноши, без опыта и без материальных средств выпускавшего в свет своё издание. В 22 года Витвицкий уже был редактором русской газеты. Он упрочил после ряда лет

русское печатное слово в Прибалтике и довёл его до степени большой авторитетности. В своей публицистической деятельности Л.Н. всегда был поборником демократических начал и вёл борьбу с пережитками феодализма, которые тогда ещё были очень крепки в здешнем крае. Борьба была нелёгкая, ибо за правящим в Прибалтике классом стояли высшие власти в Петрограде. Были годы, когда Витвицкому приходилось выступать против сплочённости феодализма с рижской русской администрацией. Это требовало невероятной энергии и умения. Со свойственным ему забвением личных интересов Витвицкий выступал в столичной печати, воздействуя лично своим пламенным словом везде, где это слово находило широкий отголосок, - понемногу пробивал брешь в забронированном строе Прибалтийского края».

Блестяще написанная статья Б.И.Витвицкой - подлинный литературный памятник одному из первых русских публицистов и общественных деятелей Риги: «В первых годах этого столетия Л.Н. стал издавать свою собственную газету „Рижские Ведомости“. Подоспела японская война, открывшая всё настроение русского государства. Витвицкий, конечно, стал в ряды тех, которые понимали, что возрождение России возможно лишь на новых началах. За манифестом 1905 г. для Л.Н. наступила страдная пора. Его газеты закрывали одну за другой, его самого привлекали к суду - раз, помню, за невнесение в тот же вечер - десяти тысячного залога, посадили под арест, и, наконец, по совокупности своих „противогосударственных“ преступлений Л.Н. отбывал в рижской центральной тюрьме 4-месячное заключение. Но всё это не лишало Витвицкого бодрости и увлечения в труде... Витвицкий был публицистом высшего порядка, его перо никогда не служило сенсации, не добивалось ничего, кроме общественной пользы. Он мог бросить деятельность в Риге и уйти в столичную печать, но вера в плодотворность и необходимость работы именно здесь прикрепила его к Прибалтийскому краю».

Ярко сказались все эти черты Витвицкого, когда он упорно, год за годом, добивался постройки в Риге здания для русского театра. И когда, наконец, городское управление приступило к этой постройке, Витвицкий все свободные часы пропадал возле строящегося здания. Он подготовил общество гарантов, под ответственность которого было отдано новое здание театра. Он лично отправился в Вильно, чтобы уговорить Незлобина взять рижскую антрепризу, что тогда составляло немалый риск.

Он был первым художественным директором русского городского театра. Л.Н. являлся председателем прогрессивного блока в первую Государственную Думу, председа-

телем двух съездов прибалтийских журналистов. А когда Витвицкий был освобождён за отбытием наказания из тюрьмы, я помню, он особенно был растроган приветствием от латышских общественных деятелей...»

О литературной деятельности Л.Н.Витвицкого следует добавить, что в 1880-1881 гг. под его редакцией был издан двухтомный «Сборник иностранных повестей» (СПб.

- Митава). Находясь в центре общественной жизни, встречался он и со многими прибывавшими в Ригу и на взморье писателями - от И.А.Гончарова до Ф.Сологуба и В.Брюсова (в 1913 г. в Рижском латышском обществе Витвицкие беседовали с поэтом в ресторане Верманского парка). Увидели свет его воспоминания об авторе «Обломова» (РВ, 1891, 18 сент.). Возможно, под псевдонимами в изданиях Витвицкого помещены и его новеллы, рассказы, стихи.

Накануне Мировой войны он создал товарищество для выпуска своей газеты «Рижская мысль». Была приобретена типография, оборудовано помещение для редакции. В 1914 г. при его активном участии был зарегистрирован устав общества «Русский улей» для постройки нового Русского дома. Но началась эвакуация, старейший журналист оказался в Петрограде, очень тосковал по Риге. «В конце декабря 1918 г. он отправился (...) в Режицу (Резекне) к своим родственникам и тут был захвачен нашей армией при взятии Режицы, после чего вернулся в Ригу», - сообщала «Воля». О своей последней встрече с Витвицким в этой же газете рассказал поэт, прозаик и журналист Михаил Миронов (М.Цвик): «Мы сидели в кабинете редактора, курили. Он был в особенно угнетённом состоянии... Устало смыкались глаза... Он долго жаловался на „фатальное невезение в жизни“ (его слова), вспоминал супругу, оставшуюся в Совдепии, вспоминал прошлое, вспомнил свою газету „Рижская мысль“ и грустно улыбнулся. „Вот, с почерком беда; руки дрожат, старость, наборщицы жалуются на неразборчивость“. Я переписал его статью, он отнес её в типографию, а я остался. Это было в субботу, а вчера я узнал, что нет больше Витвицкого...». Он скончался 20 февраля 1919 года.

«Хотелось бы мне умереть в Риге, - сказал он зимой 1919 года, - вспоминала его вдова. - Желание его сбылось. Он похоронен в том городе, с которым он сроднился своей жизнью и своей творческой работой».

На мемориальной доске, которую стоило бы установить на бывшем «Улье», где теперь Русский театр (ул. Калькю, 16), или на здании, где до революции находился Русский городской театр (теперь Национальный театр), по праву должно значиться имя прибалтийского русского патриота Леонида Николаевича Витвицкого.

Рига. Русский городской театр.
Riga. Russisches Stadttheater.

Рига. Русский городской театр, фото начала XX века.

Панорама Риги, фото начала XX века.

*Старый город,
вид на церковь Св.Петра,
фото начала XX века.*

*Рига, памятник
Петру Великому,
фото начала XX века.*

К.Ф.Жаков

(1866-1926)

ФИЛОСОФ, ПИСАТЕЛЬ, ПОЭТ, ЭТНОГРАФ

Каллистрат Фалалеевич Жаков родился 1 октября (18 сентября) 1866 года в многодетной крестьянской семье из глухой деревушки Давпон, затерявшейся в Вологодской губернии близ города Усть-Сыслы. Предками его были зыряне - народ коми. Ему пришлось пройти долгий многотрудный путь, прежде чем крестьянский сын занял профессорскую должность.

Знакомство в 1888 году с трудами великого И.Канта во многом предопределило его дальнейшую судьбу. Юный Жаков даже выпил раствор сулемы, пытаясь опровергнуть утверждение Канта о том, что сущность вещей непознаваема. К счастью, он выжил. В своих ранних работах Жаков горделиво утверждал принципиальную познаваемость мира, всего сущего на земле. Но на закате жизни он писал уже противоположное: «Познание Бога Самого в Себе неподвластно рациональности».

В 1912 году в автобиографическом романе «Сквозь строй жизни» Жаков написал такие строки: *«Единственное, чего хочу я, убедить людей своим жизнеописанием, что человек достоин снисхождения, любви и пощады. Всего этого просит человек у другого человека. Не убивайте никого, пусть каждый живёт по путям своим. Также стремлюсь я к тому, чтобы дух жизни не оставил шар земной, чтобы невинная плоть перестала страдать».*

В 30 лет ему удалось, наконец, получить заветный аттестат зрелости, открывший дорогу к высшему образованию. С 1896 года он учился в Киеве, где мучительно долго пришлось выбирать между философией и астрономией, математикой и биологией. Но любовь к философии оказалась сильнее. Вскоре Жаков перевёлся в Санкт-Петербургский университет, который окончил в 1901 году. Ему предложили остаться на кафедре русского языка и литературы, готовиться к научно-преподавательской карьере.

До 1917 года Жаковым было опубликовано более 60 работ по философии, математике, этнографии, сравнительному языкознанию. Среди литературных жанров ему были особо близки былины, предания и сказки. Он писал их под впечатлением своих многочисленных путешествий.

С 1907 по 1917 год Жаков занимал должность профессора философии и логики Петербургского Психоневрологического института, который возглавлял выдающийся учёный В.М.Бехтерев. Там он получил возможность вплетать в курсы своих лекций идеи созданной им философской теории-лимитивной философии (философии предела, бесконечно малой величины).

В стенах Психоневрологического института Каллистрат Жаков снискал себе славу и любовь учеников. Латышские студенты, обучавшиеся там, присутствовали на его семинарах и внесли свою лепту в распространение идей профессора: небольшая работа «Что такое философия» появилась в латышском переводе ещё в 1914 году.

В конце мая 1917 года Жаков выехал с молодой женой из Петербурга в Лифляндию. Начался, пожалуй, самый драматичный период его жизни. Увы, но в университетах Юрьева (Тарту) и Риги ему не удалось продолжить академическую карьеру.

Попытка прочитать летом 1920 года вступительную профессорскую лекцию в Латвийском университете обернулась провалом. Латвийский университет не смог воспринять его наступательную критику И.Канта и выдвинутую Жаковым альтернативную философию лимитизма (limit - предел), или философию дифференциального исчисления.

В основе лимитивной философии Каллистрата Жакова лежало понятие о пределе, малой величине, дифференциале, откуда и тезис об изначальной познаваемости мира. Философия лимитизма, как полагал её создатель, была предназначена для открытия новых философских, мировоззренческих горизонтов, заключавших в себе перспективы для теории познания, осмысления истории философии, социологии, экономики, этики, наконец, религии. В основе его идей - за внешней экстравагантностью философских построений, насыщенностью витиеватыми формулировками - стремление Жакова преобразовать философию в соответствии с современным естественнонаучным знанием: биологией, физикой, астрономией. Но в особенности - с философски осмысленной математикой, от которой, как полагал Жаков, в полной мере зависит естествознание в целом, поскольку математические функции и гармонии оказываются конечным способом бытия вещей. Понятно, что Жаков внутренне противился всякого рода отвлечённым, абстрактным метафизическим системам, ибо лелеял надежду на основе естествознания создать метафизику как всеединую, «вселенскую совершенную гипотезу», при этом он не желал осознавать, что и его вариант универсальной метафизики время неминуемо состарило бы.

Оригинальность воззрений Жакова, колоритность, масштаб личности привлекал к нему большой круг сторонников его научных, философских и религиозных идей. В начале 20-х годов в Риге сформировались два конкурировавших между

собой общества поклонников философии Жакова: «Общество лимитивной философии Латвии», руководимое Э.Гросвальдом и «Академия лимитивной философии», возглавляемая Э.Бароном, который даже издал журнал на латышском языке под причудливым названием «Lacplešis limitists». На его страницах можно было прочесть стихи Аспазии, поэму В.Эглитиса. Украшением издания стали репродукции картин К.Авотиня. Единственный номер этого журнала вышел в начале 1924 года. Сам Жаков предстал перед читателями не только как философ, но и как поэт и писатель, его поэму «Биармия» перевёл Я.Райнис.

Жаков выпадал из обыденных установлений жизни, с большим трудом вмещаясь в какие бы то ни было усреднённые нормы. Он глубоко «переживал» все положения своего философского учения, буквально страдая над каждой строкой: *«Я математическая точка во Вселенной, но сердце бьётся моё так сильно, как будто жар солнца в нём заключён».*

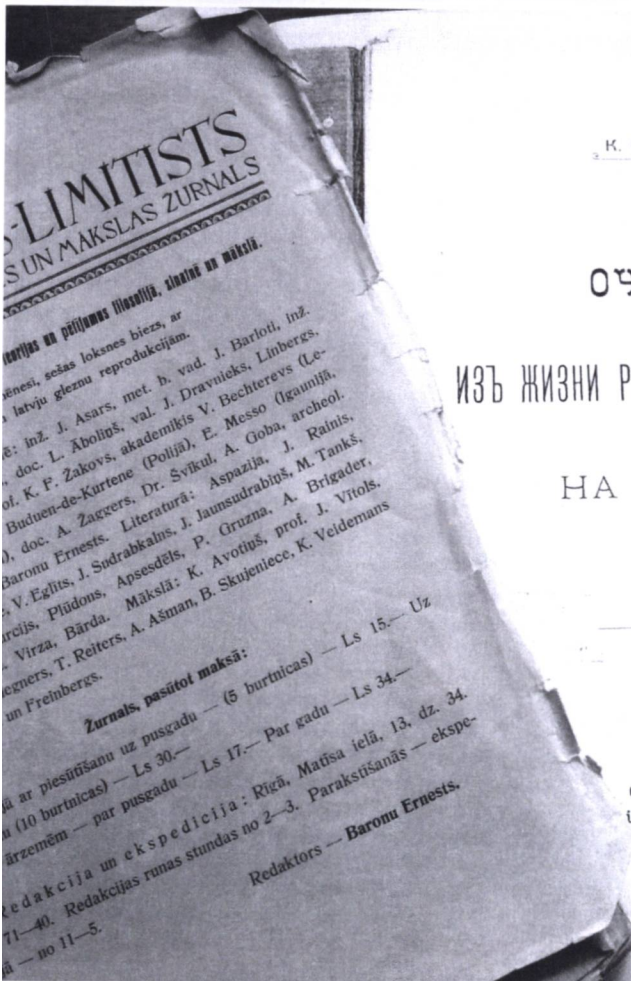
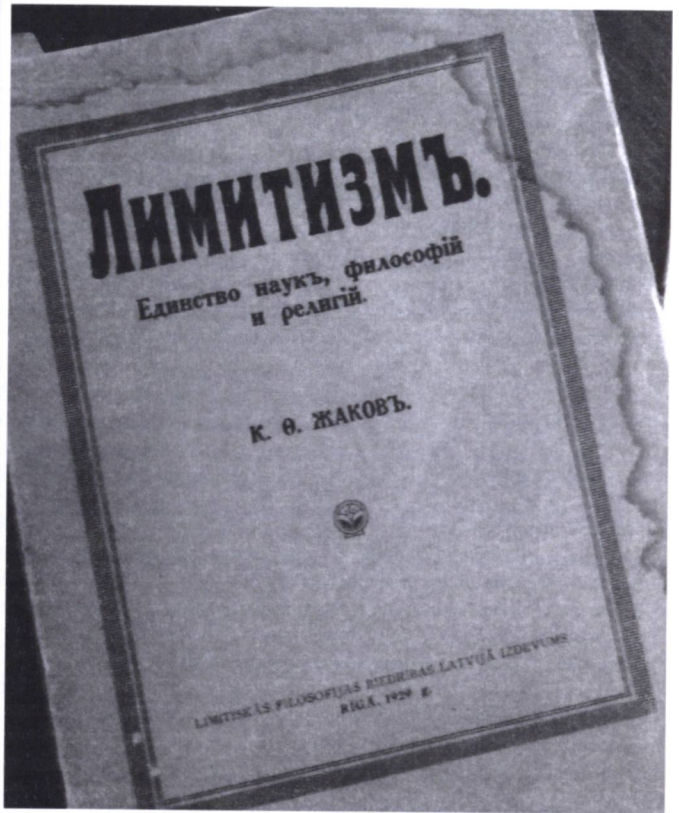
Трагизм жизни учёного был в глубоком внутреннем одиночестве, ставшем его уделом. *«Я - одинок, но не сумасшедший, и вырабатываю философию одинокого».* Он жил ради им созданных литературных произведений, ради философии лимитизма, которую никто не желал принимать и понимать, за исключением узкого круга поклонников. Хотелось уподобить его философские построения чудесной сказке, наполненной математическими формулами, знаками с особым, только Жакову ведомым, смыслом. Ведь и сам он ощущал себя «маленьким героем большой сказки мира».

Изредка Жаков читал публичные лекции на различные темы, публиковался в латышской периодической печати. Так он жил до 20 января 1926 года, до своей кончины. Впрочем, ещё несколько лет о нём помнили, проводились вечера его памяти, а в 1929 году «Общество лимитивной философии Латвии» на средства Латвийского фонда культуры опубликовало сборник его работ «Лимитизм. Единство наук, философии и религий». Сохранился архив К.Ф.Жакова.

Он был похоронен в Риге на Покровском кладбище. Сразу после похорон Э.Барон выкрал гроб с телом учителя, вознамерившись на холме, возле Дундаги воздвигнуть впечатляющий храм лимитивной философии. Но вмешательство полиции помогло вернуть прах в могилу.

В декабре 1990 года останки Каллистрата Фалалеевича Жакова были перевезены в Россию, на родину философа в далёкий Сыктывкар.

К.Ф.Жаков

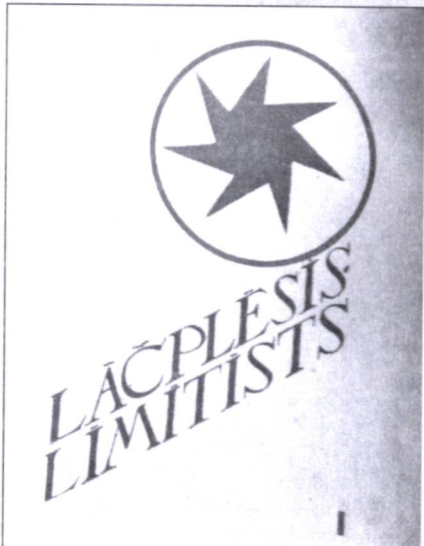

Институту философии
ру Михайлову
с пометкой автору.
К. Ф. ЖАКОВЪ
3341
Библиотека
Института
Мозга
Иван Л. М. Бекторова
ВО "ПАРМА"
2082
2083

ОЧЕРКИ
ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧИХЪ И КРЕСТЬЯНЪ

НА СѢВЕРѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
издана М. В. Пирожкова
1906

Митрополит Агафангел (А.Л.Преображенский)

(1854-1928)

ПРОСВЕЩЕННЫЙ И ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ

В 2000 году митрополит Агафангел был канонизирован Русской Православной церковью. За сто лет до этого святой жил в Риге и управлял Рижской и Митавской епархией. В 1910 году, когда Агафангел прощался с главным городом Лифляндской губернии, будущий президент Латвии Густав Земгалс назвал его «ангелом-хранителем и могущественным заступником». Чем же запомнился он рижанам?

Митрополит Агафангел (Александр Лаврентьевич Преображенский) родился 23 сентября 1854 года в семье сельского священника Тульской губернии. Отец его имел шестерых детей. Деревня была небогата, приход приносил ничтожные средства. Чтобы выжить, отец вместе с детьми и землю пахал, и на огороде работал как заправский крестьянин. Его сын Александр, лучший ученик духовного училища, в 1871 году поступил в Тульскую духовную семинарию, затем в Московскую духовную академию, которую блестяще окончил в 1881 году со степенью кандидата богословия. В 1885 году последовала неожиданная смерть жены и малолетнего сына. Преклонившись перед неисповедимой волей Божией, Александр принимает иночество с именем Агафангел. В 1886 году иеромонах Агафангел был назначен инспектором Томской семинарии, а затем ректором Иркутской семинарии с возведением в сан архимандрита. В 1889 году состоялась хиротония архимандрита Агафангела во епископа Киренского, викария Иркутской епархии.

В октябре 1897 года епископ Агафангел был переведён на кафедру епископов Рижских и Митавских, на которой он пробыл тринадцать лет. Под его святительским омофором в то время находились Эстония и Латвия. На Рижской кафедре епископ Агафангел с любовью и отеческим попечением продолжил дело своих предшественников - укрепление православной веры. Его стараниями в Эстонии были обновлены и построены многие храмы. Так, в 1898 году епископ Агафангел освятил храмы в Силламяэ и Валге, в 1900 году он освятил в Таллине Александро-Невский кафедральный собор и церковь Рождества Богородицы в Раквере, в 1902 году подворье Пюхтицкого Успенского женского монастыря, в 1904 году - храм в Тапа. В 1910 году он освятил соборный храм Пюхтицкого женского монастыря в честь Успения Пресвятой Богородицы с двумя приделами: южным во имя Иоанна Лествичника и Серафима Саровского, и северным во имя Святителя и Чудотворца Николая и Великомученика Димитрия Солунского.

Преосвященный Агафангел был назначен епископом Рижским и Митавским в 1897 году и сразу же стал внедрять «научно-технические достижения» в рижском

Кафедральном соборе. При нём храм стали освещать электричеством, а в праздники устраивать иллюминации. В то время это было чрезвычайно важно. Рижане были людьми искренне религиозными, храмы посещали регулярно. На Пасху непросто было найти в городе русского человека, оставшегося дома во время богослужения. В пасхальные дни в Христорождественский собор пускали по заранее выданным билетам. Но каждый мог подойти к храму во время Всенощного богослужения, стоя на улице любоваться иллюминированным собором, молиться и слушать доносившиеся из храма песнопения Божественной литургии... Сейчас иллюминацией никого не удивишь, но в конце XIX столетия электричество было ещё в новинку, иллюминированный собор казался чудом, создавал праздничное настроение, и около него собирались тысячи верующих...

Погожим летним днём 1901 года рижане увидели другое диво дивное - электрический трамвай. В Риге уже много лет имелась конка, и джозие лошади успешно тащили вагоны по рельсам. Но трамвай, который передвигался сам, был ещё диковинкой. И первым пассажиром, отправившегося в пробный рейс первого рижского электрического трамвая, был Агафангел!

Мудрый Владыка всячески поддерживал прогресс. Повелел установить в архиерейском доме телефон, лично освящал новые предприятия, вроде знаменитого электротехнического завода «Унион».

Не гнушался Агафангел читать бесплатные лекции в народных чайных. С рабочим людом епископ Рижский и Митавский разговаривать умел. Ведь сам он был из низов. В Риге проявил себя прежде всего как поборник просвещения. При нём в Латвии и Эстонии было открыто 30 новых церковно-приходских школ, при Христорождественском соборе «электрический архиерей» (как прозвали его в народе) создал народную библиотеку. Он же основал православное религиозно-просветительное общество.

Новый епископ никогда не путал свой карман с церковным. Архиерейскую дачу на взморье построил на собственные средства. Хотя имел полное право использовать церковную казну.

Он стал издавать церковный журнал на латышском языке, велел проводить службы в Христорождественском соборе не только на русском и латышском языках, но и на немецком.

В мае 1904 года Агафангел был рукоположен в сан архиепископа. Через полгода в Латвии началась революция. Революционеры порой срывали богослужения. Помещики и управляющие именьями бежали в города. Православные священники оставались со

своей паствой - они ни перед кем не чувствовали вины. Их не испугало даже убийство неизвестными лицами старейшего латвийского православного священника и публициста Яниса Лициса - одного из первых выпускников Рижской духовной семинарии.

По рекомендации Агафангела, священники стремились уберечь православных от рискованных действий, а власти - удерживать от репрессий. Речь шла не только о защите от карательных акций людей невиновных, но и о милости для участвовавших в революции.

Православные священники исполнили волю Владыки. Сам архиепископ Агафангел, не покладая рук, ходатайствовал за арестованных. Для одних он добился освобождения, для других - смягчения приговора. Позднее, говоря об Агафангеле, именно на это и обращали внимание ряд латвийских интеллигентов - в то тяжёлое время именно он стал подлинным народным заступником. Не случайно в независимой Латвии депутат Сейма, глава Православной церкви Латвии Иоанн Поммер считал, что Агафангел «должен быть причислен к тем, кто имеет большие заслуги перед латышским народом».

Архиепископ Рижский и Митавский думал как о милосердии по отношению к революционерам, так и о помощи детям. Во время революционных событий семья нередко оставалась без кормильца, дети - без отца. Агафангел учредил приюты для сирот, специальную столовую для детей малоимущих, комитет по оказанию помощи православным семьям.

В 1910 году Агафангел, получив новое назначение, покинул Ригу. В трагическом 1917-м, в год революционных потрясений в России, Агафангел был митрополитом Ярославским и Ростовским. В 1922 году, когда против Патриарха Тихона завели уголовное дело, глава Русской Православной церкви предложил, чтобы Агафангел стал временным руководителем вместо него. Возможно, именно это и привлекло к митрополиту Ярославскому и Ростовскому внимание властей. В 1923 году он был сослан в Сибирь на поселение. По окончании срока ссылки, в августе 1925 года, митрополит Агафангел получил возможность вернуться в Ярославль. Как второй кандидат на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола он попытался возглавить церковное управление, но под давлением обстоятельств и ради церковного мира добровольно от этого отказался. Тюрьма, ссылка, угроза церковных расколов - всё это подорвало здоровье митрополита Агафангела. 30 января 1928 года он совершил своё последнее богослужение в Ярославском Свято-Духовом храме. Утром 16 октября 1928 года митрополит Агафангел преставился.

**Архиепископ Рижский
и Митавский Агафангел**

*Рижский кафедральный собор
Рождества Христова, 1910 г.*

*Икона священномученика Агафангела (Преображенского),
митрополита Ярославского в правом приделе кафедрального собора в Риге.*

*Собор духовенства и мирян Рижской епархии в 1905 г.
В центре – Высокопреосвященнейший Агафангел, архиепископ Рижский и Митавский.*

К.И.Арабажин

(1866-1929)

СОЗДАТЕЛЬ РУССКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ КУРСОВ

Константин Иванович Арабажин — один из известнейших в России учёных-славистов, выдающийся специалист по русской литературе, профессор Гельсингфорского (Хельсинского) университета. В историю русской культуры и русского образования Латвии вошёл как создатель и ректор первого частного высшего учебного заведения: Русских университетских курсов (РУК).

Он происходил из семьи дворян-помещиков Киевской губернии и по материнской линии приходился двоюродным братом писателю Андрею Белому. Закончил университет Св. князя Владимира в Киеве и был оставлен в нём профессорским стипендиатом на кафедре славяноведения. В 1891 году переехал в Петербург, где преподавал в Пажеском корпусе, Павловском военном училище, на Императорских драматических курсах. Кроме того, много писал книг и статей, посвящённых литературе и театру. Обладавшего особым ораторским даром Арабажина хорошо знал Петербург и многие города России. Успех публичных выступлений побуждал его к созданию первого в столице Народного университета. С 1913 года Константин Иванович жил в Хельсинки, куда был приглашён в качестве ординарного профессора на кафедру русской литературы. Исторические катаклизмы, потрясшие всё пространство Российской империи, вынудили его покинуть Финляндию и поселиться в Риге.

В начале сентября 1920 г. в Ригу прибыл, как сообщала газета «Сегодня», «известный русский учёный и политический деятель, профессор Константин Иванович Арабажин, один из лучших знатоков русской литературы». Вскоре учёный был приглашён в Латвийский университет для чтения лекций по истории русской литературы. Кроме того, он читал лекции в Латышском народном университете, в Народном университете Русского общества в Латвии, в Еврейской консерватории. Профессор сотрудничал с газетой «Сегодня», преподавал русский язык и литературу в рижских частных гимназиях. Но главным его делом стало создание Русских университетских курсов.

Во главе инициативной группы по созданию нового высшего учебного заведения стояли: профессор К.И.Арабажин, бывший приват-доцент Московского университета М.Д.Вайнтроб, художник-академик Н.П.Богданов-Бельский, приват-доцент Петербургского университета М.Я.Лазерсон, Г.И.Тупицин,

профессор В.М.Грибовский, Гольдштейн. Хотя К.И.Арабажин не был, как думали многие, содержателем или спонсором РУК, он фактически держал в своих руках всё: был ректором, председателем правления, деканом педагогического отделения, контролировал финансовое положение учебного заведения.

16 октября 1921 года в Риге в Доме Черноголовых состоялось торжественное открытие Русских университетских курсов. В основу их деятельности были положены интересы русскоговорящих меньшинств Латвии, которые должны были войти в живую «культурную связь на почве общегосударственной».

Для поддержания престижности диплома и для того чтобы он мог использоваться за пределами Латвии, программы РУК ориентировались на программы Латвийского университета, а также на программы Петербургского психоневрологического института и на программы пяти высших учебных заведений, созданных русскими профессорами в Праге.

К.И.Арабажин старался сделать учебное заведение и учёным сообществом, и народным университетом, чтобы просвещать, утолять жажду духовного общения, тоску по утраченной Родине. Главное, на чём держались курсы в первые трудные годы становления, это подвижничество всего профессорско-преподавательского состава, который получал за свою работу только пятую часть гонорара. Этими людьми двигал великий энтузиазм и преданность высоким идеалам российской науки. На первых порах были организованы три факультета: историко-филологический, юридический, естественный и педагогическое отделение.

Жизнь вносила свои коррективы: так вместо естественнонаучного был создан коммерческий, или экономический, факультет. 5 января 1924 г. администрация РУК получила уведомление о том, что Кабинет министров Латвии принял постановление, согласно которому закон о меньшинственных школах не давал право на открытие частного высшего учебного заведения. Поэтому к началу следующего учебного года РУК предлагалось закрыть или внести в устав существенные коррективы. Иначе говоря, руководство РУК поставило перед необходимостью преобразовать учебное заведение в народный университет. Несомненно, это понижало статус учебного заведения, но одновременно такое изменение в уставе РУК вносило и положительные моменты: кабинет

министров фактически подтверждал свою финансовую поддержку Арабажинских курсов.

Для материальной и моральной поддержки молодого учебного заведения было создано правление РУК. В него вошли представители многих национальных организаций Латвии (в частности, Союз русских учителей Латвии), депутаты Сейма, известные педагоги, руководители национальных отделов Министерства образования. К.И.Арабажин добился и того, чтобы просветительская комиссия Сейма Латвии способствовала выделению пособий для РУК. Поначалу плата за обучение не была одинаковой для всех факультетов, дешевле было учиться на педагогическом отделении, готовившем учителей для русских основных школ Латвии. Согласно расценкам на 8 апреля 1929 г., обучение на педагогическом отделении стоило 130 латов в год, на юридическом - 140, на экономическом - 160, на историко-филологическом - 150 латов в год. К началу 30-х годов сумма, ежегодно вносившаяся студентами, составляла 150 латов. Архив РУК располагает уникальными свидетельствами - прошениями бедных студентов. Надо отдать должное руководству курсов, они практически всегда шли навстречу молодёжи. После определённой процедуры изучения материального положения семьи просителя, определялся размер скидки студенту на оплату семестра.

В 1929 году случилось несчастье: переходя набережную Даугавы, профессор по рассеянности угодил под трамвай. На скромной койке Рижской первой городской больницы от полученных тяжёлых травм 13 июля он скончался.

В траурной процессии от Христорожественного собора к Покровскому кладбищу, шли его близкие друзья О.О.Грузенберг, М.Д.Вайнтроб, Н.А.Переферкович, В.И.Синайский, А.А.Круглевский и др. Траурная процессия специально задержалась на ул. Бривибас, 38 (ныне Бривибас, 72), у здания РУК.

Русские университетские курсы существовали в Риге и после смерти их создателя, но с его смертью закрылось любимое отделение Арабажина - педагогическое. И это была уже иная история Русских университетских курсов, которые вскоре были переименованы в Русский институт университетских знаний (РИУЗ).

Последние дипломы созданного К.И.Арабажиным русского учебного заведения были выданы осенью 1937 года.

К.И.Арабажин

*Дом на ул.Бривибас, 72 в Риге,
где располагались Русские Университетские курсы.*

*Преподаватели и студенты РУК.
В центре профессор К.И.Арабажин.
На фото слева от него
приват-доцент М.Д.Вайнтроб.*

*Могила К.И.Арабажина
на Покровском кладбище.
Возможно, год рождения ошибочный,
т.к. в большинстве источников
указывается 1866.*

Бал студентов РУК.

К.Н.Незлобии

(1857-1930)

ВИДНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ РУССКОГО ТЕАТРА ЛАТВИИ

Русское театральное дело в Латвии имеет достаточно глубокие корни. Первая постоянная труппа начала работу в Риге в 1883 году в помещении дома «Улей». Новый этап в истории русского театра пришёлся на 1902 год, когда открылось специально для него построенное здание Второго городского театра (ныне в нём располагается Латвийский национальный театр). Для руководства труппой в Ригу был приглашён один из крупнейших театральных антрепренёров России Константин Николаевич Незлобии.

Известный актёр, режиссёр, антрепренёр К.Н.Незлобии (его настоящая фамилия Алябьев) оставил глубочайший след в истории русского театра в Латвии. Его творческая биография началась в 1883 году, когда он в качестве актёра стал принимать участие в петербургских любительских спектаклях. В 1890-1893 гг. Незлобии продолжил играть в провинции (Одесса, Кишинёв, Самара, Ярославль). С этого же времени берёт начало и его антрепренёрская деятельность. Он держал антрепризы в Ярославле, Вильно, Нижнем Новгороде, Риге (1902-1909 и 1914-1916). Для антрепризы Незлобина были характерны «наличие в труппе хороших актёрских сил и равнение на репертуар лучших столичных театров». Чтобы «держать марку» он иногда прямо посреди сезона выезжал в столицы смотреть новинки. Многие отмечали царившую у Незлобина дисциплину, его обязательность и безукоризненную честность: «У Незлобина, несмотря на его деспотизм, все служили без контракта, полагаясь только на его слово». Талант администратора и подлинная одержимость театром позволяли ему успешно увязывать хозяйственные интересы с разумной репертуарной политикой и стремлением обеспечить высокий художественный уровень спектаклей.

Для открытия первого сезона 15 сентября 1902 года им была выбрана поэтическая пьеса-сказка А.Н.Островского «Снегурочка». Уже при входе в зрительный зал нового здания - белый с золочёными лепными украшениями - зритель окунался в атмосферу праздника. Открывался занавес: великолепные декорации Н.В.Игнатьева, роскошные костюмы, слаженный актёрский ансамбль, звучащая по ходу спектакля музыка П.И.Чайковского очаровали и восхитили рижских любителей театрального искусства.

Незлобии принадлежал к тем руководителям театра, которые считали, что театральных коллективов на свете гораздо больше, чем гениальных актёров, и, поэтому, художественный уровень каждого театра зависит не от гениев-одиночек, а от сбалансированности и хорошей профессиональной подготовки всего ансамбля. Уже в Нижнем Новгороде он набирал в свою труппу способную, трудолюбивую молодежь. Часть этой труппы

К. Н. Незлобии привёз в Ригу, где пополнил её несколькими опытными актёрами, среди которых были артисты Московского Художественного театра М.Л.Роксанова к Н.Н.Михайловский. Не полагаясь только на свои силы, К.Н.Незлобии в первый же сезон пригласил вторым режиссёром Г.В.Гловацкого, в 1904 году в Ригу прибыл молодой талантливый режиссёр К.А.Марджанов.

Сам К.Н.Незлобии и как актёр, и как режиссёр опирался в своей работе на интуицию, на игру «нутром» и не мог оказать актёрам целенаправленной методологической помощи. Однако меткость его замечаний, дельность советов, зиждущихся на огромном жизненном и творческом опыте, служили хорошей школой для начинающих актёров.

В сезон 1903/04 года К.Н.Незлобии доверил Г.В.Гловацкому постановку «Вишнёвого сада» А.П.Чехова. Декорации, правда, были подобраны из других спектаклей. Однако от постановки веяло свежестью и самобытностью.

Г.В.Гловацкий впервые в Риге поставил в 1902 году пьесу Горького «Мещане». Незлобии предложил актрисе Московского Художественного театра М.Ф.Андреевой, жене М.Горького, приехать на сезон 1904/05 гг. в Ригу. В газете «Рижский вестник» 4 сентября 1904 года появилось сообщение о том, что «самый модный после покойного Чехова драматург Максим Горький обещал театру в этом сезоне своё содействие». Горький действительно приехал в Ригу, просмотрел спектакли «Мещане» и «На дне», внеся в них некоторые коррективы.

Годы, предшествовавшие Первой мировой войне, считаются «золотым веком» в истории русского театра в Риге. Современник пишет: «Русский театр того времени - это лучшее, благороднейшее и вернейшее из всех русских культурных начинаний, имевших колоссальное влияние на взаимоотношения и сближение разных национальностей в Риге». В этом, безусловно, была велика заслуга К.Н.Незлобина.

Осенью 1919 г. уже в независимой Латвии русские театралы предпринимают первые шаги к восстановлению театральной жизни. С этой целью А.С.Блохин создает Театрально-художественное общество, однако, государственный Художественный департамент прохладно встретил идею воссоздания в Риге русского театра. Эта неудача не обескуражила русских рижан. В том же году возникает Русское театральное общество, призванное защищать интересы тружеников сцены.

Историческим днём в культурной жизни русской Риги стало 27 сентября 1921 года, когда в помещении Рижского латышского общества премьерой комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» начал работу Театр русской Драмы. Судьба театра была сложной, и не

раз по причине финансовых проблем он оказывался на грани закрытия.

В 1926 году на Московском форштадте начал работу Народный театр под руководством К.Н.Незлобина, недавно приехавшего из Советской России (после революции он жил в Риге, а в 1924-1925 руководил театром в Ярославле).

Писательница Ирина Сабурова так описала театр Незлобина: «Этот последний его театр - резкий контраст с его прежними театральными предприятиями; несколько запущенных декораций, „реквизит“, помещавшийся в крошечной комнатке, и деревянное здание театра на предместье города, зал на триста человек, в котором, увы, температура „доходила“ иногда зимою до 3 градусов <...> Актёры работали бесплатно, большинство из них днём были заняты на службе, и репетиции происходили только вечерами! Каждую неделю ставилась премьера <...> Театр посещался большей частью местной публикой. Однажды в последних рядах уселись двое бородачей в высоких сапогах, держа в руках... пилы. Очевидно, не доверили „струмент“ в гардеробе, а „посмотреть театр“ всё-таки хотелось...»

Появление Народного театра, по сути своей любительского, выдвинуло во главу угла проблему получения государственной субсидии. Волей-неволей театр Незлобина выступал в роли конкурента Русской Драмы. В 1929 г. Народный театр получил половину от выделяемой государством 30 тыс. субсидии на содержание русского театра. Это решение было принято в значительной мере благодаря начальнику отдела И.Ф.Юпатову. Подобное действие было не однозначно воспринято русской общественностью. Имелось мнение, что деньги, отнятые у Русской Драмы, не помогут театру в провинции (Народный театр к тому времени уже перебазировался в Даугавпилс), а приведут лишь к гибели театра в столице.

Противоборство Русской Драмы и Народного театра, в конце концов, завершилось полным фиаско последнего. От него отвернулось даже поддерживавшее его Старообрядческое общество. В правительственной субсидии на сезон 1930/31 гг. Народному театру было отказано.

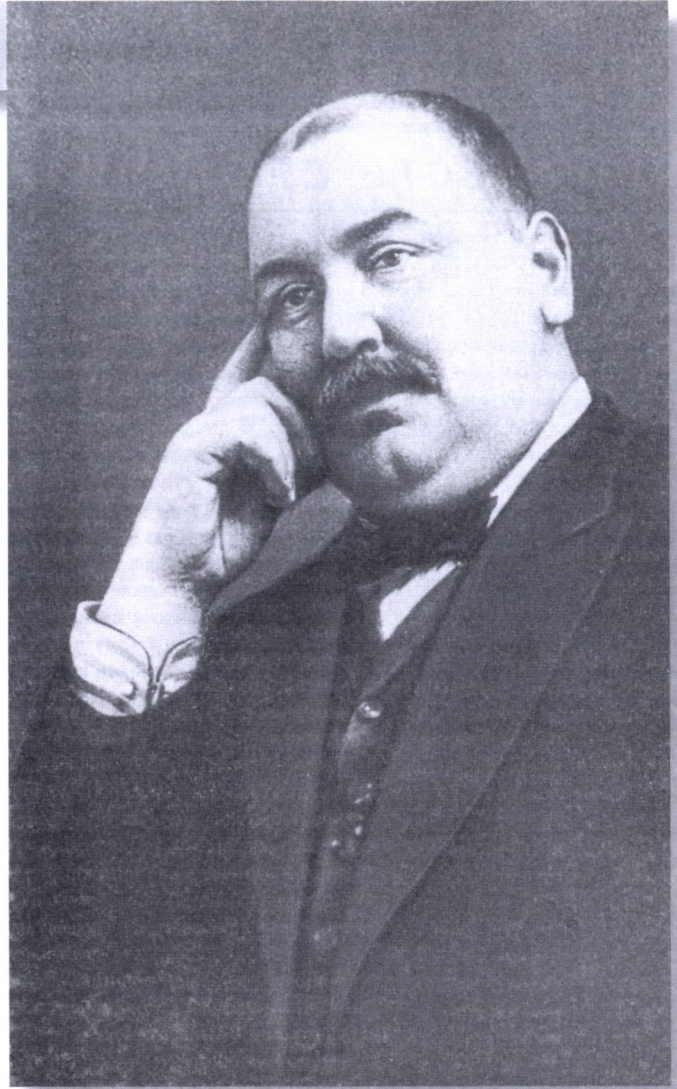
Константин Николаевич Незлобии умер в Даугавпилсе весной 1930 года. Утром на репетиции он почувствовал себя плохо. Вызвали врача, отвезли домой. Он скончался во время спектакля, и его последняя труппа, получив трагическое известие, исполнила свой актёрский долг, доиграв пьесу до конца. Опустившийся занавес был занавесом над одной из славных страниц русского театра, над человеком, любившим сцену и работавшим для неё всю жизнь.

Он был похоронен в Риге на Ивановском кладбище.

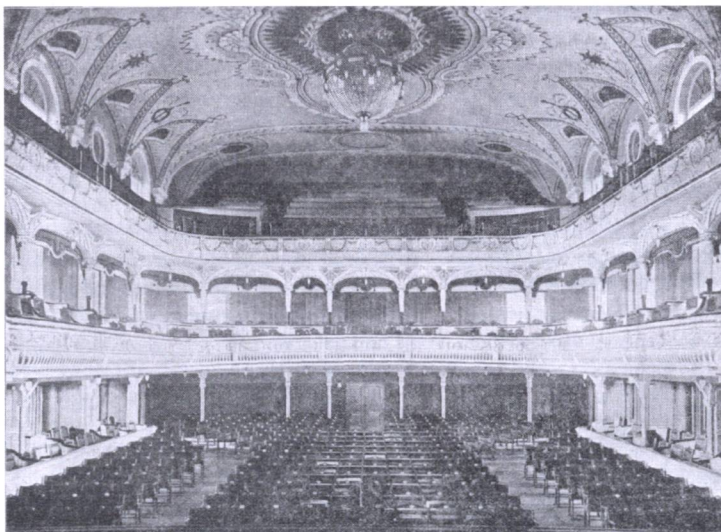
К.Н.Незлобин

Рига, ул.Спасо-Церковная (Езусбазицас), 3, здание ремесленной артели, где в 20-х годах XX века находился Народный русский театр под руководством К.Н.Незлобина. Здание не сохранилось.

Второй городской русский театр. Рига, угол ул.Николаевской и Пушкинского бульвара (ныне Латвийский национальный театр, ул.К.Валдемара и бульв.Кронвалда). Фото 1903 г.

Зал русского театра в Риге, вмещавший 880 человек, фото 1903 г.

Рига, ул.Калькю, 16, здание общества «Улей», где когда-то начала работу первая постоянная русская труппа. Сегодня здесь находится Русский драматический театр им. Михаила Чехова.

С.Р.Минцлов

(1870-1933)

ЕСТЬ СТРАСТЬ - И ЭТО КНИГИ...

Сергей Рудольфович Минцлов родился в самом центре России, в Рязани, но корни его родословного древа уходят в древнюю Литву. В свитке старинной летописи о Грюнвальдском сражении указано, что на поле кровавой битвы сложили свои головы и двое Минцловых.

Мир редких книг, литературы, древностей был им унаследован от деда, Рудольфа Ивановича Минцлова, старшего хранителя иностранного отдела Императорской Публичной библиотеки, написавшего ценный, научный труд: «Пётр Великий в иностранной литературе» и создавшего библиотеку редкостей западного книгопечатания. Кроме того, он перевёл на немецкий язык произведения А.С.Пушкина и Н.В.Гоголя, был воспитателем будущего царя Александра III. Бабушка Сергея Рудольфовича, Эрнестина де Галле, слыла одарённой французской поэтессой. Мать была дочерью Орловского помещика, генерал-майора Якова Андреевича Бодиско, а отец, Рудольф Рудольфович - известным юристом. И не удивительно, что в его доме бывали деятели культуры, преподаватели, писатели: Муромцев, Танеев, Короленко, Веселовский, Мельгунов.

Учился С.Р.Минцлов в Нижегородском кадетском корпусе, закрытом учебном заведении, в котором много внимания уделялось дисциплине, физическому воспитанию. У него рано открылась страсть к чтению, писательству, но была ещё одна - путешествия. Весной и летом он подолгу бывал на Волге, Оке. Детально обследовал нижегородский Кремль. После кадетского корпуса при его блестящих способностях и больших связях отца он мог рассчитывать на службу в С.-Петербурге, в столичной гвардии, но выбрал скромный Уфимский полк в Вильно. В свободное время он обследовал старинные усадьбы, увлечённо посещал самые заброшенные закоулки края и собирал книги, документы, рукописи, которые вошли в обширную коллекцию, впоследствии приобретённую Пруским Государственным книгохранилищем.

В Москве Минцлов учится в Александровском училище, где преподавали профессора Московского университета, например, историю русской литературы читал знаменитый филолог, академик Ф.И.Буслаев. По субботам в квартире Минцловых собирался кружок единомышленников-энциклопедистов, об этом красочно написал поэт М.Волошин, восхитаясь библиотекой хозяев: *«Я медленно вхожу в ваш кабинет.... Здесь те, кто был и те, кого уж нет, Но чья для нас не умерла химера; И бьётся сердце, взятое в их плен. Бодлера лик, нормандский ус Флобера, Скептический Франс, святой*

сатур Варлен, Кузнец Бальзак, чекальщики - Гонкуры...»

В 1892 году Сергей Рудольфович вышел в отставку и поступил в Нижегородский археологический институт, который закончил в 1895 году. К этому времени власть книги захватила его полностью, и он решил посвятить свою жизнь поиску, коллекционированию, творчеству.

В 90-е годы Минцлов пишет, публикуется, работает на таможне, в земствах, губернских учреждениях. А ещё участвует в различных экспедициях и собирает, собирает редкие книги, мемуары, рукописи, исторически значимые документы.

В 1904 году в С.-Петербурге выходит его уникальный каталог «Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке», основу которого составили бесцензурные и запрещённые к печати издания, а в 1911-1912 годах в Новгороде 5-ти томный труд «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России». В следующем, 1913 году выходит новый труд «Книгохранилище Сергея Рудольфовича Минцлова», занявшее видное место в истории русской библиографии.

В 30-е годы писатель и журналист, сотрудник рижской газеты «Сегодня», Пётр Пильский писал: *«Теперь „широкая публика“ знает, главным образом Минцлова - беллетриста, но раньше эта сторона затмевалась учёными, исследовательскими трудами»*, - и указывает на то, что Минцлов был членом императорского археологического, географического, библиографического обществ.

Сейчас, Минцлова хорошо знают по книге «За мертвыми душами» о поиске библиотек в старых дворянских усадьбах, переизданной в 1991 году, и статьям о нём как библиофиле. Но ведь он был ещё и неплохой журналист, и исторический романист, и бытописатель-мемуарист, а некоторые из исторических произведений вполне могли бы конкурировать с историческими романами современных авторов.

А были ещё «Далёкие дни» - воспоминания детства, «Петербург в 1903-1910 годах», «Трапезондская эпопея» - дневники, свод свидетельств о времени и событиях от первой до второй революции.

1916 год, война, Минцлов - редактор русской военной газеты в Трапезунде, 1917 год - возвращение в Петербург. Постоянно живёт в своём имении под Выборгом, но это уже не Россия, а Финляндия. 1919 год - Сербия, город Земун. 1922 год - Рига, один из крупных центров русской эмиграции. Здесь он бывает наездом, а затем через некоторое время принимает решение обосноваться в столице

Латвии навсегда. Он полон сил и оптимизма: *«Странно слышать о каком то „умирании“ за границей Русской Литературы. Ход её замедлен неблагоприятными условиями жизни писателей, умирают издательства - и только»*. *«Разве мир ограничивается пределами Московской или Рязанской губернии? Разве сердце и ум перестают работать вне их границ? Разве весь необъятный мир истории, сказки, фантазии закрыт для нас? То, что некоторым кажется духовным объединением, послужит лишь к расширению нынешних рамок русской литературы, к её углублению»*. Так он говорит об эмиграции того времени в журнале «Своими путями» (Прага, 1926). Минцлов много пишет, часто публикуется в газете «Сегодня», издаёт более двадцати книг. Празднует 40-летие своей литературной деятельности. Дружит со многими писателями, художниками, журналистами, собирателями (И.Заволоко, И.Фридрихом, чьи коллекции теперь хранятся в Пушкинском Доме, в С.-Петербурге.) Со своими же собраниями Сергей Рудольфович вынужден был расстаться. Но мы можем судить об этих раритетах по его описанию их в каталогах.

В книге «Петербург в 1903-1910 годах», вышедшей в Риге в 1931 году, Минцлов писал: *«За всю свою жизнь я никогда не состоял ни в какой политической партии и не принимал участия в политических кружках и делах. Я всегда оставался свободным человеком, и мои записи не подсказаны мне партийной дисциплиной, а являются точным отражением того, что совершалось перед моими глазами...»*.

Трудное, беспокойное время досталось на долю Сергея Рудольфовича Минцлова, но Рига, пожалуй, стала для него настоящим домом, в котором он в течение свыше десяти лет совершенствовал свой талант писателя и собирателя, сумел приумножить своё литературное наследие, и есть надежда, что поклонники русской культуры нового времени ещё оценят его по достоинству.

Нелишне также вспомнить книгу рижского библиофила Станислава Рубинчика «Рукопись, найденная в саквоже» о поиске пропавшей библиотеки Минцлова. Книга вышла в Риге в 1978 году с иллюстрациями известного художника-графика Елены Антимоновой.

Со штампом библиотеки С.Р.Минцлова иногда можно увидеть книги в клубе книгообмена, появлялись они и в антиквариатах. Это ещё одна тропинка и возможность в будущем раскрыть тайну 30-40-х годов о пропавшей коллекции замечательного библиофила, известного писателя и неутомимого коллекционера.

Первая жена писателя – М.А.Минцлова (1871–1911), учредительница Рождественского коммерческого училища в Петербурге, много проработавшая на педагогическом поприще, в особенности в деле улучшения обучения глухонемых.

Издательство
„КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ“
 Рига, Мельничная ул. 34-а

Вышла из печати новая книга
Мих. Зощенко
Пріятная встрѣча.
 Новый сборникъ разсказовъ и повѣстей.
 Ам. цент. —45. Цѣна 1 латъ.

С. Р. Минцловъ — „Орлиный взлетъ“
 Историческій романъ
 съ иллюстраціями худ. А. П. Апсита.
 Ам. цент. —80. Цѣна 2 лата.

Мих. Зощенко — „Человѣка жалко“
 Ам. цент. —45. Цѣна 1 латъ.

Пант. Романовъ — „Голубое платье“
 Ам. цент. —45. Цѣна 1 латъ.

Карль Скальбе — „Вѣчный студентъ“
 Ам. цент. —45. Цѣна 1 латъ.

Габр. Запольская — „Виновна-ли?“
 Ам. цент. —45. Цѣна 1 латъ.

Крыжановская — „Мертвая петля“
 Ам. цент. —80. Цѣна 2 лата.

Бар. Ив. ф. Нолькенъ „Быль и быть“
 Ам. цент. —45. Цѣна 1 латъ.

Л. Кормчій — „Наслѣдство пирата“
 Ам. цент. —45. Цѣна 1 латъ.

Л. Кормчій — „Геній мира“
 Ам. цент. —80. Цѣна 2 лата.

Л. Кормчій — „Міръ любви“
 Ам. цент. —80. Цѣна 2 лата.

Книгопродавцамъ скидка.
 Заказы направлять въ
„КНИЖНУЮ ЛАВКУ ПИСАТЕЛЕЙ“
 — LETTONIE. RĪGĀ, DZIRNAVU IELĀ 34-а. —

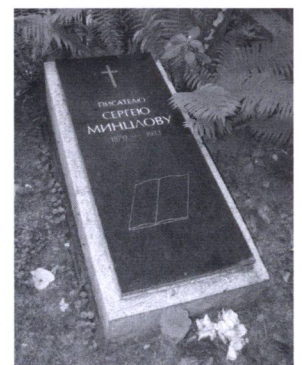

Писатель со второй женой – Ксенией Дмитриевной.

СТАНИСЛАВ РУБИНЧИКЪ

Рукопись.
Найдённая
В саквояжѣ

Эта книга, ставшая ныне библиографической редкостью, в своё время напомнила многим о выдающихся заслугах С.Р.Минцлова в деле сохранения памятников отечественной культурой. Иллюстрируя её, художник Е.Антимонова изобразила многих из реально живших в то время рижских библиофилов и коллекционеров, послуживших прототипами героев повести.

Могила на Покровском кладбище в Риге.

Ф.С.Павлов

(1872-1933)

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

Родился Фёдор Семёнович Павлов в городе Риге 21 (9) мая 1872 года, по происхождению был из мещан. В детстве обучался церковнославянскому чтению, позднее его отдали в местное немецкое начальное училище. По окончании его он поступил в рижское городское Екатерининское училище, являвшееся тогда единственным учебным заведением, где дети лиц со средним достатком могли получить образование для дальнейшей практической жизни. После завершения обучения был назначен педагогическим советом училища кандидатом на одну из стипендий для уроженцев Прибалтийского края в Петербургский учительский институт, но отказался от этого предложения и поступил на частные курсы по изучению коммерции.

В 20-летнем возрасте он начал писать заметки для газеты «Рижский вестник», редактором которой в те годы был известный публицист Л.Н.Витвицкий. Позже из «Рижского вестника» Ф.Павлов перешёл в газету «Прибалтийский край», членом редакции которой и состоял в течение последующих 25 лет. Одновременно он сотрудничал с петербургскими газетами «Сын отечества», «Биржевые ведомости», «Русские ведомости» и др., а также с журналами «Судебные драмы», «Суд и жизнь». Журналистская деятельность открыла ему доступ во все сферы большого города. В этот период Ф.Павлова видят буквально везде. Ни один пожар, ни одна катастрофа, ни одно судебное заседание, ни одно сколько-нибудь заметное событие в Риге не проходило без его участия. Понемногу Ф.С.Павлов втягивается и в общественную жизнь города. В 1908 году по его инициативе и при главном его участии было организовано «Взаимно-вспомогательное благотворительное и просветительское общество старообрядцев», целью которого являлось объединение староверов разных согласий на почве взаимопомощи, благотворительности и просвещения. Почти все годы существования этого общества Ф.С.Павлов был председателем его правления. Кроме этого, несколько раз избирался он председателем «Русского вспомогательного общества», общества взаимного вспоможения «Знамя» и «Петровского пожарного общества».

Первая мировая война не выбила Ф.С.Павлова из колеи. «Прибалтийский край», правда, закрылся, но он умел жить и при немцах, и при большевиках, и при латышской власти. Павлов становится частным поверенным, весьма успешно ведёт дела и тяжбы своих клиентов. Его популярность в Риге была велика, особенно на Московском форштадте. Возможно поэтому так легко он прошёл в Учредительное собрание и

добился немалых успехов в общественной деятельности.

В 1917 году, с началом революции, когда в Риге не существовало ни одной русской общественной организации, Ф.С.Павлов организовал в городском Русском театре собрание граждан русской национальности, был избран председателем собрания и провёл идею о необходимости организовать Национально-демократический союз русских граждан города Риги.

В первые месяцы существования Латвийского государства был сформирован Народный Совет, в который направили своих представителей национальные меньшинства. В тот период НДС был единственной действовавшей русской организацией, которая и делегировала в Народный Совет журналиста старообрядца Ф.С.Павлова. В эти годы он дважды избирался в гласные Рижской городской думы, состоял членом Продовольственного Совета. В 1919-1920 гг. был председателем Совета Рижской Гребеншиковской старообрядческой общины, переживавшей в те годы нехватку продовольствия, одежды, как для призываемых в богадельнях, так и для прихожан. Ф.С.Павлов добился оказания помощи нуждающимся старообрядцам, реализовал идею открытия для детей из староверских семей основного городского училища на базе бывшего Гребеншиковского училища.

На состоявшихся в апреле 1920 года выборах Ф.С.Павлов был избран в Учредительное собрание, состоял членом аграрной комиссии. Однако высокой активности, как и другие русские депутаты, он не проявлял. Ему было близко и дорого всё русское: язык, культура, политические и экономические интересы русского населения. В целях объединения русских он принял активное участие в открытии в Двинске, Режице (Резекне), Люцине (Лудза), Креславе (Краслава) отделений Национально-демократического союза русских граждан. Содействовал объединению старообрядческих общин Двинска в один местный комитет, благодаря чему в городе были открыты два основных старообрядческих училища.

После Первой мировой и Гражданской войн, неоднократной смены власти уклад жизни старообрядческих общин Латвии был разрушен, экономическое положение было тяжёлым. Складывавшаяся после 1906 года система просвещения распалась. Староверы представляли собой разрозненную, плохо информированную массу, толком не знавшую своих прав и обязанностей.

В 1920 году Ф.С.Павлов предложил план создания центрального старообрядческого органа, и 4 ноября того же года в Режице (Резекне) был созван Первый вселатвийский съезд, на котором избрали Центральный

комитет по делам старообрядцев Латвии. Председателем этого Центрального Комитета как на первом, так и на втором съезде в 1921 г. единогласно был избран Ф.С.Павлов. В состав ЦК по делам старообрядцев Латвии входили такие видные деятели старообрядчества, как М.А.Каллистратов, С.Р.Кириллов, Г.С.Елисеев, И.Е.Колосов и др.

В 1923 году Ф.С.Павлов решил возобновить деятельность «Взаимно-вспомогательного благотворительного и просветительного общества старообрядцев». В связи с новыми историческими условиями и переработкой устава 10 декабря 1924 года общество было зарегистрировано под новым названием «Старообрядческое общество в Латвии» (СОЛ). Председателем Правления общества был избран Ф.С.Павлов, им он оставался до конца своей жизни (1933 г.). Потерпев неудачу на выборах в I Сейм Латвийской Республики в октябре 1922 года, когда депутатом избирается М.А.Каллистратов, Ф.С.Павлов отходит от активной политической деятельности и сосредотачивается исключительно на работе Старообрядческого общества, стремясь через него продвигать свои взгляды.

Общество активно участвует в общественной и культурной жизни русских рижан. В 1925 году открывается библиотека, насчитывающая более 4 тысяч книг, в т.ч. и раритетных изданий. Для членов общества устраивались лекции, доклады. Правление проводило закрытые семейные вечера, различные увеселительные мероприятия. Но для самого Ф.С.Павлова это был закат его политической карьеры.

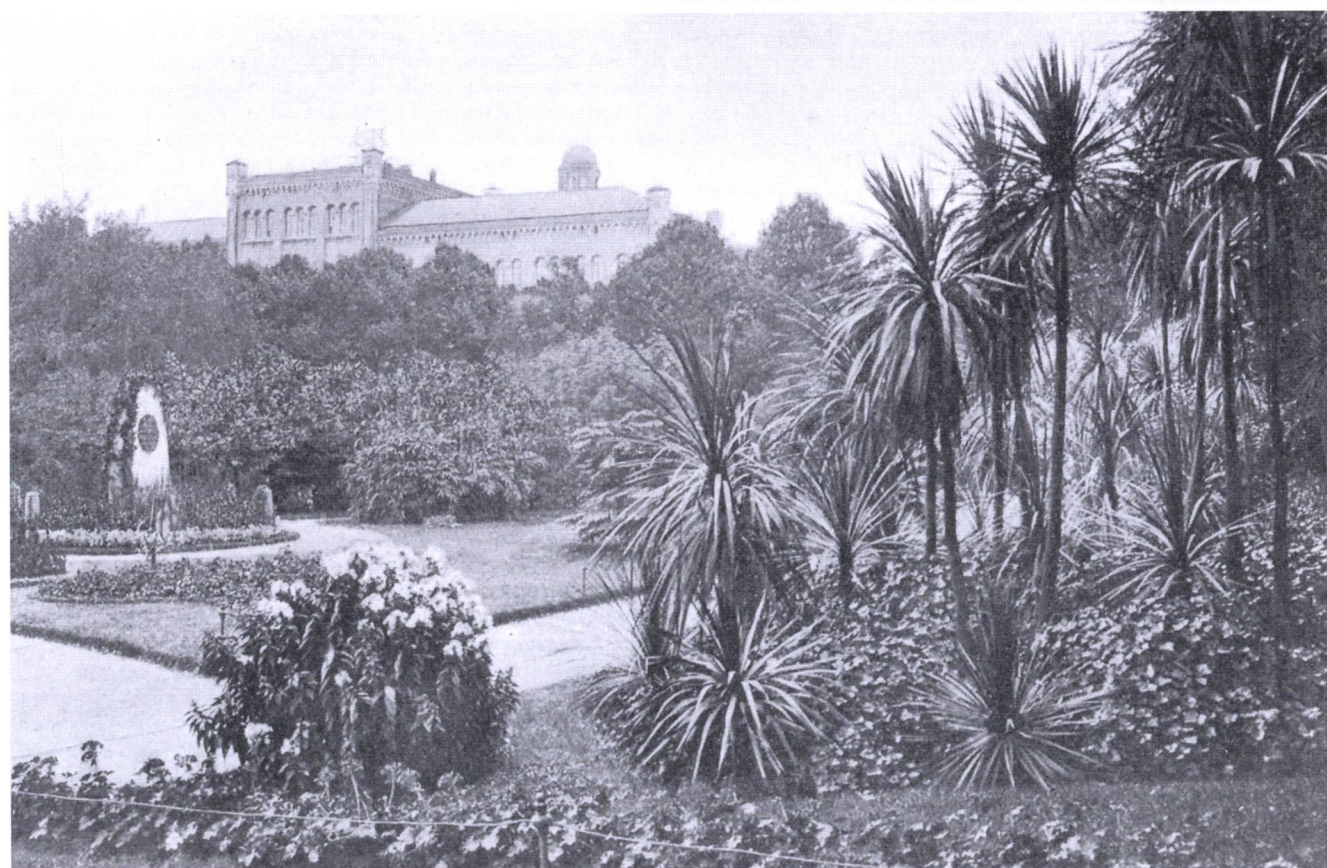
Вот как пишет неизвестный автор в одной из рижских газет в 1933 году: *«... период восхождения закончился и политическая карьера оказалась ему не по плечу. Этой обиды он не мог простить до последних дней своей жизни, искренне считая себя обойдённым... Волнения... и послужили, по-видимому, причиной скоропостижной смерти Павлова, давно уже страдающего пороком сердца».*

Ушёл из жизни человек, неразрывно связанный со старой русской Ригой, со старообрядческим бытом московско-форштадтских купцов и ремесленников. Современник писал: *«Кто из них не знал Фёдора Семёновича, грузного, но живого и энергичного человека, часто резкого, но всегда отзывчивого и очень интересовавшегося общественными делами».* Журналист, общественно-политический деятель, член Народного Совета и Учредительного собрания Латвийской Республики, председатель Старообрядческого общества Латвии и Центрального Комитета по делам старообрядцев Латвии - Фёдор Семёнович Павлов.

Светлая ему память.

Рига. Артезианский колодец у Бастионной горы, украшенный фигурой «Золотого рыцаря», фото начала XX века.

Верманский сад в Риге, фото начала XX века.

В.Е.Чешихин

(1865-1934)

НА НИВЕ ИСКУССТВА И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Всеволод Евграфович Чешихин родился в Риге 18 февраля 1865 года, учился в Александровской гимназии (в этом здании ныне Музыкальная академия). В 1887 г. закончил юридический факультет Петербургского университета и с 1888 года, после смерти отца, публициста Е.В.Чешихина, состоял постоянным музыкальным рецензентом «Рижского вестника». В 1893 г. вышла его книга «Краткие либретто. Содержание 100 опер современного репертуара» с очерком истории оперного искусства и заметками о композиторах. В том же году появилась книжка «Чайковский. Опыт характеристики». Молодой литератор издаёт и переводы знаменитых опер.

Долгие годы сотрудничал он и в столичной печати, в «Русской музыкальной газете». Сам Вс.Чешихин превосходно играл на фортепиано, сочинял музыку и даже написал оперу для детей. 17 июля 1898 г. он писал об открытии в Риге отделения ИРМО - Императорского Русского музыкального общества: «Это отделение - до некоторой степени моё детище... Что будет дальше - посмотрим; хоть какие-нибудь, но постоянные симфонические концерты, и хоть какая-нибудь, но русская музыкальная школа - и то уже будет благо для Риги!»

В газете «Прибалтийский край» (1900, 15 дек.) сообщалось о цикле лекций Чешихина в Риге: «14 дек. В зале Александровской гимназии состоялась четвертая публичная лекция Вс.Е.Чешихина из цикла в пять лекций „История русской оперы“. Лекция всецело была посвящена Чайковскому как главному представителю мелодического течения в «третьем» (1872-1890 гг.) периоде русской оперы. Лекция, по обыкновению, сопровождалась музыкальными пояснениями на фортепиано. (...) В заключении лекции Вс.Чешихин прочёл отрывок из своего стихотворного пролога, посвящённого памяти Чайковского, „Дилетант и Муза“».

По стопам отца и старшего брата Василия (В.Е.Чешихина-Ветринского) Вс.Чешихин активно участвовал в жизни русской общности, в течение многих лет являясь ведущей фигурой, основным лектором основанного в 1874 г. Русского литературного кружка.

Вс.Чешихин немало писал также о русской и зарубежной литературе, о главных течениях русской литературной критики и т.д. Его книга «Жуковский как переводчик Шиллера» (Р., 1895) удостоилась премии на конкурсе Имп. Академии Наук на лучшую работу о В.А.Жуковском. В 1899 г. в Одессе была издана книга «Современное общество в произведениях Боборыкина и Чехова».

В местной печати публиковались и стихи Вс.Чешихина. В 1892 г. увидела свет его поэма «Бетховен» (параллельно на нем. яз.), затем сборник «Стихи. 1887-1893». В 1899 г. издана драма в стихах «Пушкин в селе Михайловском», а также «Пять стихотворений

на случай» (1897-98 гг.). Перу Чешихина принадлежит и драма в стихах «Наполеон». В 1914 г. вышла его книжечка «Патриотические стихотворения» (для сбора пожертвований на нужды русских воинов), а затем - впервые в истории литературных связей - составленный им сборник с участием русских и латышских литераторов «Литераторы и художники воинам». В литературных кругах своего времени Вс.Чешихин был известен как прозаик и переводчик. В 1901 г. его рассказ «Однолюб» удостоился второй премии на конкурсе газеты «Биржевые ведомости» (позднее был переведён на нем., фр., латыш, языки), на латышском языке вышла книга его рассказов «Bez pamata». Печатался он и в немецкой печати, дружил с В.Андреяновым, Р.Блауманом, был знаком с Райнисом, Аспазией, проф. Лаутенбахом, другими деятелями латышской и немецкой культуры, популяризировал эсперанто и увлекался проблемами универсального языка международного общения, создал свой вариант эсперанто, издавал в Риге журнал «Всемирный почтовый союз» на трёх языках (1904-1907, №№ 1-38). В отличие от славянофилов, Вс.Чешихин последовательно боролся за сближение русской, латышской и немецкой культуры на демократической основе. Характерно, что в начале века он чаще публикуется в газете «Прибалтийский край», нежели в более консервативном «Рижском вестнике».

«...У нас на окраине, - отмечает публицист в статье „Каким образом Рига должна чувствовать Гердера?“, - есть русская, немецкая, латышская пресса, существует порознь своя русская, немецкая, латышская общественность, - а есть ли у нас нечто общее, русско-немецко-латышское?..» Автор полагал, что в Риге необходимы «объединительные, гердеровские стремления», русско-немецко-латышские общества, клубы, театры, журналы, «трёхплеменный народный дом» имени Гердера и т.п., рассуждал о «национализме прогрессивном и прогрессирующем» (1905). В 1899-1906 гг. Вс.Чешихин занимал должность добавочного мирового судьи по Лифляндской губернии, с 1910 г. являлся присяжным поверенным. Как юрист всегда проявлял гуманное отношение к беднейшим слоям населения и даже сам привлекался к суду как автор статьи «Тягчайшая из забастовок» (1905) по 129 статье уголовного Уложения (призыв населения к бунту), но в 1908 г. был судом оправдан. Публикуемые материалы Чешихин подписывал также псевдонимами: Александр Чацкий, Всё-таки оптимист, Русский европеец, Дилетант, В.Ч. и др.

В 1915 г. под угрозой германского вторжения Чешихин эвакуировался в Петроград, оставив в Риге личную библиотеку и имущество (немецкие власти продали книги с аукциона, основную часть библиотеки приобрел отец Т.А.Ивановой, сделавшей свою частную библиотеку общедоступной платной в 1920-

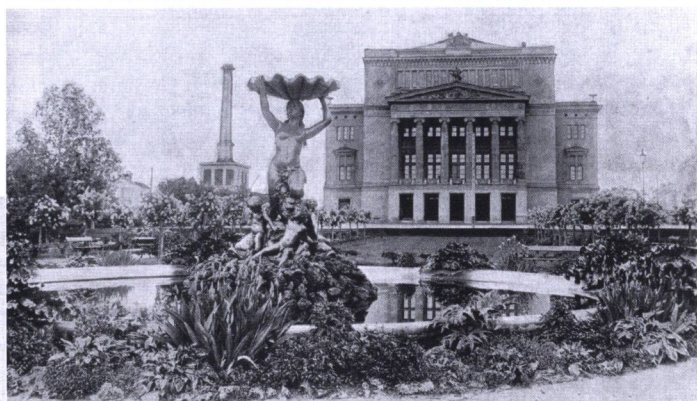
30-е гг.). В том же году он посылал заметки в газету «Рижское обозрение».

В Латвию Чешихин не вернулся. В 1928 г. он писал в личной анкете о своей родне: дед по матери - Иродион Яковлевич Ветринский (ум. 1849) - поэт, церковный историк и археолог, профессор философии. Первой женой Чешихина была «дочь барона Анна Александровна Дистерло (ум. 1890), во втором браке он был женат «на дочери купца Клавдии Филипповне Лещинской» (ум. 1927). Мать его, Елизавета Иродионовна, скончалась в 1911 г., сын Вадим умер в 1910 г. В 1928 г. три дочери литератора Ариадна (39 лет), Анна (36 лет) и Валерия (30 лет) были замужем, имели детей. О себе Чешихин сообщал: «инвалид труда 3-й группы, литератор», «б/п, эволюционный социалист - единобожник христианской группы», а также член Секции научных работников по Ленинграду. Судя по анкете, со 2 мая 1927 г. В.Е.Чешихин жил в Нижнем Новгороде у одной из дочерей, где и скончался в 1934 году.

Рижский историк и публицист Б.Н.Шалфеев в 1925 г. в газете «Сегодня» (№ 148) в статье «Справедливо ли?» выступал в защиту своего коллеги в связи с тем, что городские власти отклонили прошение столько сделавшего для Риги деятеля культуры «об оказании ему материального пособия». «В то время, когда централизм считался чем-то само собою разумеющимся, В.Е.Чешихин выступил с проектом автономии Балтики, которая должна была создать свободу культурного самоназначения всех её народностей. 23 года (...) работал в литературной критике, в секции новых языков при рижском педагогическом обществе и т.д. Первые представления лучших музыкальных драм Р.Вагнера („Тристан“, „Парсифаль“ и др.) были сделаны по его переводам. Риге он был также известен как независимый либеральный мировой судья, всегда судивший по праву и справедливости. В.Е. был близок с латышскими литературными кругами, и многие произведения его были переведены на латышский язык. Он был связан личной дружбой с драматургом Р.Блауманом, близким знакомством с Кр.Бароном. По инициативе Чешихина было открыто рижское отделение РМО и в 1904 г. основано музыкальное училище, где до 1915 г. В.Е. числился старшим преподавателем по истории музыки и эстетике». Знаменательными словами Б.Н.Шалфеева и закончим эту статью о достойном сыне Латвии В.Е.Чешихине, чей отец и родные покоятся на Покровском кладбище в Риге: «В области культуры существует всегда известная преемственность, и те, кто трудились над созданием литературных и музыкальных ценностей прежней Риги, работали и для нынешней столицы латвийского государства. Уважение к культуре вообще обязывает с признательностью относиться и к тем, кто до нас работал и трудился на этой ниве».

Роланд на Ратушной площади, фото начала XX века.

Первый городской (Немецкий) театр, фото начала XX века.

Александровская гимназия, фото начала XX века.

Вид на Ригу с Двины, фото начала XX века.

Памятник И.Гердеру в Риге, фото начала XX века.

А.П.Ливен

(1872-1937)

ПАТРИОТ РОССИИ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМУЮ ЛАТВИЮ...

Светлейший князь Анатолий Павлович Ливен сыграл уникальную роль в ходе Гражданской войны на территории Латвии и во многом способствовал обретению Латвией государственной независимости.

Лютеранин по вероисповеданию, принадлежавший к старинному балтийскому немецкому роду, он был абсолютно русским человеком. Родился в Санкт-Петербурге и по окончании юридического факультета Петербургского университета и Николаевского кавалерийского училища избрал военную службу. В Первую мировую войну проявил беспрецедентную храбрость. Был награждён орденом Св.Георгия 4-й степени, Св.Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св.Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и английским Военным крестом «Виктория».

В 1917 грянула Революция, и вскоре Россия оказалась охвачена пламенем Гражданской войны. В феврале 1918-го вместе с женой и дочерью князь был сослан в Екатеринбург, где семье чудом удалось избежать расстрела. Ливенов спасли латвийские корни. По условиям Брестского мира уроженцы Прибалтики смогли вернуться на родину.

К этому времени территория будущей Латвийской Республики была занята германскими оккупационными войсками. Они оставались здесь после капитуляции Германии по распоряжению победивших стран Антанты.

Воспользовавшись ситуацией, группа латвийских общественных и политических деятелей 18 ноября 1918 года провозгласила независимую Латвию. Но защищать её было некому! С востока наступали Красные латышские стрелки, а в Риге две латышские роты восстали против правительства Ульманиса. Немногочисленные антибольшевистские формирования отступали к Лиепае.

В январе 1919 князь Анатолий Ливен начал формировать Либавский добровольческий русский отряд, предназначенный для борьбы с большевиками. Его состав пополнялся за счёт солдат и офицеров, возвращавшихся из германского плена. Ещё на стадии формирования ливенцы уже удерживали фронт от наступающих красных частей.

Хотя это подразделение формально и входило в состав Балтийского немецкого ландесвера, (наряду с латышским отрядом Яниса Балодиса), фактически ливенцы не подчинялись его командо-

ванию. Русский офицер Анатолий Ливен сохранил верность присяге и долгу, до последней возможности сражаясь за восстановление России.

Однако он не пытался влиять на самоопределение латышского народа. Как и большинство бойцов его отряда, князь Ливен был сторонником «единой и неделимой», но не любой ценой. Позднее он писал в своих воспоминаниях: *«Отряд никогда не выкидывал монархических лозунгов, но определено верил, что разбитая, разграбленная и разорванная партийными распрями Россия в будущем не может быть возрождена иначе, как восстановлением сильной центральной власти, что отнюдь не должно означать возвращение к ошибкам царского режима вообще и по вопросу окраин в особенности».*

И так уж получилось, что, не будучи рьяным сторонником независимой Латвии, именно Ливен внёс решающий вклад в её становление. В апреле 1919 года в антибольшевистском стане возникли серьёзные разногласия. Немцы решили сменить правительство Ульманиса, которое всё активнее искало сближения с Антантой. При этом, в случае переворота новое латвийское правительство должен был возглавить человек, стоящий над национальными распрями и пользующийся большим авторитетом.

Тогда и предложили светлейшему князю пост премьер-министра. Анатолий Павлович обратился за советом к командиру латышских частей ландесвера полковнику Балодису. Тот ответил уклончиво: «Я солдат и моё место на фронте». Ливен не пошёл на явную сделку с немцами и отказался от лестного предложения.

То, что Ливен не поддержал новое прогерманское правительство во главе с пастором Андриевсом Ниедрой, укрепило позиции правительства К.Ульманиса.

Пиком боевого пути Анатолия Ливена стало взятие Риги в мае 1919 года. Его отряд первым вошёл в город со стороны Бабите, опередив войска Балтийского ландесвера. Наступление было столь скорым и успешным, что красные части оставили Ригу почти без боя. Так что есть все основания утверждать, что именно русские штыки сыграли решающую роль в освобождении латвийской столицы от большевиков.

В дальнейших боях Ливен был тяжело ранен. Авангард его корпуса, в рядах которого находился и сам князь, попал в

засаду в районе Ропажы. Бой был жестоким, и Анатолий Павлович уцелел лишь чудом. После этого оперативное командование отрядом принял капитан Дыдоров, а боевой путь полковника Ливена фактически завершился.

За время его командования отряд, первоначально насчитывавший всего 250 человек, увеличился многократно, обзаведясь собственной кавалерией, артиллерией, броневиками и даже авиацией. Ранение Ливена имело роковое значение для всего Белого движения в Прибалтике, в решающий момент лишившегося талантливого командира.

Генерал Юденич, главнокомандующий всеми антибольшевистскими силами северо-запада, приказал корпусу Ливена перейти в район Нарвы. Здесь ливенцы сражались с большевиками до декабря 1919-го. Сам же князь ещё в июле отбыл в Европу для лечения.

В январе 1920-го Ливен вернулся в своё родовое имение Межотне, после 1924 года принял латвийское гражданство и обосновался в Риге, где занимался литературной и издательской деятельностью. Как участник войны за независимость князь получал пенсию и приглашался на официальные мероприятия. При этом в полицейском политуправлении были уверены, что Ливен связан с белогвардейским Русским общевойсковым союзом и занимается антибольшевистской деятельностью.

Умер Анатолий Ливен 3 апреля 1937 года в Кемери.

Его слова звучат напоминанием любому правительству независимой Латвии:

«Заслуги отряда в деле утверждения независимости Латвии несомненны и правильно оценены, если и не с официальной стороны, то местным населением. Латвия населена различными национальностями, в том числе и многочисленными русскими. Всех объединяла борьба с большевиками. Ключевая же цель - освобождение России - была тогда мыслима исключительно при лояльном признании независимости новых государственных образований... Если Латвия была освобождена от красных и таким образом утвердила свою независимость, то это только благодаря сотрудничеству всех населяющих её национальностей, и только мирное сотрудничество населяющих её национальностей гарантирует дальнейшее процветание страны».

А.П.Ливен

*Рядовой отряда
светлейшего князя
Ливена, 1919 г.*

*Поручик 5-й
(Ливенской)
дивизии,
1919 г.*

*Крест в парке поместья
Межотне на могиле русских
солдат, павших во время
Первой мировой войны. Был
установлен в 1915 г. немцами,
проявившими своё уважение к
храброму противнику.*

*Поместье А.Ливена в
Межотне. Несмотря
на заслуги князя перед
Латвийской республикой,
в 1920 г. во время Аграр-
ной реформы имение
национализировали.
Оно было разделено
между вновь созданными
хозяйствами, а в замке
устроена Сельскохозяй-
ственная школа.*

К.С.Высотский

(1864-1938)

ЗНАМЕНИТЫЙ ХУДОЖНИК-АНИМАЛИСТ

Константина Семёновича Высотского, интереснейшего живописца, графика и иллюстратора в наше время успели подзабыть. И это явная, вопиющая несправедливость по отношению к одному из выдающихся русских художников, творивших в Латвии в 20-30-х годы XX века.

Он родился в 1867 году в известной музыкальной семье. Дед - композитор, гитарист-виртуоз был популярен в народе своими песнями. Будущий художник с детства увлекался музыкой. Кто знает, как сложилась бы его дальнейшая судьба, если бы принявший его в свой класс композитор Московской консерватории Н.Рубинштейн внезапно не скончался. Юноша, связывавший своё музыкальное будущее лишь с этим человеком, испытал крушение всех своих замыслов. И тогда его всецело стало занимать увлечение живописью.

С 1885 года К.С.Высотский учился в Московском училище живописи и ваяния у В.Е.Маковского и Е.С.Сорокина. В 1891 году он получил две серебряные медали и звание неклассного художника. На протяжении 90-х годов написал картины на исторические темы «Трубная площадь в воскресный день» (1894), «Тризна Ольги на могиле князя Игоря» (1896). Пробовал себя Константин Семёнович и в портретной живописи. Но постепенно на первое место выходят иные жанры: охота, сельский пейзаж, анималистика. Он иллюстрировал журналы «Нива», «Север», «Родина»; книги: «Рассказы» Мамина-Сибиряка, «Капитанскую дочку» А.С.Пушкина. Участвовал в выставках Московского товарищества художников, Московского общества любителей художеств, а также товарищества «передвижников». Об этом времени К.С.Высотский позже вспоминал: «Жил я в Москве богато, весело - искусством мне заниматься для заработка не нужно было». Вспоминал Константин Семёнович не раз и московские «среды» у Шмаринова, где бывали Репин, Шаляпин, и другие знаменитости. Критики высоко оценивали мастерство Высотского в анималистическом жанре, его картины сразу же заняли своё достойное место среди работ мастеров того времени.

Революция в России заставила его эмигрировать в Латвию. Сюда он прибыл в 1920 году и с самого начала погрузился в атмосферу творчества. По его инициативе в Риге образовалось объединение людей искусства «Содружество». В этом клубе рисовали, сочиняли экспромты и фиксировали это в «протоколах», а супруга художника, Варвара Фёдоровна, заботилась об уюте и обо всём сопутствующем, чтобы участники и гости чувствовали себя, как в старину, в хлебосольном московском обществе.

Когда Алексей Юпатов, известный график, экслибрисист и библиофил начал составлять список русских художников для выставки в Праге, он, разумеется, включил и К.С.Высотского. Константин Семёнович подарил тогда Русскому культурно-историческому музею в Праге интереснейшую живописную работу на тему охоты - «Былая забава».

Тема «Природа и охота» была очень популярна в конце девятнадцатого века. Выходил одноименный журнал, в галереях и салонах можно было приобрести картины и репродукции полотен. Выходили открытки с подобными сюжетами. И сегодня нередко попадают открытки К.С.Высотского до 1917 года. Выходили они и в Риге, в корпорации крупнейшего издателя тех времён Беньямина, с издательской маркой «EmBR» (Эмилия Беньямин, Рига). Это серия открыток «Фауна Латвии»: «Косуля», «Лесной кабан», «Волки», «Бобр», «Лось», «Тетерева», «Олени». Названия сюжетов были указаны на латышском и на латинском языках.

Константин Семёнович любил бывать на природе, ездил в местечко Жоготы рядом с российской границей. В этих же краях часто бывали Н.Богданов-Бельский и С.Виноградов. Собирались там и другие ведущие художники-рижане. К.Высотский прекрасно чувствовал себя среди многочисленных русских жителей Латгалии, ощущая себя словно на родине: «Вот минул месяц, как я живу здесь, в Жоготове, на берегах Исмерского озера, нежно ласкающего мой слух тихим плеском своих волн и радующего мой глаз калейдоскопом удивительно разнообразных освещений и красок. Здесь всё напоминает нашу родную природу с её удивительными горизонтами, манящей далью, глубоко поэтичными сумерками, отдаленным лаем деревенского пса и заунывным колоколом сельского храма в предпраздничные дни». Так писал он в письме своему хорошему знакомому, поэту и переводчику Виктору Третьякову. В эмиграции художник устроил несколько персональных выставок. Большое впечатление на рижан произвела выставка, проходившая в городском музее в 1925 году. С момента её открытия 4 октября и до закрытия 23 октября на вернисаж пришли 1612 посетителей. Основное место на ней заняли работы анималистического жанра. Замечательно смотрелись картины «Беломорские гаги», «Генерал Топтыгин», «На родину», «Барсук и английские гончие». Среди пейзажей, представленных на выставке, выделялось полотно «Жоготовское озеро в Латгалии». Искусствовед А.Прандэ так охарактеризовал творчество художника: «По существу живописи, примыкая к академическому реализму с не-

которыми элементами импрессионизма, Константин Семёнович остаётся верным заветам доброй старой школы и, стоя в стороне от всяких новшеств, побеждает своей искренностью. Его палитра - свежа, солнечна; рисунок - ясен, правдив». Крупнейшей по числу экспонатов была пред рождественская выставка 1930 года. На ней было выставлено свыше 150 работ!

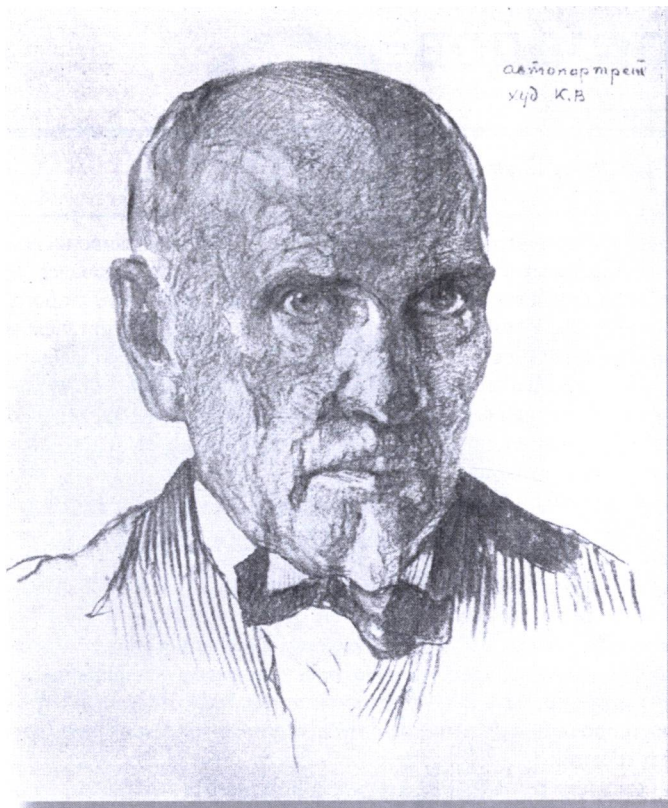
К 45-летию своей творческой деятельности художник устроил выставку в Таллине. Лирические полотна с изображением лесных обитателей соседствовали с натуралистическими сценами. На вопрос о правдивости сюжета с охотой волков на лося художник ответил: «Картина „В лесной глуши" написана мною четыре года назад. Многие спрашивают, наблюдал ли я непосредственно сюжет или это плод моей фантазии? - Видеть борьбу не приходилось. Это иллюстрация к книге, написанной самой природой, которую я прочитал много лет тому назад в глуши далёких лесов».

В Рижском городском художественном музее на выставках К.С.Высотского можно было увидеть достаточно разнообразную живопись, рисунки, графику: природа, мир животных, портреты, зарисовки латгальских старообрядцев - излюбленные сюжеты этого периода творчества художника. Он также участвовал в многочисленных вернисажах русского искусства за рубежом: в Лондоне, Берлине, Копенгагене, Лос-Анджелесе, Праге.

С самого начала своего пребывания в Риге Высотский руководил художественной студией. По воспоминаниям учеников занятия его были очень увлекательны. Художник не старался сделать своих подопечных анималистами, он давал им знания живописного мастерства разносторонне, стараясь развить у студентов творческую свободу. Вместе с наставником они выезжали в Латгалию, и поездки эти поддерживали творческое вдохновение студийцев. На выставке учеников студии Высотского, открывшейся в 1935 году в Ломоносовской гимназии, посетители увидели их немалые успехи в области рисования и живописи.

Константин Семёнович много и плодотворно работал, до конца отдавая себя любимому делу. Он скончался после тяжёлой, изнурительной болезни 6 января 1938 года и был похоронен на рижском Покровском кладбище.

Знатоки до сих пор высоко ценят работы этого мастера. Искусство замечательного художника-анималиста и его возвращение к широкой аудитории должно быть интересно многим, поскольку без К.С.Высотского история русского искусства будет не полной.

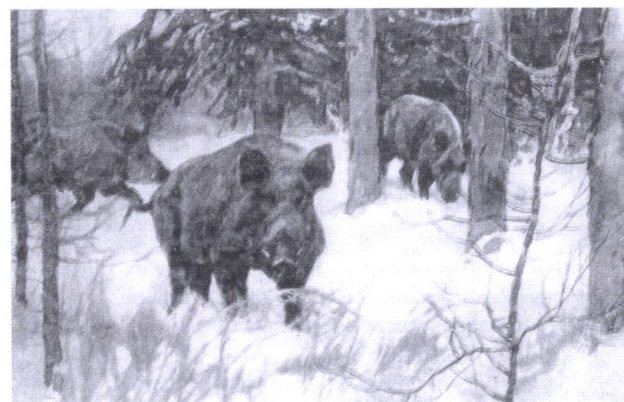
Лось.

Тетерева.

Бобр.

Лесной кабан.

Волки.

Косули.

С.А.Виноградов

(1869-1938)

ЭТА СВЕТЛАЯ СИЛА ПРИРОДЫ

Известный русский художник, академик живописи Сергей Арсеньевич Виноградов приехал в Латвию осенью 1924 года. Он относился к пылливому поколению молодых художников конца XIX начала XX веков, которое использовало в своём творчестве новейшие достижения в живописи. Пройдя период передвижничества, Виноградов с радостью воспринял принципы импрессионизма, оживив свои картины светом и воздухом. От бытового жанра художник перешёл к пейзажной живописи и сделал её главной в своём искусстве на протяжении всей жизни. С начала XX века особое внимание он уделял теме дворянских усадеб, изображая утопающие в зелени парков старые дома. Значительной для него стала тема православной церкви. Интерес к культовым постройкам формировался в сыне священника с детских лет. Он родился в 1869 году в Костромской губернии в посаде «Большие Соли» (ныне посёлок Некрасовское). Учился в приходской школе, затем в Костромской гимназии. Профессиональное образование получил в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1880-1899). На ученической выставке им была представлена картина «Утро в монастыре», вызвавшая интерес посетителей. По окончании училища Сергей Виноградов уехал преподавать рисунок в Харьковском ремесленном училище, там активно занимался творчеством, постоянно участвовал в выставках московского Общества любителей искусства.

Картины «Баба», (Крестьянка с граблями), «Село Пархомовка», «Обед работников» «У входа в монастырь», «Харьковский вокзал» и многие другие, часто наполненные образами простых людей, дают представление о его художественном интересе. За свои полотна художник получил признание «Товарищества передвижных художественных выставок», в 1899 году стал членом этого объединения и активным участником экспозиций. Это был уже новый, связанный с Москвой, период творчества. С осени 1898 по 1913 год Сергей Виноградов стал преподавателем натурального класса Московского Строгановского художественно-промышленного училища. Много занимался общественной работой. В 1903 году он становится членом нового прогрессивного объединения «Союза русских художников», а с 1910 по 1924 гг. его бессменным председателем. Вместе с другими талантливыми российскими

художниками Виноградов участвовал во многих международных выставках. В путешествиях по Волге, Северному краю он черпал свежие мотивы. «Шхуны в Архангельске», «В северной деревне», «Северная Двина» и другие работы несли в себе новые принципы живописи, основанные на импрессионистическом видении. Талант его был признан на Международных выставках в Мюнхене в 1909 и 1913 годах. Виноградов за свои пейзажи получил золотые медали. С 1912 года Сергей Арсеньевич - академик живописи, с 1916 - действительный член Академии художеств. Участник Московского литературно-художественного кружка, он публиковал рецензии на литературные произведения, иллюстрировал книги. После революционных событий был одним из организаторов выставки русского искусства в Америке в 1924 году. В Россию художник не вернулся.

В Латвии он нашёл поддержку академика живописи Н.П.Богданова-Бельского, поселившегося здесь осенью 1921 года. Они вместе работали над картинами на узких средневековых улочках Риги. Весной 1925 года художники выехали в восточную Латвию. Окружённое озёрами имение Лоборж (Лабваржи) в нескольких километрах от Резекне принадлежало М.Вошчинной. Всё здесь - природа, дворянский дом, тишина и покой привлекли Виноградова. «У озера», «Усадьба летом», «Усадьба осенью», «Шоссе», «Утро» были началом лоборжской темы. Пять сезонов художник работал в этих местах, открывая новые мотивы для своих пейзажей. Красота латгальской природы была увидена и запечатлена в имениях Зофино, Жоготы, Родополь, Пакульннеки, в городках Резекне и Краслава. Озёра, лесные речки, поля, перелески, хутора - везде пейзажист находил своеобразие и запечатлевал на своих полотнах. Они представлялись на рижских персональных выставках в 1925, 1935, 1936 годах. Среди латгальских пейзажей органично смотрелись купола соборов, звонницы. В 1929 году в Риге был издан альбом «Псково-Печерский монастырь», автором культурно-исторического очерка стал профессор Латвийского университета В.И.Синайский. Издание красили двадцать живописных картин и несколько рисунков С.А.Виноградова, выполненных в монастыре. Но вместе с творческой работой он с 1926 года вёл художественную студию, воспитывая талантливых молодых людей. Выставки учеников в 1930,

1932, 1933 годах показали живописное мастерство студийцев. Как радовался их успеху учитель! Это была и его, старого, опытного мастера заслуга, воспитавшего в своих подопечных истинную любовь к искусству. Став самостоятельными художниками, они по-прежнему нередко сопровождали Виноградова в поездках по Латгалии.

Персональная выставка их учителя в 1935 году получила самые положительные отзывы критики, её посетили тысячи рижан и приезжих. *«На выставке С.Л.Виноградова нет больших полотен, но, быть может, эти небольшие картины, иногда просто этюды к картинам ... из быта латгальской деревни раскрывают перед зрителем душу художника больше, чем огромные полотна»*, - писалось в отзывах в печати. Критики отмечали исключительно тёплые краски палитры, манеру письма, где *«живопись господствует над рисунком, где краски вызывают музыкальные ощущения, где тонкий мазок, часто импрессионистического свойства, придаёт картине изящную нервозность»*. Картины художника приобретались рижанами, две поступили в Городской художественный музей. Виноградов активно участвовал на общих выставках художников-эмигрантов. В Копенгагене (1927), Брюсселе (1928), Праге (1928, 1931), Берлине (1930), Осло (1932, 1934), Лондоне (1935), Белграде (1930, 1936), Стокгольме (1937) и других европейских городах успешно экспонировали замечательные произведения талантливых художников русской школы, среди которых громко звучало имя Сергея Арсеньевича Виноградова. В 1936 году в Лоборже Виноградов встретился с приехавшим из Парижа И.С.Шмелёвым. Писатель и художник были духовно близки, созданные ими образы созвучны по настроению, оба влюблены в белокаменную Москву, которую пришлось покинуть...

В апреле 1937 года Сергей Арсеньевич в последний раз приехал на летний сезон в Зофино. Здесь художник пишет о волшебстве пробуждающейся природы замечательную статью «Весна и Пасха в деревне». Он часто публиковался в рижской русской газете «Сегодня», и эта статья стала заключительной в его литературном творчестве. Пятого февраля 1938 года Сергей Арсеньевич Виноградов ушёл из жизни. Он был похоронен на рижском православном Покровском кладбище.

С.А.Виноградов

Осень в имени Лоборж.

Ледоход на Двине.

Цветущий сад в Латгалии.

Рига. Старый город, ул.Трокиню.

Обед работников.

Юрий Галич (Г.И.Гончаренко)

11877-19401

ОН БЕЛЛЕТРИСТ, ПОЭТ И ВОИН...

Георгий Иванович Гончаренко родился в 1877 году в Варшаве, где служил его отец, офицер русской армии. По окончании Полоцкого кадетского корпуса Георгий поступил в Николаевское кавалерийское училище. Здесь он стал отличным наездником и знатоком коневодства.

В 1897 году Г.Гончаренко был выпущен из училища по первому разряду, что давало ему право служить в гвардии. Для продолжения службы он выбрал лейб гвардии Кирасирский Ея Величества полк.

В С.-Петербурге офицеров этого полка называли гатчинскими Синими кирасирами. По своей популярности они уступали лишь кавалергардам. Полк имел более чем 200-летнюю историю, высокие награды и права Старой гвардии. Шефом полка считалась императрица-мать Мария Фёдоровна.

Ещё в период учёбы в С.-Петербурге Георгий Иванович отважился показать свои стихи известному поэту К.К.Случевскому. Мэтр ввёл молодого человека в литературную среду. Так Гончаренко познакомился с философом В.Соловьёвым и стал частым гостем в доме Сувориных. В сатирическом журнале «Стрекоза» появились первые публикации будущего писателя. В 1907 году ему удалось издать сборник стихов «Вечерние огни».

Георгий Иванович поступает в Николаевскую военную академию, окончив которую, он был зачислен в штаб Генерального штаба. Затем, как полагалось, отбывал двухгодичный ценз в армейских частях, а в 1911 году получил назначение в Ригу на должность начальника штаба Усть-Двинской крепости с производством в полковники Генерального штаба.

Под руководством коменданта крепости генерал-лейтенанта Мионинского он участвовал в модернизации и перевооружении крепости, а также создании в устье Западной Двины укрепленного района с мощными береговыми батареями.

Гончаренко, стремясь к дальнейшей службе в кавалерии, набирал необходимый ценз, принимая участие в учениях и маневрах 1-й отдельной кавалерийской бригады из 19-го драгунского Архангелогородского и 16-го гусарского Иркутского полков. Эти полки квартировались в Митаве и Риге.

К началу Первой мировой войны крепость была приведена в боевое состояние. Начальнику штаба предстояло провести мобилизацию резервистов. Были вызваны 12 рот ополчения из числа латышского населения, числившегося в запасных полках. Это были первые национальные формирования в русской армии. Через год из них начнут формировать латышские бригады и дивизии. И хотя это произойдёт тогда, когда Гончаренко в крепости не будет, всё-таки именно он стоял у истоков создания пол-

ков Латышских стрелков. Георгий Иванович подал рапорт о переводе в действующую армию. Командовал штабами разных кавалерийских дивизий. Затем, когда Юго-Западный фронт возглавил генерал А.А.Брусилов, он подал рапорт об освобождении от штабной работы с просьбой подчинить ему одно из подразделений кавалерии. Так он стал командиром 19-го Архангелогородского драгунского полка, с которым участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве в составе Юго-Западного фронта.

Историк русской армии Керсновский рассказал: «В кампании 1916 года геройская атака Заамурского конного полка, поддержанная архангелогородскими драгунами, у Нивы Злоческой спасла 11 армию». Полковник Гончаренко был награждён Георгиевским оружием, а в дальнейшем представлен к ордену Св.Георгия 4-й степени.

В феврале 1917 года в Петрограде произошёл переворот, Россия вступила в пору смут и потрясений. 1 июля Г.И.Гончаренко был произведён в генерал-майоры Генерального штаба и назначен начальником штаба Гвардейского кавалерийского корпуса. В составе корпуса числилось 12 гвардейских конных полков, 3 пеших и несколько батальонов специального назначения, почти небольшая армия. Пока корпус участвовал в боях под Стоходом, всё шло прекрасно, но когда полки сняли со своих позиций и отвели для поддержания порядка на железнодорожных узлах юга России, в корпусе начались брожения. Чтобы избежать окончательного развала, части перевели в глубокий тыл. Отсюда Георгия Ивановича отозвали в Петроград. В условиях разгоравшейся Гражданской войны он покидает службу. Друзья советуют ехать на Украину. Там короткое время он работает у гетмана Скоропадского в комитете по орденам Украины. Когда же к власти пришла Петлюровская Директория, и начались расстрелы русских офицеров, пришлось перебраться в Одессу. В апреле 1919 года к городу приближались красные части 1-й Конной армии Будённого. С одним из последних судов Гончаренко покидает Одессу. На французском пароходе «Кокад», взявшем курс на Босфор, он познакомился с писателями А.Толстым и С.Алдановым. За Босфором последовали Стамбул, Мраморное море, Дарданеллы и, наконец, греческий остров Халки. Здесь собралась русская колония во главе с императрицей Марией Фёдоровной. Но в этом райском уголке Гончаренко не задержался. Агенты адмирала Колчака вербовали офицеров в белую армию, приглашая их во Владивосток. Предстояло 3-х месячное плавание. В бухту Золотой Рог пароход пришёл уже осенью.

Надежды на Колчака не оправдались, адмирал был арестован в январе 1920 года. Пёстрая политическая обстановка во Вла-

дивостоке менялась как в калейдоскопе. Гончаренко начал сотрудничать с местными газетами. Снимал квартиру у рижской немки фрау Иогансон. С нежностью вспоминали Ригу, теперь она казалась лучшим городом на земле. Из Владивостока надо было уезжать, приближалась Красная Армия. Латвийский консул в визе отказал, выручил консул Эстонии, выдавший визу до Ревеля. За бортом британского парохода «Лористон» в обратном порядке менялись моря и порты, а у Георгия Ивановича рождались строки рассказов и новелл, вошедших в сборники «Золотые корабли» и «Китайские тени», слагались стихи его поэтических сборников «Орхидея» и «Тропические рифмы».

Осенью 1923 года в Риге по трапу парохода сошёл статный мужчина, в хорошо подогнанном светлом костюме берлинского покроя и в мягкой фетровой шляпе. В единственном чемодане было несколько книг и плотная пачка рукописей. В редакции местной газеты «Сегодня» он представился - Юрий Галич. После короткого знакомства ему предложили работу в отделе информации, на что он сразу согласился. Соскучился по работе, к тому же надо было зарабатывать на жизнь. Вскоре он уже сотрудничал со всеми русскими газетами Риги. К тому же его пригласили в качестве кавалерийского инструктора в Рижское военное училище и привлекли к сотрудничеству в военном издании «Latvijas karejvis», он выпустил популярное пособие по верховой езде «Zirgs». Юрий Галич много ездил по Латвии, бывал в Юрмале, Бауске, Елгаве, Но больше всего любил Латгалию, посещал Даугавпилс и Лудзу, которую называл «Городок в табакерке». Успешно продвигалась его литературная деятельность, за второй рижский период он опубликовал 13 книг: сборники стихов и рассказов, романы и повести. С особой теплотой написаны рассказы из сборника «Зелёный май» - признание писателя в любви городу и стране.

В 1937 году рижская общественность отметила 60-летний юбилей Галича, 40-летие военной службы и 30-летие литературной деятельности. В очерке о творчестве Ю.Галича Б.Энгельгард писал: «Бодрое мироощущение, острая память, искусное владение диалогом, необыкновенно лёгкий, свежий, изящный язык составляют характерные особенности талантливого писателя».

В 1940 году Рига стала советской, и жизнь начала резко меняться. Одна за другой закрывались старые газеты. В августе 1940 года Галича уволили с работы, а в декабре его пригласили в НКВД и предложили сотрудничать, дав два дня на размышление. Этого ему хватило, чтобы уладить свои земные дела и добровольно уйти из жизни 12 декабря 1940 года.

Солдаты гарнизона у памятника императору Петру Великому, установленному в Усть-Двинской крепости в 1910 г.

Атака русской кавалерии в конном строю на германскую батарею, худ. Н.Борисов.

Могила на Покровском кладбище в Риге. Должность Г.И.Гончаренко указана ошибочно.

Начальник штаба Усть-Двинской крепости полковник Ген. Штаба Г.И.Гончаренко и комендант крепости генерал-лейтенант Мионинский. Рига, 1914 г.

В.Г.Кудрячёв

(1869-1941)

ВИДНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

В галерее портретов видных деятелей Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины почётное место занимает фотография Василия Григорьевича Кудрячёва. В течение 16 лет он был председателем Совета РГСО и оставил по себе неизгладимую добрую память. Его душевная и материальная щедрость, его искренняя забота о прихожанах и его стойкость в древлеправославной вере - почти легенда в наши дни.

Родился В.Г.Кудрячёв в староверческом селении Андреево-Наволоко Олонечкой губурнии в 1869 году. Семья Кудрячёвых переселилась в Ригу во второй половине XIX века. Глава семьи - Григорий Кудрячёв - не был богат. В Ригу приехал после смерти жены по приглашению своего шурина Андрея Юшкова. Тот был человеком состоятельным, но бездетным и охотно взял на попечение семью Кудрячёвых, в которой было четверо сыновей: Василий, Ефим, Иван и Тимофей. Вскоре отец их умер, и главой семьи стал старший брат - Василий. Именно ему - способному, энергичному и очень честному племяннику дядя Андрей передал перед смертью всё состояние. И надо сказать, что Василий Григорьевич оправдал надежды своего благодетеля.

Среди домовладельцев и купечества Риги он по праву заслужил уважение. В Риге в то время было немало зажиточных старообрядцев, которые своей деятельностью внесли заметный вклад в развитие города, что высоко ценилось властями. Так, например, городской голова Джордж Армистед (1901-1912) не раз выражал свою благодарность Василию Кудрячёву и Ананию Трифонову за постройку и облицовку гранитом набережной по обе стороны Даугавы. Как главные подрядчики, они эту работу выполнили качественно и в срок. Городская дума удостоила Анания Ерофеевича Трифонова (председатель Совета РГСО с 1905 по 1924 год) звания Почётного гражданина города Риги.

Предпринимательская деятельность Василия Кудрячёва была очень многосторонней. Это и подряды на строительство крупных объектов, и торговля в собственных магазинах, и строительство жилых домов и управление ими. В то же время В.Кудрячёв с братьями активно включился в жизнь Гребенщиковской общины. Василий сначала был членом Совета РГСО, затем - с 1924 года по 1940 - председателем Совета. Ефим в 30-е годы входил в состав Совета РГСО. Кудрячёвы много и бескорыстно жертвовали общи-

не на благотворительные цели. Они были примером для всех. В эти годы Рижская Гребенщиковская община осуществляла традиционную для старообрядчества благотворительную деятельность. Продолжала действовать старейшая русская организация в Риге - Гребенщиковская старообрядческая богадельня (была учреждена ещё в середине XVIII века). Возглавлял это общество В.Г.Кудрячёв. Количество проживающих в богадельне в среднем составляло около 200 человек.

В.Г.Кудрячёв был также многолетним членом Гребенщиковского общества для воспитания бедных детей (основано в 1899 году), а с 1930 по 1940 годы председателем его правления. В марте 1926 года В.Г.Кудрячёв пожертвовал ГОВБД помещение для нужд детского приюта (ул. Маскавас, 91), в 1931 году на свои средства провёл ремонт дома, а в 1936 году за свой счет начал строительство нового здания для приюта. На церемонии освящения и торжественного открытия нового дома в 1937 году присутствовали представители городской администрации Риги, архитектор В.Шервинский (по его проекту построен был дом). Официальные гости в своих выступлениях выражали уважение и восхищение благородством и щедростью староверов.

По инициативе и при поддержке Совета РГСО, председателем которого был В.Г.Кудрячёв, в Риге в июне 1931 года и в августе 1935 года состоялись два Вселатвийских съезда староверческих вероучителей. Съезды позволили предпринять некоторые конструктивные шаги по разрешению проблем духовного просвещения латвийских староверов, сформулированных ещё в начале 1920-х годов. В 1937 году В.Г.Кудрячёв выступил издателем старообрядческого журнала «Наставник», призванного давать ответы на вопросы, касающиеся церковно-канонических сторон жизни общин. С середины 1930-х годов в Риге издавался Старообрядческий Церковный календарь, журнал «Златоструй». В это время в РГСО служили такие видные наставники как М.А.Власов, А.С.Мурников, И.В.Дорофеев, иконописец К.А.Павлов, просветитель и учёный И.Н.Заволоко и др. В.Г.Кудрячёв был почётным членом широко известного «Кружка ревнителей русской старины».

Не стеснялся В.Г.Кудрячёв общественно-политической жизни латвийского староверия. Был гласным Рижской Думы, кандидатом в депутаты Сейма Латвийской Республики.

Однако наибольшей заслугой председателя Совета Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины В.Г.Кудрячёва является высокий духовный авторитет и прочное материальное положение, достигнутые РГСО в 20-30-е годы XX столетия.

Следуя примеру председателя Совета, многие состоятельные прихожане также вносили свой вклад в общее дело укрепления хозяйственного положения общины и всего латвийского староверия.

РГСО владела многими зданиями, почти 90 га земли, по некоторым источникам имела денежных накоплений около 6 млн. латов. Это был золотой период для Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины.

Василий Григорьевич неоднократно переизбирался председателем Совета. Он пробыл на этом посту до лета 1940 года, когда уже при Советской власти его арестовали. Согласно официальной выписки из архива, он умер 12 сентября 1941 года в возрасте 72 лет в Усольяге Пермской области.

Младший брат Тимофей в Первую мировую войну, будучи призванным в армию, умер в 1916 году от тифа. Второй брат Ефим Григорьевич умер в 1936 году. Брат Иван Григорьевич скончался в Риге в 1969 году. Все они ушли из жизни, не оставив потомства.

Много лет прошло, но память о семье Кудрячёвых жива.

v У европейца - человек человеку волк, X
Я всяк за себя, всяк сам себе бог; по- x
g этому все против всех и все против y
| Бога; и героичность его есть очень \$
| часто эксцесс себялюбия и гордости X
x - личной или национальной. Это ко- x
X рыстный и хищный героизм. Евро- g
g пеец доволен, когда ему завидуют, и <
б терпеть не может, чтобы его жалели, X
X - это унижение. Поэтому он скрытен, x
| притворяется, чопорен, чванлив и те- g
| атрально надут - и когда русский это X
X видит, то у него щемит на сердце... X
x Русский подходит к своему ближнему X
X непосредственно и тепло. Он сораду- g
g ется и сострадает. Он всегда склонен g
X к расположению и доверию. Быстро X
x сближается. Он естествен, и в этом x
g его шарм. Он прост, интимен, скло- y
S нен к откровенности, стремится быть X
j. полезным. X

Вальтер Шубарт >

В.Г.Кудрячёв

Семья Кудрячёвых в августе 1907 года. Слева направо: Иван Григорьевич, Василий Григорьевич, Ефим Григорьевич, Тимофей Григорьевич. Крайний справа – друг семьи Никита Афанасьевич Рошонок.

Дом в Риге, на ул.Марияс, 28, который принадлежал Кудрячёвым.

Храм Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины.

II Вселатвийский съезд вероучителей в Риге 4 августа 1935 года. В центре В.Г.Кудрячёв.

П.М.Пильский

(1879-1941)

ВОИН ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ

Знаменитый критик, публицист и писатель Пётр Мосеевич Пильский родился 16 апреля 1879 года в Орле в семье армейского офицера. Девичья фамилия его матери, Неониллы Михайловны, была Девиер и имела отношение к графскому роду, родоначальником которого являлся некий Антон Девиер. Семейное предание рассказывало о том, как юнгой на португальском корабле прибыл он в Голландию и был отмечен Петром Великим, взявшим его в денщики. Молодой Девиер сделал блестящую карьеру, дослужившись до генеральского чина. Впоследствии эта фамилия стала одним из псевдонимов журналиста Пильского.

С десяти лет учился Пётр Пильский в 4-м Московском кадетском корпусе, затем в Александровском военном училище. Ещё во время учёбы он стал посещать литературный кружок Валерия Брюсова. Там, в среде поэтов и писателей, он зарекомендовал себя как завзятый спорщик. При этом юный кадет демонстрировал отличное знакомство с литературой и с литературной критикой. Его острые, порой нелюбезные оценки уже тогда заставляли нервничать некоторых известных мастеров пера.

По окончании училища Пильский был произведён в офицеры и отправлен в Минск, в 120-й пехотный Серпуховский полк. Пытаясь совместить военную службу с литературной деятельностью, он начал печататься в «Минском листке». В 1897 году Пильский увольняется с военной службы, переезжает в Петербург и становится сотрудником «Биржевых ведомостей».

В 1901 году Пётр Мосеевич принимает предложение Леонида Андреева и возвращается в Москву, где начинает сотрудничать с журналом «Курьер». В начале 1902 года он снова в Петербурге, где? и знакомится с А.Куприным. Они много времени проводят вместе, сотрудничают в одних и тех же периодических изданиях.

Это было время молодого азартного куража, когда жизнь казалась сплошным праздником, а несомненный литературный талант приносил Петру Пильскому славу, успех и деньги... Собрат по литературному цеху, Корней Чуковский, отзывался о нём восторженно-бранчливо: «Бретёр, самохвал, забияка, кабацкий драчун». Позднее Марк Слоним вспоминал Пильского так: «Были в нём замашки и привычки богемы, он дневал и ночевал в кафе и ресторанах, обожал разговоры до утра в каком-нибудь „литературно-художественном клубе“, любил возбуждение от вина, атмосферу дружбы, споров и

ссор, перекрестный огонь шуток и эпиграмм, игру флирта и елюблений, беспорядок и толчею случайных вечеринок и непринуждённых пирушек».

Его высоко ценили такие мастера слова, как И.Бунин, И.Шмелёв, А.Амфитеатов, М.Алданов. Он был знаком почти со всеми литературными и артистическими знаменитостями России того времени. Дружил с Фёдором Шалапиным и Михаилом Чеховым.

Своеобразная оригинальность Петра Пильского проявлялась в невероятном числе литературных псевдонимов: Роланд, Лентяй, Книголюб, Сергеев, П.Татров, П.Шуйский, П.Пустынник, Сило, Евлампий Кондаков, Питирим Мосеев, Петрополитанус, П.Хрущев, ТРБ, Наблюдатель, Девиер... Это была золотая пора жизни, подлинный расцвет его творчества.

В 1914 году началась Первая мировая война. Бывший офицер Пильский был призван в действующую армию. Капитан артиллерии, дважды раненый, он был демобилизован в 1916 году. Александр Куприн писал: «...Война остепенила неистовый темперамент Пильского и в то же время отшлифовала его писательский талант...».

Революция застала Петра Мосеевича в Петрограде. С мая по июль 1917 года он вместе с Куприным редактировал газету «Свободная Россия». После её закрытия стал редактором сатирического журнала «Эшафот», сотрудничал и с другими изданиями.

В 1918 году Пильский становится основателем «Первой Всероссийской школы журнализма», где читали лекции Ф.Зелинский, С.Венгеров, Ф.Сологуб, А.Блок, В.Дорошевич, А.Куприн, А.Амфитеатов. После целого ряда антибольшевистских публикаций в прессе Пильского арестовали, и дело его было передано в Ревтрибунал. Следствие длилось почти полгода и после того, как в октябре подследственный был освобождён «на поруки», он благополучно бежал из Петрограда на юг: Москва - Орёл - Киев - Херсон - Одесса - Кишинёв... В общей сложности скитания Петра Пильского продолжались почти три года, пока наконец он не прибыл в Ригу 2 октября 1921 года.

Здесь и началось его сотрудничество с газетой «Сегодня», которое продолжалось почти двадцать лет. Заведя литературным отделом, Пётр Мосеевич Пильский вскоре стал одним из самых известных журналистов довоенной Риги.

За это время в латвийской и эстонской прессе под большим количеством псевдонимов и своим собственным именем он опубликовал более двух тысяч статей,

рецензий и фельетонов. Пильский читал лекции, проводил бесчисленное множество литературных вечеров. Он стал поистине «почтовой лошадью просвещения». То, что в Париже совместными усилиями делали в области критики [“Адамович, В.Иванов, В.Вейдле, Осоргин и Вл.Ходасевич, в Риге виртуозно проделывал один Пильский. Благодаря его авторитету и обширным связям в рижской газете печатались все ведущие русские литераторы эмиграции: Бунин, Куприн, Северянин, Шмелёв, Бальмонт. Во многом благодаря П.Пильскому газета «Сегодня» стала уникальнейшим явлением в истории русской эмигрантской прессы.

Пётр Мосеевич был одним из немногих, кто писал о Русском театре в Прибалтике, выделяя прежде всего один, наиболее им ценный: «...Рижская русская драма - бесспорно подлинный театр. Её состав, её негасимая жажда репертуарного обновления, её декорационная живописность, опрятность постановок, репетиционная тщательность покорили сердца театралов, создали почётное имя большого, хорошего Русского драматического театра...».

Результатом его многолетней деятельности в качестве театрального критика стала книга «Роман с театром», изданная в Риге в 1929 году. Пильский отмечал в предисловии: «Писать о русском театре и русском актёре сейчас наша общая и святая обязанность. Время бежит, люди и дела отдаляются, уплывают, забываются. Разорвалась и театральная история России. Что можно сберечь из прошлого, нужно заботливо охранить, хотя бы как воспоминание...».

Современники высоко ценили высокий профессионализм и несомненный талант Пильского. Марк Алданов отмечал в своих публикациях, что ему «присуща необыкновенная память, сохранившая всё, от маленьких черточек наружности давно умерших людей до шуток, сказанных много лет тому назад...». В своей статье, посвящённой юбилею Пильского, Александр Амфитеатов характеризовал его предельно просто: «Это был поистине рыцарь художественной критики».

В мае 1940 года Пильский пережил insult и оказался прикованным к постели. После установления в Латвии Советской власти в его квартире произвели обыск. Больного не тронули, но весь его богатый архив был конфискован. Умер Пётр Мосеевич Пильский уже во время немецкой оккупации, 21 декабря 1941 года и был похоронен на православном Покровском кладбище в Риге.

П.М.Пильский

Панорама Риги, рис. 30-х гг. XX века.

Рижский автовокзал, фото 30-х гг. XX века.

Могила на Покровском кладбище.

Рига, городской канал, фото 30-х гг. XX века.

М.А.Каллистратов

(1896-1941)

ДЕПУТАТ ЧЕТЫРЁХ СЕЙМОВ

11 июня 1934 года, менее чем через месяц после того, как в Латвии была попорана демократия и установлена диктатура Карлиса Ульманиса, депутат разогнанного путчистами Сейма, старообрядец Мелетий Архипович Каллистратов, был арестован и отправлен в концентрационный лагерь в Курземе. После ульманисовского переворота здесь находились сотни «подозрительных» лиц, в том числе пара десятков депутатов распущенного диктатором парламента. Посажённых в концлагерь без суда и следствия политиков и общественных деятелей выпускали постепенно - по мере укрепления авторитарного режима «Вождя народа» Ульманиса. Мелетий Каллистратов вышел из заключения одним из последних - он был освобождён лишь в конце марта 1935 года. Причём политическая полиция установила за бывшим парламентарием тайный надзор. Почему же он привлёк такое внимание диктаторского режима?

Мелетий Каллистратов был явным лидером русской общины Латвии. Единственный из русских граждан, он избирался депутатом всех четырёх Сеймов, вёл правозащитную деятельность, оказывал соотечественникам бесплатную юридическую помощь, в случае необходимости становился их ходатаем в органах власти. Он боролся за повышение статуса русского языка, сам выступал в Сейме исключительно по-русски (хотя латышским владел). Порой, Каллистратову удавалось добиваться того, о чём сегодня русские Латвии могут только мечтать.

Что же представлял собой один из самых значительных русских политиков довоенной Латвии? Мелетий Архипович родился 15 мая 1896 года в Двинске (Даугавпилсе), в семье старообрядцев. С детства проявлял тягу к знаниям, но денег на его образование в семье не было. К счастью, способного юношу заметили местные власти: учительскую семинарию в Илуксте Каллистратов окончил благодаря стипендии Двинского земства для способных молодых людей. Мелетий Архипович преподавал в школе и уже в юности показал, что думает не только о себе: он вёл большую просветительскую работу.

В Первую мировую войну патристически настроенный молодой человек добровольцем вступил в русскую армию. В 1917 году в Российской Им-

перии произошла революция, в 1918-м закончилась Мировая война, была провозглашена независимая Латвийская Республика. В 1919-м и в России, и в Латвии шла Гражданская война. И вновь Каллистратов добровольно вступил в армию - князь Ливен формировал в Латвии отряд русских белогвардейцев. Этот отряд сначала воевал за независимую Латвийскую Республику, затем влился в белогвардейскую армию Юденича.

Закончились войны, Каллистратов в 1920 году вернулся в родной город. Его авторитет среди земляков был велик, и в 1922 году жители Латгалии избрали его в парламент Латвии по списку старообрядцев. Уже в Первом Сейме Мелетий Архипович зарекомендовал себя как защитник русского языка, русского образования и русского крестьянства.

В 1925 году Каллистратов был избран во Второй Сейм. Его «звёздный час» наступил в 1926-м. Мало того, что он добился выделения большой суммы денег на завершение строительства в Даугавпилсе старообрядческого храма, который начали строить ещё до Первой мировой войны. Главное достижение Мелетия Архиповича - в некоторых местностях его родной Латгалии русский язык получил статус официального!

К нему часто обращались за помощью небогатые крестьяне, он никогда не отказывал в консультациях, пытался решить насущные проблемы людей, хотя в обязанности депутата подобная правозащитная практика не входила.

Каллистратов поддерживал в Сейме левоцентристскую коалицию, выступал за заключение торгового договора с Советским Союзом. Некоторые боевые соратники Мелетия Архиповича выражали недовольство: почему так полевел их бывший товарищ по белому движению? Но Каллистратов продолжал действовать в соответствии со своими убеждениями, а избирателей его позиция вполне устраивала. Мелетий Архипович в 1928 году был избран в Третий Сейм, что само по себе было немалым достижением. Кстати, в этот парламент по старообрядческому списку попал и его фронтовой товарищ Елисеев. Политик-старообрядец по-прежнему решительно защищал русские школы, русское крестьянство, добивался, чтобы русских солдат латвийской армии отпускали в увольнительную на православное Рождество и Пасху.

Мелетий Каллистратов стал претендовать на подлинное лидерство среди русских политиков. Неожиданно перед выборами Четвёртого Сейма в Латгалии появились анонимные листовки, «разоблачающие» Каллистратова и его давнего друга депутата Елисеева. Вот как позднее описывала содержание выпадов против Каллистратова латвийская газета «Экстра-телеграммы»: утверждалось, к примеру, будто бы Каллистратов во время гражданской войны отличался страшной жестокостью и даже отдал приказ повесить двух солдат, всего-навсего попросивших разрешения навестить своих жён. Листовка была подписана словом «ливенец» (то есть боец отряда князя Ливена).

Клевета, однако, не сработала, в 1931 году Каллистратов был избран в Четвёртый Сейм. Личность анонима удалось установить, и в 1933 году состоялся суд. На суде «разоблачитель» покаялся, признал, что доказательств написанного в листовках у него нет, и просил прощения у Каллистратова. При этом он признался, что действовал по просьбе другого русского кандидата в депутаты...

Ирония судьбы: в 1934 году ульманисовский переворот произошёл в ночь с 15 на 16 мая, то есть в день рождения Мелетия Каллистратова. Как уже говорилось, парламентарий был брошен в тюрьму. После освобождения в 1935 году он работал в Даугавпилсе учителем.

В 1940-м произошли новые перемены: Латвия стала советской. Вскоре бывшего белогвардейца Мелетия Каллистратова арестовали. В самом начале Великой Отечественной войны, 23 июня 1941 года, депутат всех Сеймов довоенной Латвии был расстрелян.

В Даугавпилсе, на ул.Нометню, 21 сохранился дом, который принадлежал Мелетию Архиповичу Каллистратову. Это здание так и называют-Дом Каллистратова.

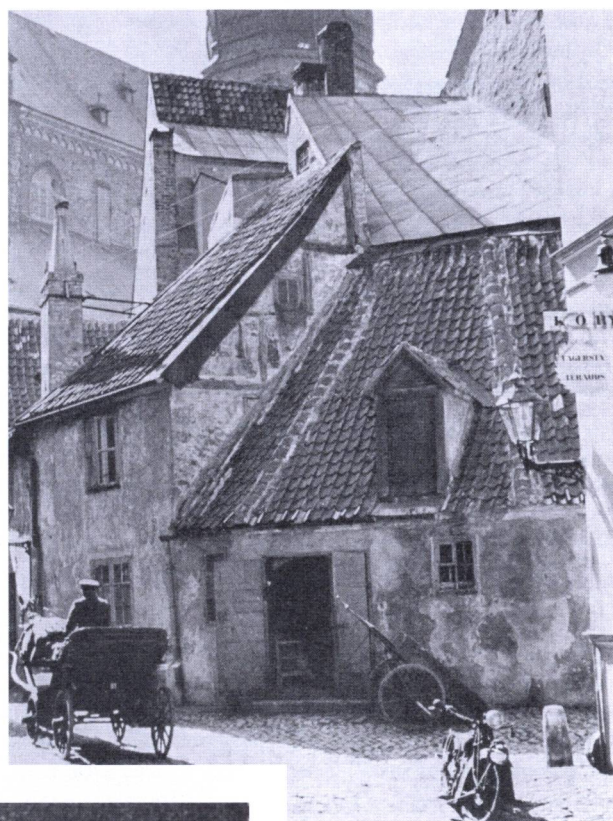
М.А.Каллистратов

Рига. Здание Сейма Латвийской республики.

Даугавпилс, Дом Каллистратова.

Рига, Конвент Св.Духа, фото 30-х гг. XX века.

*Русские депутаты III Сейма.
Слева-направо:
М.А.Каллистратов,
И.В.Корнильев,
архиепископ Иоанн (Поммер),
С.Р.Кириллов, Л.В.Шполянский,
Г.С.Елисеев.*

Ю.Н.Тынянов

(1894-1943)

ЕДИН В ЧЕТЫРЁХ ИПОСТАСЯХ

Писатель, учёный, киносценарист, переводчик, человек подлинно русской культуры - Юрий Николаевич Тынянов родился 6 (18) октября 1894 года в городе Режице (Резекне) в семье врача. Через много лет в «Автобиографии» он так написал о городе своего детства: *«Я родился в 1894 году в городе Режице, часах в шести от мест рождения Михоэlsa и Шагала и в восьми от места рождения и молодости Екатерины I. Город был небольшой, холмистый, очень разный. На холме - развалины Ливонского замка, внизу - еврейские переулки, а за речкой - раскольничий скит... В городе одновременно жили евреи, белорусы, великорусы, латыши, и существовало несколько веков и стран. Староверы были похожи на суриковских стрельцов».*

В семь лет будущий киносценарист впервые посмотрел кино, в раннем детстве пристрастился к чтению. В «Автобиографии» он сдержанно написал: *«Сам я читал всё, что попадалось. Любимый поэт моего детства - Некрасов».* Любовь к чтению осталась на всю жизнь. Через много лет писатель Корней Чуковский поведал: *«Тынянов был с детства книжником, самым жадным читателем книг из всех, каких я когда-либо видел».*

В 1904 году девятилетний Юрий начал учиться в Псковской гимназии. В Пскове, как и в Резекне, многое напоминало об истории. Примечательна фраза из воспоминаний писателя: *«Большую часть времени проводил с товарищами на стене, охранявшей Псков от Стефана Батория».* А вот какой вывод сделал через много лет известный исторический романист Тынянов: *«Если бы у меня не было моего детства, я не понимал бы истории».* Гимназист Тынянов проявил огромный интерес к литературе и большие способности к языкам. К примеру, он купил книгу поэта Тараса Шевченко и читал его стихи на языке оригинала, хотя украинскому в гимназии не обучали. В 1912 году Юрий Тынянов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Будущий учёный ещё в студенческие годы проявил незаурядные способности и самостоятельность мышления. *«Больше всего я был несогласен с установившимися оценками»*, - признавался он. В 1918 году выпускник историко-филологического факультета Тынянов был оставлен при университете для научной работы.

В то время Юрий Николаевич был молод и романтичен. Не побоялся поехать в оккупированный немцами Псков, чтобы увести оттуда любимую женщину. В науке показал себя новатором. В 1918 году он вступил в общество по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ), познакомился там с группой исследователей, вместе с которыми позднее создал так называемый «формальный метод», повлиявший на развитие не только русского, но и мирового литературоведения. Уже в 1919-м году Тынянов написал значительную научную работу «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)». В 1921 году она вышла отдельной книгой. До конца жизни Тынянов занимался научной работой, публиковал статьи и книги.

Ещё будучи студентом, Тынянов заинтересовался творчеством поэта Вильгельма Кюхельбекера. По ироничному замечанию писателя Вениамина Каверина, в то время о Кюхельбекере было известно лишь то, что он был другом Пушкина и что лицейские друзья смеялись над его стихами. Между тем, в архиве имелось немало неизданных произведений поэта. Тынянов стал их первым читателем. В 1925 году вышел первый исторический роман Юрия Николаевича «Кюхля». Он написал эту книгу легко и быстро, литературовед Виктор Шкловский так образно высказался о её создании: *«Тынянов написал роман... как будто этот роман стоял за дверью. Юрий Николаевич открыл дверь, и роман вошёл».*

Первое литературное произведение известного учёного произвело большое впечатление на литераторов, пользовавшихся в то время огромным авторитетом в стране. Алексей Максимович Горький так оценил «Кюхлю»: после «Войны и мира» «в этом роде никто ещё не писал. Тынянов далеко пойдёт». Поэт Владимир Маяковский при встрече произнес: «Ну, Тынянов, поговорим как держава с державой».

В 1927 году Тынянов закончил роман о Грибоедове «Смерть Вазир-Мухтара». Сам писатель так сформулировал свой принцип творчества: «Где кончается документ, там я начинаю». В то же время Горький, прочитав «Смерть Вазир-Мухтара», написал автору книги: «Удивляет ваше знание эпохи».

Молодой писатель быстро стал известен и как киносценарист. В 1926 году режиссер Григорий Козинцев снял фильм «Шинель» по сценарию Тынянова, в 1927 году - фильм «С. В. Д.» (Союз

великого дела). Через десятилетия маститый российский режиссер Козинцев так отзывался о совместной работе с Тыняновым: «Думаю, что и „Гамлета“ мне было бы ставить гораздо труднее, если бы много лет назад я не работал и не дружил с Тыняновым».

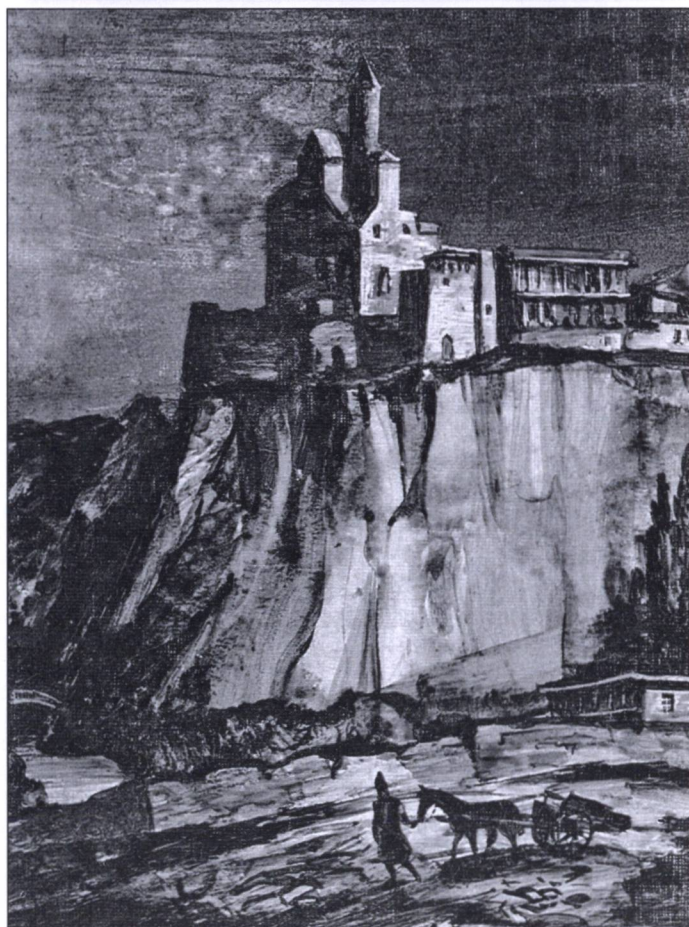
С кино был связан и замысел знаменитого тыняновского рассказа «Подпоручик Киже». Первоначально написанный в 1927-м году рассказ был задуман как сценарий кинофильма. В 1934 году на экраны вышел фильм «Подпоручик Киже». В Большом театре по рассказу Тынянова был поставлен балет, а название рассказа стало крылатым выражением.

В 20-е годы Юрий Николаевич читал лекции о поэзии в Институте истории искусств, в 1924-м году издал книгу «Проблемы стихотворного языка». А вскоре проявил себя с неожиданной стороны: как переводчик великого немецкого поэта Генриха Гейне. В 1927-м году на русском языке был издан сборник Гейне «Сатиры», в 1932-м году поэма «Германия. Зимняя сказка». В переводах проявился поэтический талант Тынянова.

Между тем, здоровье писателя ухудшалось. Уже в 1928-м году он вынужден был поехать на лечение в Германию. Иностранные врачи не смогли помочь побороть недуг. В начале 30-х годов Тынянов уже был тяжело болен. Но до последних дней своей жизни писатель и учёный продолжал активно работать: писал рассказы, научные статьи, а в 1931-м году приступил к новому для себя делу: как редактор участвовал в создании основанной Горьким «Библиотеке поэта».

В 30-е годы Тынянов задумал много томный роман о Пушкине. В 1935-м году была опубликована первая книга «Детство», в 1937-м году вторая - «Лицей». Третья книга «Юность» была опубликована в журнале «Знамя» в год смерти Тынянова. У писателя было немало творческих замыслов. Сохранились наброски романа «Ганнибалы» о предках Пушкина, ряда других литературных произведений. Увы, 20 декабря 1943 года Юрий Тынянов умер.

Закончить хотелось бы словами Юрия Николаевича: *«Ощущение нашей страны, как страны великой, сохраняющей старые ценности и создающей новые - главный двигатель работы и историка литературы, и исторического романиста».*

Иллюстрации из произведений писателя.

Резекне, руины замка.

В.М. Петров

(1908-1943)

ПЕРВЫЙ ГРОССМЕЙСТЕР ЛАТВИИ - РУССКИЙ ШАХМАТИСТ

Владимир Михайлович Петров родился в Риге в 1908 году в семье сапожного мастера. Небольшая мастерская находилась на ул. Авоту, при ней был и маленький обувной магазинчик. Семья жила неподалёку - на ул. Матиса 64 а, кв. 4.

В детстве он был далёк от шахмат и впервые сел за шахматный столик лишь в 13 лет. Его товарищи по Ломоносовской гимназии вспоминали впоследствии, что произошло это почти случайно. Основам древней игры Владимира обучил гимназист Виктор фон Розенберг. Шахматы увлекли юношу, и уже через пару недель он вызвал своего наставника на состязание из ста партий. Матч длился несколько месяцев. Сначала Петров проигрывал одну партию за другой. Но вторую половину поединка, а в итоге и весь матч Петров всё же выиграл. Минув год, и семиклассник Петров уже стал чемпионом гимназии, получив 3-ю шахматную категорию. 10 января 1923 года Владимир стал членом II Рижского шахматного общества. В то время «организованные» шахматисты Латвии делились на пять категорий (сейчас категории заменили разрядами). К моменту окончания учёбы Владимир уже достиг высшей в Латвии 1-й категории.

В 1925 году Владимир Петров поступил на факультет правоведения Латвийского университета, но юридическая карьера ограничилась службой в бюро регистрации браков. Шахматы занимали всё его свободное время.

На 1927 год он получил три титула мастера: города Риги, Рижского шахматного клуба и Шахматного общества студентов латвийского университета. За победу в первенстве университета Владимир стал обладателем переходящего приза президента Латвии Я.Чаксте и сохранил его до 1931 года, когда призёром стал В.Р.Хазенфус.

30 июля 1927 года в Лондоне IV конгресс FIDE принял в международную Шахматную федерацию пять новых участниц: Латвию, Польшу, Португалию, США и Уругвай. Таким образом, в составе FIDE были шахматные союзы 23 государств. Начиная со II Олимпиады, шахматисты Латвии принимали участие в семи олимпиадах FIDE, и Петров был участником всех последующих довоенных турниров на кубок Наций. Сам Александр Алёхин, знаменитый чемпион мира, оценивал сборную Латвии как одну из сильнейших в Европе. В июле-августе 1928 года Петрову было нужно преодолеть квалификационный барьер для поездки на олимпиаду в Гаагу. В дальнейшем его как сильнейшего шахматиста Латвии зачисляли в состав команды вне конкурса. У Владимира появилась возможность состязаться с лучшими мастерами мира.

К сожалению, государство не особенно заботилось о поддержании своего шахматного престижа, и финансовой помощи своим шахматистам латвийские чиновники предпочитали не оказывать. Петрову приходилось подрабатывать на железной дороге, выступать в роли пианиста на танцевальных

вечерах, благо музыке его и сестёр выучили дома ещё в детстве. Скучных средств часто не хватало. Трагикомично выглядела поездка команды латвийских шахматистов в 1930 году в Гамбург на престижную шахматную олимпиаду. Последнюю ночь они провели на скамейке в парке, поскольку не было денег на гостиницу. Хотя результат с французами был равным - 2 : 2, он мог быть намного лучше. Перед матчем с командой Франции была известна дислокация противника: Алёхин на олимпиадах всегда играл только за первым столиком. Петров очень хотел сразиться с ним, но капитан команды Фрицис Апшениекс не только не дал ему помериться силами с чемпионом мира, но и сам не использовал эту редкую возможность (с Алёхиным играл Таубе). Алёхин, конечно, свою партию выиграл. Петров в этом поступке Апшениекса усмотрел личную обиду и позднее не раз публично критиковал капитана латвийской сборной за ошибочную тактику.

На Олимпиаде 1935 года в Варшаве Владимир Петров играет уже за первой доской. Но добиться этого было нелегко. После I Чемпионата Латвии 1933 года имя чемпиона должен был определить дополнительный матч, так как у Апшениекса и Петрова было одинаковое количество очков. Петров ещё раньше сообщал прессе, что в таком матче он участвовать не будет. Мастерам пришлось решать этот вопрос путём дружеского компромисса: Петров отказывается от чемпионского титула в пользу Апшениекса и получает право представлять Латвию за первым столиком во всех официальных соревнованиях. Апшениекс приобрёл чемпионскую премию, честь и славу, а Петров, таким образом, осуществил свою сокровенную мечту играть за первым столиком на олимпиадах.

В июне 1937 года в новом санатории «Кемери» состоялось выдающееся событие: международный шахматный турнир с участием 7 гроссмейстеров и чемпиона мира А.Алёхина. В Латвию съехалась вся мировая шахматная элита. У входа в отель развевались флаги 13 стран-участниц. Эксперты единодушно предсказали победу либо Алёхину, выступавшему за Францию, либо гроссмейстеру чеху Сало Флору или американскому вундеркинду Самуилу Решевскому. Тем оглушительнее прозвучала сенсация: первое место на турнире разделили между собой молодой латвийский шахматист Петров, Флор и Решевский. Матч с чемпионом мира Петров сыграл вничью. За свою шахматную карьеру он и Алёхин встречались 5 раз с общим итогом 2,5 на 2,5.

Особую же пикантность привнесило то обстоятельство, что на тот момент победитель турнира ещё даже не являлся гроссмейстером! По неофициальным правилам шахматного мира, если на международном турнире участвуют шесть гроссмейстеров, то победитель получает звание гроссмейстера. На турнире в Кемери участвовало семь гроссмейстеров. Так Петров стал ПЕРВЫМ гроссмейстером Латвии!

По желанию других победителей Решевского и Флора приз за первое место (подарок президента К.Ульманиса) - выполненную в народном стиле шкатулку с резными шахматными фигурами и отделанной янтарём доской - вручили Петрову. Правда, за неё ему пришлось выплатить компенсацию. Первые три приза -1000, 750 и 500 лат разделили поровну между участниками.

Очередной успех пришёл к гроссмейстеру Петрову в 1939 году в Буэнос-Айресе. В 19 блестящих партиях он не потерпел ни единого поражения! К тому же Петров показал третий, лучший в своей карьере, результат за первым столиком - его обошли лишь двое - экс-чемпион мира великий Капабланка и чемпион мира Александр Алёхин.

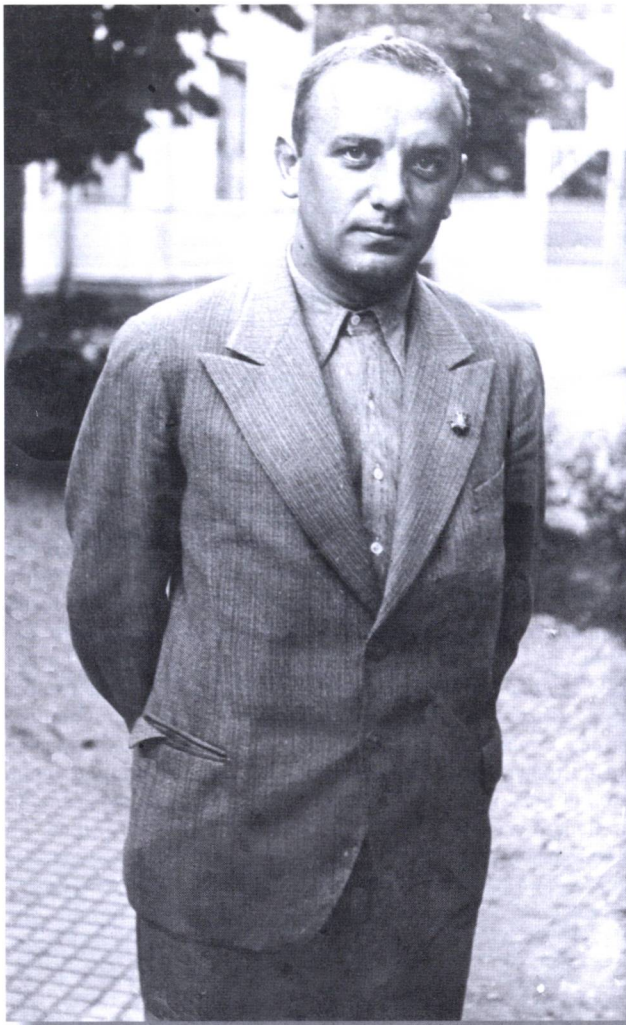
Это шахматное состязание совпало с началом гитлеровской агрессии против Польши. Европа оказалась в пожаре войны, которая вскоре охватила весь мир... Многие шахматисты Европы остались в Аргентине. Не полным составом вернулась и команда Латвии, остались в Южной Америке маэстро Фейгин.

Летом 1940 года Латвия вошла в состав Советского Союза. Владимир Петров получил советское гражданство, ему было присвоено звание мастера спорта. Он стал участвовать в советских турнирах. На XII чемпионате СССР, который проходил в Москве, Петров занял лишь 10-е место, сказался совершенно иной стиль игры российских шахматистов. В мае 1941 года он отправился на полуфинал 13-го чемпионата страны в Ростов-на-Дону. Завершить его не успели, 22 июня началась Великая Отечественная война. Петров приезжает в Москву, работает в отделе писем Радиокомитета. Первым крупным турниром в то время стал Чемпионат Москвы 1941 года. Чемпионский титул завоевал Мазаль, Петров занял второе место. Следующий большой турнир военного времени проходил с 17 февраля по 12 марта 1942 года в Москве. В нём участвовали восемь мастеров в два круга. Первое место занял Бондаревский, Петров - второе.

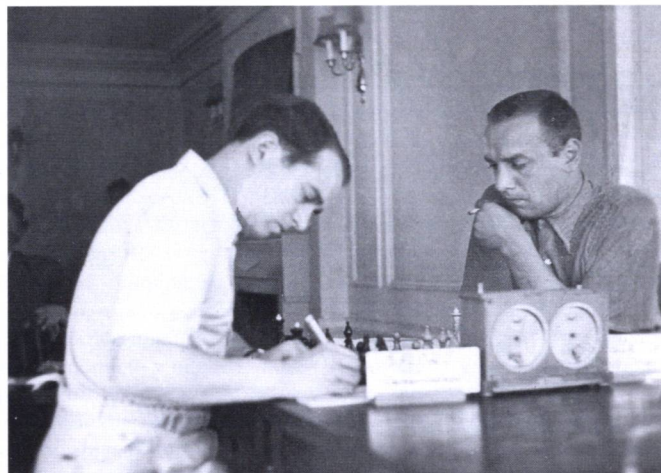
В марте-апреле 1942 года проходит турнир в Свердловске. Петров вновь занимает второе место. Участие в этом турнире оказалось последним в шахматной карьере Владимира Михайловича.

Через четыре месяца, 31 августа 1942 года, по ложному доносу, он был арестован и приговорён к 10 годам лагерей «за антисоветскую агитацию и пропаганду». Во время этапирования у него началось воспаление лёгких. Знаменитый латвийский гроссмейстер умер 26 августа 1943 года. Его похоронили где-то у Котласа.

Впоследствии он был полностью реабилитирован и оправдан. Незадолго до своей смерти в 2000 году его вдова, Галина Михайловна Петрова-Матиса, установила на одном из рижских кладбищ памятный камень своему супругу и всем русским Латвии, погибшим от репрессий.

В.М.Петров

Решительная схватка с Флором.

*С.Флор, А.Алехин, С.Решевский, В.Петров, Р.Файн.
Турнир в Кемери, 1937 год.*

Наградные шахматы В.Петрова.

И.Ф.Юпатов

(1865-1944)

ТРУДЫ И ДНИ. ПУТЬ ПРОФЕССОРА

Судьба некоторых выходцев из народа кажется невероятной. Кто бы мог бы предположить, что паренёк из простой семьи рижских староверов блестяще закончит Новороссийский университет, и сам Ярошенко, директор этого известного в начале XX века в России высшего учебного заведения, будет радоваться его успехам! Затем он окончит Санкт-Петербургский Технологический институт и будет поощрён поездкой в Германию. Кто бы мог предположить, что этот паренек будет вхож в петербургский дом юриста Рериха, отца знаменитого на весь мир художника, а затем станет директором Варшавского Политехнического и ректором Донского институтов; станет депутатом Латвийского Сейма и правой рукой поэта и министра Яниса Райниса в Министерстве образования Латвии.

Иван Ферапонтович Юпатов родился 16 февраля 1865 г. в Риге в старообрядческой семье. Был женат на дочери состоятельного рижского купца Наталье Григорьевне Дашковой, тоже из староверов. От этого брака у них появились дочь и сын.

Окончив с золотой медалью рижскую гимназию, Юпатов поступил в Новороссийский университет и, защитив в 1888 году при выпуске работу «Определение времени по соответственным высотам различных звёзд; способ Цингера», по постановлению научного Совета получил степень кандидата математических наук. После окончания университета он продолжил образование в Санкт-Петербургском Технологическом институте и в 1893 году стал инженером-технологом. Служил в управлении Балтийской дороги. Работал на знаменитом Путиловском и Коломенском паровозостроительном заводах; на металлургических предприятиях: Александровском Южно-Русском в Екатеринославе и Южноднепровском в селе Каменском.

1 января 1894 года он становится стипендиатом Технологического института и командирован в Германию для совершенствования и пополнения научных знаний. Там его особое внимание привлекли механические лаборатории для испытания строительных материалов, постановка технического образования в Политехникумах и оборудование германских заводов. Работал в механической лаборатории профессора Мартенса в Шарлоттенбурге и одновременно состоял помощником русского правительственного инспектора, принимая участие в наблюдении за постройкой, приёмкой

и испытанием оборудования для паровозов на заводах Шварцкопфа и Борзига в Германии. Оставшееся время посвятил ознакомлению с заводами и механическими лабораториями Бельгии и Швейцарии. После возвращения из-за границы молодой инженер был приглашён лаборантом в механическую лабораторию Технологического института и одновременно преподавателем на второй курс прикладной механики. Его руководитель на педагогическом поприще, профессор М.Н.Демьянов, с похвалой отзывался о своём подопечном: «Всегда отличался исполнительностью, предупредительностью и знанием дела». Не прошло и года, как Юпатов получает чин надворного советника, а спустя четыре месяца награждается орденом Святого Станислава 3-й степени. Иван Ферапонтович ещё успел поработать экспертом в Комитете по техническим делам в Департаменте Торговли и Мануфактуры, который ведал отделом привилегий (изобретения и открытия в различных областях человеческой деятельности). В 1900 г. И.Ф.Юпатов, получив блестящие характеристики от своих наставников, подаёт заявление на имя директора Варшавского политехнического института, претендуя на место преподавателя, и занимает должность экстраординарного профессора.

Карьера Ивана Ферапонтовича развивалась по восходящей и вполне благополучно: он получал очередные чины и награды (Св. Анны 3-й и 2-й степени в 1903 и 1906 гг.); в 1902 г. утверждается секретарем Совета института; с 1907 по 1910 год исполнял обязанности директора Варшавского Политехнического института. С 1908 г. возглавил механический музей института - 24 июля 1910 г. Николай II высочайше соизволил откомандировать статского советника Юпатова сроком на четыре года к исправлению должности ректора Алексеевского Донского политехнического института в Новочеркасске, с сохранением всех привилегий, связанных со службой в Царстве Польском. В августе 1914 г. И.Ф.Юпатов назначается чиновником особых поручений при Министерстве Торговли и Мануфактуры с сохранением в прежней должности и во время Первой мировой войны. Весной 1922 года Иван Ферапонтович Юпатов возвращается в Ригу, которую он не забывал и раньше, бывая в родных краях и по случаю, и во время отпуска. Его выбирают во второй Сейм Латвийской Республики депутатом от старообрядцев. Юпатов много

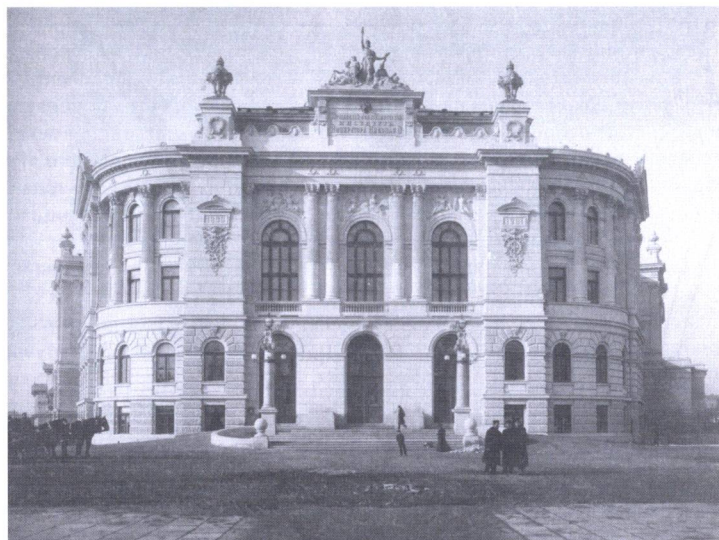
времени уделяет становлению русского образования. Как глава Русского отдела Министерства образования Латвии, участвует в дискуссиях русских обществ. Будучи старовером по происхождению он становится заметной фигурой в рижской старообрядческой Гребенщиковской общине. Но, как это водится, русское общество в силу своей разнородности (коренные и новые эмигранты, крестьяне и рабочие, буржуа и интеллигенция) никак не могло договориться о едином фронте, особенно на выборах в Сейм. В 1924 году в ходе споров надо было решить, кто должен занять место начальника Русского отдела Министерства образования (прерогатива выдвижения кандидатур на эту должность принадлежала русским депутатам). Для русских это был немаловажный вопрос, ведь от начальника этого отдела зависела не только постановка школьного дела, но и субсидирование русских культурных начинаний.

Двум депутатам в ходе интриг удалось сместить Юпатова с этой ключевой должности. Но тут поднялась волна протестов со стороны общественности, депутатов из русской диаспоры, и Юпатов был восстановлен в должности. Начинания и усилия в становления русской школы в это сложнейшее время идеи профессора Юпатова о сочетании частных учебных заведений и государственных школ вскоре нашли поддержку у многих русских общин.

Как депутат сейма И.Ф.Юпатов активно участвовал в дискуссиях по Кабинету Министров Латвийской республики, внесил предложения по «Торговому договору» с Россией. Но больше всего он уделял внимание закону «Об образовании», участвуя в обсуждении проекта нового закона, в котором не было вначале даже специального раздела о школах меньшинств. В нём только отмечалось, что дети граждан латышской национальности должны обучаться в латышских школах. Благодаря стойкой позиции русских депутатов и профессора Юпатова была внесена поправка, что возможно обучение на языках меньшинств и русском языке, таким образом, справедливость была восстановлена и такой раздел в законе появился. Кроме всего, до самых последних дней своих И.Ф.Юпатов продолжал активно работать и в Гребенщиковской старообрядческой общине, участвовал в Совете, съездах. Скончался он в 1944 году и был похоронен на Ивановском кладбище в Риге.

И.Ф.Юпатов

*Варшавский Политехнический институт
им. Императора Николая I.*

*Президиум предвыборного собрания старообрядцев на Московском форштадте
Е.К.Трофимов, Ф.С.Павлов, В.Г.Кудрячёв и И.Ф.Юпатов.*

Д.А. Смирнов

(1882-1944)

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ТЕНОР

Дмитрий Алексеевич Смирнов, один из крупнейших вокалистов-виртуозов первой половины XX столетия, родился 19 ноября 1882 года в Москве. В юности певец участвовал в церковных хорах, учился в техническом училище. Но его дальнейшую судьбу определила увлечённость музыкальным искусством.

Смирнову не было и двадцати лет, когда он пел Ленского на выпускном спектакле «Частных классов Раньери-Горбовского». В 1903 году в театре «Эрмитаж» исполнением партии Джиджи в опере «Каморра» Э.Эспозито началась его профессиональная артистическая деятельность. «Крёстным отцом» певца стал меценат С.И.Мамонтов (труппой товарищества частной оперы руководил и композитор М.Ипполитов-Иванов). За полгода Д.Смирнов исполнил 13 ответственных партий. В апреле 1904 года на пробном дебюте в Большом театре артист выступил в роли Синодала в «Демоне» Рубинштейна и был принят в число солистов. Летом того же года Смирнов впервые пел вместе с И.В.Тартаковым (баритоном мирового уровня) и гениальным Ф.И.Шаляпиным. С последним он выступал в десятках оперных спектаклей в России и за рубежом. Шаляпин высоко ценил талант своего сподвижника. Однажды за кулисами Мариинского театра после спектакля «Русалка» он воскликнул: «Отчего я не тенор, что за голос! Ведь после исполнения Митей каватини чувствуешь, что покорён».

5 сентября 1904 года Смирнов начал свой первый сезон в Большом театре партией Йонтека в «Гальке» С.Монюшко. Он пел Баяна в «Руслане и Людмиле» М.Глинки, Герцога в «Риголетто» Дж.Верди (эту партию исполнял 923 раза!), Владимира Игоревича в «Князе Игоре» А.Бородина, Ленского в «Евгении Онегине» П.Чайковского, Надира в «Скателях жемчуга» Ж.Бизе, Альфреда в «Гравиате» Дж.Верди. Выдающийся тенор участвовал в премьеры «Франчески да Римини» С.В.Рахманинова под управлением автора 11 февраля 1906 года, в премьерях опер «Волшебная флейта» В.А.Моцарта и «Садко» Н.Римского-Корсакова в Большом театре. Д.А.Смирнов был участником первого «Русского исторического концерта» в Париже (16 мая 1907 г.). Успех упрочился в последующих концертах, певец получил ряд выгодных предложений, а редактор газеты «Фигаро» Кальметт восторженно сказал организатору «Концертов» С.П.Дягилеву: «Я дал бы четырёх Карузо за одного Смирнова».

В марте 1908 года в театре «Казино» в Монте-Карло, собиравшем лучшие ар-

тистические силы Европы, молодой тенор пел в нескольких спектаклях: «Мефистофель» А.Бойто и «Севильский цирюльник» Дж. Россини - вместе с Ф.И.Шаляпиным. Во время второго «Русского сезона» в Париже в мае 1908 года Смирнов исполнил партию Самозванца в восьми спектаклях «Бориса Годунова» М.Мусоргского с участием Ф.И.Шаляпина на сцене «Гранд-опера». В дягилевских сезонах Д.А.Смирнов с возрастающим успехом выступал и с итальянским репертуаром, переживая подлинный триумф на сценах Парижа и Брюсселя, Милана и Люцерны, Бостона и Монтевидео.

И за океаном, в Нью-Йорке, начиная с 23 декабря 1910 года, его ожидало всеобщее признание, хотя в Метрополитен-опера Смирнов появился, когда на сцене «театра звезд» соперничало более десятка теноров мирового класса. Получив приглашение на следующий сезон, в январе 1912 года он снова пел в «Метрополитен-опера». В.В.Андреев, гастролировавший в Америке с оркестром народных инструментов, свидетельствовал об успехе соотечественника: «Когда пел наш тенор Смирнов, американцы говорили: «Как прекрасно русское искусство!» Однако в США певец в те годы не вернулся, заметив: «Здесь дела нет, а только доллар».

В 1914 году в Лондоне Смирнов вызвал восторги публики, исполняя партию Левко в «Майской ночи» Римского-Корсакова. Газеты писали: «Такого тенора Лондон ещё не слышал». И это в присутствии самого Э.Карузо... До революции певец выступал и в Риге в зале Ремесленного общества. Впервые принимал участие в благотворительном концерте 5 июля 1905 года.

В 1920-е годы он много гастролировал за рубежом, в странах Балтии. В 1926-1936 гг. целые сезоны работал в СССР, дал множество концертов. В Москве спектакли с участием Д.Смирнова транслировались по радио. С.Я.Лемешев, отмечая, что запись романса Надира у него имеется в исполнении шести теноров, в том числе Карузо, Тито Скипа, признавался: «Но после Смирнова - ничего больше не хочется слушать...»

«Красная газета» в рецензии на первый концерт в Ленинградской филармонии 25 февраля 1926 года, после пяти лет зарубежных гастролей певца, писала: «Налицо было всё то же бесконечное дыхание, которым Дм.Смирнов так прославился... то изумительное мецца-воче, то же мастерство, та же одухотворённость передачи... Он был принят безоговорочно, безусловно».

Среди множества зарубежных выступлений Смирнова выделяются его триумфы в «Пиковой даме» в Вашингтоне и концерты в Нью-Йорке (1926, 1930 гг.).

В своих концертах знаменитый вокалист романсы и песни сочетал с популярными ариями из опер, являясь выдающимся популяризатором русского романса на Западе. Замечательны его трактовки романсов и песен С.Рахманинова, А.Гречанинова, М.Мусоргского, Ц.Кюи, Р.Глиэра и др. В записях итальянских песен Д.Смирнов явно превосходит зарубежных певцов безупречностью художественного вкуса. Пластинки с записью его голоса выпускались односторонними и ценились наравне с записями Шаляпина и Собинова. Интенсивная концертно-гастрольная деятельность Д.А.Смирнова продолжалась до 1937 года, когда после внезапной смерти горячо любимой жены, певицы Лидии Мальцевой-Смирновой, он покинул сцену...

В 1938 году, во время поездки И.А.Бунина по странам Балтии, Смирнов участвовал в банкете в честь лауреата Нобелевской премии в гостинице «Золотой лев» и впервые после долгого перерыва исполнил романс «У моего окна» С.Рахманинова, который особенно любила Л.Мальцева. В то время певец проживал в Таллине, и здесь же он познакомился с очаровательной гимназисткой, они венчались (против воли родителей невесты) в Казанской церкви. Выйдя из храма, артист величественным жестом бросил к ногам любимой чёрный плащ - она прошла по нему... Потом, на руках он понёс её к экипажу. Вскоре они переехали в Ригу.

В Риге Смирнов руководил вокальной студией, имел десятки учеников, изредка выступал и сам. Солист и директор Национальной оперы, проф. А.Вилюман вспоминал, что Смирнов выступал тогда в Риге на оперной сцене, чему удивился некий высокий московский гость: «Тот самый Смирнов? Неужели он жив?» Это была поистине живая история мировой оперы... В том же году певец был приглашен на работу в Московскую консерваторию, осенью 1941 года намечались его выступления в Ленинграде. Осуществиться творческим планом помешала война.

Рижанам запомнился концерт Смирнова в Малой ауле (зале) Латвийского университета в 1944 году, на котором присутствовало духовенство во главе с митрополитом Сергием (Воскресенским). После концерта Владыка дружески сопровождал певца, выражая ему глубокое уважение (певец был верующим, православным человеком). Умер Смирнов 24 апреля 1944 года и был похоронен в Риге на Покровском кладбище.

Д.А.Смирнов

РИГА. I Городской театр.

Первый городской (Немецкий театр),
ныне Латвийская Национальная опера
(фото начала XX века).

Д. А. СМІРНОВЪ.

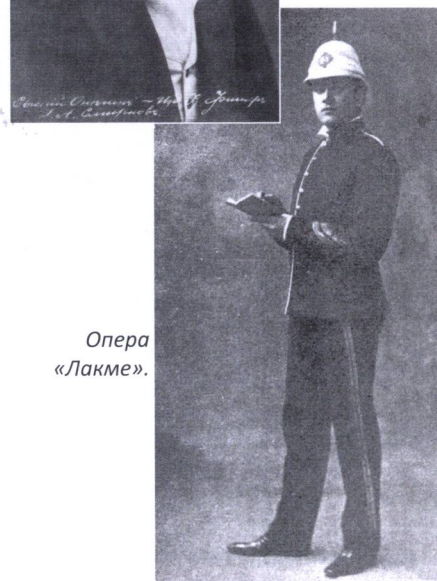
Д.Смирнов
и М.Черкасская.

Опера
«Евгений
Онегин».

Могила певца
на Покровском кладбище в Риге.

Опера
«Лакме».

Сергий (Воскресенский)

(1897-1944)

МИТРОПОЛИТ ВИЛЕНСКИЙ И ЛИТОВСКИЙ, ЭКЗАРХ ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

В миру его звали Дмитрий Николаевич Воскресенский. Он родился 26 октября 1897 года в семье священника. Обучался в Московской Духовной академии, которую в связи с её закрытием не имел возможности закончить. В 1920 году поступил на историко-философский факультет Московского университета, однако в 1923 г. был исключён как «чуждый элемент». В начале 1920-х годов будущий Владыка становится иподиаконом архиепископа Феодора (Поздеевского), последнего ректора Московской Духовной академии, в то время управлявшего Свято-Даниловым монастырем, строгого монаха и аскета. Принимает монашество с именем Сергий и вскоре был рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха. В 1930 году он - настоятель собора в Орехово-Зуево; одновременно исполнял обязанности помощника заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского). С 1931 года - редактор «Журнала Московской Патриархии». В 1932-1933 годах - в сане архимандрита настоятель храма Воскресения в Сокольниках, в Москве.

29 октября 1933 года хиротонисан во епископа Коломенского, с 1934 по 1936 - епископ Бронницкий, с 1936 - епископ Дмитровский. В 1937 году возведён в сан архиепископа, с этого же года - управляющий делами Московской Патриархии.

В конце 1940 года, после присоединения Латвии, Эстонии и Литвы к Советскому Союзу, он был направлен в Прибалтику в качестве полномочного представителя Московской Патриархии для ознакомления с положением дел и ликвидации схизмы в Эстонии и Латвии (в 1923 году Эстонская Православная Церковь, а в 1936 году при митрополите Августине и Латвийская в одностороннем порядке вышли из юрисдикции Московской Патриархии и вошли в подчинение Константинопольскому Патриарху). После смерти митрополита Елевферия (1 января 1941 года) он становится митрополитом Литовским, а с 24 марта 1941 года - экзархом всей Прибалтики.

Во время Второй мировой войны, в период немецкой оккупации Прибалтики, Владыка Сергий остаётся в Риге. Первоначально он был взят под домашний арест, но вскоре вновь получил свободу передвижения. Благодаря тонкой и про-

думанной политике, он сумел противостоять вновь возродившейся с приходом немцев церковной схизме. Владыка убеждает оккупационные власти сохранить экзархат, не нарушая его канонической связи с Московской Патриархией.

В июле 1941 года по его инициативе была основана Внутренняя Православная миссия в Латвии и Литве, а с августа 1941 года - Псковская Православная миссия. Её целью являлось восстановление поруганных храмов и духовное окормление православного населения на оккупированных немцами Северо-Западных территориях России. Миссия объединяла более 400 приходов и действовала до февраля 1944 года.

В Риге и её окрестностях содержалось большое количество советских военнопленных. По инициативе митрополита Сергия, обратившегося к немецкому командованию, православным священникам было разрешено совершать для них богослужения. Священник отец Георгий Бенигсен вспоминал: *«Это были самые страшные литургии в моей жизни. Посередине лагеря, под открытым небом, совершается таинство Евхаристии. Кругом тысячи мужчин, несчастных, измученных, бесконечно усталых, голодных. Лиц не различаешь: вся толпа смотрит на тебя одними огромными глазами, полными бездонной скорби, такими глазами, как пишут на изображениях Христа в терновом венце. Пятидесятiletние мужи и шестнадцатилетние юноши стоят, тесно прижавшись друг к другу, и плачут, не стесняясь никого, плачут, чувствуя сердцем, что здесь Тот, перед Кем можно излить все унижение, всю скорбь, всю боль о себе, о Родине, о близких».* Германский гуманизм продолжался недолго. Уже в 1942 году православные богослужения для военнопленных в Прибалтике были запрещены.

По благословению митрополита Сергия при Рижском Кафедральном соборе существовал Дамский комитет, возглавляемый О.Ф.Бенуа, оказывавший помощь беженцам и советским военнопленным.

Угрозы смерти по отношению к Владыке начались с 1941 года. Его положение осложняли неоднократные анти-немецкие высказывания, звучавшие в некоторых случаях даже с амвона. Он

отказался признать неканоничными выборы Московского Патриарха (в сентябре 1943 года). Предчувствие смерти не оставляло Владыку в последний год. На Страстной неделе ему приснился пророческий сон: как будто он совершал службу в сослужении с архиереями, уже умершими, и странно, подобно тени, невидимо присутствовал при этом и Патриарх Московский Сергий. Сон этот он понял, как предзнаменование своего близкого перехода в иную жизнь.

28 апреля 1944 года Владыка Сергий был убит во время поездки в Вильнюс. По официальной версии немецких оккупационных властей это преступление было совершено советскими партизанами.

В 1946 году на процессе Военного Трибунала в Риге обергруппенфюрер СС Еккельн, генерал немецкой полиции, верховный руководитель СС, полиции Остланда и Севера России прояснил обстоятельства смерти Владыки.

Еккельн показал на допросе: *«За митрополитом Сергием следили немецкие органы безопасности. В 1943 году Гиммлер подробно расспросил меня о поведении митрополита и сказал, что скоро решит вопрос о нём. Через какое-то время я получил подписанный Кальтенбруннером приказ о ликвидации митрополита; из приказа следовало, что ликвидация должна быть проведена так, чтобы можно было в его убийстве обвинить советских партизан. Весной 1944 года, когда митрополит в легкой машине ехал из Каунаса в Вильнюс, работники из немецкой службы безопасности убили Сергия и его шофёра».* Гитлеровские газеты сообщили тогда, что это убийство

- дело рук советских партизан и возмущались «подлым нападением бандитов на убелённого сединами духовного пастыря». Сергию были устроены пышные похороны, представители оккупационных властей возложили на его могилу роскошные венки.

Владыка Сергий покоится на Покровском кладбище в Риге, где направо от кладбищенской церкви похоронен священномученик архиепископ Латвийский Иоанн (Поммер), зверски убитый в 1934 году. Владыку митрополита похоронили слева от церкви. Так теперь два мученика, пострадавшие за Православную веру, охраняют Православный храм.

**Высокопреосвященнейший
Сергий (Воскресенский),
митрополит Литовский
и Виленский,
экзарх Латвии и Эстонии**

*Митрополит
Сергий
во Пскове.*

*Могилы на
Покровском
кладбище
в Риге.*

Похороны митрополита Сергия. 4 мая 1944 г.

Н.П.Богданов-Бельский

(1868-1945)

НЕУВЯДАЕМЫЙ СЕКРЕТ ПОПУЛЯРНОСТИ

Известный русский художник, академик живописи Николай Петрович Богданов-Бельский в последний период своего творчества с середины сентября 1921 года жил в Риге. Здесь известность к нему пришла сразу после персональной выставки, устроенной в декабре 1921 - январе 1922 года в Рижском городском художественном музее. Многим российским эмигрантам его имя было знакомо раньше по букварям и хрестоматиям, иллюстрированным картинами художника. Широко известны «Устный счёт. В народной школе С.А.Рачинского», «У дверей школы», «У большого учителя», «Мальчик со скрипкой» и др.

Обосновавшись в Латвии, Богданов-Бельский нашёл источник творческого вдохновения в Латгалии. Во время пребывания в этом живописном крае он создавал множество полотен с персонажами крестьянских детей в окружении природы. Картины органично продолжили тему русского периода творчества, источником которого являлась Смоленская губерния, где он родился 8 декабря 1868 года в деревне Шитики в крестьянской семье. Николай Богданов учился в созданной С.А.Рачинским образцовой школе села Шопотово, обучался в рисовальной школе Троице-Сергиевского посада. В 1884-1889 годах успешно продолжил образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, получив большую серебряную медаль за дипломную работу «Будущий инок» и звание классного художника. Большое влияние оказал на него И.Е.Репин, в мастерской которого в Высшем художественном училище при Петербургской Академии художеств начинающий, но уже признанный художник работал в 1894-1895 годах. В тот период он становится членом ведущего российского объединения Товарищества передвижных художественных выставок, активно экспонируя работы. В 1903 году за свои картины, в основном изображавшие жизнь крестьян и их детей, Николай Петрович получил звание академика и по названию родного уезда вторую часть своей фамилии «Бельский».

Его картины воплощали лучшие черты народа. Мироощущение художника, его искренность и понимание подкупали широкие слои населения, интерес к его творчеству был большим, о нём писали в печати. После обучения в студиях парижских художников Ф.Кормона и Ф.Колароси и знакомства с оригиналами западных мастеров - импрессионистов, Богданов-Бельский начал наполнять свои полотна

светом и воздухом. Его работы становились более живыми, солнечными.

Зиму он проводил в Петербурге, создавая портреты известных людей, летом работал в Тверской губернии. Главными персонажами его картин оставались дети. «Именины учительницы», «Крестьянские дети», «Визитёры» и многие другие рассказы о занятиях деревенских ребятишек.

Революционные события, безысходность, давление авангарда на реалистическое искусство заставили художника уехать в Латвию. Но и в эмиграции детская тема для него оставалась главной. Он выезжал в латгальский край почти каждое лето, создавая свои многочисленные картины. В имении Лоборж (Лабваржи), принадлежавшем Марии Александровне Вошиной, дочери известного драматурга и писателя Александра Жемчужникова, он нашёл то, что родило его с покинутой Россией. В 1925 году была создана картина «Вечер» («Удильщик»), изображавшая маленьких рыболовов. Здесь же были созданы «Деревенские мальчики», «Юный гусяр», «Мальчик с балалайкой» и многие другие полотна. Его ребятишки играют на берегах рек и озер, ловят рыбу, катаются на лодках, пасут коров, жгут костры, везут хворост из леса. Маленькому человеку легко и радостно находится среди природы, наполненной светом и сумерками. Все они вошли в серию «Дети Латгалии». Не только летом, но и зимой художник бывал в Лоборже, в соседнем имении Жоготы, близ Лудзы - Зофино, в селе Фелицианово.

«Чем-то мил всему человечеству этот возраст, эти мягкие очертания лиц, эта красочность детских фигур. И может быть, как раз крестьянские дети, чуждые городской культуры и нивелирующей прилизанности, которая отнимает у лиц её характерность, будут всегда привлекать внимание и нравиться», - сказал художник корреспонденту газеты «Сегодня» в 1931 году. Полюбившийся ему край, воплощённый в многочисленных полотнах, представлялся на рижских персональных выставках в 1925, 1932, 1936, 1940 годах. На выставке в феврале 1932 года в Городском художественном музее было представлено семьдесят восемь работ с изображением Латгалии. Критик писал: «Кажется, будто вся земля, как цветами, испещрена и населена детскими всходами, пестротой и суетой, радостью, наивностью и прелестной непосредственностью». Рижский му-

зей приобрёл картину «Летний день», написанную в 1931 году. На выставке были представлены картины, исполненные во время поездки в Псково-Печерский монастырь, оказавшийся после революции на территории Эстонии. Стоят у светильника в «В церкви» девочки в платочках с зажжёнными свечами, их свет освещает лик Божьей Матери на большой иконе. В творчестве мастера религиозная тема не была основной, но все созданные картины наполнены душевным трепетом и верой в Творца.

Выставки картин Богданова-Бельского проходили не только в Латвии, но и в Эстонии, Берлине, Лондоне, Амстердаме, Копенгагене, Праге, Белграде, Нью-Йорке. Чаще всего он успешно выставлял свои полотна на общих выставках российских художников-эмигрантов, проживавших во многих странах.

Годы за работой прошли быстро, создано множество полотен, и в декабре 1936 года в здании бывшего «Дансинг Палас» открылась юбилейная выставка академика Н.П.Богданова-Бельского, посвящённая 50-летию творческой деятельности. Художнику приходят поздравительные письма, телеграммы, в которых все желают ему здоровья, творческих успехов, восторгаются его картинами. На ней побывали тысячи рижан, представители посольств, правительство Латвии. В посвящённом ему стихотворении писалось: «...полвека красками живыми сверкает дорогое имя, и эти краски до сих пор, как прежде, восхищают взор, от времени не выцветая, как будто бы прекрасно знают неувядания секрет...»

О его творчестве публиковали статьи и русские газеты, и латышские. Он получал из-за границы письма, в которых поклонники превозносили его: «Я чту Ваше имя как свою Родину», - писала российская эмигрантка из Польши художнику. Правительством Латвии Н.П.Богданов-Бельский был награждён Орденом трёх звезд.

В годы Великой Отечественной войны он работает не так интенсивно, как раньше. В рижском издательстве в 1943 году на немецком языке выходит монографический альбом о творчестве русского художника. В конце 1944 года Николай Петрович с женой, прибалтийской немкой Антониной Эрхард-Богдановой-Бельской выехали из Латвии в Германию. Художнику предстояла операция, её он не перенёс и скончался 19 февраля 1945 года. Последний приют он нашёл на Тегельском кладбище в Берлине.

Н.П.Богданов-Бельский

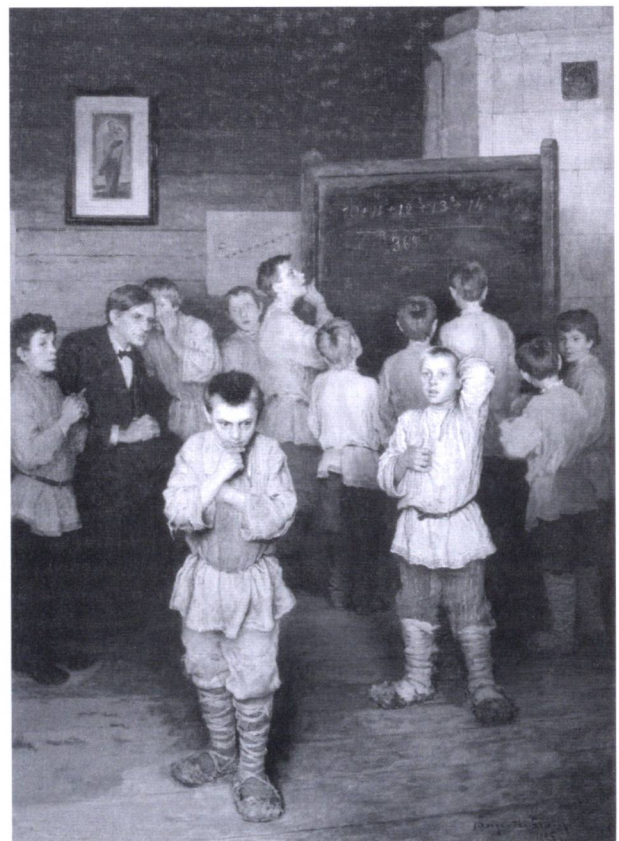
Праздник на крыльчке.

У костра.

Вечер (Удильщик).

*Устный счёт.
В народной школе С.А.Рачинского.*

Мать Мария

(1891-1945)

ЛЮБОВЬЮ ЛЮБВИ РАДИ, В УМИРАНИИ РАДИ ЖИЗНИ...

Необычайная судьба этой жизнелюбившей подвижницы, жертвенность, увенчанная мученической смертью, есть высокое воплощение святой истины: *Нет больше той любви, как если кто душу свою положит за други своя.*

Елизавета Юрьевна Пиленко, по первому мужу Кузьмина-Караваева - русская поэтесса, православная монахиня, борец антифашистского Сопротивления. Мать Мария...

Она родилась в Риге 8 (20) декабря 1891 года, жила в доме на ул.Елизаветинской. Позже родители решили перевезти болезненную девочку на юг, в Анапу, к тёплому морю. После смерти отца Лиза вместе с матерью переехала к родственникам в Петербург, где и поступила в гимназию. Уже после первого издания её стихов девушка стала известна в столичных литературных кругах. С ней дружил Александр Блок, посвятивший Елизавете одно из своих стихотворений.

В 18 лет она вышла замуж за юриста Кузьмина-Караваева, однако брак этот был недолг - через четыре года они растались. В 1918 году, когда Россия была охвачена Гражданской войной, Елизавета Юрьевна вместе с матерью и дочкой Гаяной вновь оказалась в Анапе. Её избрали членом муниципального совета, а позднее даже городским головой. Там же она вышла замуж во второй раз - за Даниила Скобцова.

Молодая семья покинула родину и оказалась в эмиграции. Во Франции муж стал шофёром такси, а Елизавета зарабатывала на жизнь шитьём, уборкой квартир, изготовлением кукол. Вскоре умерла от менингита двухлетняя дочь Настенька. В 1927 г. они разошлись с мужем. В судьбе Елизаветы Юрьевны наступил момент, когда служение Господу и помощь соотечественникам, оказавшимся на дне, стали смыслом её существования. В Париже на улице Лурмель ей удалось открыть дом для безработных русских эмигрантов. Она постриглась в монахини под именем Мария и всю свою энергию отдавала организованному ею братству «Православное Дело», которое было центром социальной и духовной помощи отчаявшимся.

В 1932 и в 1935 годах мать Мария приезжала в Латвию. Рижанин Борис Плюханов вспоминал: *«Мне она показалась диковинной монахиней. Очень живая, открытая, с лукавой доброй улыбкой, любящая остро словце, юмор, она выглядела необычно в мужской монашеской одежде. Рассказала, что она монахиня без монастыря, живёт в миру. С удовольствием принимала участие в наших походах на природу, Рижское взморье. Умела с пора-*

зительной пронизательностью определять характер человека, даже предсказывать его будущее. Держа собеседника за руки, она вглядывалась в его глаза, и её определения были искусством тонкого психолога, а не опытом хироманта. Привлекала мать Мария и своей редкой талантливостью: она прекрасно рисовала, была искусной вышивальщицей, но своим призванием считала поэзию».

В эмиграции мать Мария оставалась истинной патриоткой своей родины. Она говорила: *«Европа? По правде говоря, она просто для меня не существует, я живу только Россией».* В 1935 году её дочь Гаяна, также не мыслившая себя вне России, уехала в СССР. Но в возрасте 23 лет умерла от тифа в июне 1936 года.

Когда 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, мать Мария обратилась к русским эмигрантам, сражавшимся в рядах французской армии в Письме к солдатам: *«Берегите в себе внутреннего человека, подвергающегося гораздо более страшным испытаниям, чем человек внешний. Сохраните себя, сохраните чистоту вашей молодости, не относитесь к войне как к чему-то естественному, не примите ужаса и греха жизни за самую жизнь».*

Когда Париж был оккупирован гитлеровцами, община «Православное Дело» предоставила приют многим сотням преследуемых нацистами людей и, прежде всего, евреям. Здесь они получали свидетельства о принадлежности к православию, их детей переправляли в провинцию. Мать Мария написала тогда стихотворение, где были строки:

*И пусть же ты, на ком печать,
Печать звезды шестиугольной,
Научишься душою вольной
На знак неволи отвечать.*

Она считала, что гонение на евреев - бремя общее для всех. Она говорила: *«Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос. Неужели вам непонятно, что борьба идёт против христианства? Если бы мы были настоящими христианами, мы бы все надели звёзды. Теперь наступило время исповедничества».*

По доносу гестапо схватило мать Марию. В феврале 1943 года она была отправлена в концлагерь. В числе многих арестованных были также её сын Юрий и священник лурмельского прихода о.Димитрий (оба погибли в Бухенвальде). Известно, что перед отправкой в лагерь Юрию и другим русским предлагали вступить в армию Власова, но он наотрез отказался.

В условиях ужаса эсэсовских концлагерей мать Мария стала для многих надеж-

дой и опорой. Одна из узниц вспоминала: *«Она оказывала огромное влияние на всех нас, каковы бы ни были наши национальность, возраст, политические убеждения - всё это не имело никакого значения [...] Мать Марию обожали все».* Молодёжь особенно ценила её заботу: *«Она взяла нас под своё крыло. Мы были отторгнуты от наших семейств. Она же в каком-то смысле заменяла нам семью».*

Она прошла все круги ада в Романвиле, Компьене, Равенсбрюке. И везде была опорой для тех, кто не мог выдержать мучений. По мере того, как проходили месяцы заключения, лагерный режим всё больше накладывал свой отпечаток на физическое состояние матери Марии. Ноги слабели, передвигалась она с трудом. Однако внутренняя бодрость её не покидала. Война уже подходила к концу, стража всё больше свирепствовала. В конце марта 1945 года, когда уже ясно слышалась артиллерийская канонада наступающей Советской Армии, в лагере Равенсбрюк состоялась очередная «селекция». Отлаженная нацистская машина продолжала методично исполнять программу уничтожения. Всем заключённым было велено участвовать в отборе. Жест хлыста налево означал смерть, направо - отсрочку и шанс выжить.

Мать Мария оказалась среди тех, кому повезло. Но, наблюдая ужас на лицах обречённых, она попыталась успокоить, ободрить их. Она отлично знала, ЧТО ожидает несчастных, но в доказательство, будто не верит в газовую камеру, вступила в группу отобранных, заняв место одной из них. Когда-то давно она написала:

*И сны бегут, и правда обнажилась.
Простая. Перекладина креста.
Последний знак последнего листа, -
И книга жизни в вечности закрылась.*

Приехали грузовики, чтобы увезти смертников. Приказано было не брать вещей. Матери Марии велели снять очки. Когда она запротестовала, что без очков ничего не видит, их с неё сорвали. В канун Пасхи, 31 марта, её отправили в газовую камеру.

16 января 2004 г. Священный Синод Вселенского Патриархата в Константинополе принял решение о канонизации монахини Марии (Скобцовой), протоиерея Алексея Медведкова, священника Димитрия Клепинина, Юрия Скобцова и Ильи Фондаминского. Основанием для канонизации стало прошение, направленное из Парижа Экзархом Вселенского Патриарха архиепископом Гавриилом, управляющим Архиепископией православных русских церквей в Западной Европе.

Мать Мария

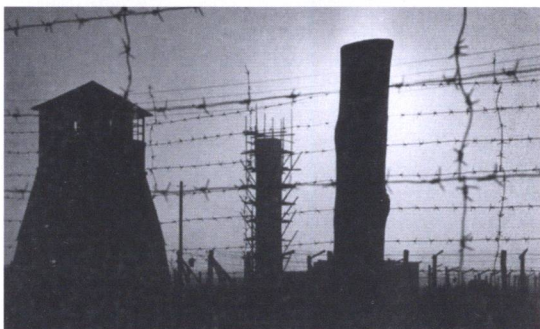
*Елизавета
Пиленко,
1903 г.*

*Слева направо: С.Б.Пиленко, Ю.Д.Скобцов, А.Бабаджан, мать Мария,
Г.П.Федотов, о.Димитрий Клепинин, осень 1939 г.*

«Евхаристия» (шитьё матери Марии).

*Дом в Риге по ул.Елизаветинской, 21,
где жила Лиза Пиленко.*

В.И.Синайский

(1876-1949)

ЮРИСТ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ХУДОЖНИК

Василий Иванович Синайский - профессор, многолетний заведующий кафедрой гражданского права Латвийского университета, специалист по римскому праву, исследователь различных аспектов культуры. Происходил из многодетной семьи сельского священника села Лаврово Тамбовской губернии. Несмотря на то, что в 14 лет остался круглым сиротой, сумел завершить в 1897 году обучение в Духовной семинарии в Липецке. Священником, правда, он не стал. Юноша избирает медицину, для чего отправляется во Францию в город Монпелье, но стесненные материальные условия вынуждают его вернуться в Россию. В 1899 году он поступает в Юрьевский университет на юридический факультет. После блестящей защиты дипломной работы в 1904 году Синайскому открывается возможность научной и педагогической работы при кафедре Римского права. В 1907 году он становится приват-доцентом Юрьевского университета, читает лекции по гражданскому праву. Молодого учёного приглашают для работы в Варшавский университет, а с 1911 года Синайский преподаёт в университете Святого Владимира в Киеве. Одинадцатилетнее пребывание в Киеве оставило глубокий след в его жизни: защита в 1913 году докторской диссертации «Очерки из истории землевладения и права в Древнем Риме», избрание ординарным профессором кафедры гражданского права университета, публикация серьёзных трудов по цивилистике, основание Юридического института и руководство им, присвоение личного дворянства за особые заслуги перед российской наукой, обретение личного счастья - женитьба на Ксении Гегелло и рождение дочери Наталии.

В 1922 году профессор Синайский с семьёй выехал из Советского Союза, а уже осенью того же года он на долгие годы возглавил кафедру гражданского права Латвийского университета. Деятельной натуре Синайского в Риге открылся полный простор. Он преподавал на Русских университетских курсах, в Народном университете, в Институте коммерческих знаний. Студенты профессора Синайского вспоминали его как человека разносторонних и глубоких познаний, которому был свойственен жизнеутверждающий оптимизм, глубокая религиозность, уважение к человеческому достоинству, мудрая простота и доступность в общении.

Василий Иванович сотрудничал с газетами «Сегодня», «Слово», публиковался в журналах «Tieslietu Ministrijas Vestnesis», «Daugava». Он занялся редакторской деятельностью и регулярно знакомил публику с номерами журнала «Jurists».

В ноябре 1936 года юридический факультет Латвийского университета торжественно отметил его 60-летие и 30-летие

начала научной деятельности. Его ученик и помощник Александр Паварс поместил отчёт о мероприятии в газете «Сегодня», особо подчеркнув вклад Василия Ивановича в латвийскую юридическую науку. Профессор неоднократно бывал в командировках во многих европейских странах, состоял членом престижных научных обществ США, Италии, Франции. Свободное владение многими языками позволяли В.И.Синайскому писать и публиковать научные работы не только на латышском и русском, но и немецком, французском, английском, итальянском.

Его гостеприимная квартира стала местом собрания любимых учеников и единомышленников, где за большим столом обсуждались многие научные проблемы. Жил он в доме на углу ул. Дзирнаву и Антонине, ставшем местом проживания преподавателей ЛУ - востоковеда П.Шмита, химика Ю.Аушкапа, философа П.Юревича, юристов Г.Албата, К.Пакете и многих других. В этом же доме располагалась редакция журнала «Jurists».

Помимо гражданского и римского права, Василий Синайский живо интересовался вопросами культуры: состоял председателем Общества ревнителей искусства и старины «Акрополь», изучал русский и латышский фольклор, древнерусскую иконопись. В начале 30-х годов он основал журнал «Epistolae et logistorici», в котором были опубликованы его небольшие работы «Культура и права», «Культура и язык», «Культура и число».

Синайский осмысливал культуру в самом широком смысле, как синоним всей духовной сферы человека. Он не раз давал себе и своим читателям вопросы: *«Почему человеку, в котором заложена божья искра, необходимы внешние принуды в виде юридических законов? Почему человек не способен жить согласно вечной правде, указующей ему путь гармоничного материального и духовного развития? Почему человек всё время уходит от библейской мудрости, 10 библейских заповедей, в которых право почти не различимо от религии и морали?»* Синайский понимал, что первоначальное значение термина культура означала работу над чем-то материальным. Но в переносном смысле мы возвращаем, вскапываем, развиваем, духовно воспитываем самих себя. По мере того, как идёт развитие духовной культуры, личность совершенствуется, всё менее нуждаясь в воздействии на неё права, как фактора коллективной воли. В тесной, самой непосредственной связи с культурой находится право - сущность права фактически нельзя познать вне осознания проблем духовной культуры вообще. Синайскому было очевидно, что вне подлинной культуры невозможно

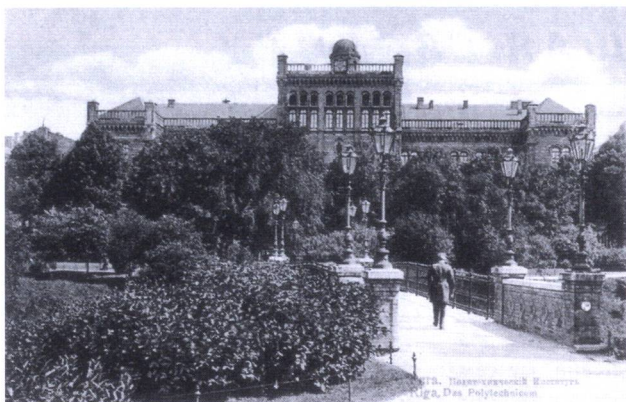
создание основ гражданского общества и демократического правового государства.

Будучи одарённым человеком, Синайский увлекался живописью (его имя можно встретить в каталогах рижских художественных выставок 20-30-х годов XX столетия). В сопровождении друзей-художников (С.Виноградова, Е.Климова) профессор выезжал на пленэры за пределы Латвии. В результате этих поездок рождались не только картины (хотя к своим работам Синайский относился с иронией), но научные статьи и книги. Будучи глубоко верующим человеком, он не раз совершал паломнические поездки в Эстонию, на территории которой в 30-е годы оказался один из старейших Православных монастырей земли Псковской - Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь. В.Синайский оставил потомкам уникальный труд «Псково-Печерский монастырь» (Рига, 1929), давно ставший библиографической редкостью. В оформлении этого издания принял участие классик русской живописи академик С.Виноградов.

Большое внимание уделялось Синайским национальной культуре. Ему были близки идеи т.н. культурной антропологии, получившей первоначальное развитие на рубеже XIX-XX столетия в Великобритании и США. Для культурной антропологии было свойственно исследование языка как основы осмысления культуры. При осмыслении фольклора латышского, русского Синайский не принимал чисто эмпирический подход к нему (сбор, классификация, поверхностная интерпретация). Только строгий научный подход, углубление в смысловое поле текстов (иероглифов, знаков, букв), изучение археологии языка - этимологии - осмысление прежних значений слов, имеющих в современном языке иное значение, возможен при работе с древними текстами и фольклорным материалом. Для Синайского фольклор не был безличным текстом - образчиком коллективного творения. Ему были близки идеи духовного элитаризма. Он подчеркивал роль поэтов, певцов, сказителей, «жрецов - людей науки» в формировании языка, поэтических и фольклорных текстов. Синайский верил, что только духовная элита каждой культуры способна не только творить язык, но и осмысливать законы «динамики мира» - динамики исторической жизни, сохранять для следующих поколений научные знания.

В середине 1944 года исторические события вынудили Василия Ивановича Синайского переехать в Прагу, затем в Брюссель, где он не прекращал занятия любимой наукой, проводя долгие часы в библиотеках. Своё последнее пристанище он нашёл на Лесном кладбище близ Брюсселя, простившись с миром 21 сентября 1949 года.

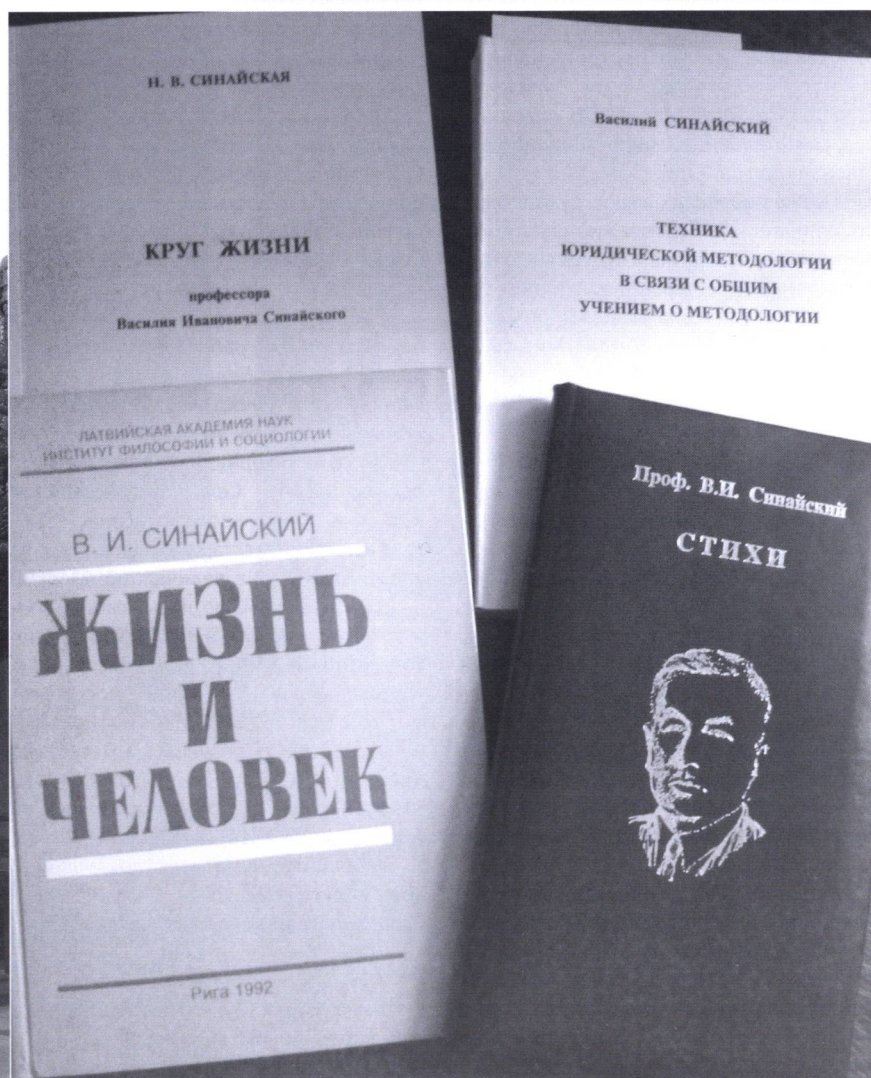
В.И.Синайский

Рига, здание Политехнического института, позднее – Латвийский университет. Фото начала XX века.

Дом в Риге,
где жил В.И.Синайский
(ул. Дзирнаву, 31).

В.И.Мухина

(1889-1953)

ЖЕНЩИНА, СПАСШАЯ СВОБОДУ

Скульптор Вера Игнатьевна Мухина родилась в Риге 19 июня (1 июля) 1889 года. Её отец происходил из купеческой семьи города Рославля Смоленской губернии. Мухины издавна занимались пеньковым делом и через Ригу отправляли пеньку за границу. Сохранился дом на ул.Тургеневской, 23, где маленькая Вера провела первые годы своей жизни. Одна из его комнат, выходящая окнами на ул.Риепниеку, прозвана была «Вериной светлицей». Перед ней растёт могучий каштан.

Художественные наклонности перешли к девочке от отца, который любил копировать картины Айвазовского, с чего в живописи начала и она. Вера рано потеряла мать, которая умерла, когда малышке было всего полтора года. Отца не стало, когда ей исполнилось 14 лет... Воспитанием девушки занялись опекуны - курские дядюшки. В Курске Вера продолжала брать домашние уроки рисования и живописи, первый раз приступила к портрету, написав с натуры горничную Аниюту. Вместе со старшей сестрой Марией в компании с воспитательницей она часто путешествовала за границу.

Позже переехали в Москву, где Вера поступила в художественную школу, известную под названием «Студия Юона». Постепенно появилось тяготение к объёмной форме, и юная художница стала мечтать о скульптуре. Хотела учиться за границей, но опекуны и слышать не хотели ни о чём подобном. Её судьбу решило несчастье.

В конце 1911 года Вера гостила у родных в Смоленской губернии. Во время катания с горы снежные сани налетели на дерево. Девушка разбила голову, сильно изуродовала лицо. Близкие боялись, что после этого она покончит с собой. Чтобы отвлечь Веру от тяжёлых переживаний, опекуны позволили ей уехать в Париж.

Во Франции она провела почти два года, занимаясь в художественной академии De la Grande Chaumiere скульптора Антуана Бурделя, ученика Родена и одного из наиболее талантливых скульпторов Франции.

Война 1914 года прервала все возможности дальнейшего обучения за границей. Захваченная общим желанием чем-либо помочь родине в тяжёлую минуту, она прошла курс сестёр милосердия и проработала в лазаретах до середины 1918 года.

К 1919 году относится её большая работа над памятником русскому просветителю Н.И.Новикову. Впервые же Вера Мухина выставилась в 1926 году на скульптурной выставке в Историческом музее. Из наиболее ярких работ того времени можно назвать «Крестьянку» (1927), за которую она получила первую премию. Позднее эта скульптура была выкуплена музеем итальянского города Триеста и сегодня хранится в музее Ватикана, среди шедевров мирового искусства.

Постройка Парижской группы, созданной по заказу правительства, была событием не только для Веры Игнатьевны, но и для всей русской скульптуры вообще. Статуя «Рабочий и колхозница», венчающая советский павильон на Всемирной выставке, взметнувшись на 75-метровую высоту, затмила даже Эйфелеву башню. Осуществление фигур небывалых масштабов из нового, никогда не употреблявшегося материала - нержавеющей стали - было большой смелостью. Сроки давались небывало короткие: на модель один месяц, на исполнение в необходимых размерах (23 метра) - 3 месяца. Требовалась особая изворотливость инженерного ума, большая гибкость бригады скульпторов, чтобы справиться с этой грандиозной задачей.

Восхищённые французы собирали подписи, чтобы работа Мухиной осталась у них. Особенно старались парижанки - им хотелось иметь символ того, что может сделать женщина.

Но статую вернули в Москву и установили возле Сельскохозяйственной выставки. Несколько раз Мухина писала письма протеста, объясняя, что на «пеньке» (так она величала невысокий - в три раза меньше парижского - постамент), её работа не смотрится. Однако мнению скульптора не учли.

Возвращаясь из Парижа после всемирного успеха своей работы, Вера Игнатьевна вместе с сыном на несколько дней заехала в Ригу, посетив отчий дом, где принимал её бывший мухинский управляющий А.И.Пивоваров.

За работу над Парижской группой Вера Игнатьевна была награждена в 1938 году орденом Трудового Красного Знамени.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Мухина писала: «Волна небывалой войны выплеснула из недр народа таких героев, изобразить кото-

рых художник может считать для себя честью. Портретирование стало для художников душевной необходимостью и творческой радостью. Портреты, собранные сейчас в залах Третьяковской галереи, являются попыткой показать индивидуальное разнообразие героического русского человека...»

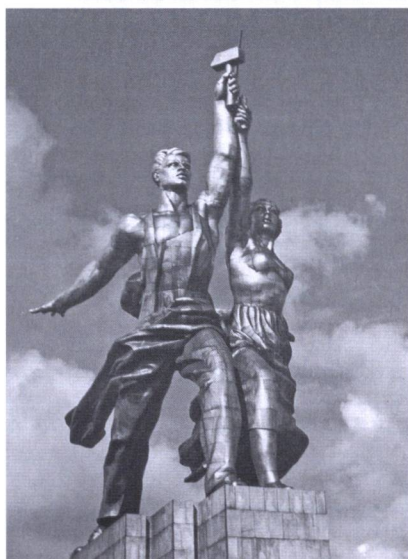
В военное время в 1942 году ей было присвоено почётное звание заслуженного деятеля искусств.

В 1944 году на заседании военного совета в Риге встал вопрос о сносе памятника Свободе, как символа «буржуазного национализма». Мухина была хорошо знакома с Карлисом Зале и очень высоко ценила школу латышской монументальной скульптуры, оказывала большую поддержку скульпторам Теодору Залькалну, Карлису Земдеге, Александре и Янису Бриедисам. В то время она как раз оказалась в Латвии, будучи послана в Ригу для налаживания контактов с латвийскими художниками. Вера Игнатьевна присутствовала на заседании в качестве эксперта для художественной оценки монумента. От её слова зависела его дальнейшая судьба, и она смело встала на защиту памятника. Мухина заявила, что он является выдающимся произведением искусства и, в конце концов, убедила его не трогать.

Вера Мухина считала, что Искусство - это душа и совесть народа. Всё её творчество - яркое тому свидетельство. В 1945 году, выступая в Союзе художников Латвии, она говорила: «Мне немного необъяснима некоторая безучастность художников Латвии к остроте жизни в их искусстве. Искусство стоит у вас на высоком уровне, в чем мы приятно убедились, побывав у некоторых художников. Но жизнь у них так безмятежна, как будто над Латвией не слышны ни грома пушек, ни стонов увезённых насильно, ни плача детей. Искусство не может быть обособлено от жизни. Искусство не только удовольствие, но душевная боль художника...» В этом высказывании чётко обозначилась принципиальность и взыскательность мастера.

Не стало Мухиной 6 октября 1953 года. Своё здоровье она подорвала, работая над памятником Горькому, на открытии которого уже не присутствовала. Она умерла от стенокардии - болезни каменотёсов. Похоронена в Москве, на Новодевичьем кладбище.

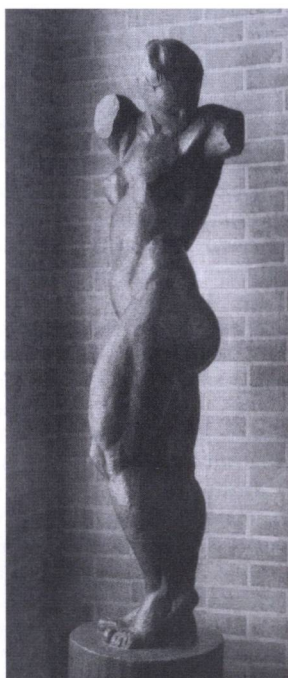
**Портрет скульптора В.И.Мухиной.
Художник М.Нестеров. 1940 г.**

*Рабочий и
колхозница,
1935–1937 гг.*

Крестьянка, 1927 г.

Юлия, 1925 г.

Памятник Свободы в Риге, 1935 г.

Дом Мухиных в Риге.

Р.Ю.Виппер

(1859-1954)

РУССКИЙ ИСТОРИК В ЛАТВИЙСКОЙ НАУКЕ

Роберт Юрьевич (Георгиевич) Виппер родился 2 (14) июля 1859 года в Москве в семье учителя, обрусевшего немца, его родными языками с детства были русский и немецкий. Научную карьеру предопределило обучение в Московской классической гимназии, существовавшей при Институте восточных языков имени Лазарева, позже образование было продолжено на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1892 г. для архивных занятий он ездил в Женеву, готовясь к диссертации «Церковь и государство в Женеве в XVI веке, в эпоху кальвинизма». По защите этого блестящего труда (1894) молодой учёный получил докторскую степень и был назначен на кафедру всеобщей истории в Новороссийском (Одесском) университете. С августа 1899 года до 1923 года он состоял профессором Московского университета.

Своими учителями Виппер считал В.И.Герье, А.А.Шахова и В.О.Ключевского. В начале своей карьеры он придерживался позитивистских взглядов, выдвигал на первый план культурно-экономические факторы. Постепенно в его сознании происходил эволюционный отход от позитивизма к прагматизму. Диапазон научных интересов Роберта Юрьевича был чрезвычайно широк - от истории Древней Греции и Рима до современности. Виппер стал автором многочисленных книг, написанных блестящим литературным языком, в том числе учебников по древней, средневековой и новой истории для средней и высшей школы. Отличительной особенностью его работ было стремление разобраться в материальных корнях политических и идеологических явлений, критическое отношение к исторической традиции. Наиболее полно это отразилось в трудах по истории Греции и Рима, вышедших в начале XX века. Много внимания Р.Ю.Виппер уделял истории русского народа. Ему принадлежит ряд исследований об эпохе Ивана Грозного, о смутном времени, о культурном переломе в XVII столетии.

Его университетские курсы и учебники по всеобщей истории пользовались в России большой популярностью. От традиционных книг они отличались оригинальностью идей, стилем, приближенностью к современным исканиям в науке. Виппер видел слияние социологии с историей. «Едва ли есть необходимость, - писал учёный, - различать две особые науки - абстрактную социологию и конкретную собственную историю».

Со временем Виппер ставит перед собой задачу пересмотреть с позиций психологизма всё традиционное понимание социологических категорий, причинно-

сти, закономерности, прогресса. Прогресс мыслится им не как объективное явление, а как продукт творчества историка. Теорию факторов сменяет теперь теория «умственных разрезов». Причинность и закономерность трактуются как чисто духовные феномены. Общий вывод Виппера о природе исторических категорий таков: «В популярном сознании все эти названия отвечают твердым фактам... которые предполагаются существующими вне нас... В популярном сознании едва ли есть подозрение, что эти факты, группы и ряды составляют наши умственные разрезы». Поскольку так называемый исторический факт по своей природе существует лишь в сознании, то он рассматривается только как феномен науки истории, а не объективного исторического процесса. Его выделение и его интерпретация - дело историка.

В Октябрьской революции Р.Ю.Виппер увидел лишь «солдатскую анархию» и, воспользовавшись родственными связями, эмигрировал в буржуазную Латвию.

В Ригу он прибыл в 1924 году. Его избрали полноправным профессором, он стал преподавать на филологическом и философском факультетах. Руководство университета позволяло ему читать лекции на русском языке. Излюбленная мысль Виппера, повторяемая им не раз в студенческой аудитории, заключалась в словах: «История не только наука, но также искусство».

Его ученик, латышский историк М.Степерманис, отмечал, что присущий профессору живой дух исследователя не позволял ему удовлетворяться только чтением лекций, его живо интересовала латвийская история. Латвия становится ученому близкой, ей он посвящал своё время, талант и опыт. Когда Виппер приехал в Ригу, изучение истории Латвии находилось на той мертвой точке, на которой она оказалась благодаря одностороннему подходу местных остзейских учёных. Роберту Юрьевичу оставалось либо принять на веру существующую концепцию, либо самому изучать документы и составить собственное представление о местной истории. Как подлинный учёный он выбрал последний путь.

Профессор вошёл в историческую науку Латвии как опытный исследователь рижских архивов, который сумел найти интереснейшие материалы по эпохе Просвещения в Лифляндии. Свежим взглядом стороннего наблюдателя он оценивал неизвестные, забытые документы. Прежде всего Р.Виппер обратил свой взор на просветителей XVIII столетия и нашёл среди них, как особо примечательную личность,

видземского пастора Эйзена. Много внимания учёный уделял вопросам аграрной истории Латвии, началу крепостного права. Им был опубликован целый ряд научных работ, идеи которых шли вразрез с устоявшимися представлениями немецкой историографии о том, что крепостное право было необходимо для экономического прогресса и пошло на пользу самим латышам. Результатом этих исследований стал сборник документов периода крепостничества в Лифляндии, изданный в 1927 году.

Р.Ю.Виппер продолжал плодотворно работать в области новой истории европейских государств, писал школьные учебники. В 1929 г. вышла его «Русская история в основной школе». Ученым были также подготовлены материалы по всеобщей истории. «Учебники маститого ученого по всеобщей истории пользуются заслуженной популярностью не только как прекрасное руководство при прохождении курса, - писала газета «Сегодня», - но и как книги для чтения. В силу этого пользование ими даёт учащемуся не только необходимые знания по предмету, но и в значительной степени удовлетворяет его любознательность и стремление к известной детализации предмета». Одновременно Р.Ю.Виппер разрабатывал философские проблемы истории. Им написаны такие труды, как «История и современность» (1925), «Историческая роль интеллигенции» (1931), «Новые проблемы в философии истории» (1936) и др.

В 1939 году коллеги отмечали 80-летний юбилей Р.Ю.Виппера. В его честь в Риге был издан специальный сборник трудов латышских историков. Виппер только к 1938 году сумел опубликовать в Латвии около 50 работ на латышском, немецком, русском языках. Но знаменательным событием в научной карьере учёного стала публикация в 1937-39 годах 3-х томов исследования под общим названием «История Нового времени. 1640-1913».

В 1940 года профессор Виппер более не вёл занятий в университете. В мае 1941 года он выехал в Москву. В 1943 году был избран академиком АН СССР, занимался научной работой, опубликовал в Москве ещё две монографии. В трудах «Возникновение христианской литературы» (1946) и «Рим и раннее христианство» (1954) Виппер ставил историю раннего христианства в тесную связь с идеологическим развитием греко-римского мира. За свою плодотворную научную деятельность учёный был награждён орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

Умер Роберт Юрьевич Виппер в Москве 30 декабря 1954 года.

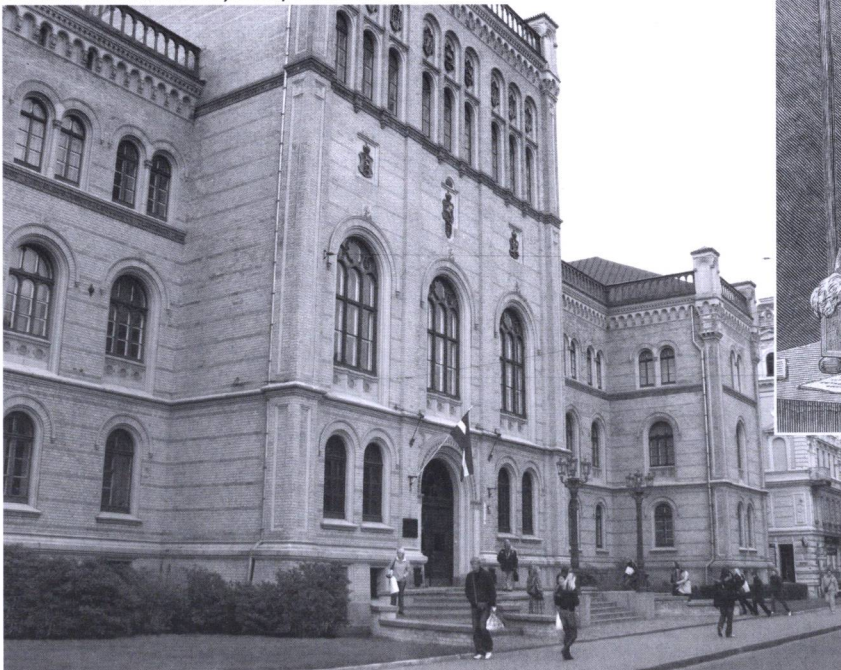

Р.Ю.Виппер

Лаокоон с сыновьями, статуя I в. до н.э.

Здание Латвийского университета.

*Иван Грозный.
Статуя работы
академика Антокольского.*

В.Г.Ян

(1875-1954)

ДОРОГОЙ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ...

Известный русский писатель-историк Василий Григорьевич Ян (Янчевецкий) родился в Киеве в семье учителя гимназии, преподававшего латинский и греческий языки. Получив в 1876 году назначение в Ригу, отец будущего писателя приезжает в столицу Лифляндии с молодой женой и двумя сыновьями. Ему предстояло служить в русской Александровской гимназии, располагавшейся в здании, где ныне находится Музыкальная академия.

Семья преподавателя латыни проживала в самом учебном заведении - на первом этаже. Писатель вспоминал: *«Окна нашей казённой квартиры были обращены одной стороной на засаженный старыми липами канал, пересекающий город. С другой стороны окна комнаты, где поместился я со старшим братом Митей... выходили на большой гимназический двор, куда на большой перемене выбегали поразмяться ученики всей гимназии».* Маленький Вася часто слушал рассказы отца о героях «Илиады», о путешествиях Одиссея. Приключения античного героя, а также рассказы старого матроса, объехавшего весь свет, внушили ему жажду путешествий, и мальчик даже бежал однажды на корабле, в надежде увидеть сказочные далёкие страны, но был пойман и водворён обратно.

По вечерам отец читал газету «Рижский вестник», где нередко печатались с продолжением приключенческие рассказы, удивительные, бередящие воображение. Рядом же находился цирк Соломонского. Могучие силачи, ловкие наездники, отважные дрессировщики рождали горячий интерес к романтике странствий и приключений. Любимыми предметами Васи стали история, география, рисование. На всю жизнь запомнились ему семейные поездки к морю.

«Наша семья иногда проводила лето на Рижском взморье, - вспоминал Ян. - Однажды втрём с братом и отцом мы гуляли по дюнам между величественными соснами. Я отошёл ближе к морю, а когда вернулся, застал отца беседующим с незнакомым человеком. „Смотрите, дети, - сказал он, - и запомните на всю жизнь. Перед вами - замечательный русский писатель и путешественник“. Это был Гончаров. Отец раньше читал нам отрывки из „Обломова“, „Фрегата «Паллада»“, и я застыл как зачарованный, безмолвно глядя на удивительно незнакомца, обогнувшего земной шар, побывавшего в сказочных далёких странах, видевшего столько необычного! Гончаров, улыбаясь, стал нам что-то рассказывать,

а потом спросил, кем мы хотим стать. Я долго ничего не мог ответить от волнения, а потом с восторгом воскликнул: „Путешественником!“ - и бросился бежать под дружный хохот взрослых. Я был искренен в своём восторге, не забыв эту встречу и теперь могу сказать, что она была одним из светочей, постоянно освещавших увлекающую меня с детства „дорогу дальних странствий“».

Со временем, отца перевели в Ревель (Таллин). Один из номеров «Рижского вестника» за 1886 год извещает: «Нам сообщают, что и.д. директора Александровской гимназии статский советник Янчевецкий переводится в Ревель».

Там Василий завершил гимназическое образование. Его первыми литературными опытами стали переводы на русский язык эстонских песен, наивные стихи и маленькие фельетоны из жизни Прибалтийского края.

Окончив в 1898 году Петербургский университет по историко-филологическому факультету Василий Григорьевич решил выполнить давнишнюю мечту - отправиться бродить пешком по России. В крестьянской одежде, с котомкой за плечами он отправился в своё первое странствие, продолжавшееся несколько лет. Скитания по деревням, охотничьим и рыбацким посёлкам, по Днепру с плотовщиками дали ему глубокое знание обычаев и языка русского народа. Свои путевые заметки он помещал в газетах, а в 1901 году издал книгу «Записки пешехода».

Около года он прожил в Англии. Тоска по родине заставила вернуться, но вскоре он предпринял новое путешествие, на этот раз в Среднюю Азию. Служил инспектором колодцев в Туркестане, изучал восточные языки и жизнь местного населения. Василий Григорьевич верхом на лошади пересёк песчаную пустыню Каракумы, посетил Хиву и Бухару. Оттуда он отправился в Иран; вдоль афганской границы через Сеистан и Белуджистан, достиг границ Индии, куда английские власти отказались его пропустить. Здесь, на равнинах беспредельной Азии, возникли первые планы создания исторических повестей о великих завоевателях Азии.

Начавшаяся русско-японская война надолго отвлекла от задуманного. В качестве специального корреспондента Петербургского телеграфного агентства на полях Маньчжурии пришлось ему увидеть мужество, терпение и беззаветную отвагу русского солдата.

По окончании войны он снова побывал в Средней Азии, посетил Грецию и Египет, провёл несколько лет в Турции,

а после начала Первой мировой войны стал военным корреспондентом на Балканах и в Румынии.

В 1918 году писатель вернулся в объёму пожаром Гражданской войны России. Работал в Сибири, в походной типографии армии Колчака. После установления Советской власти был учителем, директором школы в Урянхае (Тува), затем редактором газеты «Власть труда» в Минусинске. Именно тогда он впервые стал подписываться псевдонимом Ян. В 1923 году переехал в Москву, публиковал исторические и приключенческие рассказы. С 1927 года за подписью «В.Ян» печатал историко-краеведческие статьи о Туркестане в журнале «Всемирный следопыт».

Ещё в 1908 году, во время поездки вдоль берегов Малой Азии, Ян увидел найденные при раскопках глиняные таблички с таинственными письменами. Это были разрозненные записи финикийцев, смелых скитальцев по морям. Годы спустя он написал свою первую историческую повесть - «Финикийский корабль» (1931). Писатель пришёл к выводу, что нужно показывать самые героические страницы прошлого стран и народов, чтобы в образах борцов, смело защищавших свою родину, люди находили достойный пример для подражания. Так появились повести «Спартак», «Молотобойцы», «Огни на курганах» и др.

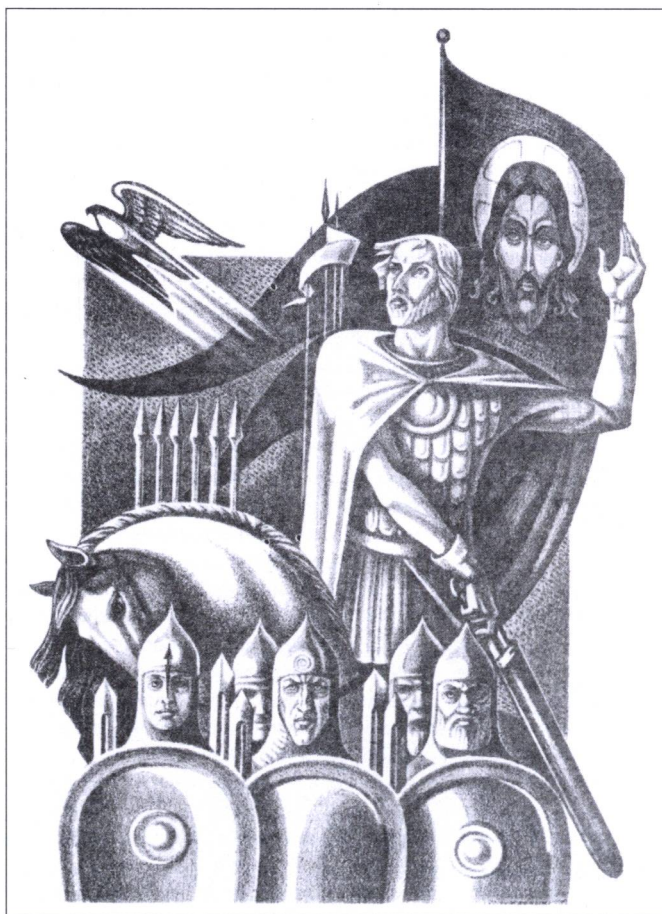
Но главным трудом его жизни явилась трилогия об Ордынском нашествии: «Чингисхан», «Батый», «К последнему морю». Незадолго до смерти писателя вышла его повесть об Александре Невском - «Юность полководца». Он писал: *«Я хотел, чтобы мои читатели видели, какой ужас и падение культуры приносят с собой захватнические войны. Только в прекрасном созидательном труде, в мирном сотрудничестве всех свободлюбивых народов залог счастья человечества».*

Василий Ян никогда не забывал Прибалтики. Романтические образы средневековой Риги нашли воплощение в его произведениях. В 1948 году он побывал в городе своего детства. *«Мы пошли по оживлённым улицам... и вдруг я остановился, поражённый, - это была старая Суворовская улица: я увидел двухэтажное солидно построенное здание, и оно мне напомнило родную Александровскую гимназию... Дальше должен быть Верман-парк. Да, это он, старые липы и каштаны... и дорожки, где мы бегали детьми...»*

Умер писатель 5 августа 1954 года, в г.Звенигород Московской области.

Рижская Александровская гимназия
на углу бульв. Наследника и Суворовской улицы
(Raiņa bulvāris – Krišjāņa Valdemāra iela).
Фото начала XX века.

С.Н.Антонов

(1884-1956)

ХУДОЖНИК — АРХИТЕКТОР — СЦЕНОГРАФ

Слово Художник всеобъемлюще, это в философском смысле специалист экстра-класса в своей области, будь он архитектор, живописец, сценограф или мастер с иным призванием. Сергей Николаевич был талантливейшим архитектором своего времени, но, кроме того, замечательным рисовальщиком, выдающимся живописцем, успешным сценографом и, по отзывам студентов, прекрасным преподавателем. О его занятиях в разных, хотя и смежных областях к основной профессии есть пародия - дружеский шарж 1923 года А.Чужого:

*Он - архитектор, жена - актриса,
и вот пришлось себя раздвоить:
как архитектор - хочет строить,
как муж - он строит лишь кулисы.*

Была ещё одна ипостась, о которой практически нигде не упоминается - это журналистика, его статьи содержательны и написаны хорошим русским языком.

Семью Антоновых (настоящую фамилию Романов отец Сергея сменил, чтобы не носить имя и фамилию действующего государя) отличало трудолюбие и крестьянская хватка. Этому способствовало и пребывание в богатой купеческой среде Камариных, где ему удалось накопить капитал для покупки дома неподалёку от рижского вокзала, ставшего «Коммерческой гостиницей», а впоследствии - отелем «Метрополь». Семья была большая и талантливая: одна из дочерей проявила себя как актриса Московского Художественного театра, другая, Вера, была талантливой поэтессой. Но среди детей особенно выделялся сын Сергей.

Родился Сергей Николаевич в 1884 году. В 1902 году окончил Петровское реальное училище, а в 1909-ом - архитектурный факультет Рижского Политехнического института. В гостинице его отца, по словам известного художника Евгения Климова, подолгу жил популярный в те времена живописец Юлий Клевер. Сергей ещё юношей готовил холсты для его знаменитых «закатов», пробовал себя в роли художника. У него же он получил свои первые уроки живописи. Не удивительно, что следующим шагом стала учёба в Петербургской Академии Художеств, которую он и закончил в 1914 году, получив звание художник-архитектор. Учился в мастерской профессора Л.Н.Бенуа, профессор же был и его руководителем, когда С.Н.Антонов защищал дипломный проект здания Государственного Совета.

Дальше карьера молодого художника-архитектора идёт по восходящей. Он участвует в конкурсах и заслуживает первые премии. Так, в 1916 году за проект Памят-

ника погибшим воинам он получил главный приз и одобрение самого императора Николая II. После окончания Первой мировой войны С.Антонов в силу разных обстоятельств оказался в древнем Пскове. Город его очаровал. В нём заговорил художник, и в рисовальном альбоме появились десятки рисунков домов, улочек, башенок, древних соборов. По своему проекту он строит здание женской гимназии. Кроме того, в период с 1914 по 1920 годы С.Антонов активно занимается преподавательской деятельностью в Петербурге, Пскове, Таллине, а по возвращении в Ригу и в Латвийском государственном университете. Евгений Климов вспоминал позднее: «В университете С.Н.Антонов пользовался уважением и любовью своих студентов. На обращаемые к нему вопросы и просьбы студентов он откликался всегда с готовностью и тут же на глазах учеников рисовал на бумаге здания различных эпох со всеми необходимыми деталями, и всё это не в виде чертежа, а в живой перспективе. Такая свобода в обращении с материалом покоряла и показывала руку знающего и опытного мастера».

Замечательной страницей в биографии художника стала работа в рижском Театре русской драмы. С весны 1925 года во главе театра стали талантливые организаторы: директор А.И.Гришин, режиссёр Р.А.Унгерн, режиссёры и актёры Ю.И.Юровский, Ю.Д.Яковлев и художник-декоратор С.Н.Антонов. Он со вкусом оформлял постановки произведений русских классиков, шедевров западноевропейского искусства и драматургов-современников. Помогал ему в этом декоратор и художник по костюмам Ю.Г.Рыковский. Привлекались к постановкам также молодые художники и студенты Латвийской Академии художеств Алексей Юпатов и Евгений Климов.

В театре Сергей Николаевич параллельно с университетом проработал до 1940 года, когда его назначили деканом архитектурного факультета, но и потом, будучи профессором Латвийского государственного университета, сохранял связи с любимым театром. Он поддерживал контакты с замечательным рижским архитектором Владимиром Шервинским, хотя они бывали и конкурентами (например, в проекте памятника Свободе 1924 года).

Конечно, С.Н.Антонов проявил себя и как архитектор. Уже в 1921 году он проектировал павильон России на Международной выставке в Риге. Рижане могут любоваться интересным строением с элементами конструктивизма, расположенном на улице Дзирнаву, 57 (1926). Это здание, принадлежавшее издатель-

ству крупнейшей русской газеты «Сегодня», также было выстроено по его проекту. Очень интересно здание ресторана «Лидо» в Дзинтари, которое органично вписывалось в классическую деревянную архитектуру Юрмалы, но было своеобразным по внутреннему размещению и декору помещений. Заметным успехом стал проект павильона Латвии в 1935 году на Международной выставке в Брюсселе. За него С.Н.Антонов был награждён двумя почётными дипломами, двумя золотыми медалями и орденом Леопольда II. Он также выполнял множество заказов на строительство от частных лиц, и эти дома здравствуют до сих пор.

После трагической гибели архиепископа Иоанна Поммера по проекту Антонова была построена каплица-памятник на православном Покровском кладбище, ставшая усыпальницей.

Сергей Николаевич участвовал во многих академических выставках, начиная с 1912 года. Вначале он выступал со станковой живописью и графикой, создавая целые серии, посвящённые городским пейзажам и архитектурным памятникам. Участвовал в выставках Общества акварелистов (1912-1914, 1916 годы; в выставках Товарищества независимых (1913) и в галерее Лемерсье в Москве в 1913 и 1914 годах, а затем во многих выставках в Латвии, Праге, Нью-Йорке.

Он получил звание профессора Латвийского университета в 1944 году и заслуженного деятеля искусств Латвии в 1945 году. Его работы (около 600) были широко представлены на посмертной выставке в 1957-1959 годах в Риге, Таллине, Пскове, Ленинграде. Заметным явлением стала выставка в Художественном музее, посвящённая 90-летию художника. Выделился совместный проект фирмы «Волмар» и Государственного музея 1998 года - выставка четырёх художников: Сергея Антонова, Евгения Климова, Георгия Матвеева, Алексея Юпатова. Интересные работы разных периодов творчества художника ценители смогли увидеть на юбилейной выставке к 800-летию Риги в галерее «Антиква». Они вошли в альбом «Рига». Работы художника представлены в собрании Государственного музея, Исторического музея в Риге, в музеях России, Западной и Восточной Европы.

Мы можем гордиться тем, что Сергей Николаевич Антонов, рижанин, выходец из русской среды оставил заметный вклад в разных областях: в архитектуре города, в становлении Русского театра драмы, в сценографии, на педагогическом поприще, внёс свой русский вклад в развитие латвийского культурного пространства.

Из альбома
«Рижское взморье
и др. рисунки 1942–1947 гг.».

С.Р.Кириллов

11877-1960)

ДЕЯТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Депутат IV Государственной думы России, депутат Сейма Латвийской Республики, вице-министр земледелия Латвии, предприниматель, учитель... немало должностей и работ за свою долгую и богатую событиями жизнь выполнял, как указано в некрологе, этот «поморец-общественник с весьма широким и многообразным кругом деятельности».

Родился Степан (Стефан) Родионович Кириллов 11 июля 1877 года в городе Двинске (ныне - Даугавпилс). В 1894 году окончил полный курс Двинского шестиклассного городского училища, в 1895-1896 годах обучался в Двинской телеграфной школе. В 1908 году 8 г.Якобштадте (Екабпилс) он сдал экзамен на звание учителя, а в 1913-1914 гг. состоял слушателем лекций народного университета в Санкт-Петербурге по предметам сельского хозяйства. Некоторые авторы указывают, что он обучался слесарно-кузнечному ремеслу, а попутно со сдачей экзамена на звание учителя изучал ещё кооперацию, бухгалтерию, осваивал пожарное дело. Однако в справочнике за 1914 год, где среди членов IV Государственной Думы за № 161 числится С.Р.Кириллов, в графе образование указано - низшее городское училище. Так что вопрос остаётся открытым. Ясно одно, благодаря своим личным качествам Степан Родионович сделал блестящую карьеру, имея ярко выраженное стремление к общественной деятельности, способствовал просвещению староверия и укреплению его хозяйственного положения,

С 1899 по 1912 год он трудился на общественной ниве в Двинске и Двинском уезде: был гласным городской думы, земским уездным гласным, а затем и губернским. Был главным организатором и председателем Совета Двинского национально-русского общества взаимного кредита, а также учредителем и членом совета Двинского купеческого общества взаимного кредита. Четыре года он преподавал в приходском старообрядческом училище. Стал одним из организаторов Двинского старообрядческого братства.

В 1909 году его направили делегатом на I Всероссийский Собор христиан-поморцев, который проходил в Москве. На Соборе был избран в училищную комиссию вместе с двинчанином Г.П.Романовым и рижанином А.И.Воловичем. В 1912 году С.Р.Кириллов участвует в работе II Всероссийского Собора христианского поморского церковного общества. Собор одобрил к употреблению в старообрядческих поморских училищах и храмах составленное С.Р.Кирилловым и Л.С.Мурниковым «Пособие к изучению славянской азбуки». До сих пор староверы изучают церковно-славянский язык по этой книге.

В 1911 году в Двинске проходит Всероссийский съезд старообрядцев-поморцев по народному образованию. С.Р.Кириллов стал

одним из заместителей председателя, выступает на съезде с докладом.

В 1912 году он избран от Витебской губернии членом Российской Государственной думы IV-ого созыва, где состоял в бюджетной комиссии, был секретарём комиссии по старообрядческим делам, а также членом других комиссий.

Наступил 1914 год, началась Первая мировая война. С.Р.Кириллов добровольцем уходит на фронт. В Карпатах, в Галиции, Румынии и других местностях его санитарный отряд, часто под артиллерийским и ружейно-пулемётным огнём, оказывал помощь раненым и больным воинам, обслуживал сводный конный корпус. Позже он заведовал всей технической частью передовых отрядов санитарных транспортов и поездов, эпидемических госпиталей Всероссийского национального союза. За свою самоотверженную работу на передовых позициях Степан Родионович был награждён орденом Св.Георгия и другими знаками отличия. С 1918 по 1921 год он с семьёй находился на юге России. И здесь его знания, опыт, неуемная энергия нашли выход. В Бердянске был членом городской управы, временно исполнял обязанности городского головы, организовал «Бердянское кооперативное товарищество виноградарей», «Бердянское старообрядческое общество потребителей» и др. В эти годы его неоднократно приговаривали к расстрелу - то красные, то белые. И всякий раз, благодаря природной смекалке и непоколебимому спокойствию, ему удавалось спастись.

В конце 1921 года С.Р.Кириллов возвращается в Латвию, в родной Двинск, где сразу же окунается в общественную жизнь: он был избран гласным думской городской думы, председателем думской ревизионной комиссии. Но прежде всего его волнуют проблемы латвийских староверов. Уже на 2-ом Старообрядческом съезде, который проходил в г.Режице (ныне - Резекне) 10 декабря 1921 года, С.Р.Кириллова избирают членом Центрального Комитета по делам старообрядцев Латвии. Впоследствии он неоднократно избирался членом ЦК по делам старообрядцев, дважды становился его председателем.

В то время староверы составляли около 40% всего русского населения Латвии. ЦК по делам старообрядцев стремился защищать их интересы в государственной и общественной жизни, отстаивал права старообрядческих общин в использовании русского языка, осенью 1922 года провёл в состав Сейма своего депутата - М.А.Каллистратова. Однако назревающие внутренние противоречия привели к расколу в старообрядческих рядах. В 1929 году С.Р.Кириллов и его сторонники учредили новый орган - Совет старообрядческих Соборов и съездов Латвии. Среди наиболее заметных лиц, поддержавших этот Совет, были И.Н.Заволоко, А.И.Формаков, И.Ф.Юпатов.

В эти годы С.Р.Кириллов состоял в большой дружбе с И.Н.Заволоко, своим единомышленником в деле религиозного и русского национального просвещения. Благодаря энергии С.Р.Кириллова с 7 декабря 1930 года по 4 января 1931 года в Двинске впервые в истории Латвийского старообрядчества прошли религиозно-просветительские курсы. Было проведено 165 лекций, не считая бесед и практических работ. Среди лекторов были И.Н.Заволоко, Л.С.Мурников, П.Ф.Фадеев, А.А.Смоляков, К.Е.Ершова, А.И.Формаков и др.

С.Р.Кириллов являлся издателем газеты «Старообрядческий вестник», журналов «Старообрядческий мир» и «Вестник Совета старообрядческих Соборов и съездов в Латвии».

В 1928 году он побеждает на выборах III Сейма ЛР и становится депутатом по Земгальскому избирательному округу от Блока православных и старообрядческих избирателей. Одновременно с ним депутатом Сейма от этого блока проходит архиепископ Иоанн Поммер. В 1930 году С.Р.Кириллов назначается на пост заместителя министра земледелия Латвии.

Самую широкую популярность среди русского населения принесла ему деятельность по созданию сети сельскохозяйственных и кредитных кооперативов. Благодаря его стараниям и организаторским способностям в Латгалии с 1922 года стали появляться кооперативные организации, ссудно-сберегательные товарищества. В 1931 году только тех, в которых он был одним из учредителей или председателем правления, уже насчитывалось около 20.

В конце 30-х годов С.Р.Кириллов живёт в Риге, служит счетоводом в Латвийском хлебном бюро и занимается любимым делом: разводит сады, занимается огородничеством. Все жизненные повороты он принимал стойко. Грозные 40-е принесли его семье потери и невзгоды. Уже в конце Великой Отечественной войны его родственники эвакуируются в Германию, поехал за ними и С.Р.Кириллов с супругой; поселяют их в небольшой городке. Весной 1945 года этот город освобождают советские войска, и С.Р.Кириллов принимает решение вернуться на Родину.

Нелегко в 68 лет начинать с нуля, но он всё воспринимал с истинно христианским смирением, считая, что любая власть от Бога. Жил в небольшой комнате коммунальной квартиры, получал мизерную пенсию, носил клеймо «бывшего» - вот и всё, на что мог рассчитывать в те годы Степан Родионович Кириллов - бывший депутат Российской Государственной думы, депутат Сейма Латвийской Республики, видный старообрядческий общественно-политический деятель.

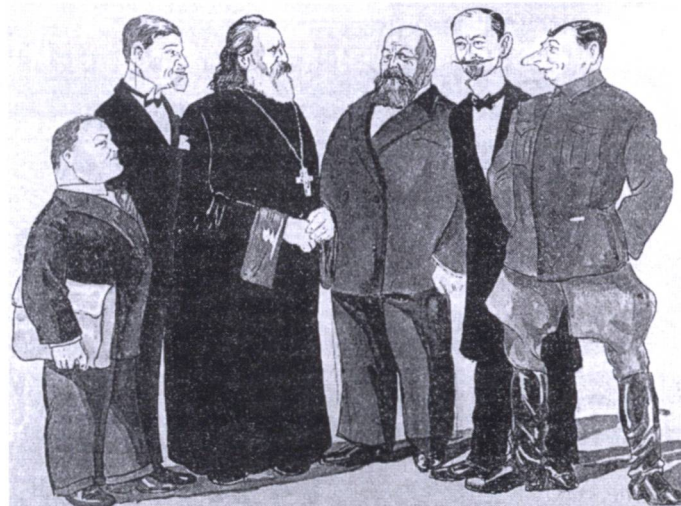
Скончался С.Р.Кириллов после продолжительной и тяжёлой болезни 8 июня 1960 года. Похоронен он в Риге, на Ивановском кладбище.

В атаку!

Рижский
Гребенцовский
храм
Успения
Пресвятой
Богородицы.

Новая русская фракция. М.А.Каллистратов, Г.С.Елисейев, архиепископ Иоанн, С.Р.Кириллов, Л.В.Шполянский, И.В.Корнильев. Карикатура *Civis'a* (30-е гг. XX века).

После боя. Санитарный отряд на поле битвы, рис. 1915 г.

Б.Р.Виппер

(1888-1967)

ИСКУССТВОВЕД, ЭСТЕТИК, ПЕДАГОГ

Борис Робертович Виппер, сын Р.Ю.Виппера, родился в Москве 3 (15) апреля 1888 года. Крупнейший российский искусствовед, многолетний музейный работник, профессор, член-корреспондент Академии художеств СССР (1962), автор многочисленных трудов по теории и истории искусства. Трудно даже выделить ту сферу научной деятельности, в которой бы не блистал этот выдающийся учёный. Блестящий лектор, историк западноевропейской живописи, уникальный знаток голландского искусства «золотого века». Его основные труды были посвящены кардинальным проблемам истории искусства (борьба направлений, история стилей, жанров) и отличались широтой обобщений и охвата материала. Среди них: «Проблема и развитие натюрморта» (1922), «Тинторетто» (1948), «Борьба течений в итальянском искусстве XVI века» (1956), «Становление реализма в голландской живописи XVII века» (1957), «Очерки голландской живописи эпохи расцвета» (1962), «Проблемы реализма в итальянской живописи XVII-XVIII вв.» (1966).

Борис Виппер получил прекрасное классическое образование. В 1911 году он окончил историко-филологический факультет Московского университета. Его научная карьера началась с должности хранителя картинной галереи Румянцевского музея. Не забывалась и педагогическая деятельность - он активно вёл лекционные занятия. С 1915 года Б.Виппер стал приват-доцентом Московского университета, а чуть позже - его профессором. Несколько лет возглавлял научно-исследовательский Институт искусствознания и Археологии при Московском университете.

Разработка проблем искусствоведения привела Виппера к формированию своеобразной философии искусства, его собственной концепции эстетического начала. Философские проблемы развития искусства выступают у него как отражения логики эволюции искусства в стилях и жанрах. Сущность развития живописи, считал Виппер, состоит в том, что художественный образ пространства и предметов в пространстве определён мирозерцанием эпохи: «Эволюция искусства не есть развитие умения, но есть смена мировоззрения».

Программное значение для творческого мышления Б.Виппера имела статья «Три стиля» (1920), посвящённая специфике восприятия художником пространства (плоскостное изображение, динамическое пространство, объёмная живопись или европейский реализм). Неизменный

научный интерес вызывали у Б.Виппера культура и история античного мира, естественным образом перенесённые в эпоху итальянского Ренессанса.

Виппер считал реализм основным направлением в искусстве, т.к. искусство является формой познания мира. Эстетическое познание совершается при движении от формального к культурно-историческому и от него - к духовно-историческому методу. Увлечение формалистской стороной изображения жизни учёный связывал с кризисом современного искусства, переоценкой проблемы формы, неустойчивостью тенденций в художественном восприятии и утратой человеком целостности.

В 1924 году Борис Виппер приехал в Ригу со своим отцом, известным историком Робертом Виппером. Он сразу же начал преподавать в Академии художеств. Сначала внештатным доцентом, затем старшим доцентом, а с 1931 года профессором. Параллельно протекала его служебная карьера в стенах Латвийского университета, где Борис Робертович читал лекции на двух факультетах: курсы по истории искусства, восточной архитектуры, прикладному искусству.

В 1927 году в Каунасском университете имени Великого князя Витовта Борис Виппер повторно защитил докторскую диссертацию на тему «Проблема развития натюрморта», уже защищённую ранее в Москве.

Уже в 1924 году вышла первая статья Бориса Виппера на латышском языке. Сам же он начал читать свои лекции по-латышски в начале 30-х годов. По воспоминаниям художника К.Нейлуса, это произошло неожиданно: *«Профессор сел около проекционного аппарата и стал читать лекции на очень хорошем латышском языке. Казалось, что он всю свою жизнь никогда не говорил иначе. Язык лился легко, без акцента. Отличало его только то, что он каждое слово выговаривал ясно, как это делают большинство латышей. Это было так приятно слышать! С этого дня количество слушателей на его лекциях удвоилось».*

Вплоть до 1940 года учёный публиковал работы преимущественно на латышском, немецком, французском языках. За монографию «Латвийское искусство в период барокко» ему была присуждена премия Культурного фонда. За короткий срок учёный сумел внести огромный вклад в изучение истории латвийского искусства. Виппер, наделённый исключительной эрудицией, широтой мышления сумел сломать бытовавшие в искусствоведче-

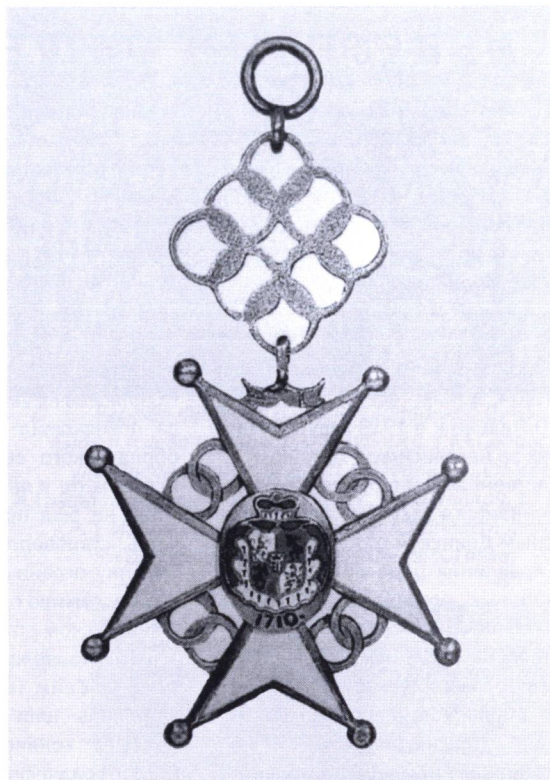
ской науке устоявшиеся стереотипы. В многочисленных статьях и монографических исследованиях Борис Робертович настойчиво преодолевал теорию, согласно которой латвийское искусство носит исключительно «колониальный» характер, или, иначе говоря, немецкую теорию колониального искусства. Глубоко изучая развитие латвийского искусства на протяжении столетий, но, в особенности, эпохи барокко, Виппер настаивал на мысли, что ни один известный художественно-исторический стиль европейской культуры не может рассматриваться изолированно и вне национальных особенностей, пусть даже этот стиль и привнесён в контекст национальной культуры извне.

Огромный опыт Б.Виппера как музейного работника был востребован в Латвии - с 1930 года он входил в Совет по памятникам. В 1937 году Фонд культуры спонсировал двухмесячную командировку учёного по изучению европейского искусства - готики, барокко, искусства нового времени в музеях Австрии, Италии, Франции, Нидерландов. В 1939 году Латвийское правительство отметило его значительный вклад в развитие искусствознания, исключительно плодотворную научную деятельность - профессор Борис Виппер был представлен к награждению «Почётным крестом» (Croix de la reconnaissance) 3-й степени. Эта награда давалась за особые заслуги перед отечеством на государственном, общественном или научном поприщах.

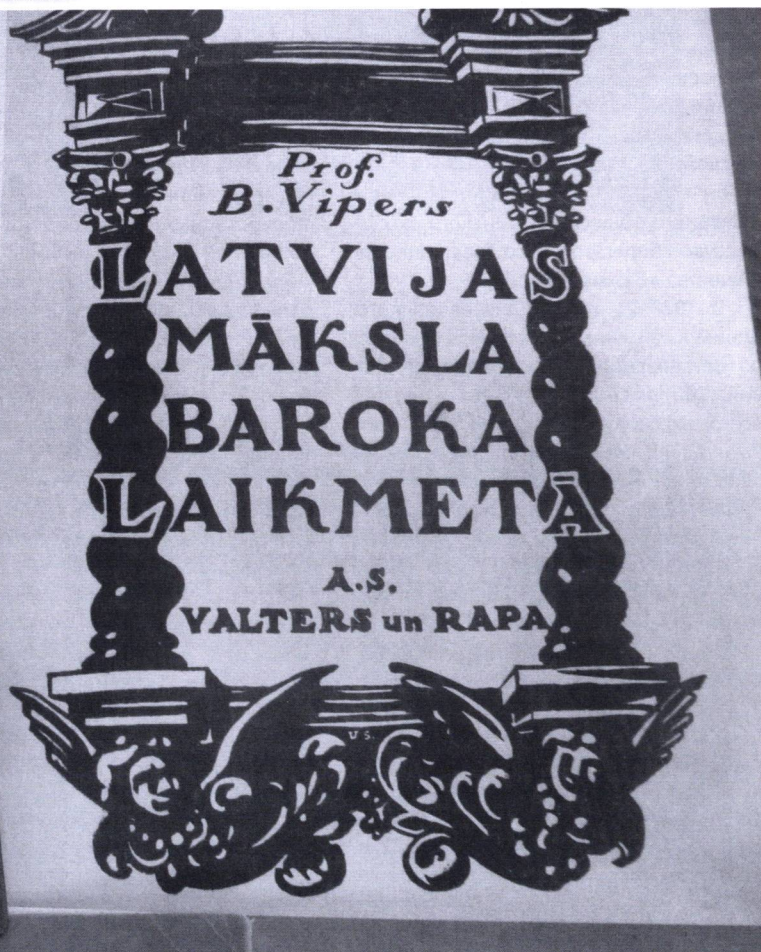
В мае 1941 года он возвращается в Москву, где продолжает плодотворно трудиться. Начиная с 1944 года и до конца жизни, Б.Р.Виппер являлся заместителем директора ГМИИ им. А.С.Пушкина по научной части. Он был ответственным за научную, популяризационную и экспозиционную деятельность, а в качестве председателя экспертного совета и за комплектование коллекций. Деятельность Б.Р.Виппера сыграла огромную роль в разработке основных направлений научных исследований в области искусствоведения. С идеями профессора Виппера и сегодня спорят или соглашаются, но память о его изысканиях бережно хранится: на протяжении многих лет в Риге в Институте истории искусства Латвийской Академии Художеств не прерывается традиция проведения научных чтений по искусствознанию, посвящённых памяти Бориса Виппера. Как в России, так и в Латвии постоянно переиздаются труды ученого.

Умер он в Москве 24 января 1967 года.

Б.Р.Виппер

Латвийский «Почётный крест»,
которым был награждён Б.Р.Виппер.

Г.С.Елисеев

(1896-1967)

ИЗВЕСТНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Григорий Савельевич Елисеев староверческий общественный деятель, депутат III Сейма Латвии, учитель. Он родился в 1896 году, происходил из крестьян Капинской волости Двинского уезда (ныне Даугавпилсский район). Образование получил в Илукстской учительской семинарии.

С 1915 года участвовал в Первой мировой войне в чине офицера. В годы Гражданской войны вступил в отряд князя А.П.Ливена и в 1919 году участвовал в боях за независимую Латвию.

Общественная деятельность Г.С.Елисеева начинается в 1920 году. Он избирается гласным Двинской городской думы, членом правления ряда общественных и религиозных организаций. Елисеев является ревностным защитником русских интересов в Двинской думе. При каждом выборе вновь избирается гласным думы, является членом комиссий: финансовой, просветительской и др., состоит членом землеустроительного комитета Двинской управы. В 1925 году избирается товарищем председателя городской думы. Известен Г.С.Елисеев и в учительских кругах города, пользуется немалым авторитетом и популярностью. Он состоит членом правления русской секции Двинского учительского союза и представителем школьного совета 5-ой русской основной школы. Помимо этого, он - член правления добровольного пожарного общества, Двинского русско-судо-сберегательного товарищества, общества «Взаимопомощь».

В 1920-21 гг. Г.С.Елисеев является одним из активных участников процесса по организации старообрядчества Латвии, которое составляло тогда около 40% всего русского населения Латвийской Республики. На состоявшемся 4 ноября 1920 года Первом вселатвийском съезде старообрядцев был создан представительный орган - Центральный Комитет по делам старообрядцев Латвии, принят наказ старообрядческим общинам. Григорий Савельевич Елисеев избирается секретарем ЦС по делам старообрядцев, а позже - товарищем председателя. На 7-ом старообрядческом съезде, который состоялся в феврале 1927 года в городе Якобштадте (ныне Екабпилс) впервые был выдвинут вопрос о правовом положении Старообрядческой церкви и о выработке нового устава; с докладом по этой теме выступил Г.С.Елисеев. Съезд поручил ЦК по делам старообрядцев представить следующему съезду проект

устава Старообрядческой церкви Латвии. К открытию 8-ого съезда было известно о трёх проектах. Один из них был выработан Г.С.Елисеевым и выражал позицию ЦК по делам старообрядцев. Проект состоял из 59 статей, посвящённых общим положениям Старообрядческой церкви в Латвии, ещё 103 особые статьи, регулирующие жизнь общин и приходо-ходов. Товарищ председателя ЦК Г.С.Елисеева с указанным проектом устава познакомил делегатов 8-ого старообрядческого съезда, проходившего в Якобштадте в январе 1928 года. Однако устав не был принят, т.к. значительная часть староверов восприняла его как попытку ограничить автономию общин. Это послужило одной из причин раскола в латвийском староверии.

Это привело к тому, что на выборы в III Сейм (6-7 октября 1928 года) староверы шли двумя списками. Наибольшее количество голосов получил Старообрядческий список. Оба мандата были завоёваны в Латгалии. В третий раз одержал победу в борьбе за депутатское кресло М.А.Каллистратов. Его коллегой стал Г.С.Елисеев. Они были давними друзьями. Одногодки, оба выпускники Илукстской учительской семинарии, оба воевали в отряде князя А.П.Ливена и в северо-западной армии генерала Юденича.

Чуть меньше голосов собрал Блок православных и старообрядческих избирателей. В целом, выборы для старообрядцев в III Сейм оказались наиболее успешными. Депутатские места заняли М.А.Каллистратов, С.Р.Кириллов и Г.С.Елисеев. В Сейме Елисеев был избран в комиссии социальное законодательства и просветительную. Его позиции были сходны с позициями М.А.Каллистратова, но он уступал последнему в активности. Это и явилось причиной того, что в IV Сейм Григорий Савельевич Елисеев не попал.

С приходом к власти Карлиса Ульманиса политическая карьера староверов-депутатов, в том числе и Г.С.Елисеева, закончилась, но продолжалась их деятельность в старообрядческих общинах и организациях. Елисеев входил в Совет Даугавпилсской Новостроенской общины, был членом правления учреждённого в 1927 году Общества по распространению знаний среди старообрядцев Латвии.

В 1940 году бывшего депутата латвийского Сейма Г.С.Елисеева арестова-

ли. От лица Советской власти ему было предъявлено традиционное обвинение в участии в боях на стороне Белой армии, а также в приверженности к монархизму. Елисеев получил десятилетний срок лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет. Отбыв назначенное наказание, в 1950 году он был отправлен в ссылку в Побучанский район Красноярского края. В годы хрущёвской оттепели вернулся в Латвию, являлся прихожанином Рижского Гребенщиковского старообрядческого храма.

Умер в 1967 году и был похоронен в Риге.

Мемуары о нас

Настанет день - Бульвар Свободы
Увидит жителей других.

А мы сойдём под мрачны своды,
Свершив деяний круг своих,

И больше в Риге нас не будет,

Мы будем отдыхать в гробах,
И превратимся мы во прах,
Но нас потомки не забудут -
И знаю я - в урочный час
Потомки нашей жизни старой

Очередные мемуары
Составят тщательно о нас.
Придёт в урочный час сей Некто,
Как Нестор будущих времён,
И озарит не без эффекта
Он нашу жизнь со всех сторон,
И, как монах трудолюбивый,
Которого воспел поэт,
Он за столом засветит свет
И пыль веков стряхнёт в архиве
С комплектов выцветших газет,
И, в них уйдя с душой и с носом,
Он восстановит весь наш быт
И, ознакомившись с вопросом,
Дни нашей жизни воскресит.
И все грядущие потомки
Придут в восторженный экстаз,
Когда, как будто в кинолентке,
Увидят нас и без прикрас...

И, прочитав про эти были,
Про повесть наших рижских лет,
Потомок, выключивши свет,
Не скажет с радостью: «Их нет.» -
Но с благодарностью, - «были!...»

Лери

Газета «Сегодня», 1929, № 333.

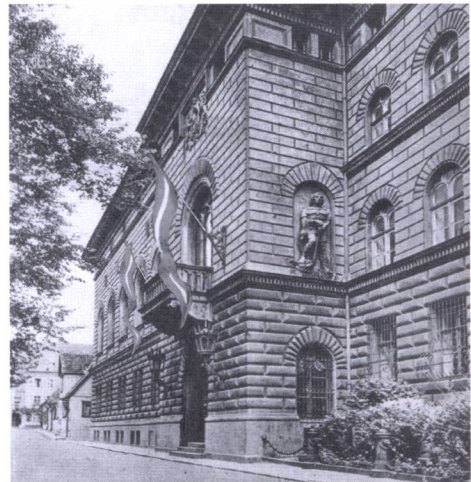
Г.С.Елисеев

Русская фракция Двинской Городской Думы. Сидят (слева направо): Д-р Зубарев, Г.М.Садовский, Л.В.Предтеченский, Д-р П.Фёдоров, Г.С.Елисеев, И.Ермолаев. Стоят: Г.Д.Михайлов, Н.А.Куракин, Е.Никитин и Е.И.Зинкель. Гласный деп. М.А.Каллистратов отсутствует. Фото 20-х гг. XX века.

Даугавпилс, фото 30-х гг. XX века.

Рига. Здание Сейма Латвии, фото 30-х гг. XX века.

Центр Даугавпилса, фото 30-х гг. XX века.

В.В.Слюсаренко

(1888-1969)

ПОЛЁТЫ НА РИЖСКОМ ВЗМОРЬЕ

Сегодня, загорая летом на пляжах Юрмалы, отдыхающий может увидеть, как с неба спускается дельтапланерист. А до Первой мировой войны на морской песок в Дзинтари или в Дубулты приземлялись порой настоящие аэропланы. Можно сказать, что берег Рижского взморья был в то время одним из самых знаменитых аэродромов Российской Империи! Самолеты взлетали прямо с прибрежного песка, и летчики не только катали по небу пассажиров, но и демонстрировали перед зрителями фигуры высшего пилотажа. Летом 1913 года газета «Рижская мысль» с восторгом отозвалась о выступлениях перед курортниками авиатора Владимира Слюсаренко. Газета писала, что он старался удивить публику, пощекотать ей нервы: «Многие с ужасом говорили, что авиатор падает... Но потом все облегчённо вздыхали».

Что же это был за летчик - Владимир Слюсаренко? И что побудило известного авиатора перебраться из Санкт-Петербурга в Ригу?

Владимир Викторович Слюсаренко родился в 1888 году. В юности он совмещал работу с учёбой в Технологическом институте. Когда в Гатчине открыли школу воздухоплавания, то сначала стали бесплатно готовить пилотов-инструкторов. 15 июня 1911 года Владимир Слюсаренко сдал экзамен на пилота и тут же был принят на работу в авиашколу инструктором.

Через три дня после того, как он получил диплом, ученицей инструктора Слюсаренко стала красавица Лидия Зверева, ставшая первой лётчицей России. Инструктор и курсантка кардинально отличались по своему положению: она - богатая аристократка, он - бедный разночинец. Тем не менее, получив диплом, Зверева согласилась поехать с Владимиром «на заработки»: во время турне по городам страны авиаторы должны были совершать публичные полёты и за деньги брать в небо пассажиров.

В июле 1911 года девять российских лётчиков пытались совершить перелёт Санкт-Петербург-Москва. То была весьма дерзновенная попытка, если учесть уровень тогдашнего самолётостроения. Часть лётчиков летела на своих собственных аэропланах, а Владимир Слюсаренко выразил готовность отправиться в путь на чужом самолёте. В слу-

чае победы авиатор обязывался отдать часть приза владельцу самолёта. Увы, чужой аэроплан подвёл: Слюсаренко потерпел аварию. До Москвы сумел дотянуть лишь авиатор Александр Васильев, остальные лётчики совершили вынужденную посадку или же попали в авиакатастрофу. Прославленный ас Сергей Уточкин при падении аэроплана получил тяжёлую травму и долго лечился в больнице. Ещё более трагические последствия имела авария Слюсаренко: лётчик отделался травмами, а летевший вместе с ним пассажир Шиманский погиб. Происшедшая трагедия не испугала Слюсаренко. Он продолжал полёты.

Нелегка была жизнь бродячего пилота! В 1912 году в Тифлисе буря разбила самолёт, и Слюсаренко стал лётчиком без аэроплана. К счастью, Владимира и Лидию Звереву пригласили для проведения показательных полётов в Ригу.

В крупнейшем городе Лифляндии они стали мужем и женой.

В то время в Риге проживало немало энтузиастов воздухоплавания. Одним из них был директор и совладелец завода «Мотор» Теодор Калеп. По его инициативе «Мотор» стал производить самолёты, здесь имелось собственное лётное поле. Калеп позволил приезжим пользоваться аэродромом, и Зверева со Слюсаренко воплотили в жизнь ещё одну свою мечту: организовали собственную лётную школу.

Уже в 1912 году Слюсаренко стал пропагандировать авиацию перед курортниками на Рижском взморье. Обычно, взлёт его самолёта происходил в Эдинбурге (ныне Дзинтари). Но порой лётчики получали «спецзаказ». Так, 17 июня 1912 года по просьбе местного пожарного общества Слюсаренко и авиатор Колчин перенесли полеты в Дуббельн (Дубулты). Взлетев, они разбрасывали над пляжем листовки, славившие пожарных...

Полёты на Рижском взморье продолжались летом 1913 года. Они стали настолько привычным делом, что дачники перестали думать о безопасности. Это и привело к несчастному случаю. 16 июня в 8 вечера Слюсаренко сделал с пассажиркой круг над морем и пошёл на посадку. Когда он начал планирующий спуск, перед ним на земле неожиданно стал танцевать маленький

мальчик, не понимая, какой опасности он себя подвергает. Чтобы не задеть ребёнка, лётчик совершил резкий поворот и зацепил стоявшую на земле кабинку с дамой. Поясним. На море в то время стояли специальные кабинки, закрывавшие от солнца спину и голову. Можно было загорать, не боясь солнечного удара. Такое строение и задел аэроплан.

Пострадавшую тут же отвели в находившийся рядом санаторий доктора Максимовича и оказали помощь. Выяснилось, что она отделалась лёгким испугом. Тем не менее, лётчик добровольно выплатил ей 225 рублей компенсации - весьма крупную по тем временам сумму. Полёты над пляжем авиатор не прекратил, инцидентов в дальнейшем не наблюдалось.

В 1913 году, получив заказ от российского военного министерства, Слюсаренко и Зверева организовали в Риге свои мастерские по ремонту и постройке самолетов. Первоначальный заказ был дан на два самолета «Фарман-ХVI» с двигателем «Гном» в 80 л.с., потом был сделан заказ ещё на восемь. Первые два самолёта были сданы в октябре 1913 г., остальные - к лету 1914 г. Производительность предприятия - один-полтора самолета в месяц. Кроме «Фармана-ХVI» было построено и отремонтировано ещё несколько самолётов «Фарман-IV».

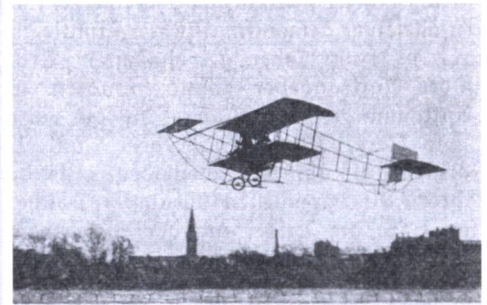
Прожитые в Риге годы стали, пожалуй, самыми счастливыми в жизни Владимира Слюсаренко. Супруга была не только красавицей, но и единомышленницей, их дело успешно развивалось.

В 1914 году началась Первая мировая война. Слюсаренко перебазировал свой завод в столицу России. Производство наращивалось, в 1916 году на предприятии работало почти 500 человек. Но год стал трагическим для Владимира Викторовича - от тифа умерла Лидия Зверева. Супруг пережил её более, чем на полвека.

После революции Слюсаренко покинул страну и отправился в эмиграцию. Там жизнь бывшего авиатора была нелёгкой. В конце концов, он осел в Австралии. Работал механиком, в 30-е годы входил в состав комитета по созданию православного храма в г.Брисбене. Умер Владимир Викторович Слюсаренко в 1969-м году.

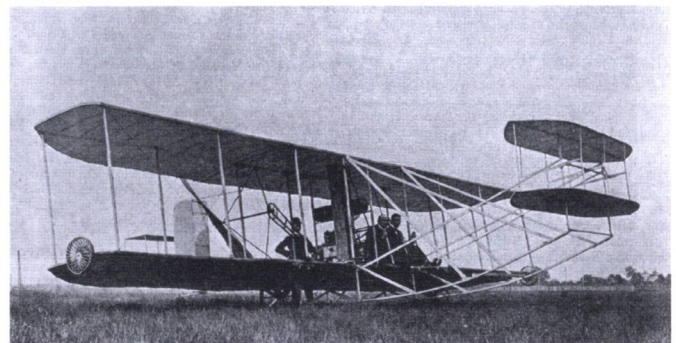
**Лидия Зверева и
Владимир Слюсаренко**

Полёт авиатора Смита на биплане
Зоммера, построенном на Русско-Балтий-
ском заводе в Риге. Солитудский аэродром,
март 1911 г.

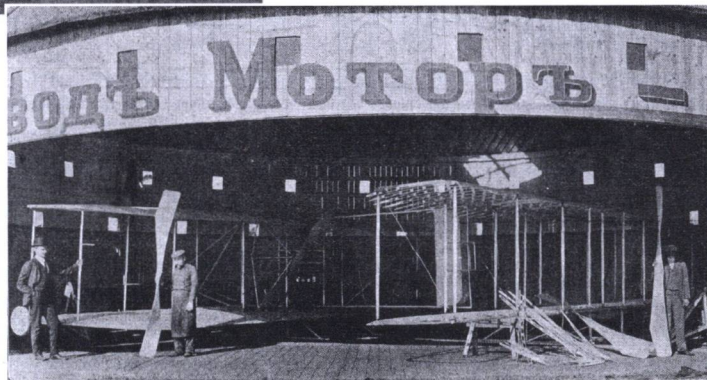

В.Слюсаренко у «Фармана-XVI»,
Рига 1913 г.

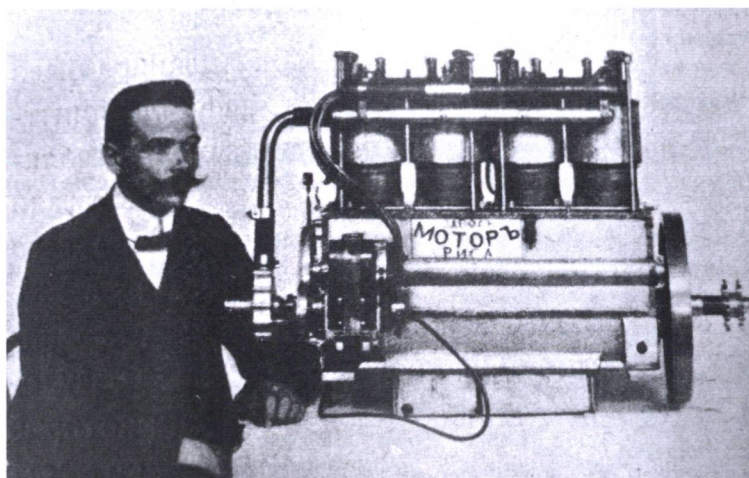

Аэроплан, собранный
в Риге на заводе
«Мотор» (1910).

Сборка аэропланов на заводе
«Мотор» в Риге (1910).
Позднее там размещался
Рижский опытный завод
технологической оснастки,
по ул.Шампетера, 2.

Фрагмент
плана Риги
начала XX века.
Полёты аэропланов
проходили
на ипподроме
в Солитуде
(Золитуде).

Теодор Калеп у первого русского авиационного двигателя,
изготовленного в Риге (1910).

А.А.Фёдорова

(1884-1972)

ОСНОВАТЕЛЬНИЦА ШКОЛЫ ЛАТВИЙСКОГО БАЛЕТА

Выдающаяся русская балерина Александра Александровна Фёдорова родилась в Петербурге. Вскоре после окончания театрального училища она стала солисткой, а затем прима-балериной Мариинского театра. Вместе с Сергеем Дягилевым участвовала в знаменитых зарубежных сезонах русского балета. Её мужем был брат великого русского танцовщика Михаила Фокина Александр, известный спортсмен, ставший в 1896 г. чемпионом России по велоспорту, а позднее - рекордсменом по плаванию. Умер он незадолго до революции.

В Латвию Фёдорова приезжает в 1925 г. вместе с сыном Львом и дочерью Ириной, по рекомендации М.Фокина. В рижском балете не было тогда балетмейстера, и Фёдоровой предстояло занять это место. С её приездом в Латвии начинается развитие классического балета.

В то время положение было просто удручающим. В труппе находилось лишь 10 танцовщиц и 4 танцовщика. На постановки приглашали «внештатников» из кабаре и ресторанов! Фёдорова сразу же приступает к делу. Она основывает балетную студию и частную балетную школу. Её занятия посещали и профессиональные артисты, и те, кто только делал первые шаги на сцене. Все отмечали фантастическую работоспособность Александры Александровны: с 9 утра она уже на репетициях в театре, с 14 до 19 часов - в частной школе, вечером - на сцене, где танцует главные партии. С приходом нового руководителя в репертуаре появляется классика: балеты в хореографии Петипа, Иванова, Фокина. В 1925 году выходит постановка «Сильфиды» Шопена, в марте 1926 года - «Лебединое озеро» Чайковского, в ноябре - «Раймонда» Глазунова, после премьеры которой восторженные критики писали, что Фёдорова «разглядела молодые таланты, зарождаются отличный кордебалет».

В постановках нередко играют звёзды русского балета: Карсавина, Спесивцева, Коралли, Владимирова, Немчинова, Романов. Сам Михаил Фокин вместе с Фёдоровой танцует в «Сильфиде». В 1929 г. он ставит половецкие пляски в опере Бородина «Князь Игорь». В интервью газете «Сегодня» Фокин отмечает, что латвийский балет может смело отправляться на зарубежные гастроли - в Западной Европе схожего по

профессионализму и мастерству коллектива просто нет! *«Я побывал почти во всех странах Европы и Америки и всюду замечал упадок классического балета. Рига - исключение. Не говоря о таком балетмейстере и балерине, как Фёдорова, мне нужно упомянуть первоклассные силы, например, Тангеву, Ленце, Калниню, солистов - Львова, Лейманиса, Фибига. Они бы украсили любую сцену... Мне доставляло большое удовольствие работать с такой великолепной балетной труппой, и я возвращаюсь в свой дом в Нью-Йорк с самыми приятными воспоминаниями о Риге».*

Эти успехи - целиком заслуга Фёдоровой. В марте 1930 года на сцене Национальной оперы прошёл вечер воспитанников её балетной студии, в котором участвовало 200 человек. На балетах аншлаги. Ригу собираются посетить Анна Павлова, но, к сожалению, великая балерина скончалась 23 января 1931 года. Александра Фёдорова устраивает концерт памяти Павловой и танцует «Умиряющего лебедя» Сен-Санса. Зрители смотрели эту партию стоя!

Однако по мере роста профессионализма у артистов растут и амбиции. В коллективе начинает зреть недовольство балетмейстером - она получает слишком большое жалование. Проявляется и национальная тема. Так, одна из артисток в интервью газете горько жалуется: «В Национальном театре оперы и балета для латышей забронированы только вторые партии».

Недовольство Фёдоровой в околотeatральных кругах, да и в самой труппе продолжает нарастать. После премьеры «Сильвии» в мае 1931 года начинается форменная травля в прессе. Заслуги её уже забыты, зато местные критики упиваются своими безжалостными констатациями: *«Фёдорова - не творческая личность... Она не внесла в наш балет новый творческий дух, работает по старым образцам...»* Газета «Брива земе» пишет о том, что *«министерство просвещения и Госконтроль провели в опере ревизию. Когда их материалы будут обнародованы, вероятно, волосы встанут дыбом, однако и тех сведений, которые есть у редакции, достаточно, чтобы стало ясно, как не надо хозяйствовать...».* Автор из «Латвияс карейвис» прямо заявляет: *«Этой знаменитой даме с хорошим жалованием (Фёдоровой) нужно знать, что*

большие доходы налагают большие обязанности. Не настала ли пора это отнести к Латвии, а не к искусству других народов? Также и в опере нужно поспешить с постановкой какого-нибудь латышского балета или хотя бы танцевальной постановки...».

В апреле 1932 года Александра Александровна ставит «Жизель». Это был её последний балет на латвийской сцене. Во время спектакля публика вела себя откровенно по-хамски. На сцену бросались бумажки, в зале шумели. Всех занимал главный вопрос: балерина ежемесячно получала целых 800 латов, да ещё деньги от своей частной студии! Это было просто возмутительно. Но самое страшное заключалось в том, балетмейстер Фёдорова получала больше самого министра образования господина Кенинша!!! Этого стерпеть было уж никак нельзя. Выясняется и тот вопиющий факт, что русская балерина на своих занятиях не использует латышский язык. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Преисполненный благородного негодования министр не продлевает с Фёдоровой договор на новый сезон. Мавр сделал своё дело, мавр может удалиться... Александра Александровна обращается с просьбой, чтобы ей хотя бы разрешили продолжить работу с частной балетной студией. Ей было категорически отказано. Мотивация проста: «Вначале вы должны получить латвийское гражданство».

Государство само решило открыть при театре балетную школу, которая начала работу в сентябре 1932 года. Педагогами там стали бывшие ученики балетмейстера Фёдоровой.

За годы работы в Латвийской опере русская балерина поставила 18 балетов, огромное количество танцев к опереттам. Её воспитанники стали великолепными танцорами, солистами и примами. Именно Фёдорова заложила основы Рижской балетной школы - той самой, из стен которой вышли звёзды мировой величины: М.Лиэпа, М.Барышников, А.Годунов.

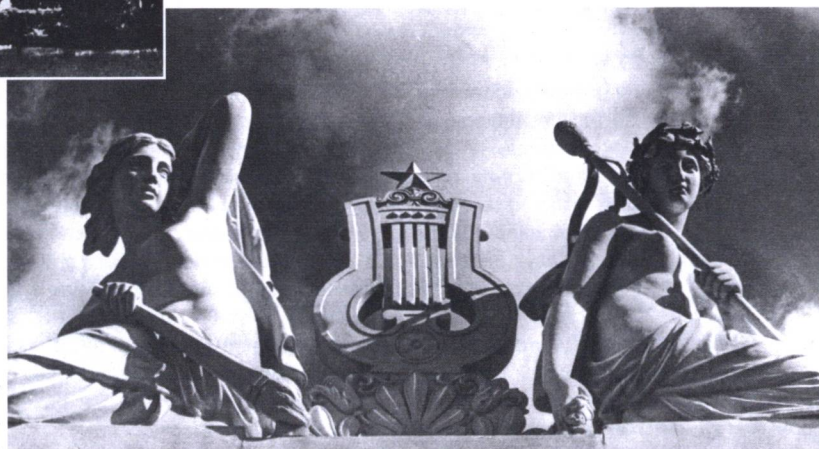
Александра Александровна жила в Риге до 1938 года, продолжала ставить спектакли на сцене каунасской оперы, работала с учениками. Потом она покинула Латвию, переехав в Европу, а затем к сыну в Америку. Выдающийся балетмейстер и педагог Александра Фёдорова умерла в 1972 году.

Фонтан у Национальной оперы.

Национальная опера в Риге.

Аллегорические фигуры:
слева – олицетворение Драмы,
справа – Комедии.

И.Д.Фридрих

(1902-1975)

ХРАНИТЕЛЬ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Трудно удержаться от того, чтобы, листая пожелтевшие страницы латвийской периодики 30-х годов XX века, не прочесть и принять всем сердцем эмоциональные строки из призыва Ивана Дмитриевича Фридриха, опубликованного в Даугавпилсе, в апреле 1940 года в еженедельнике «Мой двор»: *«Мы, русские, до самого последнего времени мало интересовались своим родным. Начиная с Петра Великого и кончая последними западниками, нам всё время указывали на запад, советовали его изучить, ставили его в пример, а посмотреть, что есть у нас самих, мы не удосужились. Сейчас ещё не поздно. Есть ещё время посмотреть на себя глубже, изучить себя. Это можно сделать, знакомясь с истоками духовной культуры русского народа - народным творчеством»*. Эта мысль, высказанная почти 70 лет тому назад, как никогда актуальна для любого исследователя русской истории, культуры и в начале двадцать первого века.

Иван Дмитриевич Фридрих был одним из тех, кто «удосужился» собрать тысячи и тысячи пословиц, поговорок, загадок, песен русского народа, и то, что его фонд хранится в знаменитом своими раритетами Пушкинском Доме, говорит о многом.

Он родился 27 октября 1902 года в семье православного священника в деревне Синее Себежского уезда Витебской губернии. Учился в школе, в Полоцком духовном училище, а затем три года во Владимирской духовной семинарии. Сельский учитель с 1920 года. После окончания учёбы на учительских курсах в Риге в 1924 году он преподавал русский язык и математику, одновременно активно интересовался русским народным творчеством, благо в Латгалии в те времена жило преимущественно русское население. Множество сёл с коренным русским населением, исконно принадлежавших Российской Витебской губернии, перешли к Латвии по мирному договору с Р.С.Ф., подписанному в 1920 году.

В 1928 году И.Фридриха назначают на должность заведующего шестиклассной школой в г.Абрене. Уже в середине 20-х годов начали появляться его статьи в различных периодических изданиях: «Слово», «Газета для всех», «Мой двор». Тогда было опубликовано более двух десятков материалов. В 1936 году при содействии Фонда культуры и Рижского Просветительного Общества Иван Дмитриевич издал книгу «Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда». В это издание вошли песни детские, хороводные, об-

рядовые, заговоры, духовные стихи и другие материалы. Книгу молодого фольклориста заметили. На неё откликнулись в печати писатели, журналисты. В «Слове» появилась статья Петра Пильского «Что поёт, о чём мечтает Яунлатгальская деревня». В парижском журнале «Современные Записки» вышел материал писателя Леонида Зурова, известного по книге «Отчина», бывшего рижанина. В середине тридцатых И.Д. Фридрих переезжает в Ригу, но свои занятия фольклором не оставляет, собрание его растёт, увеличивается и количество жанров от простых незатейливых частушек до замечательных народных сказок. Круг его сотоварищей пополняется дружбой с писателями Юрием Новосёловым, Иваном Лукашем; братьями Белоцветовыми; художником и переводчиком Сергеем Третьяковым. Особенно рад был он знакомству с исследователем русского старообрядчества, руководителем общества «Кружок ревнителей старины» И.Н.Заволоко, с которым он часто бывал в поездках по Латвии в составе его научных экспедиций.

Иван Дмитриевич после общения с интереснейшими людьми из народа, знавшими много частушек, песен и старинных преданий, приглашал их в Ригу для выступлений. Рижане встречали их с восторгом. Побывали в столице сказители: Илья Богатырёв, Пелагея Вавилова с дочерью; нравился Ивану Дмитриевичу носитель солёного солдатского юмора Николай Матвеевич Трифонов, с которым он продолжал встречаться и после войны, когда тот вернулся из нацистского лагеря смерти в Равенсбрюке.

С выходом своей первой книги Иван Дмитриевич Фридрих приступил к подготовке второй, которая должна была быть ещё богаче и глубже по содержанию, чем первая. Собрал интереснейший материал и для сборника сказок. Но всем этим планам не дано было сбыться. Пришли суровые сороковые годы, война, потеря жены. По окончании войны последовал его арест.

Большой удачей для него стала встреча с двоюродной сестрой Марией Евгеньевной, тоже овдовевшей, которая стала, наряду со своими двумя детьми, хорошей матерью и сыну Ивана Дмитриевича. Она многое делала для реабилитации супруга, регулярно писала письма и отправляла ему посылки. Два ареста органами НКВД, в июне 1941-го и в октябре 1944 года, последующая затем ссылка в Красноярский край кардинально изменили жизнь талантливому собирателю русской народной поэзии и старинной мудрости.

По возвращении в середине пятидесятых годов, преодолев все нюансы устройства в новых условиях, он снова включился в работу над систематизацией и научным описанием собранного им материала совместно с кафедрой русского языка и литературы Латвийского государственного университета и Даугавпилсского педагогического института. Даже в то непростое время удалось многое. В 1970 году вышла книга сказок «Уговор не сердиться», а в 1972 году - «Русский фольклор в Латвии». И хотя по объёму это были небольшие книги, их заметили в научных кругах, они получили хорошие отзывы в прессе. Но самую высокую оценку И.Д.Фридриху дала Т.С.Макашина в своей монографии 1979 года «Фольклор и обряды русского населения Латгалии», где она отметила особо его собрание: *«В кратком обзоре деятельности Фридриха трудно раскрыть во всей полноте его роль в деле собирания и изучения русского фольклора в Латвии. Иван Дмитриевич занимает главенствующее положение среди всех собирателей русского фольклора в этом районе как по собранному им огромному и уникальному материалу, так и по своей преданности делу собирания и популяризации этого материала»*.

Уже посмертно в 1980 году был опубликован большой сборник сказок «Русский фольклор в Латвии», а к 100-летию юбилею И.Д.Фридриха в Латвийском государственном университете прошла научная конференция. Тогда же вышли две книги: «Частушки» (2004), составленные Ю.И.Абызовым по материалам, которые хранятся в Институте языка и литературы АН Латвии, и материалы конференции «Фридриховские чтения» (2007).

Осенью 1940 года И.Д.Фридрих установил контакты с Институтом русской литературы (Пушкинским Домом), которые он продолжил в 60-е годы. У него возникли творческие связи с сотрудниками Института этнографии АН СССР (Э.В.Померанцевой и Т.С.Макашиной). Они также содействовали изданию книг Ивана Дмитриевича. Ещё при жизни он начал передавать собранные им материалы в Пушкинский Дом. Сейчас фонд И.Д.Фридриха составляет 183 единицы хранения, и содержание каждой - это не только собрание фольклора, но и публикации, письма, книги, документы, фотографии. Нам остаётся только гордиться тем, что коллекция нашего земляка, удостоенная столь значительного признания, хранится в особом фонде и носит славное имя Ивана Дмитриевича Фридриха.

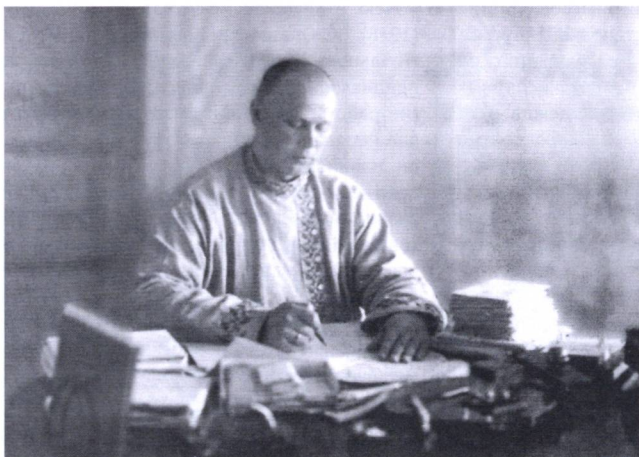

И.Д.Фридрих

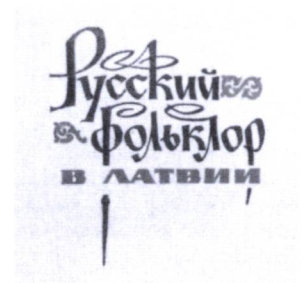
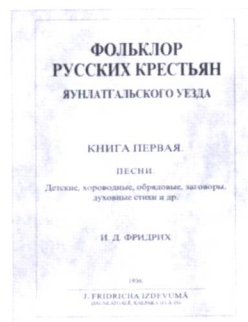

На вечере былин и сказок.

Стоят: Ю.Д.Новосёлов,
Н.А.Белоцветов, И.П.Тутышкин, И.Н.Заволоко,
С.В.Третьяков. Сидят: И.Д.Фридрих, А.П.Моссаковский,
песельница П.М.Вавилова, сказитель И.П.Богатырь,
песельница А.И.Вавилова, крайний справа М.И.Ганфман.
Фото 30-х гг. XX века.

За работой, фото 30-х гг. XX века.

А.И.Юпатов

(1911-1975)

РЫЦАРЬ ЭКСЛИБРИСА

Коллекция экслибрисов Алексея Илларионовича Юпатова побывала в Лос-Анджелесе и Праге, его работы хранятся в престижных Музее Гуттенберга в Германии; Российской Государственной библиотеке, Музее экслибриса и Фонде «Русское зарубежье» в Москве. Он был знаком с замечательными русскими художниками; К.Коровиным, Н.Богдановым-Бельским, С.Виноградовым, С.Антоновым. Учился в Латвийской Академии Художеств и был среди учеников знаменитого Рихарда Зариньша в его мастерской графики. Среди тех, кто пишет на тему «Русского зарубежья» первой половины XX века, до сих пор нет точного ответа, кто он, Алексей Юпатов - художник, книжный график, издатель, библиофил? Наверное, и то, и другое и третье, но всё-таки больше всего он мастер книжного знака, установивший все рекорды участия на выставках графики и экслибриса - его работы за два десятка лет можно было увидеть больше, чем на 50 вернисажах. Ариадна Алексеевна Юпатова, искусствовед, дочь художника, сообщила, что предложений на участие в выставках было в два раза больше в самый разгар популярности в 60-70-е годы XX века. Но прошло ещё два десятка лет, и его имя снова звучит в прессе, на выставках, в устах коллекционеров и антикваров. Так, к 800-летию Риги в 2001 году, в историческом Доме Чернооголовых экспонировались работы из частного собрания Виктора Астанина - владельца антиквариата «Антиква»; в недавнее время были выставки в Музее экслибриса и в Фонде «Русское зарубежье». А.Юпатов - автор многочисленных книжных знаков - более 500, а с вариантами - более 700, среди владельцев их такие имена, как певец Ф.Шаляпин, иконописец К.Павлов, писатель В.Лацис, писатель и библиофил О.Ласунский, искусствоведы И.Зильберштейн и П.Эттингер, секретарь Л.Н.Толстого - В.Булгаков, художники К.Коровин, С.Антонов. Александр Николаевич Бенуа в своей статье, посвященной творчеству русских художников в Риге, назвал А.Юпатова «настоящим энтузиастом искусства», а его экслибрисы отнёс к разряду «лестных».

Алексей Илларионович Юпатов родился 18 октября 1911 года в Риге, в семье староверов. Очень трудное время пришлось на его детство: Первая мировая война, революция, первые дни независимой Латвии. Он рано потерял родителей: поэтому одно время воспитывался в приюте в Межапарке, но большая часть юношеских и школьных лет прошла под крылом у родной тётки. В 1930 году оканчивает рижскую Правительственную гимназию. Первые рисунки А.Юпатова появляются как раз на страницах гимназического рукописного журнала «Досуг». С 1930 по 1935 год учится в Академии художеств, затем в течение трёх лет занимается педагогической деятельностью; один

сезон работает художником-декоратором в Рижском театре русской драмы (в частности, он создаёт декорации к пьесе А.С.Пушкина «Борис Годунов», 1937).

Свой первый экслибрис выполняет в 1929 году для двоюродного брата, М.И.Юпатова, знатока и ценителя книги, коллекционера русской графики, оказавшего, в свою очередь, большое влияние на молодого художника. Впоследствии проявляет себя как чрезвычайно плодовитый и успешный художник: А.И.Юпатов - автор книжных знаков И.Н.Заволоко, В.Гадалина-Васильева, А.И.Толстова, В.Заветного, Р.Стальгевича, известного рижского журналиста А.Перова, друзей-художников Павила Глауданса, Отто Медниса, и многих других. Он вырабатывает собственную оригинальную манеру письма с использованием особой техники, легко узнаваемой и придающей работе бархатистость. В отличие от других графиков, пользовавшихся различной техникой, А.Юпатов остаётся верен, в основном, одной, в которой он достигает совершенства. Техника исполнения приближает работы А.Юпатова к лучшим образцам старинной графики: рисунок выполняется точками, так называемой манерой «пунтильи», которая применяется, обычно, в углублённой гравюре или литографии. В этой области А.Юпатов поражал тематическим разнообразием: здесь отразились увлечения русской стариной, древнерусской иконописью, мистикой, русской классической литературой. А.Юпатов выпускал и уникальные альбомы - небольшими тиражами, которые оформлял собственноручно или ему помогали друзья переплётчики, выполнявшие его пожелания.

А.С.Пушкин в творчестве художника Алексея Юпатова занимает особое место. К этой теме он обращался неоднократно и на протяжении всей жизни. Здесь можно указать и на ученические работы, публикации в газете «Сегодня», в журналах тех времён, а также можно вспомнить такую очень серьёзную его работу, как декоратора-сценографа, в рижском театре Русской драмы над постановкой «Бориса Годунова» А.С.Пушкина. Но чаще всего он обращался к этой теме в многочисленных экслибрисах, где интерьер, одежда «сохранили аромат», по выражению самого художника, пушкинской эпохи. Вглядываясь в композицию, содержание миниатюр, кажется, что присутствуешь, живёшь в том времени. Есть сюжеты, где главное, центральное место занимает портрет или памятник Александру Сергеевичу. Обязательно надо вспомнить и такое произведение как «Судьба Бродянского замка и семейных реликвий А.Н.Фризенгоф-Гончаровой. Пушкин и Бродяны». Среди ранних библиофильских изданий с маркой «А.Ю.» примечательно одно: «А.С.Пушкин. Скупой рыцарь». Это небольшая книжечка с

рисунками М.И.Пастернака, учившегося в Академии Художеств в Риге и который был студийцем у знаменитого В.И.Шухаева в Париже, написавшего прекрасные портреты Александра Сергеевича. Книжечка «Скупого рыцаря» вышла в памятью для русского поэта 1937 году в 75-ти пронумерованных экземплярах и является раритетом для пушкинистов и коллекционеров. Большой интерес вызывает у исследователей и коллекционеров юпатовская графика в иллюстрациях к «Евгению Онегину» и «Пиковой даме» А.С.Пушкина. Поэта в Прибалтике знали, переводили на немецкий, латышский языки. «Стихи Пушкина на латышском языке появляются впервые в 1860 году, когда под заголовком «Песня» Алунан (Ю.Алунан, 1832-1864) перевёл «Коня» из «Песен западных славян» Пушкина». Переводил и написал книгу о русском поэте классик латышской литературы Янис Райнис.

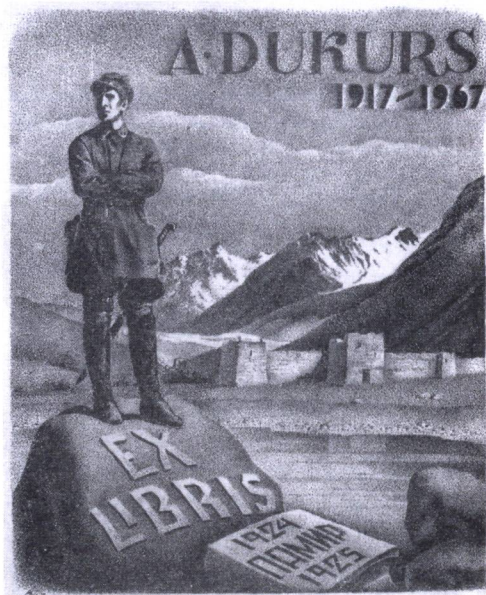
Как книжный график А.Юпатов выступает в качестве иллюстратора романов Г.Мирошниченко («Азов», «Осада Азова», 1960), романа В.Костылева («Иван Грозный», 1955), книги «Художественная проза Киевской Руси» (1957), произведений А.С.Пушкина («Евгений Онегин» - на латышском языке, 1960, «Пиковая дама», 1969), Н.В.Гоголя, сборника рассказов И.А.Бунина («Суета сует», Рига, 1973) и других.

А.Юпатов зарекомендовал себя и как издатель: в разное время он издал более 30 альбомов и брошюр, посвящённых творчеству латвийских художников-графиков Н.Пузыревского и Ю.Рыковского, а также несколько альбомов созданных им экслибрисов. В 20-30-ые годы он поддерживает отношения с русским зарубежьем, в частности, с Кондаковским институтом. Является одним из инициаторов создания Русской галереи в Праге (1933) совместно с В.Ф.Булгаковым, где были широко представлены работы русских художников Латвии и Эстонии, включая работы самого А.Юпатова; составляет альбом, посвящённый пражскому музею - «Русское искусство за рубежом» (1938). А.Юпатову принадлежит рисунок титульного листа и оформление альбома, а предисловие к нему написал Н.Рерих. Многие работы помогал отбирать и содействовал передаче их в пражский музей именно он. Начиная с 1930 г., когда в Риге проходит художественная выставка под руководством академика Н.П.Богданова-Бельского, А.Юпатов принимает участие в целой серии выставок (в 14 персональных и многочисленных коллективных выставках) в Латвии, Москве, Петербурге, Таллине, Кемерове, Ростове-на-Дону, Краснодаре и за рубежом. В 1936 г. на международной ежегодной выставке экслибристов в Лос-Анджелесе А.Юпатов был награждён почётным дипломом.

Он умер 9 ноября 1975 года и похоронен на Ивановском кладбище в Риге.

Первый экслибрис А.Юпатова: А.Л. – 1929 год.

Книжный знак для бывшего командира Красной Армии А.Дукурса, напоминающий о его службе на границе в Памире. Изображена крепость Калай-Вармар на противоположном берегу реки Пяндж.

Экслибрис Музея Революции Латвийской ССР.

М.В.Келдыш

(1911-1978)

ОДИН ИЗ ОТЦОВ КОСМОНАВТИКИ

Выдающийся учёный в области математики, механики, космической науки и техники, академик Мстислав Всеволодович Келдыш родился 29 января (10 февраля) 1911 года в Риге в семье адъюнкт-профессора Рижского политехнического института, крупного инженера-строителя (впоследствии академика архитектуры) Всеволода Михайловича Келдыша. Своего прошлого М.В.Келдыш никогда не скрывал и на вопрос анкеты о социальном происхождении всегда отвечал просто: «из дворян».

В 1915 семья переехала из прифронтальной Риги в Москву. Мстислав Келдыш учился в школе со строительным уклоном и хотел получить нравившуюся ему отцовскую профессию инженера-строителя, однако в строительный институт, где преподавал отец, его не приняли по молодости лет. По совету старшей сестры Людмилы, закончившей физико-математический факультет Московского государственного университета, поступает туда. С весны 1930 одновременно с учёбой он начал работать ассистентом в Электромашиностроительном институте, затем ещё и в Станкоинструментальном институте (СТАНКИН).

По окончании МГУ в 1931 по рекомендации академика А.И.Некрасова Келдыш был направлен в Центральный аэрогидродинамический институт имени Н.Е.Жуковского (ЦАГИ). Он проработал там до декабря 1946 сначала инженером, затем - старшим инженером, начальником группы, а с 1941 - начальником отдела динамической прочности.

Этот период научной деятельности Келдыша связан с исследованиями нелинейных задач обтекания. В его работах впервые было строго рассмотрено влияние сжимаемости среды на аэродинамические характеристики обтекаемых тел и обобщена известная теорема Жуковского о подъёмной силе; впервые установлено, что при определенных режимах колебаний крыла возникает тяга.

В 1935 ему без защиты присвоена учёная степень кандидата физико-математических наук, в 1937 - степень кандидата технических наук и звание профессора по специальности «аэродинамика». 26 января 1938 им была защищена докторская диссертация на тему «*О представлении рядами полиномов функций комплексного переменного и гармонических функций*».

Исследования Келдыша заложили основы методов численного расчёта и

моделирования в аэродинамических трубах явления флаттера (сильные колебания крыльев самолёта, возникавшие при определенных скоростях движения самолёта и приводившие к его разрушению). Это позволило разработать надёжные меры предотвращения флаттера, стали основой нового раздела науки о прочности авиационных конструкций. Результаты работы Келдыша сыграли большую роль в создании скоростной авиации в Советском Союзе.

Его исследования устойчивости переднего колеса трехколёсного шасси позволили предложить простые конструктивные мероприятия для устранения шиммирования (самовозбуждающихся поворотов и смещений) колеса самолёта при взлёте или посадке, которое приводило к разрушению переднего шасси. По имеющимся данным, в немецкой авиации было более 150 аварий, связанных с «шимми», в отечественной - ни одной. Как математик Келдыш внёс свой вклад в теорию функций, теорию потенциала, дифференциальные уравнения, функциональный анализ. Большое значение имеют результаты Келдыша в механике, охватывающие гидродинамику, аэродинамику, газовую динамику, механику самолётных конструкций.

С 1942 по 1953 Келдыш - профессор МГУ. Многие из его учеников того времени стали видными учёными, среди них академики А.А.Гончар, Д.Е.Охочимский, Т.М.Энеев. В конце 1946 г. Келдыш стал действительным членом АН СССР по Отделению технических наук. Начался новый период его деятельности, связанный с именами «трёх К»: И.В.Курчатова, С.П.Королёва и М.В.Келдыша. Сразу после избрания академиком он назначен начальником головного научно-исследовательского института (НИИ-1 Министерства авиационной промышленности, ныне Центр им. М.В.Келдыша), занимавшегося прикладными задачами ракетостроения. С этого времени основное направление деятельности Келдыша связано с ракетной техникой. Первая в мире межконтинентальная ракета была запущена в СССР уже 21 августа 1957.

Мстислав Всеволодович занимался решением проблем атомной энергетики и вычислительной математики. Одним из первых он сумел предугадать роль вычислительной математики в повышении эффективности научно-технического поиска. В 1953 стал основателем Инсти-

тута прикладной математики АН СССР и его бессменным директором. С деятельностью этого института, ныне носящего его имя, во многом связано становление вычислительной математики в СССР.

Он выступил одним из инициаторов развёртывания работ по исследованию космоса и созданию ракетно-космических систем, возглавив с середины 50-х годов XX века разработку теоретических предпосылок вывода искусственных тел на околоземные орбиты, а в дальнейшем - полётов к Луне и планетам Солнечной системы. Руководил научно-техническим советом по координации деятельности НИИ и КБ по созданию первого искусственного спутника Земли. Внёс большой вклад в осуществление программ пилотируемых полётов, в постановку научных проблем и проведение исследований околоземного космического пространства, межпланетной среды, Луны и планет, в решение многих проблем механики космического полёта и теории управления, навигации и теплообмена. В те времена его деятельность в области космонавтики была засекречена, в газетах Келдыш условно назывался «теоретик космонавтики», хотя на посту Президента АН он выступал совершенно открыто. Важное место в деятельности Келдыша занимало научное руководство работами, осуществляемыми в сотрудничестве с другими странами по программе «Интеркосмос».

Возглавляя Академию наук СССР с 1961 по 1975, он оказывал всемерную поддержку развитию в СССР не только математики и механики, но и новых направлений современной науки, таких, как кибернетика, квантовая электроника, молекулярная биология и генетика.

Годы, когда пост президента Академии наук СССР занимал Келдыш, были периодом наиболее быстрого роста Академии, превращения её в крупнейший центр фундаментальной науки.

10 января 1973 Мстислав Всеволодович перенёс операцию на кровеносных сосудах, выполненную американским профессором М.Де Беки, который отказался от гонорара и выразил благодарность за высокую честь оперировать Келдыша.

Умер он 24 июня 1978 года. Урна с прахом великого учёного захоронена в Кремлевской стене у Красной площади в Москве. Его именем назван кратер на обратной стороне Луны и одна из малых планет.

На пресс-конференции, посвящённой полёту В.Терешковой и В.Быковского.

Бюст М.Келдыша в Риге, был установлен в 1978 году напротив здания Латвийского университета.

Рига, ул.Кр.Валдемара, 67. В этом доме родился академик Мстислав Келдыш. В Советское время здесь висела мемориальная доска, теперь её убрали.

И.Н.Заволоко

(1897-1984)

РЕВНИТЕЛЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Иван Никифорович Заволоко родился 14 (17) декабря 1897 года в Резекне (Режица), в семье потомственных староверов, переселившихся в Латгалию ещё во времена «никоновского раскола» в семнадцатом веке. Получив начальные познания в церковно-славянской грамоте, Заволоко продолжает учёбу в Рижском реальном училище Петра I и Гребенщиковском училище в Риге. С напутствием близких отправляется в Москву и поступает в Петровско-Разумовскую академию. Но пришли новые времена, и Заволоко в 1919 году покидает Академию, не закончив её, чтобы вернуться в Ригу. Спустя некоторое время Иван Никифорович с соответствующими рекомендациями отправляется в Прагу, в Карлов университет, куда он сначала был зачислен на исторический, а затем перешёл на юридический факультет, который и окончил в 1927 году со степенью кандидата права.

Будучи рядом с Москвой, Заволоко жадно впитывает древнерусскую историю и культуру, посещает древние святыни Кремля, Троице-Сергиевского монастыря, Преображенского кладбища - центра поморских старообрядцев, усыпальницы древлеправославных святителей, а в Третьяковской галерее знакомится с искусством знаменитых иконописцев: Рублёва, Дионисия, восхищается живописью Сурикова, Нестерова, Васнецова. В Праге Иван Никифорович с увлечением посещает семинар имени Кондакова. Академик Никодим Павлович Кондаков (1844-1925) был известным византологом и историком искусств. На семинаре можно было услышать лекции по древнерусской культуре, археологии, истории русского и западноевропейского искусства.

В Риге, по возвращении И.Н.Заволоко оканчивает Рижские педагогические курсы, чтобы получить место учителя правоведения, и работает преподавателем в Рижской государственной гимназии, Рижской городской 5-основной школе; читает лекции в старообрядческих законоучительских курсах в Риге, Видальнес и Даугавпилсе. Принимает активное участие в общественной жизни: становится членом Совета Рижской Гребенщиковской общины, занимает должность товарища председателя «Старообрядческого общества в Латвии», а при обществе «Гребенщиковское училище в Риге» с просветительскими целями создаёт «Кружок ревнителей старины». Кружок - это пение, хор; изучение иконописи, поездки по Латгалии; собирание фольклора. Заволоко настраивал своих кружковцев и участников экспедиций на тщательное обследование старообрядческих поселений. Его фотографировали жителей, их быт, описывали обряды, утварь, делали обмеры. Материалы экспедиций регулярно публиковались в журнале «Родная старина», издание, которое появилось тоже благодаря

И.Н.Заволоко. В этом журнале он опубликовал более 70 статей. Иван Никифорович также писал статьи и публиковался в других изданиях, подписанных как своим именем, так и под псевдонимом И.Никифоров, инициалами И.Н..З. и др. Удивительно, как много успел сделать Заволоко за десятилетие: лекции и преподавательская деятельность; кружок, экспедиции; был ответственным секретарём редакции газеты «Слово»; публиковался в газетах «Сегодня», «Для вас», «Мой двор»; были написаны и составлены книги: «Альбом старинных русских узоров» (1929), «О старообрядцах г.Риги» (1933), История церкви Христовой ч.1 и 2-ая (1935), «Святые отцы о праздновании пасхи» (1935), «Древнерусская вышивка» (1939).

Он вёл обширную переписку с Н.Рерихом, А.Ремизовым, И.Шмелёвым. Впечатляет круг общения и встреч - известные писатели, философы, художники, иконописцы: И.Бунин, Н.Бердяев, И.Ильин, Л.Зуров, Ф.Степун, С.Минцлов, И.Фридрих, Г.Фролов, П.Софронов - десятки известнейших людей своего времени. Нобелевский лауреат, знаменитый русский писатель И.Бунин даже побывал у него дома и познакомился с его коллекцией древностей. Ещё одно направление в деятельности Ивана Никифоровича стоит считать весьма значительным. Всю свою жизнь он посвятил книге. Собирателем он был весьма знающим, и состав его библиотеки был особым не только по количеству, хотя оно тоже было внушительным, но в большей степени по составу: история, словесность, фольклор, книги гражданской печати восемнадцатого века, духовная и древлеправославная литература, лубок, рукописная книга. В конце 20-х годов Заволоко увлёкся археологией, обследовал районы расселения староверов в Прибалтике и обнаружил много древних рукописей. С этой же целью он в 1930 году посетил Закарпатье, затем поселения в Эстонии у Чудского озера. Находки были потрясающей ценности, так как это часто были единичные списки шестнадцатого и семнадцатых веков. Когда же он в 1933 году исследовал собрание рукописей в книжнице Гребенщиковской общины, то обнаружил там второй список «Слова о погибели Русской земли» - литературный шедевр тринадцатого века! Из своей находке он рассказал в газете «Сегодня» за 2 мая 1934 года, и весь мир узнал эту сенсационную новость, ведь газету читали и на Востоке, и в Европе, и в Америке. В Париже известный славист А.Ваньян в 1945 году защитил диссертацию о «Слове о погибели русской земли», воздав должное и памятнику древнерусской письменности, и человеку открывшему его - И.Н.Заволоко.

Но вот наступили другие времена. В июне 1940 года с приходом Советской власти в Латвию Заволоко был арестован за

участие в студенческих и молодёжных организациях и сотрудничество с белоэмиграцией. Его сослали в Няндомский лагерь Архангельской области. Голод, холод, лесоповал и потеря ноги не сломили его. Знания и опыт знающего травника помогли выжить и ему, и многим ссыльным.

После возвращения он снова у себя в доме на рижской улице Межотнес в Пардаугаве, где обнаружил пропажу своего архива. Он потрясён гибелью многолетних трудов, но решает всё начать сначала. И в этом его помог сотрудник Пушкинского Дома В.И.Малышев. И.Н.Заволоко вернулся в Ригу спустя семнадцать лет, и, послушав добрые советы Малышева, почти сразу постарался включиться в активную научную жизнь: Международные съезды славистов в Москве 1959 и 1962 годов, Всесоюзные совещания по древнерусской литературе, торжества к 600-летию Андрея Рублёва, конференция в связи с 900-летием «Изборника Святослава», сотрудничество с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом). Параллельно составлял старообрядческие календари с обязательными историческими экскурсами в историю староверия. Но главным, конечно, в это время были поездки в археологические экспедиции, которые принесли уникальные находки: «Житие Сергея Радонежского», «Кормчая книга» (XVI век), автограф «Жития» протопопа Аввакума (2-ой список). Академия Наук на покупку «Жития» выделила 4000 рублей, но Иван Никифорович после доклада о находке на заседании Института литературы безвозмездно подарил бесценную рукопись в Пушкинский Дом, где в Древлехранилище был открыт специальный фонд Заволоко, в который Иван Никифорович передал всё самое ценное из своей коллекции.

Уже в 1974 году в его собрании насчитывалось 166 единиц хранения, не считая отдельных рукописей. Через два года фонд пополнился ещё на 74 единицы редкостей, в числе которых были книжные сокровища русской письменности XVII и XVIII веков.

Жизнь его оборвалась трагически. Выйдя зимой во двор, он поскользнулся и упал, сломав при этом здоровую ногу. Не имея возможности подняться, долгое время пробыл на морозе. Перенёс операцию, два месяца пролежал в постели и 7 марта 1984 года скончался. Похоронен Иван Никифорович Заволоко на старообрядческом кладбище г.Резекне рядом с отцом.

В наше время наследие Ивана Никифоровича приобретает второе дыхание: проходят Международные «Заволокинские чтения», выставки, есть «Старообрядческое общество им.И.Н.Заволоко», появились исследования и публикации, достойные нашего замечательного книжника, энтузиаста историка-археолога, ревнителя русской старины.

И.Н.Заволоко

И.Н.Заволоко среди селян, 30-е годы XX века.

Издание Кружка ревнителей старины при об-вѣ „Гребеншиковское Училище“ въ Ригѣ.

„РОДНАЯ СТАРИНА“.

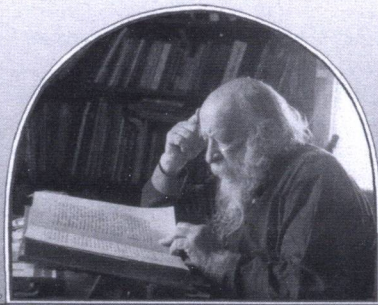
Журналъ, посвященный вопросамъ религіозно-нравственнаго и національнаго просвѣщенія.

ВЫХОДИТЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
И. Н. Заволоко, Д. Д. Михайлова и Л. К. Фомичева.

Цѣна отдѣл. № въ Эстоніи — 16 америк. центовъ.

Получать №№ можно у А. А. Булатова (Tallinn, Е.Т.К.) и въ книжномъ магаз. „Русская Книга“.

И.Н.Заволоко

**СТРАННИК
 ИДУЩИЙ
 В ГОРУ**

Книга,
 выпущенная
 Староверческим
 обществом
 им. И.Н.Заволоко
 в 2004 г.

Мы на земле временные гости. Странники. Странник идущий — никогда не забывает, что он странник. Родная страна, к которой он стремится, у него всегда перед глазами. Он терпеливо переносит и невзгоды, и лишения, и болезни. Он всегда помнит, что он странник. И трудно ли ему идти или легко, он всегда помнит, что надо идти вперед — и идет. Поднимается в гору, а не старается ползать по земле, как делают многие.

И.Н.Заволоко

Л.С.Михайлов

(1913-1985)

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ СТАРОВЕРИЯ

Лаврентий Силович Михайлов - духовный наставник, почётный председатель Совета Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины, выдающийся старOVERЕРЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ, редактор Старообрядческого церковного календаря с 1954 по 1984 гг.

Он родился в 1913 году в религиозной многодетной старOVERЕРСКОЙ семье в деревне Застенки Науйенской волости Двинского уезда. Ещё в дошкольном возрасте он прекрасно освоил церковнославянское чтение и уже 7-летним отроком стал причетником родной Застенковской старообрядческой общины. Здесь под руководством опытного наставника о.Феофилакта Ивановича Рогозина он досконально изучил обязанности канонарха и т. н. «гласовое» пение. Попутно на практике постигал и Богослужебный устав церковной службы. Знаменному пению и основам Древлеправославной веры его обучал слепой 90-летний старец, двоюродный дедушка Василий Андреевич Осипов. К пению Лаврентий Силович имел особый дар и способность. В 15-летнем возрасте он уже исполнял обязанности головщика в храме Застенковской общины.

В целях более глубокого усовершенствования певческих знаний в 1930 году Л.С.Михайлов проходит длительную практику в причте Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины (РГСО). Достигнув совершенства в теории и практическом исполнении знаменного пения, впоследствии сам многих обучил древнему певческому искусству. Приходилось ему консультировать студентов, изучающих знаменное пение и учёных-специалистов, в частности, известного музыковеда Татьяну Феоодосьевну Владышевскую. Состоял в переписке со многими учеными: Д.Лихачёвым, М.Бражниковым, В.Малышевым, Н.Успенским.

В 30-е годы Л.С.Михайлов проходит службу в Латвийской армии. После службы он был приглашён служить головщиком в Даугавпилскую Нидеркунскую старообрядческую общину. В совершенстве владея латышским языком, исполнял также обязанности секретаря в общине. Л.С.Михайлов активно участвовал в просветительской деятельности, выступал со своим хором на духовных концертах, устраиваемых в г.Даугавпилсе «Кружком ревнителей старины», которым руководил И.Н.Заволоко. В 1939-1944 гг. преподавал Закон Божий в школах Даугавпилса, Даугавпилского и Илукстского уездов, а с 1944 по 1946 гг. был народным учителем в Залюмской начальной и Вецпилской неполной средней школах Даугавпилского уезда.

В 1946 г. Совет РГСО пригласил Л.С.Михайлова в штат общины головщиком. Отныне вся дальнейшая жизнь была связана с её храмом. Знаменательно, что произошло это в день Ангела самого Лаврентия Силовича - 10 августа по старому стилю (23 августа - по новому стилю), в день памяти Св. мученика и архидиакона Лаврентия, небесного покровителя Л.С.Михайлова.

Через несколько месяцев после приезда в Ригу Лаврентий Силович назначается певческим старостой (руководителем хора).

В 1956 году Л.С.Михайлов избирается председателем Совета РГСО и неизменно каждые три года (согласно Уставу РГСО) переизбирается на эту должность.

Почти 30 лет руководил Лаврентий Силович многогранной административно-хозяйственной деятельностью Рижской общины, не жалея сил своих. На посту председателя он приобрёл заслуженный авторитет среди верующих всей Древлеправославной Поморской Церкви. В эти годы Рижская Гребенщиковская старообрядческая община фактически являлась духовным центром всего Поморского старOVERЕРИЯ. В РГСО издавался старообрядческий церковный календарь, здесь публиковались известные деятели и апологеты Древлеправославия: И.Н.Заволоко, И.У.Ваконья, А.Д.Макеев и др. Лаврентий Силович был активным участником всех значительных мероприятий Старообрядческой Церкви: соборов, совещаний, заседаний. В 1966 г. он был избран в состав Духовной Комиссии при Высшем Старообрядческом Совете (ВСС) в Литве. Награждён почётной грамотой ВСС.

Л.С.Михайлов известен своей неутомимой деятельностью в защиту мира. Он участвовал во многих всеоюзных и всемирных конференциях религиозных деятелей в защиту мира. За активную патристическую и миротворческую деятельность был награждён почётной медалью Советского фонда мира.

Особо следует сказать о заслугах Л.С.Михайлова перед старOVERЕРИЕМ в деле издания Старообрядческого церковного календаря, редактором которого он являлся на протяжении 30 лет. Сам писал статьи, редактировал рукописи, ежегодно участвовал в совещаниях соиздателей Церковного календаря в Москве. Вёл в календаре раздел церковного устава и месящеслова.

Всю свою жизнь Лаврентий Силович живо интересовался религиозной и светской литературой. От Бога одарённый многими способностями, он обладал и определённым литературным талантом

(любил писать акrostихи), а также справедливо считался большим знатоком церковной истории, Святого Писания и церковных канонов. Л.С.Михайловым написано множество разборов церковно-канонических вопросов, возникавших в различных старообрядческих общинах. Некоторые церковно-канонические разборы Л.С.Михайлова имеют для старообрядцев-поморцев общецерковное значение.

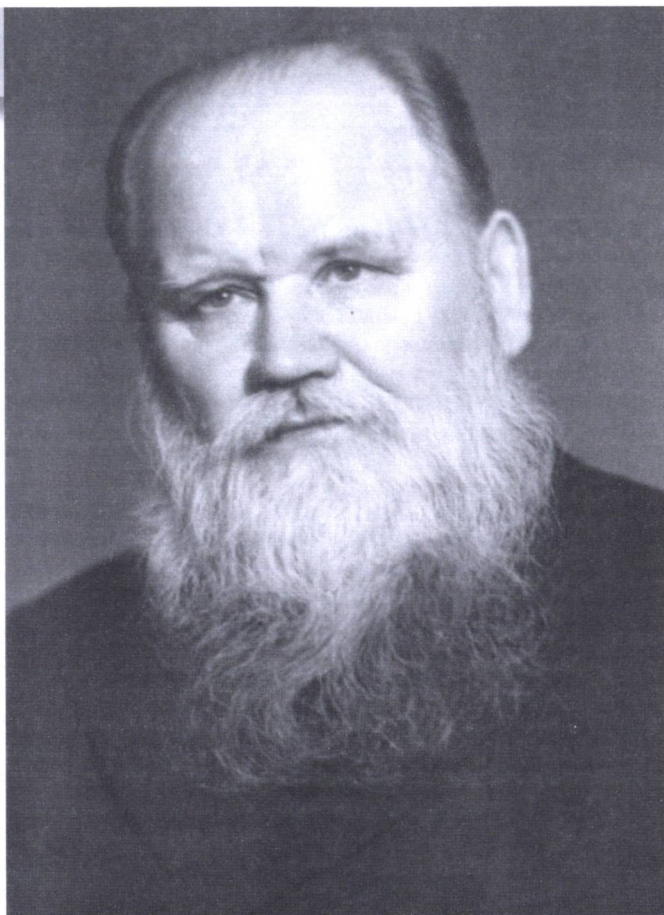
В 1976 г. тяжело заболел духовный наставник РГСО о. Лазарь Касаковский. Вынужденный оставить служение, он благословил Л.С.Михайлова на исполнение обязанностей наставника, дабы рижские старообрядцы не остались без пастырского попечения. С самого начала своей пастырской деятельности о.Лаврентий снискал глубокое уважение верующих. Богослужение он проводил с великим тщанием, молитвенной сосредоточенностью, строгим соблюдением устава. Голос его звучал в храме особенно трогательно и проникновенно.

Годы весьма ощутимой нагрузки подорвали здоровье Л.С.Михайлова. Весной 1984 г. он просит Совет общины разрешить ему уйти на пенсию. Просьба была удовлетворена, и одновременно он был избран почётным председателем Совета общины. Ещё почти год о.Лаврентий участвовал в заседаниях Совета общины, вникал в дела общины, давал советы, совершал в своей келье церковные требы и исповедовал.

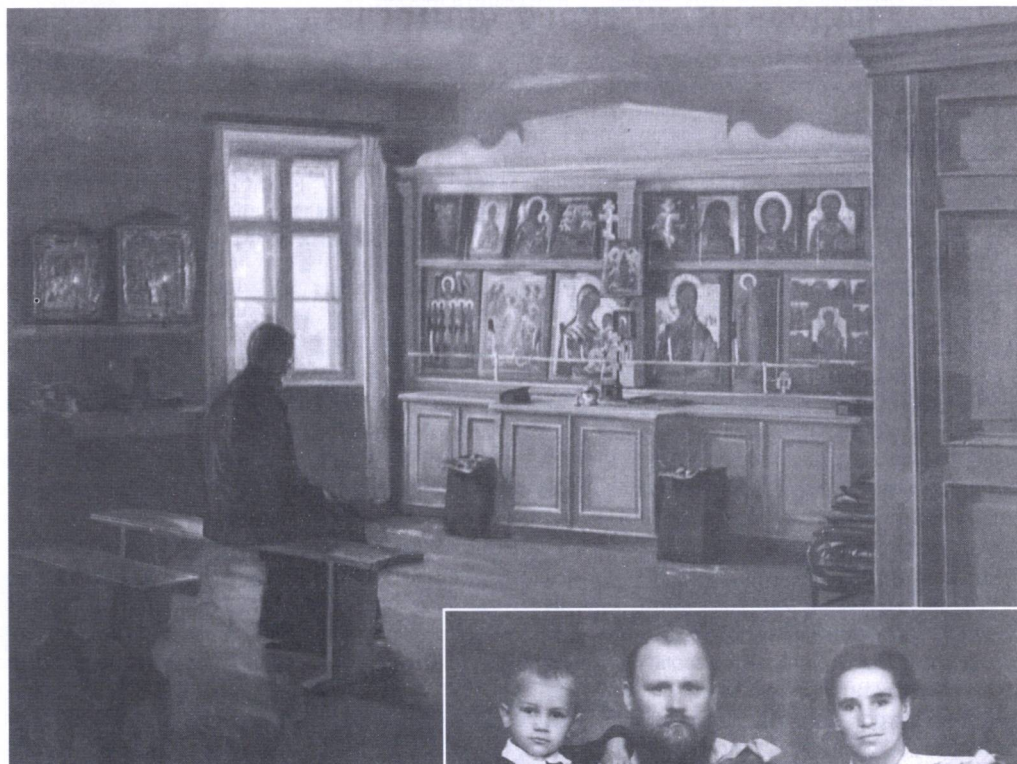
Однако состояние здоровья продолжало ухудшаться. Наступает 20 августа 1985 года. Старообрядческий церковный календарь на 1986 год писал: «Предал Господу душу о.Лаврентий с великим спокойствием, как и подобает истинному христианину. В минуту кончины около умирающего собралась вся семья. Рядом верная спутница всей его жизни - Иустина Иулиановна. Последними словами о.Лаврентия была молитва, последним жестом - крестное знамение».

Чин погребения Лаврентия Силовича совершали пять духовных наставников и один помощник духовного наставника при стечении огромного количества прихожан и знакомых, приехавших издалека. Это был день Ангела покойного - 23 (10) августа. В этот же день ровно 39 лет назад прибыл он в Рижский храм для служения Господу и людям.

Сотни телеграмм с соболезнованиями со всех концов земли были присланы в общину. Погребён о.Лаврентий Михайлов в Риге на старообрядческом кладбище в ограде духовных наставников и известных деятелей РГСО.

На Всемирной конференции религиозных деятелей в Москве, 6–10 июня 1977 года. Слева направо: М.И. Чуванов – председатель Московской Преображенской старообрядческой общины, Л.С. Михайлов – наставник и председатель Совета Рижской Гребенщиковской общины, Е.А. Бобков – протоиерей Русской Православной Старообрядческой Церкви, И.И. Никитин – председатель Духовной комиссии ВСС в Лит. ССР, И.И. Егоров – председатель Высшего Старообрядческого Совета в Лит. ССР, П.Н. Хвальковский – член Духовной комиссии ВСС в Лит. ССР.

«В келье наставника», худ. Илья Каверзнев. Картина написана в Рижском Гребенщиковском храме и включена в коллекцию картин XX в. Третьяковской галереи.

Л.С. Михайлов с женой Иустиной Иулиановной и детьми, Владимиром, Надеждой и Верой.

С.М.Краснопёров

(1900-1989)

МУЗЫКАНТ, КОМПОЗИТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ ХОРА И ОРКЕСТРА НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Старообрядческий род Краснопёровых прослеживается с конца XVII века. Они были умелыми плотниками и столярами, занимались поставками леса. Чуть ли не половина деревянных домов Московского форштадта в Риге была построена ими. В начале XX века на Тульской улице, 15 (ныне это ул.Ликснас, 24) у Краснопёровых имелся небольшой дом и мастерская. Через эту мастерскую прошли все 4 сына: Сергей, Михаил, Алексей, Иван, а также младшая дочь Анна. Все они были людьми по-своему выдающимися, но на первое место, пожалуй, всё же следует поставить старшего брата Сергея.

Сергей (настоящее имя Стефан) Мефодьевич Краснопёров родился в Риге 14 декабря 1900 года. Отец по профессии был столяром, мать, Сузанна Ивановна, трудилась на табачной фабрике Майкапара. Все члены семьи были очень музыкальны. В первую очередь, благодаря матери: она прекрасно играла на гитаре и домбре. Окончив в 1914 году Реальное училище, Сергей работает на мыловаренной фабрике, а когда начинается Первая мировая война, он эвакуируется в Москву. Там он учился в гимназии, а вернувшись обратно в Ригу, интересовался уже только одним - музыкой. Сергей закончил частную музыкальную студию Соломона Розовского и уже в 1920 году организовал инструментальный оркестр, который успешно выступал в кинотеатрах перед показом фильмов. Этот коллектив стал очень популярен и во многих школах родительские комитеты выражали желание, чтобы и в их учебных заведениях появились инструментальные ансамбли. Вскоре во всех русских основных школах такие оркестры были созданы. Их руководителями стали многие оркестранты Краснопёрова. Сам же он, кроме того, преподавал в ряде школ хоровое пение.

В 1928 году он создал большой оркестр при Латышском культурном обществе, который впоследствии стал оркестром при Русском просветительском обществе. Этот оркестр быстро завоевал популярность благодаря мастерскому исполнению и разностороннему репертуару. Его часто приглашали на радио, а концерты за пределами Латвии проходили с неизменным аншлагом. Здесь уместно вспомнить слова директора театра «Эстония» Олака Паула. После одного из концертов в Таллине (1937 г.) он, обнимая Сергея, восторженно произнёс: «Спасибо, большое спасибо, я

бы так и умер, не узнав, что на балалайках можно так исполнить неоконченную симфонию Шуберта. Это прекрасно, это восхитительно!».

В 1935 году Сергей Краснопёров окончил консерваторию по классу композиции и теории музыки. В этом же году он создал хор русской народной песни. Хор, как и уже действующий оркестр народных инструментов действовали при Рижском Русском Просветительском обществе. Любопытно, что большинство инструменталистов являлись любителями, не знавшими нот. Для них Краснопёров писал т.н. цифровые ноты. Кульминация творчески-концертной деятельности Краснопёрова приходится на 1939-40 годы: целая серия концертов хора и оркестра. 1 мая 1941 года на смотре художественной самодеятельности зал в течение 15 минут аплодировал, не отпуская исполнителей и их руководителя со сцены. Жюри признало этот коллектив лучшим и достойным быть посланным на Всесоюзный смотр в Москву. Но началась война...

Во время гитлеровской оккупации оркестр распался. При помощи друзей Краснопёрову удалось получить работу смотрителя в нотной библиотеке Радио. Когда в 1944 году немцы покидали Ригу, они вывозили всё ценное оборудование. Рискнув жизнью, Сергей Мефодьевич вместе с другими работниками сумел спасти ценности, положив в ящики и контейнеры кирпичи вместо оборудования. За это, а также за самоотверженную помощь в восстановлении Латвийского Радио С.М.Краснопёров был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В 1946 году он работает в Латвийской филармонии и создаёт первый латышский ансамбль песни и танца «Сакта», а затем и первый в Латвии оркестр латышского народного инструмента. В это время он увлекается поисками и усовершенствованием латышских народных инструментов. В частности, кокле (латышский вариант гуслей) - из семиструнной он переделал в 32-х струнный инструмент. Для этого музыкант сконструировал новый большой корпус с переключателями, что позволило исполнителю пользоваться всеми тональностями, как на арфе или рояле. Это был огромный успех. Одновременно он преподавал в Латвийской государственной консерватории и вплоть до своей смерти был руководителем кафедры народных инструментов.

С.Краснопёров был не только великолепным дирижёром и исполнителем, но и композитором. В его оркестровой музыке и музыке для хора ярко прослеживается народность, как русская, так и латышская. Наиболее известные работы для детей: «Цветник» (1939), симфоническая сюита в 10-ти частях «В тридевятом царстве» (1944), фантазия на тему «Вей ветерок!» для латышского инструментального оркестра, целая концертная программа для кокле, сюита «День пастуха».

Умер Сергей Мефодьевич Краснопёров в 1989 году.

Известно, что все остальные члены семьи были связаны с музыкой, но профессионалом стал только младший брат Иван. Он окончил Латвийскую консерваторию и был великоленным гобистом. В 1956 году ему присвоили звание Заслуженного артиста республики. Помогал Сергею и его брат Михаил. Он работал на телефонной станции, но балалайку не забывал. То же можно сказать и о детях. Многие из них пошли по стопам деда, стали мастерами-реставраторами, столярами, но свободное время всегда уделяли любимой музыке.

Например, сын Михаила Георгий никогда не выпускал из рук балалайку «Прима». Играет также на домбре и фортепьяно.

У Ивана Краснопёрова два сына: Владимир окончил факультет электроники, работал на объединении «Альфа» инженером-конструктором, но параллельно, для души, сконструировал и получил авторское свидетельство на блок музыкальных инструментов для электронного музыкального синтезатора. Его сын, Олег, одновременно со средним образованием окончил музыкальную школу по классу фортепьяно.

Второй сын Ивана - Николай, слесарь-инструментальщик. Более 10-ти лет он посвятил Музею ретроавтомобилей, но, пожалуй, главное его хобби - история, в том числе и история семьи Краснопёровых.

Младшей в семье Краснопёровых была сестра Сергея - Анна Мефодьевна. После окончания Цесисского педагогического училища она работала учительницей в Сабиле, а затем в Курляндии в старообрядческой общине. После войны закончила архитектурный факультет ЛГУ. Но отличилась она не столько в Управлении архитектуры Риги, сколько проводя экскурсии по городу. Благодаря своей выразительной речи, богатому языку и большим историческим познаниям, в частности, истории искусства Латвии, она стала прекрасным гидом.

С.М.Краснопёров

Семья Краснопёровых в 30-е годы XX века. Сидят (слева направо): Сергей, отец Мефодий Иванович, мать Сузанна Ивановна; стоят: Михаил, Иван, Валентина (жена Сергея), Татьяна (жена Михаила); впереди сидит дочь Анна.

Афиша одного из последних концертов хора и оркестра.

Rīgas Vecitēlnieku izglītības un palīdzības biedrība

Sveidim, 1940. gada 21. janvārī pulksten 8 vakarā
Latvijas Konservatorijas zālē
„krievu tautas dziesmu kora“
1ais KONCERTS

Pinālais:
Rīgas Krievu Izglītības biedrības tautas instrumentu
orķestris un soliste A. V. Derevjajņa.

Dirģeris: S. M. Краснопёров.

*Русское Старобрядческое просвети-
тельное и вспомогательное о-во*

Во воскресенье 21 января 1940 г. в 8 час. веч.
в зал Латвийской Консерватории
1ый КОНЦЕРТЪ
„хора русской народной пѣсни“

оркестра народных инструментов Русскаго
Просвѣтительнаго общества
и солистки А. В. Деревягиной.

Дирижеръ: С. М. Краснопёровъ.

ПРОГРАММА.

I.

1. Босния. Стигъ и Гаубовой вѣгъ. Н. А. Рысаго-Корсаева
2. Прогрессъ. Вѣка мѡл, вѣруша. И. В. Нерасова
3. Сялбѣмъ. Шумури, шумури. И. В. Нерасова
4. Шурочка. Угъ и я не мѡлда, да тѡмъ
придѡй бѣла. И. В. Нерасова
5. Хуровина. Мѡтъ подъ бѡлою подъ барою. И. В. Нерасова
6. Малурочка Дѡбръя. С. М. Краснопёрова
7. Малурочка. Ой у лѡе мѡгла. С. М. Краснопёрова
8. Вѡлка. Пѡграбѡ дѡушѡ. И. В. Нерасова
9. Прогрессъ. На лѡдъ бѡмъ на урѡмѡй. С. М. Краснопёрова
10. Пѡвола. Угъ и я не мѡлда одѡвола бѣла. И. В. Нерасова

исп. хоръ

Перерывъ

II.

1. Чѡ гѡтъ тарѡна да до тарѡмъ. Фѡлѡдѡ. С. М. Краснопёрова
2. Краснѡй сѡрѡвѡкъ. М. Парѡвѡла
3. Угъ ты вѡмуша вѡмѡ, да ты холѡдѡла. С. М. Краснопёрова
4. Мѡруша гѡлубѡна. М. Парѡвѡла
5. Трѡбѡ вѡчѡва. С. М. Краснопёрова

исп. оркестръ

1. Новѡлка. А. В. Деревягина съ оркестромъ
2. Сѡсѡвѡй. А. В. Деревягина съ оркестромъ

1. Угъ, да ты мамѡриша. С. М. Краснопёрова
2. Ой, матѡрѡна не мѡгу. С. М. Краснопёрова

исп. хоръ и оркестръ

1. Кавѡлка. А. В. Деревягина съ хорѡмъ и оркестромъ
2. Во лѡдъ бѡрѡа стѡла. А. В. Деревягина съ хорѡмъ и оркестромъ

Хор под управлением С.Краснопёрова.

Инструментальный оркестр при Латвийском культурном обществе. В центре – руководитель С.Краснопёров.

В.С.Пикуль

(1928-1990)

«МОЯ ЖИЗНЬ - МОЯ РАБОТА»

Знаменитый русский писатель Валентин Саввич Пикуль. Он родился 13 июля 1928 года в Ленинграде. Успел закончить только 5 классов, когда грянула Великая Отечественная война. Как и все ленинградские дети, Валя дежурил на чердаках, совал в бочки с водой брызжущие фосфором немецкие зажигалки. Пережил голод и холод блокады, ещё под детски не осознавая, что всё виденное и испытанное им стало уже историей. Весной 1942 года «по дороге жизни» был эвакуирован в Архангельск, где служил его отец на Беломорской военной флотилии. В день своего четырнадцатилетия Валентин убегает из дома и поступает в Соловецкую школу юнг, где приобретает флотскую специальность рулевого-сигнальщика. С осени 1943 года юнга В.Пикуль воевал в Заполярье в составе команды эскадренного миноносца «Грозный». Эсминец участвовал в конвоировании союзных караванов, в атаках на фашистские подводные лодки, в поисках пропавших судов союзников. На корабле Пикуль осваивает новую специальность штурманского электрика и в 16 лет становится командиром боевого поста.

Ему ещё не исполнилось и 17 лет, когда война закончилась нашей победой. Молодой моряк шагнул в мирную жизнь с палубы корабля, закалённый войной и пережитыми испытаниями.

Его путь в литературу был тернист и труден. Судьба гнула его, как тростинку к земле, но после каждого удара он мужал, крепчал духом и выходил победителем. Валентин Пикуль не родился писателем, но благодаря своему упорству, трудолюбию, таланту стал им.

В 1954 году появился на свет его первенец «Океанский патруль», который он посвятил памяти друзей-юнг, павших в боях с врагами за родину.

В 1956 году Пикуль был принят в Союз писателей России, и с тех пор литература стала его профессиональным делом.

С 1962 года он проживал в Риге, где были созданы его самые яркие и знаменитые произведения.

За 40 лет работы в литературе Валентин Пикуль написал 28 томов книг, 24 из которых родились в Риге. Общий их тираж достиг полмиллиарда! Его талант расцвел ярко в 60-80 годы прошлого столетия и зажгёт звезду исторического романиста самой крупной величины. Широкое признание у читателей получили романы: «Реквием каравану PQ-17», «Нечистая сила», «Пером и шпагой»,

«Битва железных канцлеров», «Моонзунд», «Слово и дело», «Из тупика», «Крейсера», «Фаворит», «Честь имею!», «Барбаросса».

После выхода «Пером и шпагой» в Париже французская газета писала о нем: «Валентин Пикуль наиболее интересный рассказчик современности».

На латышский язык переведены «Пером и шпагой», «Битва железных канцлеров» и «Париж на три часа», миниатюры.

Писатель обладал исключительно разносторонним дарованием: поэтическим складом мышления, исключительной зрительной памятью, ярким воображением, точной восприимчивостью и лёгкостью перевоплощения, едва успевающей за стремительным бегом его мысли.

В одном из нечастых публицистических выступлений Валентин Пикуль сказал:

«Мне кажется, что русскому народу традиционно присущи следующие природные качества: в трудные моменты истории происходит размытие граней между „вышшими“ и „низшими“ и весь народ сплачивается в единое целое, подобно ртути (это качество отметил Бисмарк).

Всепобеждающее русское долготерпение.

Непритязательность, способность довольствоваться малым.

Душевная щедрость и гостеприимство.

Способность русского человека бо- леть чужой болью, страдать за соседа.

Очень активная контактность - вы заметьте, как быстро сходятся русские люди в дороге, в очередях.

Умение выносить неслыханные нагрузки и быстро осваиваться в любых обстоятельствах.

Способность рассуждать и быстро перенимать опыт других.

Чистоплотность.

Способность к моментальной и по- головной мобилизации при возникнове- нии опасности для Родины.

Самопожертвование и тяга к риску.

Азартность.

Широта взглядов, выходящая за пределы квартиры, дома, деревни, об- ласти, города, страны.

Удивительная и уникальнейшая тяга к чтению.

Так можно продолжать без конца».

Тема «русскости» неисчерпаема, а Валентин Саввич был одним из немногих, кто зачерпнул её на очень значительную глубину. Перечисленные им черты, так или иначе, отражены в его благородных

литературных персонажах. И внимательный читатель не мог не обратить на это внимания.

Заслуги Валентина Пикуля на литера- турной ниве отмечены двумя орденами Трудового Красного Знамени (в 1978 и 1988 годах), орденом Дружбы народов (1984 г.) и почётной медалью Советского Фонда мира.

В 1987 году за роман «Из тупика» В.Пикулью была присуждена литературная премия Министерства обороны СССР, которую он передал на лечение воинво- интернационалистов в Рижский военный госпиталь. В 1988 году роман «Крейсера» был удостоен Государственной премии РСФСР. Её денежное содержание было перечислено на нужды потерпевших от землетрясения в Армении.

Роман «Нечистая сила» (посмертно) удостоен Шолоховской премии, денеж- ное вознаграждение передано им на нужды Соловецкого монастыря.

За участие в Великой Отечественной войне В.Пикуль награждён тремя меда- лями и орденом Отечественной войны II степени.

Валентин Пикуль скончался 16 июля 1990 года. Похоронен в Риге на Первом Лесном кладбище.

Его книги хранят память о великом писателе-патриоте, умевшем смело связывать настоящее с прошлым креп- ким морским узлом. Связывать мудро и прочно, так, что пока не удалось развя- зать никому...

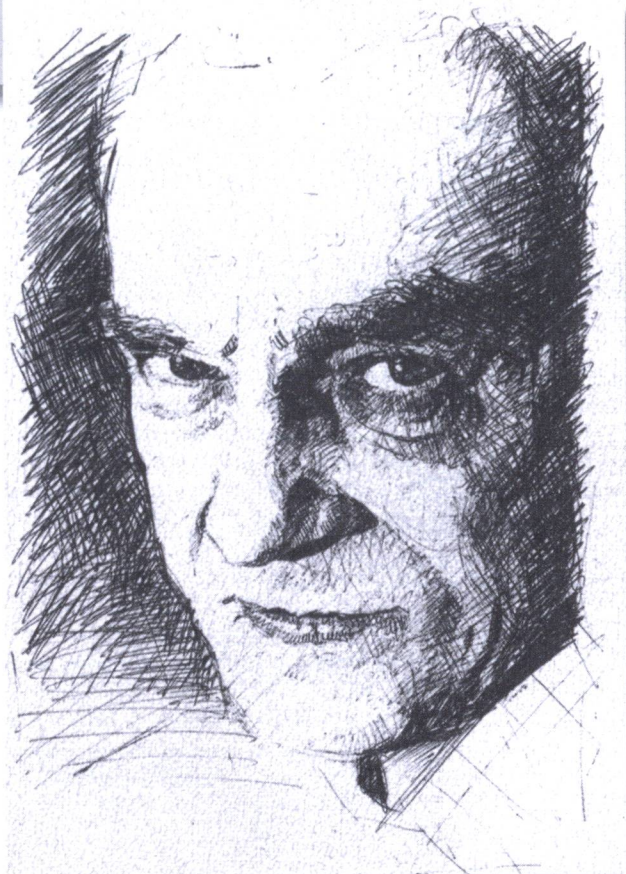
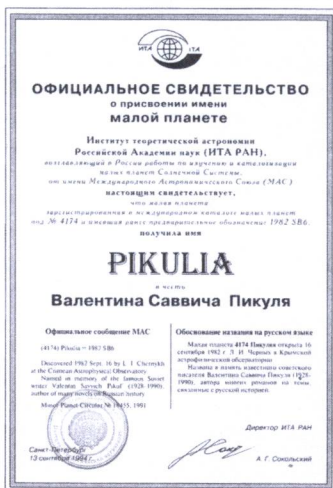
Знание прошлого Отечества делает человека богаче духом, твёрже харак- тером и зорче разумом. История вос- питывает в нём необходимое чувство национальной гордости... Сравнивая прошлое с настоящим (и делая вы- воды на будущее), мы должны знать, что наше государство не имело бла- женных времён и жизнь русского на- рода всегда была сопряжена с пре- одолением неслыханных кризисов. Принижать свою историю, забывать её или извращать - значит оплёвы- вать могилы своих предков, боров- шихся за родную русскую землю...

Никакое произведение не будет иметь патриотического воздействия, если сам писатель, композитор, режиссёр не является искренним патриотом. И как бы профессионально и грамот- но ни было сделано произведение, фальшь всё равно даст о себе знать.

В. С. Пикуль

В.С.Пикуль

Официальное
свидетельство
о присвоении малой
планете в честь
Валентина Саввича
Пикуля имени PIKULIA.
13 сентября 1994 г.
Санкт-Петербург.

Конец войны.
Валентин Пикуль
с медалями:
«За оборону Ленинграда»,
«За оборону
Советского Заполярья»,
«За победу над Германией
в Великой Отечественной
войне 1941–1945 годов».

Могила писателя
на Первом Лесном
кладбище в Риге.

Н.П.Задорнов

(1909-1992)

«ОСТАВАЙСЯ СВОБОДНЫМ. ЭТО ВЫШЕ ВСЕХ ЗВАНИЙ И ТИТУЛО

Выдающийся советский писатель Николай Павлович Задорнов родился 5 декабря 1909 года в Пензе. С 1926 по 1935 гг. он работал актёром в театрах Сибири и Урала. В это же время начал печататься в газетах. Вернулся на Дальний Восток и активно участвовал во Всесоюзной ударной стройке Комсомольска-на-Амуре (за что потом был награждён значком почётного строителя города). С тех пор Дальний Восток - основное место действия в его произведениях. В годы Великой Отечественной войны Николай Задорнов работал разъездным корреспондентом на радио Хабаровска и в газете «Тихоокеанская звезда».

Ему принадлежат два цикла исторических романов об освоении в XIX веке русским народом Дальнего Востока, о подвигах землепроходцев. Первый цикл - романы «Амур-батюшка» и «Золотая лихорадка». Второй: «Далёкий край», «К океану», «Капитан Невельской» и «Война за океан». Три книги писателя - «Цунами», «Хэда», «Симода» (об экспедиции в Японию адмирала Е.В.Путятина в 1854-55 гг.) - были изданы в самой Японии. Его книги переведены на многие языки мира, в том числе французский, японский, чешский, румынский, болгарский. В последние годы жизни писатель работал над произведениями, которые не успел закончить: циклы «Большие плавания», «Владычица морей».

С 1946 года Николай Павлович Задорнов жил в Риге, был удостоен звания «Заслуженный деятель искусств Латвийской ССР». Он скончался 18 сентября 1992 года.

Его сын Михаил Задорнов, известный российский писатель-юморист, так вспоминает о своём отце:

«Мой отец был советским писателем. Но он никогда не вступал в партию. Никогда не писал о коммунистах, об обкомах КПСС. Он нашёл себе убежище в русской истории XIX века. В том периоде, когда Россия родила наибольшее количество людей с честью и достоинством. Отец описывал их правдиво и романтично, основываясь на исторических фактах.

Мы с увлечением в юности читаем Фенимора Купера, Майн Рида... Романтика завоевания новых земель! Но ведь всё это было и у нас. С одним только отличием: наши предки, осваивая новые земли, приходили не с оружием в руках, а с верой и любовью. Они старались обратить аборигенов в православную веру,

не истребляя их и не сгоняя в резервации. Мой отец в шутку называл нивхов, нанайцев и удэгейцев - «наши индейцы». Только менее проприенные и раскрученные, чем могикине или ирокезы.

Отец считал, что многие русские учёные и путешественники, сделавшие в истории величайшие открытия, несправедливо забыты. И ему хотелось привлечь внимание своими романами к тем событиям в российской истории, о которых не любят теперь упоминать на Западе, где историки считают, что всё главное в мире происходило по европейской указке.

Его первая книжка - «Амур-батюшка» - о том, как в середине XIX века люди ушли от политики и тирании государства в Сибирь и поселились там, создав свободные посёлки. Выражение Амур-батюшка он услышал от одного из нанайских шаманов, после выхода романа в свет оно стало широко известным в народе.

Книга была написана в Комсомольске-на-Амуре во время войны. Когда отец привез её в Москву, советские редакторы отказались это печатать, так как была востребована литература только откровенно героическая. Каким-то образом роман попал на стол к Александру Фадееву. Фадеев прочитал и передал Сталину. Видимо, прочитал и Сталин, который, надо отдать ему должное, вообще много читал.

Неожиданно через несколько лет, как раз к моему рождению, был отдан приказ не только напечатать, но и дать автору Сталинскую премию. Видимо, в романе «Амур-батюшка» Сталин разглядел правильное свободомыслие...

Позже, когда Сталинскую премию переименовали в Государственную, отец продолжал называть себя гордо лауреатом именно Сталинской премии. Почему? Да потому, что Государственные премии уже раздавались направо и налево. Продавались чиновниками за взятки. Чтобы получить эту премию в 80-е или 90-е годы, надо было не написать талантливое произведение, а талантливо оформить документы и «правильно» подать их в комитет по присуждению премий.

Отец не хотел считать себя лауреатом выхлопотанной - «пробитой» - премии. А Сталинскую премию невозможно было «выбить» у «хозяина». Своё лауреатство отец не стал переименовывать в угоду времени. Ему некого было бояться. Он

был беспартийным. За эту, по тем временам, «аморалку» его даже из партии не могли выгнать!

После войны Фадеев, секретарь Союза писателей СССР, вызвал отца к себе и предложил поехать в Латвию - возродить русское отделение Союза писателей. Отец согласился, но уже через два месяца отказался от поста, потому что для этого надо было вступить в партию. А он не хотел.

В Латвии его встретили очень хорошо, он дружил со многими писателями. Вилис Лацис даже помог получить квартиру в том же доме, где жил сам. Латышские писатели уважали отца за то, что он не хотел вступать в партию, за то, что не стал секретарём Союза писателей, за то, что никогда не ввязывался в политические интриги. В свою очередь отец возил их на Дальний Восток, показывал им тайгу, Амур, задушевных сибиряков... Ему верилось, что в жизни люди такие же, как герои его романов, с достоинством, и что у людей культурных национальной вражды быть не может. Он всегда хвастался своей дружбой с латышами.

Я часто думаю, почему отец так рано и как-то неожиданно ушёл из жизни. Скорее всего, у него произошло полное крушение всех идеалов. Особенно тех, которые сформировались у него в Латвии. Он очень верил в латышских писателей - едва времена поменялись, они мгновенно изменили своему прошлому. Забыли и о том, кто их переводил на русский язык, благодаря чему они получали неплохие гонорары, и о том, какие экскурсии в заповедные края устраивал для них отец... В своё время он помогал журналу «Даугава», а как только Латвия стала независимой страной, редакция журнала объявила его сумасшедшим. Кроме того, объявился хозяин того дома, где была наша квартира. Отец понимал, что рано или поздно нас выселят. Для его достоинства это было слишком. Организм начал сдавать, не желая жить в унижении. Для отца не было большего унижения, чем невозможность защитить Россию, когда её оскорбляли. Он предчувствовал, что жизнь сотворит с его идеалами, и не хотел этого видеть.

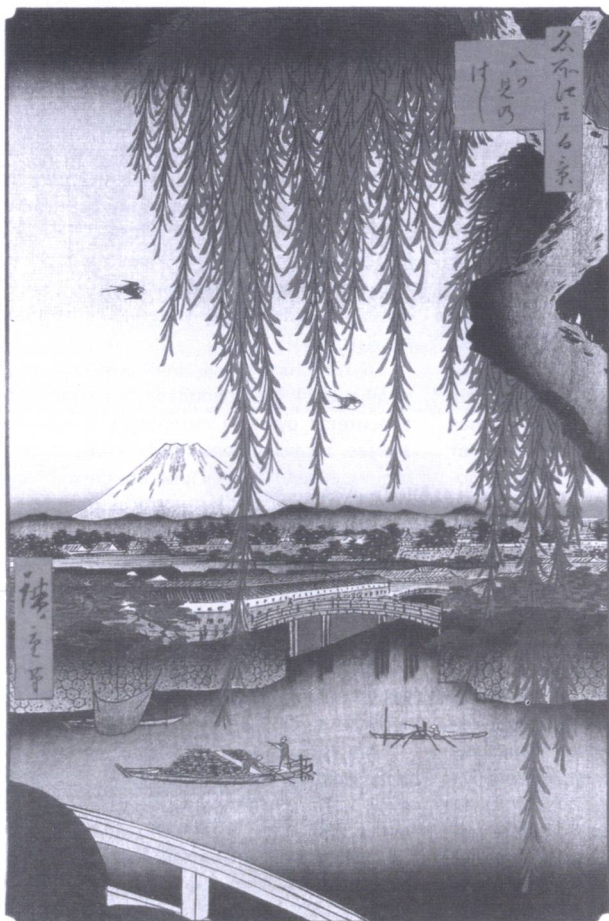
Он тоже втайне верил в то, что Россия когда-нибудь оживёт. Но когда понял, как она «оживает» под контролем диссидентов, эмигрантов и, как мы теперь говорим, «демократов», его организм просто не захотел в этом дальше существовать».

Н.П.Задорнов

Рижский дом, в котором сорок с лишним лет проживала семья Задорновых (ул. Элизабетес, 13).

*А.Ф.Можайский.
Фрегат «Диана»
в бухте Симода.
1856 г.*

*Памятник Николаю
Задорнову. Хабаровск.
Набережная Амура.*

И.В.Чиннов

(1909-1996)

ЗНАМЕНИТЫЙ ПОЭТ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Игорь Владимирович Чиннов родился 12 (25) мая 1909 года под Ригой, в Туккуме, в имении бабушки, Марии Георгиевны, (урожд. фон Морр) и деда, подполковника Алексея Герасимовича Чиннова. Его отец, Владимир Чиннов, служил судьёй в окружных судах.

В годы Первой мировой войны семья покинула Прибалтику. В пору блужданий по России, вздыбленной войной и революцией, первой на их горьком пути была Рязань, «с незабываемой зимой, блистающим снегом, розвальнями, бубенцами и внезапной весной, могучим ледоходом на Трубеже, свежестью воздуха прямо-таки прекрасной». Затем последовал Харьков и бегство с Белой армией на юг России, в Ставрополь, где их настигла эпидемия тифа. Кто читал поэзию Игоря Чиннова, неизменно задаётся вопросом: откуда у него столь глубокая любовь к России, столь сильная прививка русскости? Ведь в России проведено им было совсем немного времени. Россия на протяжении долгих десятилетий заменялась другими странами, континентами, но не становилась для него чуждой, далёкой, непонятной...

Игорь Чиннов относился к первому новому поколению, выросшему в эмиграции. Бывшие дети, которые после революции вынуждены были вместе с родителями покинуть Россию, и родина помнилась им как сказочный мир детства, но занять своё место в этом мире они не успели. Родители воспитывали их как русских детей, но жить им предстояло в совсем другой среде, где они чувствовали себя чужими. О них, «прошедших в изгнании страшную школу одиночества, нищеты и отверженности и всё-таки в условиях необычайно трудных пытавшихся быть русскими интеллигентами», Владимир Варшавский написал в 50-х годах книгу «Незамеченное поколение». Собственно, писал он о себе: *«Мне всегда казалось, что в кругу этих людей, в их разговорах и поступках ещё чувствовался последний слабый отблеск навсегда, быть может, исчезнувшего вдохновения „русской идеи“, служения России, её культуре, „чести русского имени“»*.

В Ригу семья Чинновых возвратилась осенью 1921 года. В 1928 году Игорь закончил Рижскую городскую русскую гимназию (бывшую Ломоносовскую). Его первые работы публиковались в рукописных школьных журналах. Он поступил на факультет народного хозяйства и юридических наук Латвийского университета. Изучение юриспруденции, растянувшееся на десять лет, благополучно завершилось защитой диссертации и получением степени магистра права. Диссертация по уголовно-процессуальным аспектам дуэли, написанная на ла-

тышском языке, называлась «Поединок». В ней дуэль была рассмотрена в преломлении трагических судеб А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова.

Работал юридическим консультантом, опубликовал первые стихи в парижском журнале «Числа» (1933).

На творчество И.В.Чиннова оказала сильное влияние поэтика «парижской ноты» - литературного течения в поэзии русского зарубежья, возникшего в Париже в конце 1920-х гг. и просуществовавшего до конца 50-х гг. Его основателем и поэтическим лидером был Георгий Адамович, а наиболее яркими представителями - Анатолий Штейгер и сам ранний Игорь Чиннов, для поэзии которого была характерна большая формальная изысканность (эксперименты с дольниками), музыкальность стиха, сюрреалистические образы.

Название «парижская нота», было впервые употреблено Б.Поплавским, который сам к «парижской ноте» не принадлежал (хотя и относился сочувственно к молодым поэтам этого направления). Ссылаются на высказывание Поплавского 1930 года: *«Существует только одна парижская школа, одна метафизическая нота, всё время растущая - торжественная, светлая и безнадежная»*. Вскоре сочетание «парижская нота» стало общепотребительным обозначением «школы Адамовича» как в кругу приверженцев этой поэтики, так и среди её критиков.

История «парижской ноты», особенно на начальных этапах - во многом история творчества её основателя Г.Адамовича, отразившая его художественные пристрастия и его эстетические и мировоззренческие поиски в эмиграции. Направление не было организационно оформлено, не оставило коллективных деклараций и литературных манифестов; не было у «парижской ноты» и единого постоянного печатного органа. Когда говорят об эстетических принципах «парижской ноты», то всегда вспоминают знаменитое определение «истинной поэзии», данное Г.Адамовичем в 1930 году на страницах журнала «Числа»: *«Какие должны быть стихи? Чтобы, как аэроплан, тянулись, тянулись по земле и вдруг взлетали... если и не высоко, то со всей тяжестью груза. Чтобы всё было понятно, и только в щели смысла врывался пронизывающий трансцендентальный ветерок. Чтобы каждое слово значило то, что значит, а всё вместе слегка двоилось. Чтобы входило, как игла, и не видно было раны. Чтобы нечего было добавить, некуда было уйти, чтобы „ах!“ чтобы „зачем ты меня оставил?“, и вообще, чтобы человек как будто пил горький, чёрный, ледяной напиток, „последний ключ“, от*

которого он уже не оторвётся. Грусть мира поручена стихам».

В 1944 году, как писал сам Игорь Владимирович, его угнали в Германию, в трудовой лагерь, откуда в 1945 г. он был освобождён американскими войсками и оказался в Париже. Жилось там нелегко

- из-за невозможности найти работу, - но очень интересно. Перезнакомился с цветом русской эмиграции, где его высоко оценили как поэта. В 1953 году Чиннов принял предложение своего старшего друга В.Вейдле стать редактором отдела новостей на толь-ко что созданном радио «Свобода» и переехал в Мюнхен.

Вторая мировая война драматически изменила судьбы русской зарубежной поэзии. Историю «парижской ноты» можно было бы считать завершённой уже к 1939 году, если бы не яркое вступление в литературу Игоря Чиннова. Он опубликовал свой первый сборник «Монолог» лишь в 1950 г. (в возрасте 41 года); эта книга, вместе со вторым сборником «Линии» (1960) явилась самым полным продолжением эстетики «парижской ноты» в послевоенный период. Многие считали, что после смерти в 1958 году Георгия Иванова именно Чиннов унаследовал «кресло первого поэта эмиграции». В более поздних стихах он, однако, сильно отходит от поэтики своих первых сборников, развивая традиции гротеска и всё больше увлекаясь неклассическими формами (акцентный стих, верлибр и т. п.).

К концу 1950-х гг. стало очевидно, что «парижская нота», исчерпав себя, тем не менее заслуживает того, чтобы считаться одной из самых своеобразных страниц истории русской поэзии первой эмиграции - хотя и далеко не единственной страницей этой истории.

В 1962 году Игорь Чиннов уехал из Европы в США, где преподавал в разных университетах русскую литературу и получил звание заслуженного профессора. В эмиграции вышло восемь книг его стихов.

С 1977 года И.В.Чиннов жил во Флориде. Впрочем, все годы «забытья и забвенья» на родине, были благодатны для поэта. С 1954 по 1984 год вышли восемь книг его стихов. О поэзии Чиннова писали знаменитости русского зарубежья - Г.Адамович, В.Вейдле, Я.Горбов, И.Одоевцева, Г.Струве, Ю.Иваск, З.Шаховская, Ю.Терапиано.

Он умер 21 мая 1996 года в Филадельфии. Когда не стало И.Чиннова, согласно воле поэта в Москву, в Институт мировой литературы РАН, был передан его архив. Поэтический струг рижанина И.В.Чиннова привёл его и к месту последнего приюта - в Россию, на Ваганьковское кладбище.

Рижская Ломоносовская гимназия
(быв. бульв. Наследника, ныне бульвар Райниса, 29).
Фото начала XX века.

«...Или небо вечернее, цвета
Бирюзы, сквозь берёзы –
Это все же обрывок ответа
На молитвы и слёзы?»

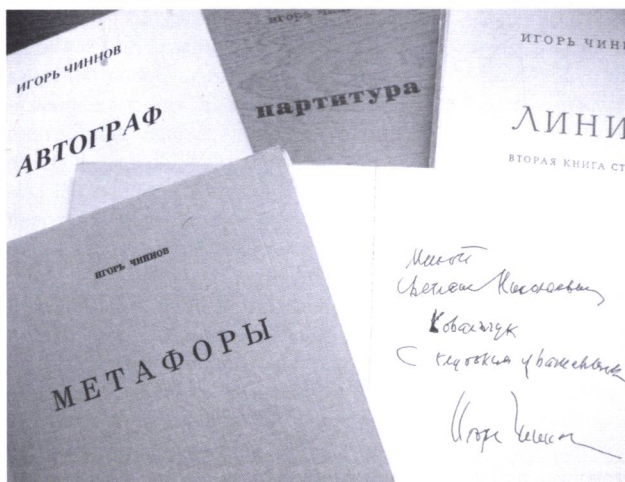
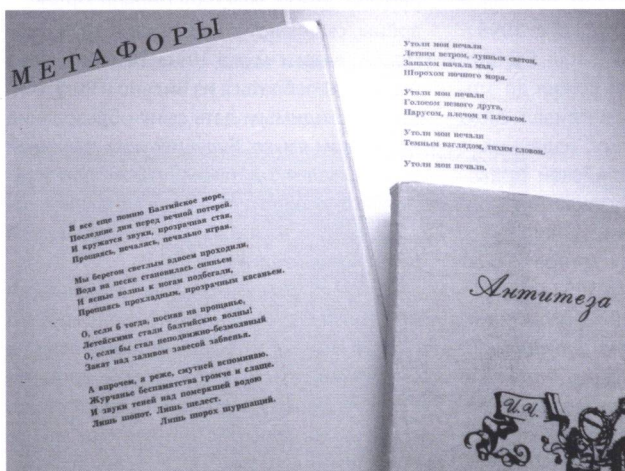
«А может быть, всё же – спасибо за это:
За нежность жемчужно-туманного света,
За свежесть дождём всколыхнутого сада,
За первые знаки – уже – листопада.

Спасибо, что облако меркнет и тает
Над этой в закат улетающей стаей,
И розовый свет приближается к морю...
Ну, что же, спасибо. Да разве я спорю...»

«То, что было утешением,
Перестало утешать.
Но порою, тем не менее,
Развлекаюсь я опять.

Развлекаюсь грубым холодом,
Жёстким ветром, мутным днём,
Развлекаюсь скучным городом –
И проходит день за днём.

Не в России, так в Германии.
Вот гуляю вдоль реки,
Развлекаюсь сочетанием
Равнодушья и тоски.»

В.В.Мирский

(1920-1998)

ЗНАТОК ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ПЕДАГОГ, ПОЭТ

Многие годы рижане знали Владимира Владимировича Мирского как чуткого, заботливого преподавателя, доцента филологического факультета Латвийского университета, знатока русского фольклора и древнерусской литературы. Знали и о том, что он не оставлял работы в средней школе, вёл уроки, читал лекции в обществе «Знание», будучи вынужден заботиться о большой семье, растить сыновей. В кругу своих ученых вузовских коллег Мирский отличался особой душевностью, искренностью, некой ощутимой духовной глубиной, которая, как выяснилось позднее, исходила от его веры, православных убеждений и вообще эмоциональной настроенности на старину, извечные христианские добродетели, ценности русской и мировой культуры. Подкупала его манера духовной беседы, даже в разговоре и, тем более, в аудитории Владимир Владимирович не просто говорил - проповедовал, внушал любовь к искусству, родной словесности, старине. Лекцию он умел построить так, что получалось ОТКРОВЕНИЕ. Возможно, и для него самого. Ибо он не «повторял зады», давно известный материал, а стремился извлечь из Слова, темы эстетическую и нравственную сущность. Авторы XVIII века Мирский преподносил как полузабытые духовные величины, подлинные «звёзды», светила родной словесности. Открывал для студентов Сумарокова, Тредиаковского, Ломоносова: «Открылась бездна, звёзд полна. Звездам числа нет, бездне - дна...» И так проникновенно озвучивал он ломоносовский стих, что едва ли не мурашки бежали по спине при его чтении, суть которого непременно была ОСМЫСЛЕНИЕ главной идеи, умопостроения создателя текста. Мирский приближал своих учеников и к Державину, и к духовной поэзии П.А.Вяземского.

На филфаке ходили смутные слухи о том, что доцент Мирский и сам поэт. Но лишь в конце 1988 года, на празднике по случаю 1000-летия крещения Руси, в переполненном актовом зале нового корпуса РВЗ, состоялась знакомство с Владимиром Владимировичем как с интересным, глубоким поэтом. В тот вечер он познакомил собравшихся и со своим другом с гимназической парты, с 1941 года, композитором Ю.В.Глаголевым, создавшим десятки песен на его стихи (уже 20 лет эти песни звучат в исполнении русского хора «Перезвоны» под руководством Глаголева). А в конце 80-х в Красном зале ДК ВЭФ был устроен большой авторский

вечер В.В.Мирского. Песни на его слова исполнял солист Оперы С.Изюмов, вдохновенно аккомпанировал автор музыки, композитор А.Пелецис. В зале тогда долго не смолкали аплодисменты.

Поэт Мирский - представитель поколения старых рижан, которых не печатали, не принимали в Союз писателей. Лишь в конце 80-х годов он обрёл право выходить к микрофону - и стал почётным гостем на вечерах старых русских рижан, проводившихся Балто-славянским обществом и Русским культурным центром «Улей». Популярность поэта и лектора росла на глазах. Мирский был избран Почётным председателем РКЦ - русского клуба «Улей». Неоднократно он выступал с чтением стихов на концертах хора «Перезвоны», посвящая стихи дирижёру, хору, пианисту Г.Н.Лишину, ученику Н.Печковского певцу Н.Н.Крейеру, художнику А.И.Мисюрёву, создавшему его портрет, и многим другим знакомым.

В 1990 г. «Улей» выпустил книгу его стихов «О вере, России, душе» (её презентация с большим успехом прошла в концертном зале «Ave sol»), а в 1998 г. сборник поэзии «Ступени» (с илл. Е.Е.Климова и Е.Романенко). Поэт дожил до этого времени, не раз просматривал свою долгожданную новую книгу, изданную с благословения главы Латвийской Православной Церкви архиепископа Александра. Однако презентация издания состоялась уже после кончины автора - поэт ушёл из жизни 20 сентября 1998 года.

Поэт Сергей Журавлёв вспоминает: *«Ещё в начале 70-х, будучи студентом, много раз беседуя с Мирским, я открыл в нём такую важную черту миропонимания, как сострадание, сопереживание, сопричастность людям и времени, стремление к милосердию, активной доброте, благотворительности. Это мироощущение в полной мере выразилось в его поэзии: „А лики древние глядят таинственно, И хор торжественно поёт в тиши. Как много радости, как много благодати и Утешения здесь для души!“»*

Многие стихотворения В.В.Мирского были посвящены храмам, звонницам, иконам, читал он и лекции о русской иконописи, Андрее Рублёве с показом диапозитивов. Для многих рижан он был не только Поэтом - гласом народным, но нашим рижским «академиком Лихачёвым» - признанным просветителем, носителем духовного Света, знатоком житий русских святых, древнерусского и славянского языков. Он умел и любил говорить о твор-

честве того или иного писателя, читал лекции в Духовной семинарии. Вместе с членами русских культурных обществ В.В.Мирский посещал Покровское кладбище, живо интересовался довоенной историей Латвии, участвовал в днях памяти Пушкина, Лермонтова, Есенина, Шаляпина, покоящегося возле рижского храма Покрова певца-тенора Д.А.Смирнова, читал свои стихи и переводы на мемориале Райниса. В начале 1998 г. поэт подготовил к изданию рукопись рассказов-воспоминаний (книга «Молитва матери, или Горькие и сладкие плоды») была издана уже после его кончины).

Мемуары поэта явились для всех новым откровением. Владимир Мирский родился 21 декабря 1920 года и буквально чудом остался жив, когда родители ночью переходили границу, реку Збруч и отец, оступившись, уронил заплечный мешок в воду. Оказавшись в эмиграции, его мать, певица, выпускница Одесской консерватории, Нина Валериановна Бочковская, часто болела, лежала в больнице. Отец, капитан русской армии, участник Первой мировой войны, скончался в Вильнюсе в 1923 году. После смерти мужа Нина Валериановна решила перебраться из Вильно в Ригу, считая необходимым дать сыну образование на родном языке. Будущий поэт и учёный воспитывался в детском приюте при женском монастыре в Риге, на ул.К.Барона, затем учился в Рижской Правительственной русской гимназии (РПРГ).

Ему запомнилось, как однажды в роли пажа он нёс шлейф концертного платья матери в Доме Черноголовых, а она изумительно пела целый концерт, после которого высокий седой старик, светлейший князь А.П.Ливен, став на колени, вручил ей букет роз.

Стихи В.В.Мирский начал писать в 1937-38 гг., некоторые из них печатались в рижских изданиях вплоть до 1944 года. Спутницей жизни поэта более полувека была И.А.Мирская, в юности занимавшаяся в студии «бабушки латвийского балета» А.А.Фёдоровой (на ул. Екаба, где ныне комнаты депутатов Сейма). Как старый рижанин Владимир Владимирович был живой историей, «ходячей рижской энциклопедией».

Отпевали его в Троице-Задвинской церкви, прихожанином которой он был ещё до войны. Концерт его памяти и презентация книги «Молитва матери» состоялась в соборе Св.Петра. Поэт обрёл вечный покой на рижском Ивановском кладбище.

В.В.Мирский

Перезвоны

Композитору Ю.Глаголеву

Перезвоны – эхо лихолетий,
 Гимн России, теплота сердец.
 Голоса исчезнувших столетий
 И победных почестей венец.
 Перезвоны – музыка земная,
 Таинство небес и божество,
 Русская душа в преддверьях рая,
 Памяти народной торжество.
 Перезвоны – это лики древних,
 У Распятья свет свечей и глаз.
 Слезы, вздохи возгласов напевных,
 И святых, молящихся за нас.
 Кто же вас, родные перезвоны,
 Кто ваш звонкий голос заглушил?
 Кто молитвы и глухие стоны
 Грозною пятою задушил?
 Кто разрушил сонмы колоколен,
 Чтобы звоны к небу не неслись?
 Наши храмы, вопия от боли,
 Руки к небу поднимают ввысь!
 Русь моя! Ты край долготерпенья,
 Ты воспрянешь от жестоких пут,
 Новые родятся поколения,
 Перезвоны снова запоют!
 Нелегки порою заблужденья,
 Ранят сердце острием секир.
 Перезвоны – символ возрожденья, –
 Пусть же потрясут они весь мир!
 Раздавайся, «Перезвонов» пенья,
 Красотой спасительной дыша!
 Тяжки покаяния ступени, –
 Но воскреснет русская душа!
 1990

В.В.Мирский

Книга памяти учителя и друга.

Владимир Мирский

**Посвящение
 Лирика**

А. Мисюрёв и С. Журавлёв у портрета В.В.Мирского.

Андрей Рублёв. Икона Троица. XV в.

А.И.Мисюрёв

(1936-2002)

ГРАФИК И ЖИВОПИСЕЦ

Александр Иванович Мисюрёв родился 29 июля 1936 года в деревне Троицкие Росляи Сосновского района Воронежской области, но Латвию всегда считал своей родной землёй. Он учился в Художественной школе им. Я.Розенталя. Окончив Полиграфический институт в Москве по отделению книжной графики, работал художником в рижских газетах («СМ» и др.), как иллюстратор сотрудничал с издательством «Лиесма». В 1967 году переехал в Киргизию, куда его пригласили на должность главного художника издательства «Киргизстан». Там он был принят в Союз художников, начались многочисленные творческие поездки по стране. Его работы выставлялись в Москве, Германии, Польше, он удостоивался звания лауреата международных конкурсов.

В художественную жизнь Латвии Мисюрёв вернулся в 1990-е годы - уверенно, мощно, стремительно - как зрелый, маститый художник. Выставки его полотен привлекли внимание публики и собратьев по художеству в галереях «РОЛ-Арт» во Дворце Петра, гостинице «Hotel de Roma», «Неллии». О нём сразу заговорили, появились публикации в прессе. Дружеские и творческие отношения вновь связали его с латышскими деятелями искусства, Мисюрёва стали приглашать на выставки - и как гостя, и как участника.

К тому времени у него было наработано столько, что с лихвой хватало на большие тематические экспозиции: «Индия», «Средняя Азия», «Русский Север», «Пушкиниана», «Старая Рига», «Латвия», «Портреты современников». В его пейзажах полнее всего отразилась душа художника, его широкая, пребывавшая в вечном поиске прекрасного натура, его духовность и стремление к истине, и собственно искусство живописца, тайна его творчества.

Посетителей выставок при акал живописно-монументальный стиль художника: всё было схвачено и подано крупным выразительным мазком, с настроением и влюблённостью в каждую деталь, предмет, пейзаж, в портретируемого человека. С таким духовным интересом он писал портреты юнги с «Авроры» К.Сирмайса, рыбаков на Соловецких островах, доктора филологии, поэта В.В.Мирского, проф. Е.Н.Рогова и многих других.

Художник гордился своей древней фамилией и не раз пояснял, что слово «мисюрка» связано со шлемом древнерусского воина, а «мисюрё» был оружейник, и его дальние предки, видимо, изготовляли доспехи для ратников. Говоря о начале войны, Александр Иванович вспоминал багровое пламя на горизонте,

гул артиллерийских выстрелов под Тамбовом, - там, западнее города, в разгар лета 1941 г. шла битва с врагом. Его отец ушёл на фронт, был офицером. После войны его направили учительствовать в Латвию. Работал он в Мазсалаце и где-то в Бауском районе. Тогда почти все учителя, работники школ были ветеранами прошедшей войны.

Поэт Сергей Журавлёв вспоминает: *«Во время работы над моим портретом художник проявился для меня ещё многими гранями - как очень хороший, добрый, справедливый человек, которому можно было полностью доверять. Сетую на повышение оплаты за мастерскую (за крохотную комнатушку как за 2-х комнатную квартиру), он хлебосольно угощал хлебом, печеньем или баранками крупную морскую чайку за окном, навещавшую его каждое утро, вспоминал выезды на этюды, минувшее, в беседе рождались интересные общие замыслы - о новых выставках, иллюстрациях к книгам рижских авторов, новых заказах (писал он тогда большое полотно с охотниками XVIII-XIX вв. для школы-интерната в бывшей усадьбе баронов Ливенов под Балдоне). Шла речь и о расширении круга портретируемых, в их число мы включили проф. Б.Ф.Инфантьева, отмечавшего 80-летие, композитора Ю. В. Глаголева и др. Говорили о Пушкине, Шаляпине, истории Латвии, балтов и славян. Однажды я пришёл на сеанс вместе со студенткой-этнологом из Варшавы Агатой Вежбицкой. Увлёкшись нашим разговором, художник отложил кисть, а потом сказал: „Мне всё это очень интересно, история этносов в Прибалтике: венды, руги, ране, пруссы, вагры, лютичи, барты, словене, кривичи, латгалы, жмудь, шелонь (сель), литва... Как всё причудливо переплелось! Как краски на палитре. Все племена родственны... И языки во многом сходны“.*

Вспоминаются наши неспешные прогулки по Риге. Восхищало меня то, что с Мисюрёвым можно было говорить обо всем, кончая мифологией, философией, политикой. Как истинный интеллигент он любил читать газеты. Журналы, книги, постоянно расширяя духовный кругозор, словно воплощая завет Н.К.Рериха».

Прочёл Александр Иванович воспоминания В.В.Мирского «Молитва матери», где многие страницы посвящены довоенной и военной Риге, и очень лестно о них отзывался. Читал он и мемуары бывшего рижанина художника Е.Е.Климова «Встречи в Петербурге, Риге, русском зарубежье». Друзья говорили, что

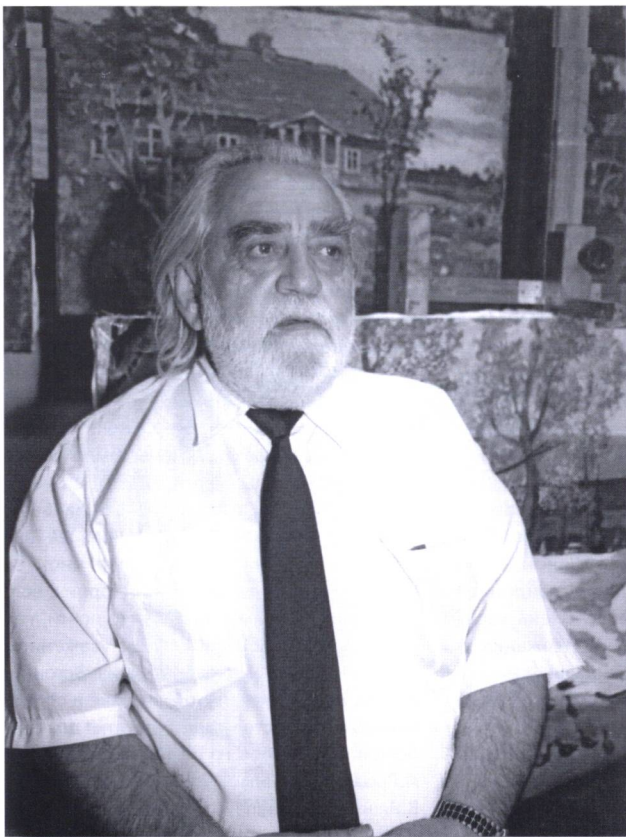
и ему надо писать книгу, тем более что он сам сможет её проиллюстрировать. Ведь Мисюрёв уже иллюстрировал произведения А.Пушкина, Ч.Айтматова и др. писателей. К началу 2002 г. была набрана книга лирических посвящений художнику «Волшебнику кисти», которую он успел увидеть на дисплее компьютера (книга была издана уже после кончины Александра Ивановича в начале февраля 2002 г., презентация и вечер памяти состоялись в «Неллии» 31 марта).

Художник собирал подборку отзывов о своих выставках, творчестве, вырезки из печати, хотел издать их вместе с мемуарами. Воспоминания было решено издавать отдельной книгой обычного, альбомного формата (она вышла весной того же 2002 г. под названием «С этюдником наедине», а в 2003 г. отдельным изданием «Моя Пушкиниана» - очерки художника о работе над этюдами пушкинского цикла). А.И.Мисюрёв, член Союза художников Латвии и Киргизии, лауреат международных конкурсов, почётный член РКЦ «Улей» мог бы служить, как и многие старые рижане, подлинным примером русского латвийца (и сам он себя считал таковым), т.к. всегда искренне интересовался латышской культурой, с детства владея латышским языком (его мать ещё в начале 2000-х гг. жила на хуторе около озера Буртниеку). Не уставал он интересоваться и культурами братских народов бывшего СССР, Европы, всего мира. «Я - реалист», - с гордостью говорил Мисюрёв.

С него самого можно было писать портрет русского богатыря, Ильи Муромца. По своей доброте, христианскому миролюбию он всегда защищал правое дело.

Для своих друзей и почитателей Мастер навсегда остался в рисунках, пейзажах, портретах и в своих талантливых рассказах и очерках. Работы Мисюрёва имеются в Третьяковской галерее, во многих других собраниях и частных коллекциях, по его словам, более чем в 150 странах.

В начале февраля 2002 г. знакомых Александра Ивановича облетела внезапная весть о его кончине: идя на выставку в «Неллии», он упал возле «стенки художников» на улице Калькю, попал в больницу в Гайльззерсе. Несмотря на диагноз: инсульт, он беседовал с посетителями, жил мыслью об искусстве, просил принести кисти и бумагу - и в больничной палате хотел творить. Умер он 7 февраля... Через два дня друзья проводили А.И.Мисюрёва в последний путь на Яунциемском кладбище. И у его свежей могилы звучало поэтическое слово...

Русская сказка.

Из цикла «Русский Север».

Тадж-Махал.

У Индийского океана.

Кижь.

Е.Н.Антимонова

(1945-2002)

«ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА», КОТОРЫЙ С НАМИ

Елена Николаевна Антимонова родилась 15 сентября 1945 года в Тбилиси, но по-настоящему своим родным городом считала Ригу: здесь она училась в школе, здесь в 1971 году окончила Латвийскую Академию художеств по классу живописи. Неоднократно участвовала во многих выставках, как в Риге, так за пределами Латвии: в Литве, Эстонии, Швейцарии, Финляндии, Японии, России, Германии, Дании, Франции. Изготовила около 300 экслибрисов. Заслуженно получала призы и награды. У неё был и свой круг почитателей.

Одно из самых её любимых направлений в искусстве - книжная графика. Елена Антимонова оформила и проиллюстрировала более 60 книг. В их числе: классика мировой литературы, сказки, сборники поэзии, миниатюрные книжечки латышских дайн, художественные альбомы. Многим запомнились такие издания: В.Шекспир «Ромео и Джульетта», В.Жуковский «Ундина», А.Фет «Избранное», Янис Райнис «Дедушка и яблонька», В.Гауф «Сказки», Шодерло де Лакло «Опасные связи», латышские озорные дайки «Родник любви». Елена Антимонова была профессионалом во многих жанрах и техниках, она демонстрировала виртуозную лёгкость рисунка и скрупулёзную выделку офортного листа; психологически верной настрой души и точность в портрете; витиеватую грациозность книжного знака, сентиментальность, буйство краски в акварелях и непринуждённость на графических листах к латышским дайнам.

Известный рижский библиофил Анатолий Ракитянский вспоминает: «В середине восьмидесятых книжный клуб любителей старой книги «Библиофил» получил от Елены подарок - симпатичного книголюбца-мудреца в виде приглашения, который целиком был выстроен и выписан из книг фолиантов. Любители-книжники сразу признали в художнике собрата-библиофила и приняли её в свои ряды. В июне 1998 года на выставке в магазине «Русская книга», где был представлен Пушкин в экслибрисе и миниатюрных книжных изданиях, посетителей было много, общения интересны, несколько из них весьма примечательны. Одно из них с Леной Антимоновой. Вроде бы простой разговор как-то перешёл в интересную беседу, длившуюся более двух часов. Говорили о книге, о современном книгоиздательстве и о насущных проблемах по этой теме. Беседа была примечательной ещё и тем, что однажды мы уже говорили об этом года три назад, а теперь этот разговор состоялся накануне выхода альбома «Елена Антимонова. Портрет художника».

Имя её как художника я услышал ещё в 60-е годы от И.Малера, замечательно знатока книги и настоящего поэта по образу мыслей и всему, что относится к искусству. Елена в 1967 году выполнила для И.Малера один из первых книжных знаков. Мы же с ним ходили на каждые отчётные студенческие выставки в Академию художеств, не пропускали ни одной выставки графики в Доме художника и, разумеется, бывали на всех выставках живописи в Художественном музее. Вторым этапом знакомства с Леной стала книга С.Рубинчика «Рукопись, найденная в саквоже», где её рисунки очень хорошо вписались в контекст содержания о поиске пропавшей библиотеки замечательного библиофила, коллекционера и писателя Сергея Рудольфовича Минцлова. Но более тесное знакомство произошло на встречах в середине 80-х, в клубе «Библиофил» и на ежегодных выставках графики. Так получилось, что однажды ещё, будучи школьником, мне повеселилось побывать в студии отца моей однокурсницы, и я увидел мир художника: рисунки, холсты, гравюры, художественные альбомы. Восхищению моему не было предела. И вот спустя много лет второй студией, где я побывал несколько раз, стала замечательная мастерская Лены. Потом я уже бывал в гостях и у других художников, но её мастерская была особенной. Под самой крышей полукруглое окно во всю фасадную сторону давало много света. Весь интерьер чем-то напоминал сцену театра и его подмостки. Есть эта мастерская в графических работах самого художника. Есть она и в многочисленных фотографиях известного мастера фото В.Михайловского. Лена гордилась своей мастерской, ей хорошо там работалось.

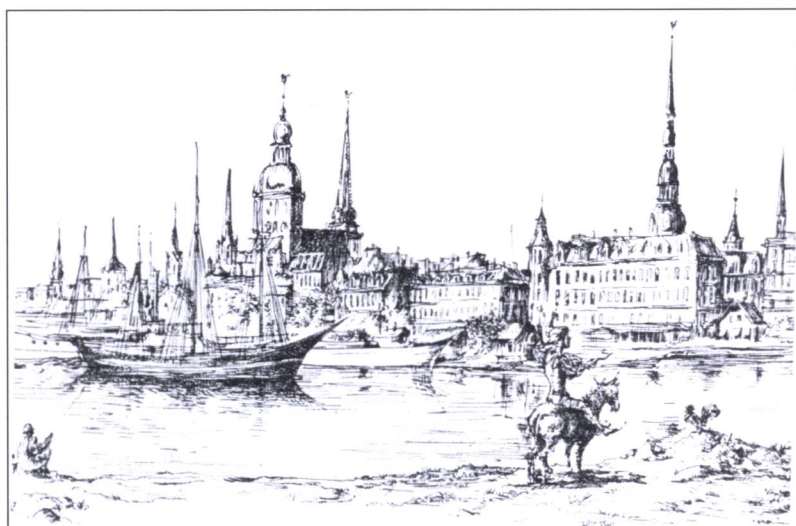
В середине 90-х именно в этой студии и состоялся разговор об издательских секретах. Лена, в долгой трёх-четырёх часовой беседе дотошно расспрашивала обо всех нюансах этого направления. Её интересовало буквально всё: от замысла книги и авторских прав на рукопись до всяческих мелочей кухни редакторско-издательской деятельности, а затем и о последовательности полиграфических процессов. В те дни, пожалуй, и родился у неё замысел об издании альбомов серии «Портрет художника», который она смогла реализовать гораздо позже. Тогда же стало понятно, что ей хотелось быть не только пассивным иллюстратором очередного издания, но самой участвовать в издании книги, и ещё быть автором, составителем, редактором и издателем. И ей это в полной мере удалось. Достаточно взглянуть на книжную полку, где рядом

стоят три альбома: два из серии «Портрет художника» - «Елена Антимонова», «Артур Никитин» и совершенно уникальный альбом к 800-летию Риги «Портрет Старого Города» в рисунках, графике, живописи различных художников. Были ещё и другие издания, посвящённые истории латышского экслибриса в XX веке.

Интересен факт: у Лены было много друзей и знакомых, но в жизни они часто не пересекались и даже не всегда были знакомы. И вдруг на теперешних её выставках обнаруживается тот или иной её знакомый, рассказывающий истории с волнующими деталями, такими же почти, как случались и с тобой. К Елене с уважением относились многие собратья из Эстонии, Литвы. На её журнальном столике в студии можно было часто увидеть десятка два альбомов и каталогов из соседних республик: Л.Лыхмуса, Р.Кальо, Э.Окаса из Эстонии; В.Якштаса. А.Чепанускаса, М.Люгайла из Литвы. Знала и ценила латышских корифеев графики Р.Зариньша, С.Видберга, Н.Пузыревского. Изучала творчество русско-латышско-немецкого художника Василия Масютина. Каждый год проходят выставки в Риге нашего замечательного художника Елены Антимоновой. Но что-то стало с нашим временем. Уже не одним годом оно определяет свой стремительный отсчёт, а скорее пятью, десятью годами.

Елена Антимонова ушла от нас 3 октября 2002 года, и прошло несколько лет, а нам всё кажется, что мы её встретим на каком-либо художественном вернисаже или увидим новые её работы на различных выставках, купим книгу с её иллюстрациями или встретим на очередном Конгрессе FISAE.

Уже несколько раз можно было слышать фразу среди людей, увлечённых графикой и экслибрисом, похожую на ту, которую однажды произнёс наш, также рано ушедший лидер, Вениамин Худоль: «...Мы помним тебя, Лена». Так было на очередном XXXI Международном Конгрессе экслибриса (FISAE) в швейцарском курортном городке Пионе, расположенном вблизи Женевы; так было в Вологде на Первом Всероссийском конгрессе экслибриса. Разумеется, и сама Елена участвовала во многих выставках, в Риге, Балтии и за рубежом. Не забывают её и в Москве. 27 апреля 2007 года, в Музее экслибриса прошла памятная выставка графики и экслибриса из собрания С.Вуля, а также из семьи художника и вашего автора. Можно было увидеть её работы и в августе 2008 года на 21-ой Московской международной книжной выставке-ярмарке в зале пресс-конференций. Жизнь художника в искусстве и памяти друзей продолжается!»

«Трубадур на осле». Иллюстрация к сборнику Я.Судрабална (Оливеретто).
Тушь, перо.

Крысолов из Гаммельна. Офорт.

«Опасные связи». Иллюстрация к роману Шодерло де Лакло. Тушь, перо.

«Аркадия», цикл. Компьютер.

В.Ю.Шувалова

(1956-2002)

ЖЕРТВЕННОСТЬ В ЕЁ ЖИВОПИСИ...

Утверждают, что для художника главное - совпасть со своим временем и успеть выразить своё к нему отношение. Валерия Юрьевна Шувалова успела. Но срок судьба ей отпустила слишком малый. От первой персональной выставки (1993) до «Выставки памяти» яркой и самобытной художницы - расстояние без малого в десять лет.

Родилась Валерия Шувалова в Лиепаяе 25 июня 1956 года. Латвийскую Государственную Академию закончила в 1985 году и уже со следующего года стала активной участницей местных и зарубежных выставок. Созданный в 1988-1991 годах «Чёрный цикл» («Агония») принёс ей громкий успех. Ранящие, обжигающие, смешивающие воедино человеческое и звериное - эти произведения как будто испытывали болевой порог зрителя и самого автора. Время «после оргии» - слом эпох и формаций, потеря традиционных ценностей и убеждений отразились в образах монструозных существ, уничтожающих друг друга. Выступающие из темноты фона, но принадлежащие ей фигуры, нередко, попросту в «воплях крови». Трагизм восприятия художницы проявлялся в романтическом гротеске: дьявольское - через эротизм. Это был радикальный, почти шоковый вариант фантастического искусства, выходящего за привычные пределы. Однако чернота отчаяния не стала для Валерии Шуваловой эксплуатируемой темой. Свой следующий цикл она назвала «Белым» - художница условно делила своё творчество по цветам. «Поиск выхода из этой духовной черноты привел к Богу, и в моих картинках стал доминировать белый - цвет чистоты духовной и физической». Именно это непреодолимое «стремление к гармонии и радостному чувству даёт жизнь фантастическим, идеальным, парящим над землёй образам, почти не связанным с реальным миром», - записывает художница. «Белый цикл» - посвящение свету и любви, любви божественной, всепоглощающей. И ещё белый - это готовность к очищению, попытка восстановить душевное равновесие. Хрупкие нежные существа: дети, женщины, зверьё, цветы и птицы в наполненном светом пульсирующем пространстве. Их несчетная красота обладает странной притягательностью. Они убедительны в своей духовной чистоте и начисто лишены бытовизма. Вообще в работах Валерии Шуваловой, вне зависимости от сюжета, обыденности нет. Арлекины с мудрыми глазами и портреты близких людей, даже натюрморты - это размышления автора, закан-

чивающиеся мечтой о гармонии. Именно мечтой, поскольку тревога, невидимая её тень - всегда рядом. И это ощущение заставляет искать глубинное содержание в её изысканно декоративных холстах.

Но если Валерия писала мадонн с младенцами (даже с себя) - писала всегда женщину-охранительницу, а детям всегда посылала вдогонку ангела-хранителя. Иногда усталого, едущего на конном полю мальчишкой. Думала о сыне. И в большом его портрете, попытавшись вместить туда весь его мир и населив его существами, служащими Богу и человеку (всё показанное, как в иконе, происходит одновременно), художница нашла место ангелу-хранителю на коне. Чтобы всегда успевал прийти на помощь.

Пусть так и будет...

В 2000 году Валерия Шувалова принимает участие в международном проекте «Генезис - 2000», целью которого была интерпретация книги Ветхого завета «Бытие». Вообще, очень многие произведения Валерии Шуваловой - от знаменитого «Дерева жизни» (1996) до в том же году законченного «Апокалипсиса» - в основе своей имеют тексты. Валерия была глубоко верующим человеком и в живописи своей стремилась к духовности. Её «Красный цикл», включающий триптих, посвящённый Христу, как бы объединяет всё её творчество в единое повествование: от самого низкого - к самому высокому, от греховности - к искуплению. Кстати, в своём понимании «красного» художница отталкивается от традиций икон. Форсированное звучание красного привносит динамику и напряжение, а голубоватый колорит для неё - не среда действия, а эмоциональная поддержка зрителя. Все эти полотна и праздничны, и жертвенны одновременно. В 2001 году Валерия Шувалова вступает в Союз художников Латвии. Сложный сплав актуальных для современности проблем с переработанными, субъективно пережитыми впечатлениями от русской иконы, филоновского мышления и при-

ёмов модерна обеспечивает интерес к её творчеству. И временная дистанция этому не помеха. Наоборот, вдумчивый зритель находит в произведениях ранее не выявленное - жертвенность. Успех ежегодно проходящих с 2002 года выставок тому доказательство (галереи «Аверс», «Неллия», «Анкол», «ВlArt»), хотя по скромности своей Валерия Шувалова считала, что образы её не столько новы, сколько просто наполнены «иным, глубинным содержанием».

Работы Валерии Шуваловой находятся в Художественном фонде Министерства Культуры России (Москва), Курской областной картинной галереи г.Балашихи, а также в коллекции Рижской галереи «Аверс».

Она ушла от нас 31 июля 2002 года...

Рига

Проснулась в тишине, но словно бы от крика:
- Проснись! - проснулся пульс,

снабжающий висок
сознанием бытия. Как я люблю, о Рига,
все острия твои, пронзившие восход.

Светает. Лгну к окну. Вид из окна обширен.
И видимость за мной следит через окно.
Шпиль готики суров. Он не простит ошибок.
Вдруг ошибиться мне сегодня суждено?

Шпиль-судия, прости! Что надобно собору
от бедственной души? Она пред ним чиста.
Но - на помост взойду и разминусь с собою,
греховно разомкнув для пения уста.

Безмолвно петь люблю, не услаждая слуха,
досужего иль нет - не ведаю. Но слух,
отверстый для стихов, не может знать досуга:
стихи внушают боль, какой уж там досуг.

Что я скажу ушам, что я очам открою,
забывши письма для трелей и рулад?
Пока уста твои не обгарились кровью,
труби, труби в свой рог, неистовый Роланд.

Пою - словно платок багряностью мараю.
Вот вся моя судьба, сокрытая от глаз.
Но я люблю тот миг, в который умираю:
я, умерев за вас, останусь жить для вас.

Какая в горле сухь, и мука, и прогорклость.
Как непреклонен шпиль в сияющем окне.
Отдайте горечь - мне. Себе возьмите голос,
любовь и жизнь мою - на память обо мне.

Белла Ахмадулина

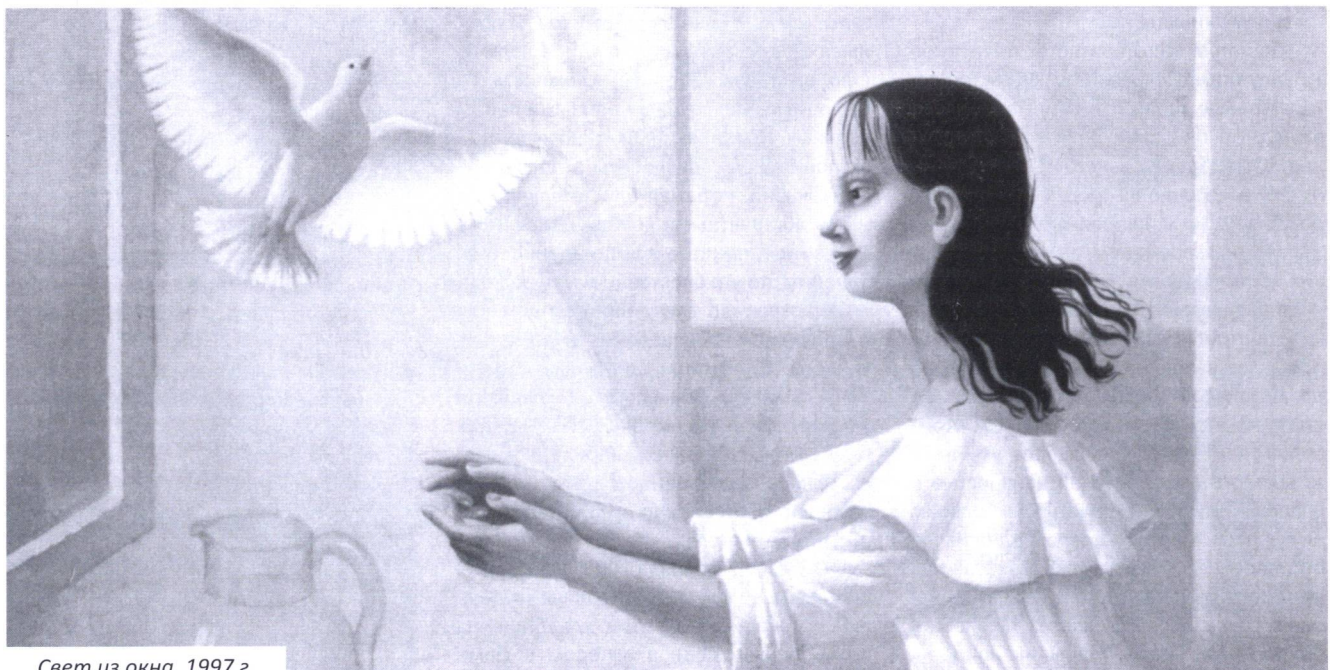

Автопортрет, 1983 г.

Натюрморт с корзиной и ромашками, 2002 г.

Трубящие ангелы, 1992 г.

Свет из окна, 1997 г.

Г.А.Шелковой

(1926-2005)

ХУДОЖНИК, МИРООЩУЩЕНИЯ ЛИЧНОСТИ САМОБЫТНОЙ...

Георгий Арсентьевич Шелковой был художником судьбы нелёгкой, таланта яркого, но долго и мучительно созревавшего. Родился он на Кубани в станице Гиагинской Краснодарского края 27 апреля 1926 года. Мальчишкой пережил страшный голод, погубивший всю его большую семью, а в семнадцать лет он уже шёл фронтowymi дорогами на Запад. После войны начал учиться в Батумской художественной студии, занимался музыкой. Желание получить серьёзное академическое образование в 1952 году привело в Ригу. С той поры вся его жизнь будет связана с Латвией.

Отделение живописи Латвийской Государственной Академии Художеств (руководитель диплома - Э.Калниньш) Георгий Шелковой закончил в 1961 году. Однако прежде чем его работы стали появляться на выставках, тридцатипятилетнему выпускнику, по его собственному выражению, пришлось « подождать себя » с десяток лет. Столь долгий период накопления закончился рождением образа « человека размышляющего », что сразу привлекло внимание критики. Первоначально эти портреты (« Наедине с собой ») были рисованными (уголь, сангина, пастель), очень изысканными и тонкими по исполнению и достаточно острыми по характеристике. Однако, со временем, художник всё чаще обращается к личному опыту зрителя, представляя на его суд образы часто непривычные и по-своему уникальные.

При этом в его портретах почти всегда отсутствуют сложные ракурсы, острохарактерные позы, открытый на зрителя взгляд. Но они становятся всё динамичнее, даже экспрессивнее. Не только сиюминутное состояние, подсмотренное художником, но и постоянные для модели, наложенные временем, порой даже жёсткие черты человеческого характера начинают проявляться в его работах. Именно в этих портретах наиболее остро решается проблема введения цвета, доходя порой до мозаичной красочности. Детские же портреты характеризуются полным отсутствием какой-либо слащавости, умильного восторга перед детской наивностью и очарованием. Его дети обладают своим внутренним миром (недаром одна из работ так и называется « Мир Анжелики »), мало того, они сосредоточенно перерабатывают чужой опыт, пытаясь примерить его на себя. Позже художник придёт к

живописи маслом. Именно тут проявится порой обескураживающая открытость, сочувствие и сострадание к человеку, а иногда и мучительный самоанализ. Именно здесь он позволяет себе « пройтись » по европейскому и мировому искусству: то в позах эпохи Возрождения, то в глубинах испанских фонов, то во врубелевском хаосе, то в индийских ритмах находит он лёгкую параллель. Судьба не баловала художника - за ошибки и прозрения приходилось расплачиваться жестокой ценой. Познание себя и стремление к духовности, боль и прощение, дарение и умение принимать дары становятся его темами не только в портретной и фигуративной живописи. Даже неодушевлённые предметы у Георгия Шелкового принимают на себя груз авторских размышлений. В его натюрмортах « мёртвая натура » становится проводником его личного отношения к миру и человеку, поражая своеобразием авторского космоса, мироощущением личности очень самобытной. Именно работы этого жанра были приобретены Художественным фондом республики. Есть произведения Георгия Шелкового и в собраниях Юрмальского музея, коллекциях Балтийской Международной Академии и Международной Высшей школы практической психологии. Кстати, сам художник работал преподавателем в разных учебных заведениях с 1961 по 1995 годы, да и позже не оставался без учеников.

В 1982 году Георгий Шелковой становится членом Союза Художников Латвии, имея за плечами уже солидное количество выставок. В общей сложности их было не менее сотни групповых и персональных. Но наиболее активно художник экспонировал свои работы в последние годы жизни, поражая блистательно точными абстрактными композициями. Всё пережитое, понятное и выстраданное, наконец-то, по его собственному определению, позволило ему добраться до себя, очистив свои произведения от всего случайного. Цвет, ритм, динамика построения сами по себе способны выразить многое, а каждая деталь в его работах символична. Художник верил: в жизни всё самое существенное всегда абстрагировано, а отсутствие предмета не есть отсутствие смысла.

Он умер 2 февраля 2005 года. В день прощания с ним светило солнце (художник погребён на Лесном кладбище на горке художников), а вечером в Доме

Черноголовых открывалась выставка, в центре которой на мольбертах стояли две большие абстрактные композиции Георгия Шелкового. Казалось, слова, записанные художником в его стихотворных размышлениях, - « ...временность жизни нашей - не пустое место » - материализовались в его работах.

Ночной дозор

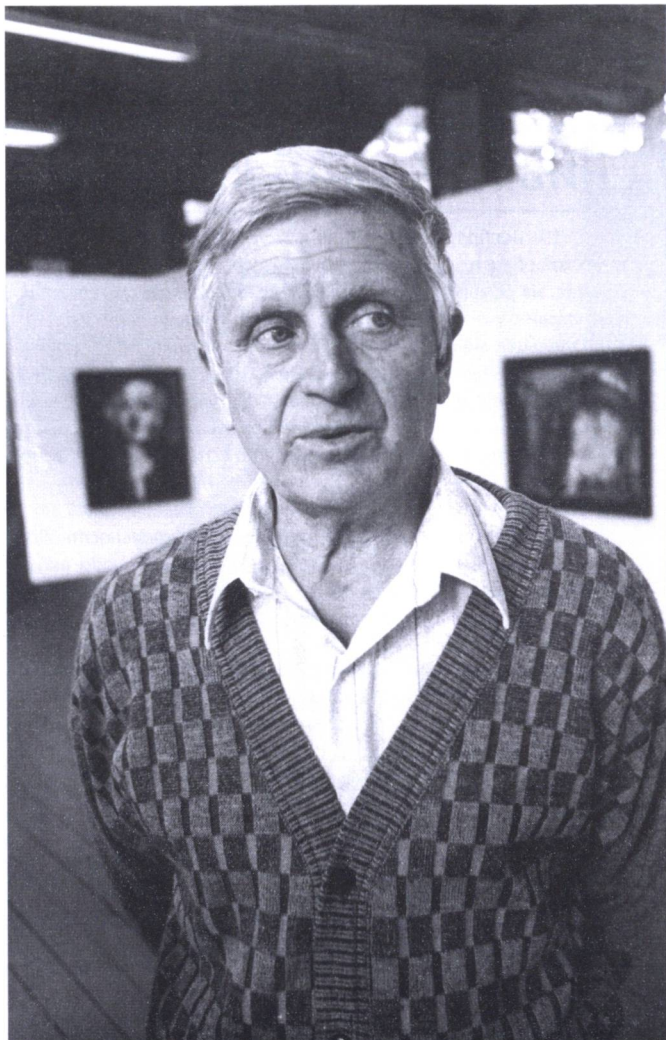
- Надевай-ка ботфорты -
пора нам, дружище, в дозор.
Уже ночь опустилась
на асфальт и булыжники улиц,
и пока не проступит
рижских башен и шпилей узор,
мы на страже с тобой,
чтобы в детство они не вернулись -
к тем игрушечным войнам
(как теперь они видятся нам),
когда латников строй
защищал эти камни и стены
и хлопки аркебузы
казались отважным сердцам
и ужасней, и громче,
и смертельней всего во вселенной.

Камни можно понять -
мы ведь тоже бежим иногда
от ночных празднословий,
от утренних дрязг и сомнений,
когда крепость сдаём
до того, как приходит беда
из-за страха пустого,
а чаще всего из-за лени.

Но за всей суетой,
за обманчивой дымкой забот
надо видеть с рассветом
горделивые древние шпили,
чтобы в общей беде,
коль до этого дело дойдёт,
мы с тобою не хуже,
чем деды и прадеды, были.

Так сожми алебарду,
нынче выдался трудный дозор -
слышишь, чьи-то шаги
в нескончаемой темени улиц?
Даже белый плюмаж
в эту ночь не увидишь в упор.
« Кто идет? » -
« Сторожа старой Риги вернулись! »

Владимир Шацков

Ю.И.Абызов

(1921-2006)

НЕУТОМИМЫЙ ТРУЖЕНИК НА НИВЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ещё совсем недавно в читальном зале Национальной библиотеки в Вецпиге на улице Екаба можно было увидеть необычного читателя, часами листающего тома периодических изданий 20-30-х годов и большую папку с бумагами, испещрёнными иероглифами бисерного почерка, разобрав которые мог только сам автор.

Юрий Иванович Абызов - заслуженный деятель культуры Латвии (1989), - многолетний член Союза писателей Латвии (1962), был одним из старейшин переводческого клана СП. Русский читатель познакомился в его переводах с классиками латышской литературы Янисом Райнисом, Андреем Упитисом, Рудолфом Блауманисом. Кроме того, из-под его редакторского пера также вышли десятки солидных изданий. Он же, много знающий краевед, замечательный библиограф и литературовед, знаток русского языка, тонко чувствующий поэзию и благодарный слушатель бардовской песни. Он же ценитель юмора и добрый собеседник. С ним было легко и очень трудно, так как своё ближайшее окружение не миловал, был строг и требователен.

В конце восьмидесятых писатель выступил составителем сборников «Слово в нашей речи», где публиковались актуальные материалы по языку. В одном из сборников, чувствуя приход новых времён, Ю.И.Абызов написал: *«Любовь к родному языку должна проявляться в заботе о том, чтобы он предстал перед другим народом не только в виде обиходной речи, но в состоянии собранности, подтянутости и всемогущества, гибким и находчивым».* Ю.И.Абызов также являлся многолетним сотрудником и членом редколлегии журнала «Даугава», на страницах которого он, одним из первых, публиковал материалы, посвящённые истории русской культуры в Прибалтике, также статьи о проблемах перевода и сами переводы.

За последние два десятка лет он проявил себя и как активный общественный деятель. В 1989 году он возглавил Латвийское общество русской культуры и на протяжении семнадцати лет был его активным и бесценным лидером. Тому прекрасное подтверждение в книге «Не стыдно и оглянуться...» (Латвийскому обществу русской культуры - 10. Выступления, Интервью. Статьи. Документы.), где в предисловии чётко обозначил наше филологское кредо: *«Поток истории каптается независимо, помимо нас, не медленно и не торпливо, а как ему положено. Но нам неуютно ощущать себя щепкой в этом потоке, нам хочется чувствовать себя на острове своего состояния, и мы выкраиваем из потока свои временные мерки».* Гордость ЛОРКа - уникальная библиотека, состав её - практически книжная коллекция Юрия Ивановича Абызова.

Юрий Иванович родился 19 ноября 1921 г. в поселке Реж Свердловской области. Отец, - Иван Фёдорович Абызов, из семьи уральско-заводского кузнеца, служил у богатых купцов Бахтияровых, владельцев нескольких торговых заведений. Мать - Антонина Ефимовна, урожденная Татарина, а её брат, Григорий Ефимович был известным в своё время горным инженером. Детство и юность Ю.И.Абызова проходит в городе Алапаевске. В 1940 г. поступает в Уральский университет. Началась война... Ушёл на фронт в начале 1942 года, воевал, был тяжело ранен и лет двадцать эти ранения не давали ему покоя. Но даже в эти трудные дни в его армейской походной сумке были книги Ломоносова, Лукреция, которые сохранились до сих пор. На одной из них (Лукреций «О природе вещей», М., 1933) он чуть позднее начертил: «Эта книга была со мной в военную пору - на фронте и в госпиталях. 1942 г., Ю.Абызов». После пребывания в нескольких госпиталях он возвращается в Свердловск; продолжает учёбу. Но уже в 1946 году переводится на филологический факультет Латвийского университета, параллельно с образовательным процессом пробует себя в качестве переводчика с английского, в частности, для этого он выбрал военные баллады Роберта Сервиса (Robert Service „The Complete Poems“, New York, 1940). После окончания университета в 1949 году преподаёт в Рижском педагогическом институте (1950-1953), который занимал тогда здание бывшей Ломоносовской гимназии. Не случайно у Юрия Ивановича возник интерес к истории Ломоносовской и других гимназий двадцатых-тридцатых годов. Здесь же он читает введение в литературоведение, фольклор и спецкурс по творчеству Владимира Маяковского, а в 1950 году назначается заместителем декана. Продолжает заниматься переводческой деятельностью (с латышского, позднее - польского, чешского, сербохорватского и английского языков); с 1952 г. работает редактором в Латгосиздате (1950—1954), в издательстве «Лиесма». В 60-е годы Ю.И.Абызов начинает собирать материалы, посвящённые истории русской культуры в Прибалтике.

Параллельно много времени проводит в библиотеках. Вот как он вспоминает об этом в одном из интервью: *«Когда я переехал в Ригу в 1946-м, я перевёлся просто из Свердловского университета в Рижский, влез в латышский язык. Книг 30 на полке переводов выстраивается. Вот переводимые книги и подсобный материал помогли мне выстроить социум, в котором обреталась местная эмиграция. Повсюду осколки этого разбитого мира валялись: журнал „Перезвоны“, журнал „Для вас“, стихи Александра Ли, романы Эдгара*

Уоллеса. Я начал составлять из этих обломков нечто целое. Но материалов было маловато. Но когда, благодаря переводам, я стал членом Союза писателей, это дало мне возможность проникнуть в закрома спецхрана. Потому что там надо было иметь справку от учреждения, которое за тебя ручается и обязательно указать тему, потому что если ты что-то запросишь не по теме, то тебе откажут. Я выбрал себе тему, как безразмерный носок - книгоиздательская деятельность Латвии в 20-30-е годы. То есть сюда можно было вклинить всё, что хочешь. Мне хотелось самому познакомиться и составить опись, что же было, какое русское печатное слово в Латвии в 20-30-е годы, как оно себя показало».

Так возникла рукопись в 2000 страниц, которую Ю.И.Абызов назвал: «Русское печатное слово в Латвии с 1917 по 1944 год». Рукопись уточнялась и совершенствовалась и была издана только много лет спустя в 4 томах, в 1991 году в Стэнфорде. Не менее уникальным было издание, подготовленное совместно с Лазарем Флейшманом и Борисом Равдиным «Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» (Stanford, 1997). Очень хорошие отзывы получили росписи газет «Сегодня» и «Слово» (Рига, 2001; 2003). Основательность, как черта характера, присущая Юрию Ивановичу, и глубина поиска по теме поставила его в ряд самых авторитетных исследователей русской культуры в странах Балтии. С ним советовались по тому или иному вопросу, как в России, так и на Западе. А ещё он был автором-составителем целого ряда уникальных изданий: двухтомника «От Лифляндии - к Латвии» (первый том вышел в Москве в 1993 г., второй - в Риге, в 1999 г.); сборника «Русский фольклор в Латвии. Частушки. Собрание И.Д.Фридриха» (2004); романа И.Сабуровой «Корабли старого города» (2005); сборника о студенческой корпорации «Рутения» (2005). А как результат дружбы с поэтом Д.Самойловым вышел сборник «В кругу себя» (Таллин, 2001). Он же инициатор и участник целого ряда научных конференций, близких по теме «Русские Прибалтики», которые, начиная с конца 1990-ых гг., проводились в Вильнюсе, Таллине и Риге. Ю.И.Абызов - идейный вдохновитель и соредатор 10 томов «Балтийского архива», подготовленного совместными усилиями культурологов и литературоведов трех стран Балтии.

Ю.И.Абызов ушёл от нас 20 июня 2006 г. Похоронен в Риге, на Втором Лесном кладбище. Спустил два месяца в Москве, в издательстве «Русский путь», вышел его историко-библиографический труд «А издавалось это в Риге» (2006), презентация которого состоялась в Москве и Риге уже без него.

Виды Риги, 60-е гг. XX века.

Кавалеры «ЗОЛОТОЙ ЗВЕЗДЫ»

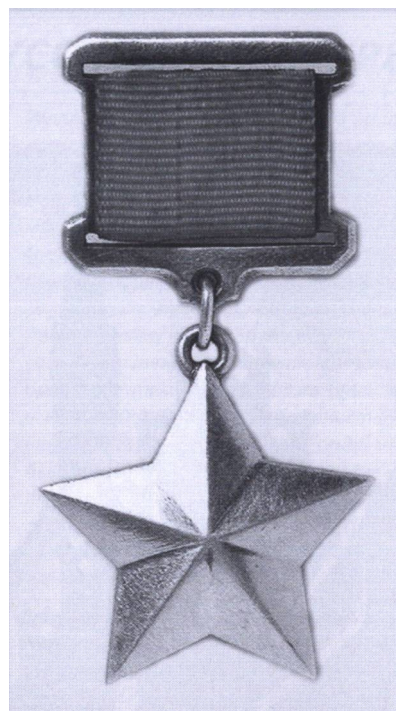
Высокое звание Героя Советского Союза было учреждено постановлением ЦИК СССР от 16 апреля 1934 года. Герой Советского Союза - высшая степень отличия за заслуги перед государством, связанные с совершением подвига. Одновременно с присвоением звания Героя вручались орден Ленина, медаль «Золотая Звезда», и выдавалась особая грамота Президиума Верховного Совета СССР.

Первыми Героями Советского Союза стали лётчики М.В.Водопьянов, И.В.Доронин, Н.П.Каманин, С.А.Леваневский, А.В.Ляпидевский, В.С.Молоков, М.Т.Слепнев, сумевшие в исключительно сложных полярных условиях спасти экипаж затонувшего во льдах парохода «Челюскин».

В годы Великой Отечественной войны звание Героя Советского Союза было присвоено 11 527 воинам, партизанам, подпольщикам.

Около 400 Героев Советского Союза участвовало в боях за освобождение Латвии от немецко-фашистских захватчиков. На территории Латвии захоронено 85 кавалеров «Золотой Звезды», отдавших свои жизни в боях с гитлеровцами.

Среди Героев Советского Союза было 28 сынов латвийской земли.

Игорь Евгеньевич Андзауров

подполковник

Родился в 1911 г. в Риге. В Красной Армии с 1933 г. Участник боёв во время Советско-финской войны.

В первые дни Великой Отечественной войны командовал 40-м Отдельным понтонно-мостовым батальоном. Наиболее яркой страницей в боевой биографии И.Андзаурова являются бои за Днепр, где он проявил себя талантливым командиром-понтонёром. Батальон под его командованием обеспечил чёткий маневр и образцовое управление переправочными средствами. И.Андзауров находился в те дни на самых трудных и опасных участках, показывая пример исключительной выдержки, мужества и отваги, за что был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В 1944-1945 гг. он командовал 8-м Отдельным тяжёлым понтонно-мостовым полком, который в составе войск 2-го Украинского фронта форсировал реки Тиссу, Дунай (у Будапешта), Грон, Нитру, Ваг и Мораву. Конец войны застал героя в Праге. В 1945 г. И.Андзауров принимал участие в боях против Японии. Он был награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды и несколькими медалями.

Пётр Петрович Грецкий

ПОЛКОВНИК

Родился в 1904 г. в Двинском уезде в семье рабочего. В 1926 г. начал службу в рядах Красной Армии.

В боях против гитлеровских захватчиков участвовал с первого и до последнего дня Великой Отечественной войны. Командиром 5-го Отдельного гвардейского тяжёлого танкового полка прорыва принимал участие в битве на Волге. При штурме гор. Запорожье был ранен, на Днепропетровском плацдарме - контужен. В феврале 1944 г. вновь получил ранение при прорыве сильно укреплённой обороны противника в районе Могилы-Орлова, а в августе 1944 г. был вторично контужен на Дубосарском плацдарме.

За успешные боевые действия по прорыву обороны врага на Сталинградском фронте П.Грецкий был награждён орденом Красного Знамени. Второй орден Красного Знамени он получил за прорыв обороны противника в районе пос. Каменка. За героизм, проявленный в боях у гор. Могилы-Орлова и при освобождении Правобережной Украины, П.Грецкому присвоено звание Героя Советского Союза. За участие в Яссо-Кишинёвской операции он награждён третьим орденом Красного Знамени. П.Грецкий участвовал в освобождении Румынии и Болгарии.

П.Грецкий также награждён двумя орденами Ленина и орденом Красной Звезды.

Александр Антонович Добкевич

ПОЛКОВНИК

Родился в 1909 г. в Двинске (Даугавпилс). Во время Великой Отечественной войны был военным лётчиком. За период с 26 июня 1941 г. по 1 января 1943 г. на самолете «У-2» 1087 раз пересекал линию фронта, доставляя партизанам боеприпасы, медикаменты, консервированную кровь. Командовал эскадрильей в 61-м Краснознамённом штурмовом авиационном полку. В 1943 г. А.Добкевич совершил 67 успешных боевых вылетов на самолете «Ил-2». Участвовал в форсировании Днепра и освобождении Киева. За героизм в боях с противником А.Добкевичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Он награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, а также несколькими медалями.

Николай Григорьевич Душак

генерал-майор танковых войск

Родился в 1907 г. в Риге в семье помощника машиниста. В 1928 г. добровольно вступил в ряды Красной Армии.

В период Великой Отечественной войны сражался на различных фронтах, командовал Гвардейской танковой бригадой 1-го Украинского фронта и другими соединениями. Гвардейская танковая бригада полковника Н.Душака громила фашистов под Жешувом, Дембицей, участвовала в боях за освобождение Кракова и Катовице. Танкисты Н.Душака совместно с другими советскими войсками и с чехословацким корпусом Людвика Свободы, пройдя с боями за пять дней около 100 км, соединились на территории Словакии со словацкими повстанцами. На последнем этапе войны танковая бригада Н.Душака освобождала города Пирну, Усти на р. Лабе, Прагу. За героизм, проявленный в боях за Краков, Катовице, Бреслау и Дрезден, Н.Душаку было присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны генерал Н.Душак командовал механизированной тяжёлой танковой дивизией и мотострелковой дивизией.

За боевые заслуги он награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени, орденом Кутузова II степени и многими медалями.

Пётр Иванович Зубов

генерал-лейтенант

Родился в 1901 г. в Элейской волости в семье крестьянина. В годы гражданской войны воевал на Северо-Западном, Западном и Южном фронтах. Участвовал в подавлении эсеровского мятежа, в ликвидации банд Махно и др.

Великая Отечественная война застала П.Зубова в Бессарабии, где он командовал кавалерийским полком. В 1942 г. П.Зубов был заместителем командира 2-й гвардейской кавалерийской дивизии на Южном фронте, а летом 1943 г. - командиром 13-й гвардейской кавалерийской дивизии. В составе войск 1-го Украинского фронта 322-я стрелковая Краснознамённая Житомирская дивизия под командованием П.Зубова освобождала города Львов, Тернополь, Злочев, крепость Перемышль. П.Зубов воевал под Дембицей и Краковом, принимал участие в форсировании Одера и прорыве укреплённой полосы Опава, освобождал Прагу.

За умелое руководство боями и личный героизм П.Зубову было присвоено звание Героя Советского Союза. Он награждён десятью орденами и медалями СССР, а также орденом Польской Народной Республики - Крестом Грюнвальда III степени.

После войны П.Зубов продолжал службу в армии на различных командных должностях. Был заместителем командующего войсками Белорусского военного округа и начальником гарнизона гор. Минска.

Сергей Иванович Иванов

майор

Родился в 1905 г. в Риге. В годы Великой Отечественной войны С.Иванов командовал батальоном в 70-й стрелковой дивизии. В 1944 г. в составе 43-й армии участвовал в боях за освобождение Латвии, затем сражался с врагом в Восточной Пруссии.

Стрелковый батальон С.Иванова неоднократно превосходящие по численности и количеству боевой техники силы противника. За время боев на Земландском полуострове бойцы майора Иванова взяли в плен 2700 гитлеровских солдат и офицеров, захватили в качестве трофеев 1739 автомашин и 56 орудий. Сам С.Иванов был дважды ранен, но не оставил поле боя и продолжал командовать батальоном.

За героизм, проявленный в боях при освобождении Латвии и на полях сражений в Восточной Пруссии, С.Иванову было присвоено звание Героя Советского Союза. За ратные подвиги он награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени и медалями.

Василий Иванович Клевцов

генерал-майор авиации

Родился в 1909 г. в Риге в семье рабочего. Добровольно вступил в Красную Армию в 1928 г. В 1938 в звании подполковника В.Клевцов получил назначение на должность инспектора Главной лётной инспекции при Управлении Военно-Воздушных Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В 1939 г. участвовал в боях во время Советско-финской войны. За отличное выполнение боевых заданий и героизм В.Клевцову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В начале Великой Отечественной войны был заместителем командира 41-й дивизии истребительной авиации, а в сентябре 1941 г. командовал авиационной дивизией на Брянском фронте. Воевал на Центральном, Воронежском, 3-м Украинском фронтах. В 1942 г. его назначают командиром бомбардировочной авиадивизии. За мужество и героизм, проявленные на полях сражений Великой Отечественной войны, В.Клевцов награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени и орденом Красной Звезды.

В 1946-1956 гг. В.Клевцов работал начальником отдела штаба Военно-Воздушных Сил.

Антон Иванович Слиц

генерал-майор

Родился в 1894 г. в Двинском уезде в семье железнодорожного рабочего. Добровольно вступил в Красную Армию в 1919 г. Участник Гражданской войны.

Во время Великой Отечественной войны командовал различными частями и соединениями. В январе 1944 г. был назначен командиром 42-й Смоленской ордена Кутузова дивизии, которая с 23 по 30 июня 1944 г. прошла в наступательных боях свыше 100 км, имея незначительные потери в живой силе и боевой технике, форсировала реки Бася, Днепр, Друть, захватила плацдармы и обеспечила успешное развитие наступления. За это время дивизия освободила более 300 населённых пунктов, уничтожила 19 танков, 31 орудие, 119 автомашин, 1837 солдат и офицеров противника и захватила в качестве трофеев 7 танков, 23 орудия, 247 автомашин, 17 складов с различным военным имуществом. 109 солдат и офицеров противника было взято в плен. Дивизия первой из частей 49-й армии форсировала Днепр. За героизм, проявленный во время этой операции, А.Слицу было присвоено звание Героя Советского Союза. Он награждён орденом Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденом Красной Звезды и несколькими медалями. А.Слиц умер в июле 1945 г., похоронен в Москве.

Пётр Степанович Труханов

старший сержант

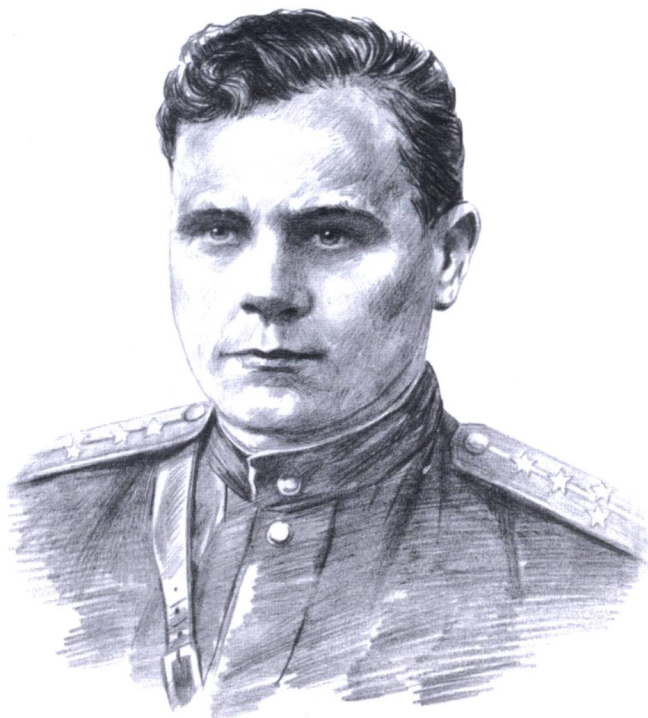

Родился в 1910 г. в Риге в семье рабочего. В Красной Армии с 1932 г. В ходе летнего наступления советских войск (операция «Багратион», 23.06-29.08 1944 г.) подразделение пулемётчика Петра Труханова форсировало Днепр за сутки до начала общей переправы. Солдаты вели неравный бой, удерживая захваченный плацдарм. Когда началась переправа основных сил, раненый П.Труханов оставался последним бойцом своей практически уничтоженной роты. Неожиданно открыл огонь затаившийся до поры немецкий дзот. Под вражеским огнём советские солдаты несли потери, наступление захлебнулось. Тогда, не имея боеприпасов, истекающий кровью П.Труханов закрыл своим телом вражескую амбразуру...

После боя товарищи нашли его, лежащим без сознания, возле дзота. Он ещё дышал. Каким-то чудом Пётр Степанович выжил. За совершённый подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны он проживал в городе Орле. Умер в 1992 году.

Михаил Иванович Орлов

капитан

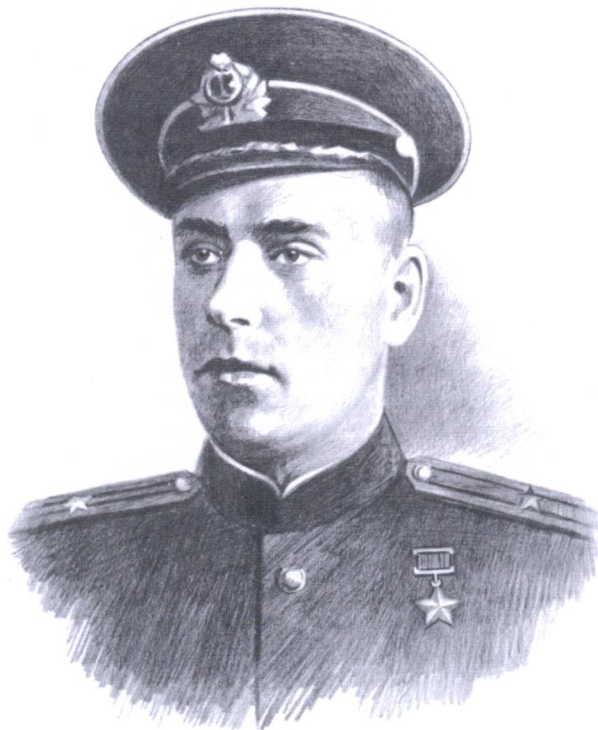

Родился в 1918 г. в Карсавской волости. В Красной Армии с 1940 г. В годы Великой Отечественной войны в рядах 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизии сражался с гитлеровскими захватчиками под Москвой, Старой Руссой, у ст. Насва, участвовал в боях за освобождение Латвии.

2 августа 1944 г. рота под командованием М. Орлова, успешно контратаковав две роты противника в районе дер. Стеки, обеспечила продвижение 125-му гвардейскому стрелковому полку. 3 августа бойцы роты М. Орлова проникли в тыл врага у ст. Межаре, перерезали железную дорогу Рига-Москва и, отбивая яростные контратаки противника, упорно удерживали занятый рубеж. Рота попала в окружение. М. Орлов был тяжело ранен, но продолжал исполнять обязанности командира, проявляя большое мужество и вдохновляя бойцов личным примером. Прорывая кольцо вражеского окружения, гвардейцы понесли значительные потери. Когда силы подкрепления пробились к оставшимся в живых солдатам роты М. Орлова, он, истекая кровью, успел передать свой участок обороны командиру батальона и скончался на руках боевых товарищей. М. Орлову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. За боевые заслуги он награждён орденом Ленина и орденом Красного Знамени. М. Орлов похоронен на Межарском кладбище.

Сергей Александрович Осипов

контр-адмирал

Родился в 1912 г. в Риге в семье рабочего. В 1937 г. был участником национально-революционной войны испанского народа против фашизма. За боевые подвиги, совершённые в Испании, награждён орденом Красного Знамени.

В начале Великой Отечественной войны С. Осипов командовал в Либапе отрядом торпедных катеров Балтийского флота. Он в числе последних защитников оставил город в июле 1941 г., а в мае 1945 г. одним из первых вошёл с десантом в Либапу. В годы войны моряки С. Осипова отважно сражались с противником в Балтийском море, Рижском заливе, у берегов Эстонии и в Финском заливе, совершая дерзкие маневры и смелые нападения на врага, за что С. Осипову было присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны С. Осипов командовал военно-морской базой. Окончил Военно-Морскую академию и с 1949 по 1956 г. был командиром соединения торпедных катеров, а в 1956-1968 гг. - начальником факультета в Ленинградской Военно-Морской академии.

Он награждён двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Ушакова II степени, орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды и несколькими медалями.

Арсений Павлович Чурилин

подполковник

Родился в 1909 г. в Риге в семье служащего. В период Великой Отечественной войны сражался на различных фронтах - был лётчиком, командиром экипажа корабля, заместителем командира эскадрильи. За годы войны совершил 136 ночных вылетов на самолете «ПЕ-2», выполнил специальное задание по выброске десанта и груза на территории Венгрии. Мастерски бомбил железнодорожные узлы, военно-промышленные объекты, боевую технику и живую силу противника под Орлом и Курском, воевал на Ленинградском фронте, участвовал в прорыве блокады Ленинграда. В общей сложности А.Чурилин налетал на различных типах самолётов 836 часов днём и более 658 часов ночью. За многократно проявленное в боях мужество, отвагу и героизм ему было присвоено звание Героя Советского Союза. А.Чурилин награждён двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени и медалями.

Николай Иванович Юнкеров

капитан

Родился в 1918 г. в Аугшпилсском уезде. В 1940 г. стал офицером Латвийского территориального корпуса Красной Армии.

Во время Великой Отечественной войны Н.Юнкеров командовал батальоном в 167-й стрелковой дивизии. Участвовал в боях за освобождение города Ромны. Бойцы батальона Н.Юнкерова, овладев пунктом Тарасовка, успешно форсировали Десну. Н.Юнкеров умело организовал переброску батальона на правый берег Днепра в районе Вышгорода. Принимал участие в прорыве сильно укреплённой обороны противника на пригородных высотах Киева. Его батальон уничтожил здесь до двух рот пехоты противника, захватил 18 пленных, 2 пушки, 22 винтовки, 20 минометов и много другого военного имущества. Н.Юнкеров погиб смертью храбрых в боях за Киев. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Награждён орденом Ленина. Похоронен в Киеве на Лукьяновском кладбище.

Латыши - Герои Советского Союза

генерал-полковник
Берзарин Николай
Эрастович

полковник
Берзинь Ян
Андреевич

майор
Блау Александр
Александрович

майор
Вилхелмс Ян
Волдемарович

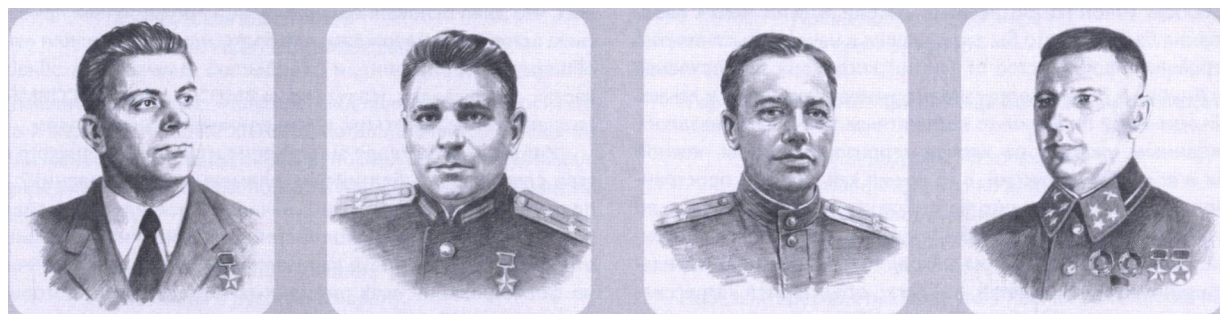

лейтенант
Крумь Иван
Андреевич

старший лейтенант
Груздынь Александр
Иванович

политрук
Витынь Владимир
Карпович

*один из организаторов
партизанского движения*
Ошкалн Отомар Петрович

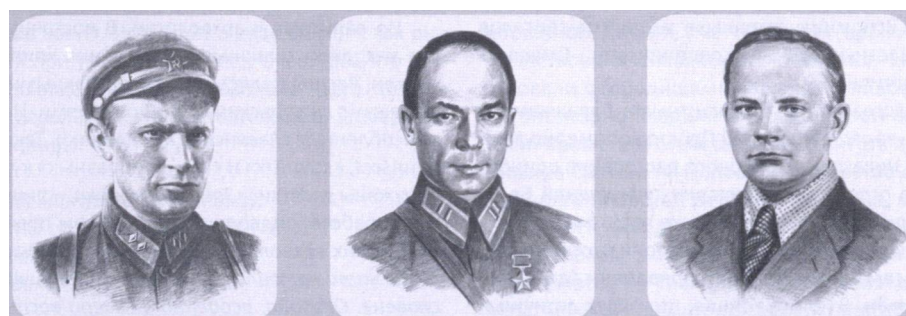

*командир партизанской
бригады*
Самсон Вилис Петрович

гвардии полковник
Пуринь Павел
Павлович

гвардии подполковник
Райнберг Ян
Людвигович

генерал-лейтенант
Пумпур Пётр
Иванович

генерал-майор
Фогель Ян Янович

полковник
Арман Поль
(Тилтынь Петерис-Пауль
Матисович)

*один из руководителей
антифашистского
подполья в Риге*
Судмалис Имант Янович

ПУСТЬ НИКТО НЕ БУДЕТ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

Краткая история латвийских русских

*Как мне же не заступиться за родных своих,
За родных собратьев, сердцу близких?..
За своих собратьев, за весь белый свет?..
Древнерусская былина*

Изначалие

Как известно, некоторые латвийские историки, в угоду сомнительным политическим интересам, базируют свои тезисы на том основании, что «земля латышей» испокон века заселялась исключительно балтами и финно-уграми, а «русские оккупанты» есть пришлый элемент, насильно завезённый сюда в годы беспощадного советского тоталитаризма. В школьных учебниках рассказывается о том, как в древности «русские феодалы пытались подчинить прибалтийские земли». Жуткое дело: «*Боевые дружины русских князей вторгались в латгальские, ливские и эстонские земли, грабили и разоряли их, уводили жителей в плен*» (И.Кениньш. «История Латвии», стр. 46).

Наполняешься благородным негодованием, читая как «латгалы и ливы были вынуждены платить завоевателям дань». Вот оно, вековое противостояние! Вот он, исконный враг востока, от которого ещё в древности вдоволь пострадали предки мирных латышей! Разжигая межнациональную рознь ссылками на «преданья старины глубокой», эти горе-историки совершают преступление не только против совести, но и против бедной музы Клио, покровительницы исторической науки. В конечном счёте, эти деятели просто обедняют историю латышского народа, низводя всё многоцветье красок и полутонов к примитивному противопоставлению чёрного и белого. Запомним же главное: не было в древности никакого глобального балто-славянского противостояния, как не существует сегодня причин противостоять друг другу русским и латышам. И доказывают это две серьёзные науки: филология и археология.

В любом учебнике по истории Латвии можно найти карту расселения балтов, будто бы занимавших в начале I тысячелетия н.э. огромное пространство от Балтийского моря до верховьев Волги, Днепра и Дона. И вдруг это огромное племенное и языковое объединение по каким-то непонятным причинам оказалось вынужденным ужаться на клочке территории Литвы, южной Латвии и восточной Пруссии, в то время как великое пространство вокруг этого небольшого балтийского пятка оказалась во власти славян, пришедших якобы откуда-то из Карпат. Преисполненные русофобии «историки» находят этому факту убедительное объяснение. Оказывается, всё легко объясняется «агрессивностью славян и миролюбием балтов!» Традиционно жестокие славяне обижали бедных балтов... Особенно свирепых куршей, которые своими набегами навели ужас на датских и шведских викингов. Датчане даже молились в церквях: «Боже, спаси нас от куршей!» (исторический факт). Или же воинственные пруссы, ну такие беззащитные... Вспомним «мирных» жемайтов-земгалов (не раз громивших железную конницу крестоносцев)... Смешно? Получается как-то нелогично.

Ведь не были никогда балты беззащитными барашками и всегда умели постоять за свои интересы! Просто непомерно лжива та карта и не было никакого «сплошного расселения единого балтского народа» по огромной территории теперешней Белоруссии, России и северной Украины. Но что же тогда было?

С какого времени следует вести отсчёт истории русских в Латвии? Полагаем, что с самых первых дней появления здесь восточнославянских племён. В конце концов, это будет логично и справедливо. Если, например, курши и земгалы считаются предками современных латышей, то почему бы не признать предками русских древних славян кривичей, тем более, что *krievs* по-латышски и означает РУССКИЙ!

Мало кто, кроме специалистов, знает о том, что ещё в советские годы на территории восточной Латвии были обнаружены материальные следы проживания в наших краях т.н. «протославян», относящиеся ещё к началу I тысячелетия нашей эры. Это

очень архаичная эпоха. Настолько древняя, что языковое и племенное единство балто-славян в то время ещё было памятно, и только складывались два народа-племени. Появляются лишь некоторые незначительные отличия. Поэтому в науке именуют их предельно корректно: «протославяне» и «протобалты». В истории эта эпоха называется Великим переселением народов. Обнаруженные латвийскими археологами протославяне, соседствуя с финно-уграми и протобалтами, жили здесь ещё задолго до того, как основная славянская масса двинулась к Дунаю. Но их потомки продолжали жить на земле Балтии ещё не одну сотню лет!

Какую бы группу индоевропейских языков мы не взяли: романскую и германскую, армянскую и греческую, санскрит и авесту (самый старый индоиранский язык) - и лексика, и морфология каждого из них будет существенно отличаться. У балтийских и славянских языков отличия почти отсутствуют. Вот лишь некоторые примеры общих слов, дошедших до нас из глубины веков: «изба» произошло от старославянского «истьба» (латышская «istaba»); латышское «bite» родная сестра русской «пчеле», от старославянского «бъчела»; «птица» в древности звучала совсем как латышская «putns» - «птыца»; «es esmu» - «аз емь»; «tu esi» - «ты есть». Список таких сочетаний можно продолжать очень долго. Лингвисты подсчитали, что славян и балтов роднят 1600 общих корней и масса единых древних слов. Интересно, что 112 слов известны только в русском и латышском языках (грудь - *kruts*, заяц - *zakis*, нож - *nazis*, рука - *roka* и т.д.). По утверждению профессора Я.Эндзелина балтийские и славянские языки ближе друг к другу, чем любые другие индоевропейские! Доказано, что когда-то существовало балто-славянское языковое единство, и ещё тысячу лет назад славяне и балты могли разговаривать друг с другом без переводчика. И жили они по соседству, «чересполосицей», когда мирно, а когда враждя. Именно этим и объясняется наличие предметов балтской культуры в самых отдалённых местах, что дало основание национально продвинутым прибалтийским историкам утверждать, что балты некогда населяли «весьма обширные территории», и с гордостью отмечать эти области на картах. Да, населяли. Но только не ВМЕСТО славян, а СОВМЕСТНО со славянами. С братским, почти единокровным народом.

Когда же произошло вычленение из балтославянского единства славянских и балтийских племенных образований? Археологи утверждают, что уже в начале I тысячелетия появляются различия в области народностей (понятие «национальность» относится только к эпохе капитализма, не раньше). Окончательное формирование всех племенных объединений, которые исчисляются в «Повести временных лет», завершилось к V веку. Но даже после возникновения этих племенных образований продолжался весьма активный обмен бытовыми, общественными и культурными ценностями, начиная от глиняных горшков и заканчивая невестами.

Но вернёмся к археологии. В восточной Латвии уже много раз находили типичные захоронения кривичей и новгородских словен. Располагались они как отдельными группами, так и перемежку с латгальскими захоронениями. Имеются и единичные, обособленные славянские могильники. Таких «длинных», «удлинённых», «круглых» и «конусообразных» курганов в Латгалии обнаружены десятки. «*Эти памятники*, - пишет историк В.Уртанс в своей работе, подводящей итоги всем прежним исследованиям латышских археологов, - *обычно этнически смешаны, так как здесь жили латгалы, финно-угры, кривичи, даже новгородские словене. Отсюда, особенно в северо-восточной Латвии, большое разнообразие в типах могильников*». К примеру, в Каталаве вскрыто 16 трупосожжений и лепная керамика. Подобная керамика известна из памятников днепро-двинской культуры. В деревне Латышонки найдены трупосожжения X века н.э. с вещами латгалов и кривичей.

В погребальном обряде, в могильном инвентаре латгалов и славян-кривичей наблюдается взаимное влияние. Следы восточно-балтийского погребального обряда отмечены в курганах

древней Руси. С конца X века в захоронениях часто встречаются женщины-славянки, жены латгалов. Славянские курганные могильники на территории восточной Латвии имеют много общего с курганами восточной Эстонии, Псковщины и Полотчины. Но, самое главное! Славянские поселения, как отмечает В.Уртанс, до сих пор не исследованы, хотя городищ, предположительно славянских, очень много в юго-восточной Латгалии. Кроме того, антропологический материал указывает также на «некоторую примесь славян». Вряд ли всех этих славянских городищ когда-либо коснётся лопата латвийского археолога. Слишком не стыкуется наличие славянского автохтонного (т.е. «коренного», с начала I тысячелетия н.э.), населения Латвии, с тезисом о «земле латышей». Впрочем, некоторые лукавые изыскатели находят выход и из этой скользкой ситуации, отмечая на территории древней Латгалии любопытную этническую диковину, т.н. «латышей-кривичей».

О многих сторонах жизни в те стародавние годы мы можем судить по латышским дайнам (здесь и далее пер. Б.Ф.Инфантьева), многие из которых имеют весьма древнее происхождение. Например, поговорим о превратностях любви.

*К русским ходил, к литовцам ходил
Невест искать.
Из-за меня в Видземе
Девичья матушка померла.*

«Видземе» в этой песне, конечно, более поздняя вставка. «Девичья матушка» умирает, должно быть, с горя или из зависти: парень ищет себе невест не в Видземе, а на чужбине; её же дочки остаются незамужними.

К этому же, наиболее древнему, слою можно отнести и следующую песню:

*Меня матушка поднимала молотъ,
Я точу сабельку.
Мне русская хлеб печёт
Просеивая через волосяное сито.*

Упомянутое в песне «точение сабельки» явно относит эту песню к эпохе не позднее XIV века, когда латыши были ещё более или менее свободными людьми, носили оружие, принимали активное участие в военных походах. А вот «русский» увозит латышскую девушку:

*Русский, русский, чужанин,
Увёз меня в русскую сторону.
Высокие кони, низкие ворота,
Сорвут мой венок.*

Срывание веночка - символ лишения невинности, свидетельствует о древнем происхождении песенного сюжета. О том же говорят и «высокие кони». Речь идёт о езде верхом, как оно и бывало в древности при умыкании невест. Очевидно, что русские являлись для похищения невест довольно часто. Не зря латышский паренёк использует это обстоятельство, уговаривая мамашу своей избранницы:

*Отдай, матушка, мне девицу,
Куда ты её денешь, не отдав мне?
Придут русские, увезут.
Не будет ни тебе, ни мне.*

Увезённая на Русь латышская девушка приносит с собой, посещая родной дом, предметы русского быта:

*Прискакали русские кони,
Зазвенели русские бубенцы;
Может, приехала наша сестрица,
Которая живёт в Русской земле.*

Конечно, мы далеки от того, чтобы видеть в совместном проживании балтских и славянских племён лишь идиллическое дружное сосуществование. Жизнь есть жизнь, и обнаруженные при раскопках древних поселений пепелища свидетельствуют о конфликтах, завершившихся грабежом и сожжением городищ, о чём говорят и латышские народные песни. Правда, в этой ситуации крайне сложно рассуждать о причинах этих ссор. В конце концов мы помним из средневековых хроник и о набегах литвинских всадников, и о визитах суровых эстов. Да и ливы с латгалами не оставались в долгу у соседей.

*Сине-зелёный свет забрежжил,
Красным взошло солнце!
Иль то мои братики
Русскую землю палили?*

В многочисленных вариантах этой песни рассказывается, что лихие «братики» жгут не только замки, но всю русскую землю. Особенно примечателен один вариант, где они опустошают Русь, желая раздобыть русские деньги, русских гнедых жеребцов, длинные (долгополье) русские шубы, а также русские куньи шапочки. Правда, латышские парни занимались опустошением русских земель и в XIII-XIV веках, уже под руководством немецких рыцарей. Но тогда всё награбленное добро доставалось тевтонам, по крайней мере, львиная его доля. Очевидно, что песни, в которых говорится о том, что добыча остаётся в руках «братиков», следует отнести к доливонскому времени. Вообще, военные действия в русской земле, оружие, кони, могилы «братиков» на чужбине упоминаются во многих песнях.

Весьма любопытны песни, в которых раздаётся призыв латышей к русским прийти на помощь против иных иноплеменных врагов, прежде всего, зловердных литвинов.

*Русские, русские, где вы были,
Литовцы пришли на эту землю!
Прикатились через море (?)
Как красное сукно.*

В другой песне этот призыв ещё более конкретизируется:

*Русские, русские, чего ждёте,
Литовцы пришли на эту землю!
Точите шпоры, обувайтесь,
Седлайте жеребчиков.*

Небезынтересно отметить, что в песнях этого цикла названы совместные боевые действия латышей и русских только против литвинов. Эсты, ливы и пруссы как противники латышей в песнях не зафиксированы ни в одном варианте.

Итак, мы убедились, что из неких политических соображений утаивается тот факт, что к началу XIII века на территории восточной Латвии уже сотни лет проживали славяне-русы и существовали славянские поселения, которые мирно соседствовали с городищами латгалов и ливов. Более того, эти земли бесспорно входили в административную систему древней Руси. Временем отсчёта можно считать X век, когда поход Владимира Святого на Полоцкое княжество определил их принадлежность Киевской державе. Тогда же, в X веке, река Даугава становится западным ответвлением легендарного торгового пути из Варяг в Греки. В древнерусских летописях, среди народов, которые «иже дань дают Руси» упоминаются литвины, эсты, земгалы (земигола), курши (корсь), ливы (либь). Об этом же говорит и автор знаменитой «Повести временных лет», относящейся к началу XII века. Влияние Полоцкого княжества распространялось на всё нижнее течение Западной Двины (Даугавы), вплоть до берегов Венедского залива, именуемого ныне Рижским. О правах русских князей напоминали «камни Бориса», лежавшие по берегам в среднем течении реки. Выбитая надпись «Помоги, Господи, рабу твоему Борису», связана с

именем Бориса Всеславовича. Город Юрьев (ныне-Тарту) был основан в 1030 году Ярославом Мудрым и назван христианским именем этого князя.

Князя и дружинники нередко посещали балтийские вотчины, отправляясь «на полюдьё». В Ипатьевской летописи под 1117 годом записано: у князя Рюрика Ростиславовича на пути из Новгорода в Смоленск родился сын Михаил. Произошло это в Лючине (ныне г.Лудза). В честь этого события князь поставил там церковь во имя Св. Михаила. Так что не случайно немецкий монах Мейнард, как пишет Генрих Латвийский в своей «Хронике Ливонии», испрашивал разрешения у полоцкого князя Владимира на проповедование христианства в его землях и строительство церкви в Икесколе (Икшкиле). Тогда же Папа римский Климент III в послании к бременскому архиепископу прямо указывает, что Икшкильское епископство основано на Руси (*in Ruthenia*).

Естественно, что находясь в рамках соответствующей административной системы, подданные обязаны платить подати, или, по-нынешнему, налоги. Почему-то это обстоятельство сегодня никого не шокирует и воспринимается, как должное. Но, относительно событий восьмисотлетней давности, латышские учебники истории с трагической интонацией пишут о «дани», которую недобрые русские собирали с бедных балтов. Те, оказывается, «упорно боролись за свою политическую независимость, т.е. против уплаты дани». Оказывается, можно не платить налоги государству, объявив это «борьбой за политическую независимость». Интересно, а как бы отнеслись к подобной постановке вопроса латвийские налоговые службы? Напомним, что в США неуплата налогов относится к серьезнейшим антигосударственным преступлениям. Конечно, формально можно сказать, что сегодня налоги взимаются как процент с доходов частных и юридических лиц, но в старину власть в такие тонкости не вникала. В Древней Руси князья и их вассалы с дружинами ежегодно объезжали свои владения, собирали подати, вершили суд. Эти поездки назывались *полюдьё*. Налоги вносились чаще всего натурой (меха, мёд, воск, янтарь) и были тогда совсем не обременительны. Защита, получаемая от княжеских дружин, и спокойная охраняемая торговля ценились дороже мифической «независимости», при которой мирные поселения постоянно подвергались набегам и грабёжам воинственных соседей. Места останков при сборе податей носили название «погост» (латыш. *pagasts*) - от слова «гостить».

Латгалы и ливы традиционно выплачивали полюдьё полоцким князьям. Область Талава, соседствовавшая с эстами, а также северо-восточная земля Атзеле, были зависимы от властей Пскова. О политическом влиянии Руси сохранилась память в словах: *sods* (суд), *sogis* (судья), *robeza* (рубеж, граница), *kalpi* (холопы) и т.д. Известна древняя русская пословица: «*Артель суймом крепка*». *Суйм*, или *сум*, *сейм* - сходка, общее собрание. Кстати, именно так *Saeima* называется парламент Латвии.

Согласно одной из легенд, город Краслава получил своё имя от кривичей, называвших это место «красной (красивой) лавой» (лавочным прилавком). По тому же преданию в X веке Краслава являлась вотчиной полоцкой княжны Рогнеды Гориславы. С её пребыванием в этих краях легенда связывает «Театральную горку», на которой много позже, в XVIII-XIX веках, давали представления, откуда и название самой горки. Упоминаемый в летописях город Володимерец, ныне Валмиера, назван так по имени князя псковского Владимира, который был там судьёй.

Через славянские земли в Прибалтику доставлялись металлы: бронза - из Дунайских земель, серебро из Трансильвании, золото - с юга. Раковины каури, которые привозились с Индийского океана и использовались как ожерелья, известны на территории Латвии с VII века. Предметы роскоши везли из Византии, из Балтии же вывозили пушнину, воск, мёд, янтарь. Но, в основном, Прибалтика тогда, как и сейчас, являлась транзитным мостом между Западом и Русью. Хотя, хронист Адам Бременский свидетельствует, что сами местные жители «ограничиваются грабежом проезжавших купцов и вынуждением у них пошлины». Торговые пути проходили по морям и рекам. Предприимчивые

русские купцы обогатили в те времена латышский язык новой лексикой: *tulks* (толмач), *tirgus* (торг, рынок), *bezmens* (безмен), *podis* (пуд), *mers* (мера), *cena* (цена), *zelts* (золото), *sudrabs* (серебро), *kupcis* (купец), *katls* (котёл), *b/oda* (блюдо), *kazoks* (кожух, тулуп), *zabaks* (сапог) и др.

С деятельностью русских торговцев, толмачей и путешественников, возможно, связано наименование населённого места Митава (г.Елгава) - места мены товаров, произошедшего от латышского слова *mities* (меняться).

Культурное влияние Древней Руси сказало и в том, что уже с X века на территорию нынешней Латвии стало проникать христианство, прежде всего православие. Даже хронист Генрих Латвийский был вынужден признать, что к моменту прихода сюда немецких «цивилизаторов», среди местных жителей, наряду с язычниками, было немало крещёных людей. Правда, в отличие от западных поборников «истинной веры», русские власти не стремились поголовно окрестить своих подданных. Достаточно было того, что христианами были князья, дружина и представители местной знати. Никто не стремился ломать души латгалов и ливов, заставляя их насильно принимать чужую веру. Приобщение к православию шло достаточно мирно и последовательно. Иное дело, немецкие рыцари, которые позднее огнём и мечом доказывали заблудшим грешникам все преимущества католицизма, попутно присваивая их имущество. Из древнерусского происходят такие, связанные с церковной жизнью заимствования в латышском языке, как *baznīca* (божница, церковь), *krusts* (крест), *svets* (святой, священный), *svetki* (святки), *svece* (свеча), *zvans* (звон, колокол), *greks* (грех), *gavet* (говеть, поститься), *karogs* (хоругвь), *nedeja* (неделя) и др. При археологических раскопках часто находят предметы христианского культа, нательные крестики (из Византии или русского производства), подвески с изображением святых. Хотя, конечно, масштабы распространения православия, как пишет один деликатный историк, «были несоизмеримы с успехами немцев в распространении католицизма в XIII веке». Но мы уже знаем кровавую цену этих «успехов»!

Сегодня официальные латвийские историки пишут о том, как «свободолюбивые жители древней Латвии» боролись против русских «оккупантов». Причём, в качестве примера такой борьбы приводится ЕДИНСТВЕННЫЙ достоверный факт, как в 1107 г. (по другим данным в 1106) земгалы разгромили войско незадачливых князей Всеславовичей, потерявших тогда 9000 воинов. Безусловно, случай вопиющий. Хотя тенденцией его называть всё же несправедливо. Мы помним судьбу князя Игоря, который был уничтожен вместе со своей дружиной возмущёнными его жадностью древлянами. Разве это даёт право говорить о «свободолюбивых древлянах», которые боролись «за политическую независимость» от Киевской Руси? Напротив, покарвав беззаконного Игоря, они предложили его вдове Ольге в мужья своего князя Мала. Но никто и не заикался о выходе из состава державы и образовании «самостийной Древлянии». Мы не знаем всех подробностей несчастного земгальского похода. Но противопоставлять русских «захватчиков» и «независимых» балтов, значит элементарно передёргивать историческую правду. Кстати, почему-то вы нигде не найдёте историй о том, как с русскими «захватчиками» боролись латгалы и ливы, которым, между прочим, как раз воинственные земгалы (жемайты) частенько досаждали. Так что, не был ли поход полоцких князей в Земгалию как раз попыткой защитить своих подданных от грабительских набегов опасных соседей?

Именно включение балтийских земель в культурно-политическую среду Древней Руси способствовало экономическому процветанию народов, проживающих там, и являлось фактором культурно-цивилизующим. Верховная власть древнерусских князей над прибалтийскими народами не нарушала их хозяйственного уклада и общественной жизни. Наоборот, всё свидетельствует о том, что русские князья предоставляли своим т.н. «данникам» полную свободу внутреннего управления и хозяйственной жизни. Археологические раскопки показали, что в IX-XII вв. «восточное влияние» на территории Латвии абсолютное

преобладало, причём в это время наблюдается резкий подъём культуры быта, ремесленного производства и уровня зажиточности населения. Особенно это заметно по вещам, обнаруженным в захоронениях. Наиболее массовый предмет - посуда, с линейным или волнистым орнаментом, которая ничем не отличается от общеславянской. Такие же горшки находили и у земгалов. и в латгальских городищах. Маленькие пряслица из красного камня-шифера, что производились только на Волыни. Серебряные и бронзовые витые браслеты, фибулы, разноцветные бусы, оковки поясов и многие другие украшения, которые находят в погребениях древних латышей, по приёмам ремесленной обработки воспроизводят соответствующие изделия на Руси. В Прибалтике появляются вещи из Приволжья, боевые топоры из степного юга, мечи киевских оружейников. Работой киевских мастеров были и подвесные орнаментированные замки (значит, появилось, что запирают!). К этому же периоду относятся находки кладов серебряных слитков, найденные во многих местах, например, в районе Риги, Даугавпилса, Цесиса и др. В X-XI вв. были зарыты богатые клады арабских и византийских монет. Это говорит о том, что изменился характер торговли. Если раньше всё выражалось простым, натуральным обменом продуктов одного на другой, то теперь в качестве меры стоимости используется серебро. Соответственно весу смоленской гривны выработалась местная денежная единица - *озеринь* (около 100 гр. серебра). Происходит накопление денег и драгоценностей в руках представителей местной знати, *бояр*.

В ту же эпоху появляются первые города и первые государственные образования на территории нынешней Латвии.

Найдены остатки древних городищ в Талей, Кулдиге, Тервете, Межотне, Асоте, Кандаве и ещё во множестве других мест. Древние хроники донесли до нас имена некоторых владельцев отдельных замковых поселений: Аго, Каупо, Ламекин, Русин и другие. Кроме владений «куршего короля» Ламекина, известны лишь четыре серьёзных государственных образования, которые с полным основанием можно отнести к небольшим княжествам. Это Земгалские земли, во главе с правителем Виестартсом, Талава, во главе с Таливалдом, Кокнесе, во главе с Ветсеке, и крупнейшее из всех Ерсикское княжество, во главе с Висвалдисом. И если в отношении первых двух мало сомнений в их балтском происхождении, то по поводу Ветсеке (Вячко) и Висвалдиса (Всеволода) уже не одно десятилетие ведутся идейные споры. Но при любом раскладе, и Талава, и Кокнесе, и Ерсика безусловно относились к землям Древней Руси!

К великому сожалению, до нас не дошли летописи Полоцкого княжества - ценнейший исторический источник, способный прояснить многие тайны прошлого Прибалтики. Чтобы доискаться до Истины, надо кропотливо и тщательно собирать крупинки информации и самых отрывочных сведений. У нас нет никаких сомнений в том, что правитель Таливалд и его храбрые сыновья были латгалами. Но в отношении Вячко и Всеволода сведения противоречивы. И здесь нам неоценимую услугу могут оказать исследования Михаила Александровича Таубе.

Он родился 15 мая 1869 года. Юрист-международник и историк. Доктор международного права. Профессор Харьковского и Петербургского (1903-1911) университетов. Юридический консультант МИД (1906-1911). Вице-директор второго департамента министерства иностранных дел. Он был действительным членом Императорского Исторического общества, Имп. Общества ревнителей исторического просвещения, членом Московского археологического института, Витебской, Тульской и Псковской губернских учёных архивных комиссий и Псковского археологического общества. Особое значение для него всегда имела генеалогия. Михаил Александрович стал одним из учредителей Русского генеалогического общества в Петербурге (1896). С 1905 он также действительный член Историко-родословного общества в Москве. С 1917 г. в эмиграции в Финляндии, затем в Берлине и в Париже. Член общества «Икона» в Париже. Член Международного трибунала в Гааге, один из крупнейших специалистов по международному праву Европы. Скончался 29 ноября 1961

года в Париже. Несколько скупых строк биографии, за которыми скрывается жизнь долгая и яркая, жизнь настоящего рыцаря науки, подлинного служителя музыки Клио. К сожалению, эмиграция вычеркнула имя этого замечательного учёного из анналов советской исторической науки. Он и его исследования оказались под запретом. Но и сегодня открытия М.А.Таубе, не приветствуются в современной Латвии.

Основываясь на своих кропотливых научных изысканиях, М.А.Таубе, один из авторитетнейших в Европе специалистов по генеалогии ещё в начале XX века однозначно относил *Wissewalde*, «князя Герцике», к русским князьям древнего рода!

Исследование М.Таубе, вообще обладающее генеалогическим уклоном, интересно ещё и тем, что автор научно обосновал своеобразную и далеко не случайную тенденцию старейших немецких фамилий в Прибалтике считать себя потомками древних владетелей страны, русских князей или ливских вождей. Например, потомками Всеволода из Герцике считал себя род фон Иксюль. Исследуя эту семейную легенду, М.Таубе выяснил, что передача в 1224 г. Всеволодом половины его владений в Герцике в лен рыцарю Конраду фон Мейендорф связана была с женитьбой этого рыцаря на дочери Всеволода. Овдовев, она вышла замуж за рыцаря Иоганна фон Бардевис, родоначальника фон Иксюлей. Таким образом, род Бардевис-Иксюль оказывается владельцем значительной части бывшего княжества, и «наследники», упоминаемые в одном акте 1239 года, это внуки Всеволода, дети его дочери. Аналогично ведут свой род фон Тизенгаузены (от Софии, дочери Вячко), фон Унгерны (от Каупо и псковской княжны), фон Буксгевдены (от Владимира, князя псковского). Велико значение подобных фактов. С одной стороны, завоеватели Ливонии, нижнесаксонские выходцы, в сущности, не что иное, как авантюристы без будущего у себя на родине. Они действительно могли пытаться закрепиться в стране не только силой оружия, но и наследственно. В любом случае, ссылки на родственные связи с русскими князьями, сохранившиеся в фамильных преданиях, говорят о том высоком статусе и значении, которое они занимали в древние времена на Ливонской земле.

Нашествие

В 1184 году в устье Двины высадился монах Мейнард, ищущий для римской курии новых доходов. Он обратился к полоцкому князю Владимиру Всеславичу, которому ливы, ещё язычники, платили дань, за разрешением проповедовать в этой земле. Это явление благочестивого монаха и стало началом тевтонской экспансии. 1200 год. Епископ Альберт Буксгевден на двадцати трёх кораблях прибывает сюда, обманом захватывает ливских старейшин и вынуждает их предоставить ему место для постройки укрепления. В следующем, 1201 году начинается строительство крепости Риги - форпоста немецкой агрессии. Ставилась под контроль вся торговля по реке, верховья которой принадлежали русским. Это была стратегическая «свинья» - военный, экономический, религиозный клин в средостение Прибалтики. Со временем колония немецких миссионеров, купцов, профессиональных вояк, искателей приключений разрасталась: захватывала чужие земли, насильственно обращала в католичество окрестное население, привлекала на свою сторону местную знать, засылала на восток и юго-восток знатоков торговых, религиозных и военных перспектив. Учредилось ливонское епископство. В 1202 году появляется духовно-рыцарский Орден меченосцев. Русские купцы, добравшиеся до земли пруссов, впервые увидели мечи на белых плащах. Плащей с крестами и мечами становилось всё больше, и всё чаще они мелькали по окраинным землям Руси. Пёстрая западная орда вначале предавала огню и мечу береговые селения прибалтийских славян, пруссов, ливов, эстов, причём война с пруссами велась на полное уничтожение этого мужественного народа. В разноязычных летописях первой трети XIII века немало страниц, повествующих о героическом сопротивлении захватчикам, о кровопролитных войнах, когда рядом с балтийскими ополчениями сражались русские. 1216 год. Эсты просят «полоцкого короля» Владимира помочь им «теснить вой-

ной» западных рыцарей, и русская рать отправляется в поход, к которому присоединяется новгородско-псковское войско. Началась «великая война русских и эстов против ливонцев». 1219 год. На подмогу крестоносцам идут войска датского короля Вольдемара II. Датчане захватывают северные районы эстонской земли, закладывают крепость Ревель. Единственное спасение эсты по-прежнему видели в помощи Руси и общенародном сопротивлении. По их просьбе в Юрьеве, Вильянди, других крепостях были размещены гарнизоны псковитян и новгородцев. Старейшины призвали народ к восстанию. Пользуясь превосходством в вооружении и осадной технике, рыцари разбивали войска отчаянно сражавшихся эстов и брали крепость за крепостью. Героически сопротивлялась Вильянди; после её падения всех русских, как пишет немецкий хронист, *«повесили перед замком на страх другим русским»*. Полоцкое княжество, находившееся в силу исторических условий в относительной политической изоляции от остальной Руси, не могло своими силами защитить вассальных ливов, новгородцы и псковитяне - эстов: слишком большая сила ломилась с запада. 1221 год. Великий князь владимирский Юрий Всеволодович направляет свои войска в землю ливов, осаждают Ригу; эсты снова поднимают всеобщее восстание. Война идет с переменным успехом. Ни Риги, ни Ревеля взять не удалось, отбить Вильянди тоже. Правда, у русских и эстов оставалась ещё сильная крепость Юрьев, основанная два века назад Ярославом Мудрым. 1223 год. Старейшины эстов снова прибыли, как пишет немецкий хронист Генрих Латвийский, *«в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян»*.

Это было тяжкое время. Тот самый страшный год, когда «короли» и богатыри русские почти все полегли на реке Калке. В том же году, как пишет Генрих Латвийский, новгородцы направили к эстам князя Вячко, поручив ему *«господство вДорпате [то есть Юрьеве, Дерпте, Тарту]»*, и *«чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, отдали ему подати окружающих областей»*. Однако судьба этой древней крепости и всех прилегающих земель эстов была предрешена. Епископ крестоносцев Альберт съездил в Германию за военной помощью, и в следующем году Юрьев пал. Когда *«русские все сбегались к воротам для отпора»*, крепостная стена, забросанная камнями из баллист и зажигательными горшками, была взята приступом. Последние воины во главе с князем Вячко погибли в детинце... Постоянно набирая в Западной Европе подкрепления, захватчики продвигались всё дальше на восток и непосредственно перед нашествием Батыя вышли к границам псковско-новгородских, литовских и галицко-волыньских земель.

В 30-е годы XX века руководитель национал-социалистического движения в Латвии Э.Крёгер признает, что немцы всегда относились к коренным жителям Прибалтики «примерно как к туземному населению колонии». Лишь во второй половине XIX века реформа городских самоуправлений в России дала возможность «ненемецкому» населению хотя бы в городах участвовать в управлении общественными делами.

Любопытно, что в небольшом прибалтийском регионе немцы воспроизвели наглядные образцы тех двух главных направлений колониальной политики, которые впоследствии были осуществлены с аналогичным результатом англичанами и испанцами в Америке. Вспомним, какую войну на уничтожение развернули против индейцев англичане и как поработали туземцев испанцы. В действиях просвещённых британцев можно усмотреть аналогию с кровавым геноцидом, проводимым орденом в Пруссии и, соответственно, испанцев - с деятельностью крестоносцев в Ливонии, когда захватчики позволяли себе некоторый гуманизм. Немецкий историк Генрих фон Трейчке писал в 1862 году: *«При роковом столкновении смертельно враждующих рас кровопролитная дикость быстротечной войны на уничтожение является более человечной, менее возмутительной, чем ложно милосердная вялость, которая покорённых обрекает на одиночество, а победителей либо ожесточает, либо низводит до того существования сродни побеждённым»*.

С древнейших времён предки латышей и предки русских соседствовали на земле Балтии. Случались иногда ссоры и конфликты, но не было кровавой розни, не было постоянной вражды. Не было жестоких завоевательных походов и кровопролитных сражений. Вспомним ту отчаянную боевую решимость, с которой балтийские народы десятки лет отражали крестоносную агрессию. Если бы хоть малая часть этой самоотверженности как-то проявилась во время «грабительских набегов» русских князей, никогда бы они не смогли выбить малую дань из отважных прибалтов! На самом деле, Древняя Русь вобрала Прибалтику в свою административную систему МИРНО. Не в результате жестокого завоевания, а путём последовательного и естественного слияния. Прибалтийская знать органично вращалась в служилую систему вассальной зависимости древнерусских княжеств, а удалы из балтийских племён охотно шли на службу в дружины русских правителей. Восприняв древнерусскую культуру, получая немалую выгоду в торговле, основываясь на близком языке и памятном ещё в ту пору племенном родстве, жители древней Балтии всё теснее сближались со славянскими соседями. Даже апологеты крестоносцев позже признавали, что с приходом тевтонов местное население ощутило страшную разницу между т.н. «русской властью» и более организованной, невероятно жестокой в своей последовательности и разнообразии методов порабощения властью немцев. Правление того же князя Ериски не было для страны тем постоянным, систематически давящим гнетом, какой организовали впоследствии аккуратные тевтоны. И уж, конечно, русская власть не могла долго конкурировать с беспощадной и не стеснявшейся в средствах порабощения западной агрессией, перед напором которой первыми пали главные форпосты русского влияния Герцике и Куkenойс.

Век XIII - это время феодальной раздробленности Древней Руси. Это время, когда «во крамолах княжеских век человеческий сокращался». Некогда мощное Полоцкое княжество сотрясилось непрерывными междоусобными войнами, а появление немецких купцов и крестоносцев, захвативших устье Даугавы, нанесло сильный удар по торговле. Князь Владимир совместно с прибалтийскими народами вёл борьбу с немецкой агрессией, но из-за ослабления своего княжества, раздробленного на уделы, он не в силах был удержать свои позиции в Прибалтике. Кроме того, Полоцк находился под постоянной угрозой нападения литовцев. Тем не менее, князь готовил большой поход на Ригу, однако незадолго до начала боевых действий, весной 1216 года Владимир умер. С этого момента, епископ Альберт и его подручные могли вздохнуть спокойно. Потеряв свои вассальные владения в Прибалтике, подвергаясь постоянным литовским набегам, Полоцкое княжество крайне ослабело и в 1223 году было присоединено к Смоленску. Но смоленские князья не смогли продолжить борьбу с орденом, так как в битве с татарами на реке Калке их силы были значительно подорваны. В 1229 году между смоленским князем и Ригой был заключён торговый договор.

Древняя Русь утратила свои позиции в Прибалтике, но эпизодически Дерптское епископство продолжало выплачивать дань вплоть до XVI века.

Русская улица

В 1212 г., когда после заключённого договора между Ригой и Псковом было достигнуто соглашение, *«чтобы дорога по Двине для купцов всегда была открытой»*, в Риге появляется «Русское подворье», которое в книгах городского совета называют также «Русской деревней» (*das rusische Dorp*). Это было поселение купцов, прибывавших с верховьев Даугавы. Образовался целый квартал, где жили исключительно русские. Одни были купцами, другие занимались ремёслами. На территории Русской деревни находились жилые дома, склады, больница, приют и, даже, кладбище. Имелась и православная церковь Св.Николая Чудотворца (впервые упомянута в 1297 году). Церковь была каменная, с черепичной крышей и колокольной. Под влиянием немецких торговцев Рижский рат закрыл её в 1549 году. В дальнейшем

Бывшая Русская улица в Риге (ныне ул. Алдару).

храм был разорён шведами. В университетском музее шведского г.Упсала и поныне можно видеть четыре иконы, похищенные из рижской церкви Св.Николая. Подворье было окончательно ликвидировано во время Ливонской войны. Со временем строения разрушились (за исключением дома на ул. Алдару, 11). Именно Алдару вплоть до конца XVI века называлась «Русской улицей», но потом её переименовали.

В городских архивах, относящихся к XIV веку, персонально отмечено 88 русских купцов. Семь из них были рижскими домовладельцами (бюргерами). Вот их имена: Афрем, Семён, Тимофей, Пётр, Дмитрий, Аким Скорняк и Демас Банщик. Известно, что предприимчивые русичи вели довольно оборотистую торговлю. Например, некий Тимошка около 1327 года торговал в самом Любеке. С 1330 года пятеро русских купцов имели постоянные торговые места на Ратушной площади у самого Дома Черноголовых.

Надо отметить, что выходцы из русских земель жили не только в «Русской деревне». Им принадлежали дома по всей Риге - как в черте города, так и в предместье. Кроме строений, они имели ещё и сады за городской стеной, и луга в Задвинье, и участки у озера Егель (Юглас). Торговые поселения древнерусских княжеств существовали и в других городах Ливонии, например, в Ревеле, Вендене, Дерпте.

В XIII—XIV веках русские купцы могли свободно торговать своим товаром и в Риге и за её пределами, без проблем закупая всё необходимое. Имели они право на территории Риги «торговать гость с гостем», то есть любой русский купец с любым русским, немцем, латышом, ливом, эстом. Могли свободно пользоваться услугами любого весовщика и толмача. Но в XV веке в связи с распространением влияния Ганзейского союза положение резко меняется. Торговля теперь велась только при участии ганзейских посредников. Русский язык был объявлен монополией Ганзы. Учебные книги русского языка с записями отдельных слов и предложений содержались в строжайшей тайне. Вот лишь некоторые занятные фразы из одного старинного учебника:

- Лён перегнил, по половинам сгнил; лён костлив, нечист, стрепей в нём много.
- Сало не чисто, изварин в нём много.
- Среди белок много подпаленных, белки не гораздо росли, облияли.
- Почему ты меня хочешь воочию обманывать? Товар нечист, да зачем ты мне его продаёшь?
- Твой товар с зарокотом, проволокой, залежался,
- В той сельди рассолу нет, эта сельдь сгнила.
- Твоё сукно хорь съел, сукно провололось, изгрядилось, смялось, цвет скинуло.
- Твой товар хитрёный.
- Мсти тебе Бог, что ты меня обманул, видит Бог и кривду, и правду.

Не надо только думать, что все торговцы с Руси были жуликами. Эти примеры заучивались «на всякий случай» и вовсе не обязательно, что ими часто пользовались. Скорее были востребованы короткие заготовки, на предмет познакомиться с красивой девицей. Ну, а для споров с торговым партнёром, иностранные купцы изучали фразы, позволявшие предъявлять разумные претензии. К сожалению, их по цензурным соображениям, мы здесь привести не можем...

Как видим, ещё в средние века рижане учили русский, представляли гражданство мигрантам с востока, торговали с Россией. И город, заметим, процветал!

Ливонские войны

К исходу XIII века Ливонские земли продолжали оставаться полем не прекращающихся боевых действий. Большие и малые войны с переменным успехом постоянно велись тут не одну сотню лет. В 1242 году Ливонский орден после поражения от Александра Невского на льду Чудского озера отказался от прав на «Лотыголу» (Восточную Латвию). Позднее рыцарям удалось завладеть Полоцком и даже Псковом. В те годы Русь истекала кровью в борьбе с Золотой Ордой, и русским князьям было тогда не до политического влияния в Прибалтике. Речь шла о самом существовании русского народа и православной веры.

Искушённые в интригах тевтоны навязывали Пскову союз против Новгорода, в другой раз уже новгородцы шли совместно с рыцарями против псковичей и литовцев. Не раз датчане и шведы вторгались на земли эстов, подчинённых в то время Ливонскому ордену. Конца-края не было пограничным конфликтам. Немалое число пленных, уводимых ливонцами из русских земель, селилось в Латгале и Видземе. Кого-то из них позднее выкупали богатые родственниками, а кто-то оставался здесь жить навсегда, и для них земля Балтии становилась родной.

После того, как Новгород и Псков стали частью Московского великого княжества, ситуация изменилась. Теперь ордену противостояла сила, несравненно более могучая, нежели ранее. Если до поры, в соответствии с принципом «Натиск на восток» («*Drang nab Osten*») рыцари последовательно стремились расширить свои владения за счёт древнерусских земель, то теперь решался вопрос о самом существовании Ливонского ордена. Да и с юго-запада напирала крепнущая Литва.

Начиная с XVI века Русское государство последовательно воссоединяет земли, утраченные во время княжеских усобиц, раздробленности и монгольского владычества. Москва претендует на роль защитника интересов русских в северной части Прибалтики. В 1492 г. у границы Ливонии, напротив города Нарвы, Иван III выстроил мощную крепость Иван-город. Московский государь начал борьбу за упразднение немецких торговых привилегий, за ликвидацию посреднической роли ганзейских и прибалтийских городов. Ивангород стал успешно конкурировать с Нарвой в торговле с Западом.

Мудрый магистр Вальтер Плеттенберг, проявляя невероятную политическую изворотливость, сумел продлить существование Ливонского ордена ещё на несколько десятков лет. Но дни его были сочтены. В марте 1503 года в Москве заключили перемирие сроком на шесть лет. В последующем, мирные договоры

неоднократно продлевались. Ливонцы были вынуждены принять ряд требований русских. В частности, Дерптский (Тартуский) епископ обязался платить дань в пользу Русского государства за его исконную территорию, захваченную тевтонами в XIII веке!

Ливонский орден стал тогда своеобразной преградой, буфером, между «просвещённым Западом» и «варварами-московитами». Отмечено немало фактов, когда ливонцы всячески препятствовали проезду в российские земли нанятых в Европе мастеров. Порой доходило до заточения в темницу и даже убийства тех, на кого не действовали запугивания. Не лучшим было и отношение к русским купцам. Накаляла непростые отношения с Москвой и Реформация. Распространение лютеранской веры сопровождалось активной борьбой со «старым» христианством. Протестанты врываются в католические и православные храмы, разрушали алтари и статуи, выбрасывали из церквей иконы, изгоняли монахов из монастырей.

В 1554 году истекло 50-летнее перемирие, заключённое с Ливонией ещё великим князем Иваном III. Для его продления в Москву прибыли послы от магистра ордена. Царь Иван Грозный поручил вести переговоры окольному А.Ф.Адашеву и дьяку И.М.Висковатому. Адашев напомнил, что немцы пришли из-за моря и взяли силой русскую волость (Юрьевскую), которую великие князья уступили им под условием дани. Но эту дань немцы давно уже не платили! И вообще, «государь на всю землю Ливонскую гнев свой положил», поскольку купцов русских «немцы обижают», и русские кварталы в городах немцы присвоили, а церкви разграбили. Ливонские послы вынуждены были признать все претензии, и переговоры окончились согласием продолжить перемирие ещё на 15 лет. В Ливонии, однако, весть о таком договоре произвела смятение. Русского посла Терпигорева, прибывшего за подтверждением, решено было обвести вокруг пальца. Канцлер Гольцир предложил привести свои печати к договорной грамоте, но в действительности денег не платить, а представить это дело на решение императора германского, как своего верховного ленного государя. *«Московский царь ведь мужик (ein Vaig); он не поймёт, что мы передаём дело в имперский суд, который всё это постановление отменит»*, - пояснил лукавый канцлер. Мысль показалась удачною. Ливонцы довели к договорной грамоте новые печати и тут же в присутствии русского посла начали писать протест на имя императора. Терпигоров почуял неладное. *«Что это один говорит, а другие записывают?»* - поинтересовался он. Когда ему объяснили, посол резонно заметил: *«А какое дело моему государю до императора? Не станете ему дани платить, так он сам её возьмёт»*.

Обусловленный договором срок для уплаты «юрьевской дани» истекал. В 1557 году в Москву прибыли ливонские послы, но не с деньгами, а с просьбой о сложении дани. Через служилых людей им было передано, что государь *«...сам будет искать на магистре и на всей Ливонской земле за её неисправление»*.

В январе 1558 года московские войска вторглись в Ливонию. Началась война, продолжавшаяся четверть века. Не будем подробно пересказывать все перипетии этой затянувшейся трагедии, остановимся лишь на ключевых её моментах. Изначально русские воеводы не рассчитывали на ведение серьёзных боевых действий. Разделившись на несколько отрядов, москвиты прошлись по ливонским землям, как бы намекая на то, что договоры надо соблюдать. По возвращении армии в Псков воеводы послали магистру ордена грамоту, где объясняли, что после уплаты договорных сумм мир вновь возобновится.

Во время православного Великого поста пушки нарвской крепости неожиданно начали обстреливать стоящую напротив Нарвы русскую крепость Ивангород. Русские пришли в ярость и бросившись через реку на штурм, неожиданно для себя легко взяли Нарву. Развивая этот успех, царские воеводы заняли ещё целый ряд замков на северо-востоке Ливонии. Успешная война была продолжена.

Готовясь к продолжению этой войны, царь в то время строго наказывал своим не трогать «немцев», т.е. эстонцев и латышей. Ссылаясь на старые летописи, он считал эти земли своими

древними вотчинами. Герцог Магнус указывал в одном из писем, что крестьяне из восточной Ливонии, занятая армией московитов, весьма охотно присягали русскому царю и даже оказывали помощь его войскам. В 1560 году в сражении у местечка Эргеме ливонские «воинские люди» были наголову разбиты. Фактически государство Ливонского ордена перестало существовать.

На волне этих впечатляющих успехов Иван Грозный мог добиться многого. Но личные качества и ужасные сумасбродства московского владыки привели страну к военной катастрофе. Наступала пора опричнины - чудовищной внутренней политики, направленной на укрепление самодержавного правления. Царский гнев коснулся его ближайших соратников, многие из которых не одобряли варварского способа ведения войны в Ливонии, её разорения и опустошения, в котором самое деятельное участие принимали служилые татарские орды. К ним, как ни странно, царь испытывал какое-то особое сочувствие, в то время как азиатская жестокость ордынцев воспринималась в Европе как истинно русское проявление московского варварства! Опричный террор выкосил многих заслуженных воевод, ослабил войско и отбросил страну в нищету и в хаос.

Князь Андрей Курбский, после одного из неудачных сражений, бежал на сторону противника в г.Вольмар (Валмиера), откуда начал переписку с царём. В своих посланиях князь порицал Ивана Грозного, обвиняя его в нарушении всех христианских норм. Уже в наше время Курбского стали называть «первым русским диссидентом».

С гибелью Ливонского ордена война не закончилась. Наоборот, в борьбу за «ливонское наследство» ввязались Литва, Польша и Швеция. Ослабленное внутренними проблемами, терзаемое набегами крымских татар, Московское государство с трудом продолжало вести боевые действия. Шведы и поляки один за другим отбирали города, занятые русскими.

Погод 1577 года стал последним удачным для царских войск в Ливонии. В следующем году, под Венденом, они потерпели сокрушительное поражение. Ливонская война, приносившая на ключевом этапе Ивану Грозному почти одни неудачи, закончилась в августе 1583 года. Героическая оборона Пскова заставила отступить армию короля Речи Посполитой Стефана Батория и не позволила врагам Московского государства торжествовать полную победу. Но доступ к Балтийскому морю страна утратила, лишившись всех плодов многолетних ливонских завоеваний.

Сражения за ливонские земли получили свой диковинный отблеск и в далёкой Сибири. Мало кто знает, что при организации знаменитого похода Ермака купцы Строгановы включили в состав его отряда «немец и литвы триста человек» из числа пленных с Ливонской войны. Если учесть, что общая численность казачьей дружины составляла 840 бойцов, то получается, что почти треть её была из западных «военспецов». Думается, эти сорвиголовы с охотой предпочли опасности далёкого похода зловонию тюремных застенков. Неожиданное продолжение этой удивительной истории случайно обнаружилось в одной из книг, изданных в недавнее время и повествующих о криминальных легендах современной России. В числе прочего, там рассказывалось о некоем селении, затерянном в глухой сибирской тайге. Жили там русские крестьяне с «суровыми тевтонскими лицами» - потомки тех самых ливонских сподвижников лихого атамана. И говорилось в той книге, что славились те мужики редким трудолюбием, удивительной аккуратностью и невероятной, скрупулёзной жестокостью, с которой они мстили своим обидчикам...

Беда той далёкой войны состоит в том, что именно тогда в Европе окреп и приобрёл характер аксиомы миф о варварском, восточно-деспотическом характере Русского государства, через призму которого Россия воспринимается на Западе до сих пор. В XVI веке произошло стремительное формирование пропагандистского мифа о «варварской России», являющей собой угрозу для всего западного мира. Все московиты - безбожники, людоеды, святотатцы, убийцы, агрессоры от природы. От них Европе может исходить только зло! Антимосковская пропаганда Польши была чрезвычайно последовательна и успешна. *«Русские равны*

готам, гуннам, аланам и другим варварам, да тронутся христианские государи несчастью участю Ливонии и да подумают о своём животе, родителех, супругах и детях и о свободе всего христианского мира, так как ни для кого не должно быть сомнения, сколь фатальна и губительна этому миру [данная] северная страна...» - так писал польский король Сигизмунд II Август. В Польше были тогда очень популярны «летучие листки», сообщавшие о разгроме москвитов, об их зверствах и насилиях. На этих пропагандистских материалах было воспитано целое поколение. Цитируются они и в современных книгах по истории.

Отголоски этого восприятия, порождённого Ливонской войной 1558-1583 годов, слышны и сегодня в высказываниях многих иностранных политиков и учёных. Изменить этот имидж, создававшийся веками, для России и русских необычайно трудно. Прежде всего, из-за нежелания европейской стороны менять свои предубеждения и стереотипы, сформированные более четырёхсот лет назад. Бесполезно на документах доказывать, что за весь период «террористической диктатуры Ивана Грозного» было погублено людей в несколько раз меньше, чем в одну только Варфоломеевскую ночь, а Генрих VIII обезглавил и пытал куда больше своих противников, чем русский изверг. Бесполезно показывать, что за века в «деспотической» России совершено всего несколько десятков смертных приговоров, в то время как в немецких городах к концу XVIII века были сожжены по обвинению в колдовстве до 100 тыс. женщин. Европейцы не стыдятся своих изуверов, а гордятся их государственными делами, в то время как русские перестали бы быть русскими, если бы прекратили мучиться сознанием, что в их истории были иваны грозные...

Несчастный исход Ливонской войны не заставил московских царей отказаться от борьбы за эти территории, тем более, что среди жителей Риги, недовольных польским правлением, были сторонники союза с Россией. В 1586 году, во время «Календарных беспорядков», рижане, восставшие против польско-литовского короля, повели переговоры о присоединении к Московскому государству. И хотя беспорядки были подавлены, а их руководители казнены, уже через 14 лет рижский купец Генрих Флягель вёл во Пскове тайные переговоры с доверенными лицами царя Бориса Годунова.

В дальнейшем, пользуясь ослаблением Московии в период Смутного времени, Речь Посполитая захватила у неё ряд пограничных территорий. Среди них были и земли в восточной части нынешней Латвии. Подписывая в 1618 году перемирие, польский король настоял, чтобы, помимо всего прочего, молодой царь Михаил Романов отказался от титула государя Ливонского. Впрочем, через четыре десятилетия Алексей Михайлович вновь примет на себя этот титул и возобновит борьбу за бывшие ливонские земли.

В 1654 году после неоднократных просьб гетмана Богдана Хмельницкого, поднявшего на Украине антипольское восстание, Московское царство решило оказать помощь братьям-малороссам. Русские войска повели успешное наступление на принадлежавшие Речи Посполитой белорусские и смоленские земли. Царь торжествовал: «И Смоленск им не таков досаден, что Витебск да Полоцк, потому что отнят ход по Двине на Ригу». Рига тогда уже принадлежала шведам. Поляки просили их о помощи, но просьба осталась без ответа, поскольку у Швеции были свои планы относительно сильно ослабевшей Речи Посполитой. Ввязавшись в польско-русский конфликт, шведы постарались одинаково уязвить обоих противников. С одной стороны, они желали отколоть от Москвы украинского гетмана, соблазняя его возможностью поделить Польско-Литовские земли, с другой стороны, они успешно воевали в самой Польше. После захвата шведами Варшавы Алексей Михайлович объявил Швеции войну.

В июле 1656 года русские взяли Динабург, который был переименован в Борисоглебск. Спустя две недели царские полки овладели Кокенгаузеном (Кокнесе). Он был переименован в Царевич-Дмитров. В своём письме царь писал об этом городе: «А крепок безмерно: ров глубокий - меньшей брат нашему кремлёвскому рву, а крепостию сын Смоленску-граду: ей, чрез

меру крепок!». В августе 80-тысячная московская армия осадила Ригу. За время осады шведский гарнизон совершил несколько вылазок, однако все они были отражены с большими для них потерями. Тем не менее, осада затянулась. В то время это была первоклассная крепость: вал, ров, бастионы по последнему слову инженерной науки. Наступившая осень оказалась холодной и дождливой. Не имея флота, русские не могли отрезать морские подступы к городу. Решающий приступ был сорван успешной вылазкой шведов, сумевших захватить 17 русских знамён. В печали царь приказал снять осаду, продолжавшуюся 50 дней. Память о том времени до сих пор сохраняется на фасаде церкви Св.Екаба. Там в стену вмурованы четыре пушечных ядра, которые во время осады Риги попали в колокольню.

В это время русские полки штурмовали Дерпт, который пал 12 октября. Той же осенью были захвачены Мариенбург (Алуксне) и Нейгаузен (Вастселина). Вполне удовлетворённая достигнутыми успехами, Боярская дума постановила: «Промышлять всякими мерами, чтобы привести шведов к миру». Раздосадованные шведы стремились к реваншу, но неудачи на полях сражений вынудили их заключить трёхлетнее перемирие.

Это время было использовано русскими для укрепления своего влияния в землях Восточной Латвии. Деятельный и разумный воевода А.Л.Ордин-Нащокин строит укрепления и храмы, завозит мастеровых людей. В Царевич-Дмитрове готовится флотилия судов для нового наступления на Ригу. Здесь же был создан монетный двор, который чеканил русскую монету. Понимая, что необходимо прервать изоляцию России от Европы, приобретение выхода к Балтийскому морю, он считает первоочередной задачей. В 1657 году продолжаются переговоры о переходе Курляндии в российское подданство. Герцог Яков направил Ордин-Нащокину проект договора. В соответствии с его первой статьёй, герцогство перешло «в полную совершенную оборону» Московского государства. Правда, из-за активного противодействия Швеции фактического присоединения Курляндии к России не произошло. Шведы захватили самого герцога и заняли все его владения.

Ситуация становилась всё более неблагоприятной для русских. Швеция заключила с Речью Посполитой мир. Боярин Ордин-Нащокин настойчиво советовал Алексею Михайловичу уступить Украину полякам и бороться против шведов за Прибалтику. Однако царь считал, что отдать православное славянское население Малороссии под власть католической Польши будет преступлением перед братьями по крови и вере. Было решено замирился со Швецией, вернув ей лифляндские земли, и продолжить войну с Польшей за Украину. Мир был подписан в местечке Кардис (ныне Кярде) 21 июня (1 июля) 1661 года, в т.н. «Домике мира». Эта хрупкая постройка уцелела, пройдя сквозь века. Домик был построен ещё до церковного раскола на Руси и до восстания Стеньки Разина. Ещё не родился Пётр Великий, сумевший позднее осуществить многие замыслы своего отца.

Домик в Кярде.

Столько событий, столько страстей отшумело, а эта хижинка под камышовой крышей всё стоит! Домик пощадил даже мировые войны и революции. Он находится в 60 километрах от Тарту, если ехать по дороге на Раквере, недалеко от озера Эндла, в местечке Кярде.

Старообрядцы

История церковного раскола в России - это повесть о трагедии, разделившей страну и поставившей вне закона многих достойных, искренних и честных её детей. Горькие плоды раскола мы пожинаем до сих пор.

Малоизвестный, но очевидный факт, что первопричиной раскола в России стал Орден иезуитов. Спасая себя и папский престол от Реформации и внешних врагов, эти Псы господни, начиная с А.Поссевино - теоретика программы привлечения Московского государства на сторону Ватикана (1580-е гг.), разработали целую систему способов и приёмов по реализации своих планов и со времён Смуты пытались претворить её в жизнь. На царя Алексей Михайловича иезуиты действовали не прямолинейно и не лично, но поэтапно, посредством зависимых от них вселенских патриархов и униатов, под благородным предлогом освобождения Константинополя от мусульман. Только Пётр I сумел понять реальные их цели и отреагировал резко, хотя и несколько запоздало. Царь издал указ, предписывающий иезуитам покинуть российские пределы, поскольку они «не могут отстать оттого, чтобы не мешаться в политические дела». Полностью добиться подчинения православной церкви Ватикану католические эмиссары так и не смогли, но своё чёрное дело они сделали.

Церковный раскол, приведший к изменению обрядности, к появлению «старой» и «новой» веры, был ничем иным, как политической диверсией против Русской православной церкви. Предавая анафеме 700 лет своей истории, устраивая гонения на защитников истинного русского православия, ведущего своё официальное начало с 988 г. и основывающегося на первичном константинопольском каноне, патриарх Никон и царь Алексей выступали заложниками собственных политических амбиций и непомерного самолюбия, умело раздуваемых агентами Ватикана. Важнейшей их задачей было столкнуть Московское государство и Османскую империю, которая в то время являлась прямой угрозой для Европы. Соблазнив химерой «третьего Рима» ближайшее окружение царя, Ватикан втравил Россию в авантюрную многовековую войну с Турцией. Даже в XX веке Николай II ещё продолжал грезить о турецких проливах и о возрождении Константинополя. Как же проводилась эта тайная операция папских спецслужб в середине века XVII?

Католический Запад на протяжении веков не оставлял попыток подчинить своему влиянию Святую Русь. В правление Ивана Грозного и во время Смуты эти планы осуществить не удалось. И вот, в 1649 году в Москву прибывает иерусалимский патриарх Паисий. Всякий раз визит особ подобного уровня носил какой-то особый смысл. В то время русский царь уже начинал верить, что наступают сроки, когда Россия приблизится к Босфору, и «третий Рим» возродится в самом Царьграде. И греки благосклонно поддакивали русским в этих мечтах, сами вождевая освободиться от ига ислама. Одна из тайн истории - кто и когда зародил в сознании царя идею о возрождении Царьграда. Но об этом знали и в Константинополе, и в Риме. Приезд Паисия был великим соблазном и заставил Алексея Михайловича проявить себя в полной мере.

Паисий прямо объявил тщеславному царю, что видит его восприимчиком *«великого царя Константина, прадеда Вашего, да освободит народ благочестивых и православных христиан от нечестивых рук...»*. Он же чётко поставил условие: унифицировать обряды по образцу вселенской церкви, принявшей Флорентийскую унию 1439 г. и тем самым потерявшей самостоятельность. Требовалось убрать двуперстие, сугубую аллилуйю и другие обряды первоначального, древнего константинопольского устава, принятого это время на Руси. Патриарх делает прямой вывод: русское православие - ересь, его 700-летняя история -

ересь, сами русские-еретики. Какое мы наблюдаем здесь трогательное единство с католическим Ватиканом, считавшим русских схизматиками, а в XIII-XIV вв. объявлявшим крестовые походы на Русь! Царю, чтобы занять «Высочайший трон», нужна самая малость - провести реформы Русской православной церкви и обрубить лишнее. На Москве словоблудие патриарха Паисия никто не принял всерьёз. Никто, кроме царя и его окружения. Алексей Михайлович сделал свой судьбоносный для страны выбор. С этого времени постепенно и последовательно начинается процесс «исправления» русского православия.

Своих, московских «реформаторов», не хватало и потому привлекали украинских священников, уже затронутых униатством. Напомним, кстати, что униатская церковь признаёт главенство католической церкви при формальном сохранении православных обрядов. Окончательно церковный раскол будет определён на церковном Соборе 1666 года (обратим внимание на дату!).

Противники реформы церкви бежали на окраины государства. Россия оказалась расколота на два непримиримых лагеря: на тех, кто принял царскую волю и на старообрядцев, «раскольников», которые не желали отступать ни от веры, ни от духа древлеправославия. Власть жестоко преследовала и карала несогласных. Им оставалось либо смириться, либо погибнуть, либо искать «землю обетованную» в Сибири, на Кавказе, в Прибалтике. Очень многие оказались тогда на территории современной Латвии - в Инфлянтах Польских (Латгале) и в Курляндском герцогстве.

Войны и эпидемии в то время буквально выкосили население здешних мест. Поэтому беглые старообрядцы были весьма благожелательно здесь приняты. Польский король Ян Собеский издал по этому поводу даже специальную грамоту «О свободном жительстве раскольников в польских пределах...»

Первые группы ревнителей «старой веры» появились в ливонских землях в 1659 году, т.е. ещё до официального разрыва отношений с Греко-православной церковью. Близ Динабурга, в деревне Лигинишки, в 1660 году был построен первый в Прибалтике старообрядческий храм. Центром земгалских старообрядцев стал нынешний город Екабпилс. Очень давно, ещё в начале XVI века, на левом берегу Двины, напротив Крейцбурга (Крустпилса), стали селиться беглые русские люди. В основном, это были новгородские стригильники - религиозные сектанты, бежавшие от гонений. Позднее, сюда же спасались беглецы от опал Ивана Грозного. Основав Гольмгофскую слободу (немцы так и называли её - *Slobodde*), они занимались торговлей, лесославоом, проводом судов через опасные места.

Вторая волна беглецов из Руси появилась здесь в середине XVII века. Это были люди, согнанные с верховьев реки войной. Среди них было много последователей древлеправославной веры. Герцог Яков грамотой от 12 февраля 1670 года жаловал этому поселению статус города и своё имя (по-немецки *Jakobstadt* - город Якова, нынешний Екабпилс). Интересно, что в отличие от других городов герцогства, на Якобштадт было распространено магдебургское городское право. Оно закрепляло свободы горожан, их самоуправление. Подобная льгота говорит о том особом значении, которое герцог придавал этому новому городу.

С течением времени старообрядцы довольно плотно заселили окрестности Динабурга, Люцина, Иллукста. К концу XVII века они составляли уже значительную часть населения Восточной Латвии.

Время Петра

Петра Романова приближённые и потомки называли Великим. Иные из подданных потихоньку величали его антихристом. Мир знал великих завоевателей, но их завоевания рано или поздно шли прахом, созданные ими гигантские империи разваливались. Мир знал великих реформаторов, случалось, их учения покояли не только свой, но и другие народы, однако эти реформы были религиозные. Завоевания Петра не столь уж значительны, к религии он был равнодушен и священнослужителем не трогал, если они ему не мешали. Право называться Великим дала ему

любовь к Родине. Любовь Петра к Отечеству была непомерна и необузданна, как он сам, нетерпение неистовым, а энергия ужасающей. Он обрушил свою любовь на Россию, как ураган, вздыбил, перевернул всё сверху донизу и погнал её в науку, культуру и если не к богатству, то к могуществу.

Могущество России совсем не улыбалось соседям: в години слабости и разрухи Руси они кромсали её по живому, отхватывали целыми краями. Росла и крепла вокруг России негласная стена блокады: знатоков, умельцев, учителей не пускать - дикую, нищую страну легче грабить под видом торговли. Пётр проломил эту стену, отвоевав древнерусские земли. Задул над Россией свежий балтийский ветер, разгоняя застоявшийся чад ладана и курных изб. Позднее в устье Невы заложена была Санкт-Петербургская крепость, при которой со временем образовался город - будущая столица Великой Империи.

Личность Петра незаурядна, но под стать ему были и другие монархи, вместе с которыми решалась тогда судьба Балтийского моря. Например, его союзник Август II, король Саксонии и Польши. Его не случайно называли Август Сильный. Этот могучий красавец и редкий жизнелюб благодаря своим многочисленным возлюбленным сумел стать отцом более 350 детей, и сегодня каждый саксонец имеет основания утверждать, что в его жилах течёт капля голубой королевской крови.

Под стать этим героям был их противник Карл XII, персона яркая и оригинальная. Шведский король славился своей простотой. Академик Е.В.Тарле писал о нём: *«Он был очень вынослив физически, молчаливо выносил долгое отсутствие привычной пищи и даже свежей, не пахнувшей болотом воды. Его воздержанность, суровый, спартанский образ жизни, недоступность соблазнам - всё это внушало к нему уважение»*. Карл XII питался хлебом с маслом, поджаренное на сковородке сало было для него уже лакомством. Когда он мёрз, в палатку к нему приносили раскалённые ядра. Вина не пил, поскольку в юности с ним случился конфуз: однажды крепко перебрав, он наболтал глупостей. Сторонился женщин, утверждая, что любовь испортит любого героя. Годами не менял одежды, в которой и спал, и сражался. Редко снимал ботфорты и потому от монарха исходил нехороший запах. Всю свою жизнь молодой король проводил в походах и сражениях, проявив себя выдающимся полководцем, обожаемым своими солдатами. Почитатели называли Карла «последний викинг», а злоречивые турки прозвали его за упрямство «железной башкой».

В антишведскую коалицию входила ещё и Дания, но её бледный монарх на фоне остальных исполинов как-то терялся.

Северная война началась с того, что в феврале 1700 г. шеститысячный саксонский корпус, пользуясь содействием курляндского герцога, неожиданно появился у Риги, без труда овладел укреплением Кобершанц, а вслед за тем и Динаминде (Даугавгривской крепостью). Располагая незначительными силами, саксонцы не рискнули атаковать Ригу и в ожидании подкреплений заняли позиции близ Икшкиле. После того, как стало известно о приближении шведов, спешивших из разных мест Лифляндии на помощь Риге, саксонцы в мае, сломав за собой мост, отступили за Двину. 5 июля прибыл под Ригу сам Август II вместе с И.Паткулем, отбросил подошедшие шведские войска, и стал с главными силами на правом берегу реки. Уже начато было бомбардирование города, как известие о том, что Карл XII неожиданным вторжением в Данию заставил датского короля согласиться на мир, побудило Августа бросить осаду, перевести войска на левый берег. Там он и оставил их под начальством фельдмаршала Штейнау и курляндского герцога Фердинанда-Казимира. Между тем, Пётр I, покончив дела с турками, приступил к заранее условленному союзу против Швеции. Осенью 1700 г. он двинул свои войска под Нарву. Нарвская катастрофа едва не расстроила всего союза, и потому царь употребил все старания, чтобы склонить польского короля продолжать войну. В мае 1701 года князь Аникита Иванович Репнин выступил из Пскова, ведя под Ригу в помощь саксонцам 18 солдатских и 1 стрелецкий пехотные полки. Через полтора месяца он соединился с войсками Штейнау под

Кокенгузеном (Кокнесе). Под Ригу были отправлены были 4000 человек под общим начальством Томаса Юнгара (полки Трейдена, Риддора и стрельцы Юрия Вестова). Прибытие русских было как нельзя более кстати: на выручку Риги шел от Дерпта (Тарту) сам шведский король. На случай попытки шведов перейти Двину у самой Риги, Штейнау распорядился занять под городом лежащие у левого берега острова. Один отряд русских разместили тогда на острове Луцавсала в старом шведском укреплении. Этому отряду, численностью чуть более 400 человек, суждено было со славою пасть на своём посту.

Шведская армия прибыла к Риге 7 июля. Полагаясь на превосходство своих сил (25.000 против 14.000) и на выгоды занимаемой позиции, саксонцы не приняли никаких мер на случай переправы шведов. Решили даже не препятствовать ей, в расчёте на легкую победу. Между тем, шведы, лучшая пехота Европы, готовились к сражению. Под защитой крепостных орудий лифляндский генерал-губернатор Дальберг собрал множество шлюпок и разных судов для перевозки войск. Чтобы переправлять пушки и кавалерию, снарядили особые паромы с опускаемыми бортами. На многих лодках были толстые связки пеньки для защиты солдат от выстрелов. Другие суда были нагружены подмоченным сеном. Предполагалось пустить их вперед и зажечь для того, чтобы густой дым мог скрыть переправу от неприятеля.

9 июля 1701 г., в 4 часа утра шведы начали переправляться. Толпы любопытных рижан сбегались поглазеть на это зрелище. Все мачты кораблей, все крепостные валы были усеяны массами зевак. В короткое время вся река покрылась шлюпками, паромами и лодками, а впереди плыли барки с сеном. Их зажгли, и по реке разостлался густой дым, облака которого понесло прямо в лицо неприятелю. Саксонцы не сразу осознали, что происходит. Шведы доплыли до середины, прежде чем заговорили саксонские пушки, на выстрелы которых отвечали с батареей, устроенных на паромах. Через 40 минут первые лодки шведского десанта подошли к противоположному берегу. Саксонцы попытались сбросить шведов в реку, но были отражены. В эту решительную минуту прибыл сам фельдмаршал. Ему удалось восстановить порядок между отступившими войсками, и он снова повёл их в бой. Но все усилия были напрасны. В рукопашной схватке получил прикладом в голову герцог курляндский. Его падение произвело замешательство в коннице, и саксонцы снова подались назад. Между тем, с противоположного берега прибывали всё новые и новые шведские полки. Штейнау и Паткуль в третий раз повели своих в атаку, бой закипел с ожесточением, но шведы везде брали верх, и начавшаяся в 5 ч. утра битва к 7 часам была уже окончена. Саксонцы оставили поле сражения. На их счастье, потери Карла были значительны, а утомление конницы так велико, что о преследовании разбитого неприятеля никто и не думал. На острове Луцавсала оставался ещё русский отряд. Про этих людей в горячке боя и последующего бегства большие начальники просто забыли. Но пост свой они не покинули и мужественно бились до конца.

Этот частный эпизод большой войны оказался незаслуженно забыт и мало упоминается в исторической литературе. Уделяя ему такое особое внимание в этой книге, мы хотим воздать должное героической памяти наших предков.

Изначально Пётр I не собирался отвоевывать все прибалтийские территории. Речь шла только о *«возвращении земель отчич и дедич»*, захваченных Швецией в начале XVII столетия. В то время даже английский король Вильгельм III *«при всех чужестранных министрах всенародне»* заявил, что лифляндские города *«были вотчиной»* Петра I. Но начавшись с поражения под Нарвой, война для России постепенно приобретала совсем иной оборот, и уже победоносная слава русского оружия давала Петру возможность по-иному оценивать будущее Прибалтики. К серьёзным успехам можно отнести взятие русской армией Риги в июле 1710 года. После длительной и многотрудной осады генерал-фельдмаршал граф Б.П.Шереметев торжественно въехал в город и получил от Рижского рата два символических золотых ключа. Как писал сам победитель: *«С Божьей милостью мне*

удалось с главным ливонским городом Ригой, который до сего времени никогда и никакими средствами не был взят и во всей Европе неприступной девственницей считался, обречь и привести его, как невесту, к честному соглашению».

Тогда же Шереметев принял от рижских горожан и ливонского рыцарства присягу на верность. Условия капитуляции Риги и перехода её в подданство России оговаривались в особом соглашении, т.н. «Аккордных статьях». Подтверждались все права и привилегии прибалтийско-немецкого дворянства, а также городских бюргеров. Так было положено начало «остзейской автономии» (*Ostsee* - Балтийское море), того особого статуса прибалтийских губерний в составе России, при котором за остзейским, немецким меньшинством закреплялись привилегии прежние и предоставлялись новые. В Старой Риге сохранился дом Хененберга, известный как Дворец Петра. Здесь царь проживал, посещая Ригу после того, как она стала российским городом. Малоизвестный, но красноречивый факт: в 1712 году Петром Великим обер-коменданту Я.В.Полонскому были выделены средства - 5000 крон - на покупку этого дома у рижского магистрата. Любопытное поведение царя-оккупанта в завоеванном им городе!

Ближе к концу войны, когда Россия уже отвоевала у Швеции немалые территории, Пётр включает в свои притязания всю Лифляндию и ряд других земель. По Ништадскому мирному договору от 30 августа (10 сентября) 1721 года, он добивается многого: «...Его королевское величество Свейское уступает сим за себя и своих, потомков и наследников Свейского престола и королевства Свейского его царскому величеству и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное непрекословное вечное владение и собственность во всей войне через его царское величество оружие от короны Свейской завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, который ниже сего в артикуле заграничном означен и описан с городами и крепостями - Ригой, Динаминдом, Пернавой, Ревелем, Дерптом, Нарвой, Выборгом, Кексгальмом и всеми прочими к упомянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гаванями, местами, дистриктами, берегами...» По условиям договора, Россия возвращала Шведскому королевству Финляндию, занятую русскими войсками во время войны, и выплачивала компенсацию за отходившие от Швеции территории. Россия получала эти земли не просто как победитель в Северной войне, но в результате уплаты Его Царским Величеством Шведскому Королевству «двух миллионов ефимков исправно без вычета и конечно от е.к.в. с надлежащими полномочными и расписками снабденным уполномоченным». Таким образом, земли Лифляндии были законно куплены Россией у шведского короля.

В 1721 году в ознаменование подписания Ништадского мира, по приказу императора Петра в Риге был заложен Царский сад (нынешний сад Виестура), в котором царь собственноручно посадил вяз. Это был первый регулярный парк в России.

Конечно, год присоединения Риги к Российской империи (1710) был одним из самых мучительных в богатой событиями её истории. Война, разруха, осада, чума... Тогда население города уменьшилось почти вдвое. Но после заключения мира, означавшего не просто завершение Северной войны, но и победу России в длительной борьбе за возвращение своих древних территорий, для Риги наступил двухсотлетний период долгожданного покоя, стабильности и неуклонного роста благосостояния. Вспомним, что при капитуляции все торговые и муниципальные привилегии рижских бюргеров были подтверждены. О таких привилегиях большинство российских городов тогда могло лишь мечтать! Любопытно, что несмотря на формально узаконенное хождение в Риге российских денег, рубли здесь долго не могли прижиться - вплоть до конца XVIII века. Хождение у местных жителей имели западноевропейские талеры и дукаты. Одно время для создания «переходной» валюты в Москве пытались чеканить «ливонезы» - монеты по образцу талеров с гербами Риги и Таллина, но вскоре из-за их непопулярности чеканка прекратилась.

«Нехороший царь»

Вокруг личности Петра Великого в среде латвийских историков традиционно кипят нешуточные страсти. Кажется, что нет для латышского народа врага страшнее, чем Пётр I и его солдаты. Достаточно почитать, как «на завоеванной территории русские войска занимались грабежом, поджогами, убивали или уводили в плен местных жителей» (И.Кенинш «История Латвии», стр.106) и другие тому подобные страшилки, как всё становится предельно ясно. Ещё в 30-е годы, в пору существования Первой республики, латышская национальная историография старательно насаждала тезис о т.н. «счастливых шведских временах». Как оказывается хорошо, как славно жили латыши под властью шведской короны, пока не пришли злые русские и не отвоевали в свою пользу эти земли! Эта старая теория обрела сегодня второе дыхание. Зловредность «жестокого русского царя» и его безжалостных головорезов стала прочным основанием для оголтелой антирусской пропаганды и умелого возвращения очерченных «исторических болей». Правда, совершенно не понятно, как без этого прекрасно обходятся эстонцы, для которых царь Пётр давно является вполне приемлемым и уважаемым историческим персонажем? Есть там и музеи, и памятные места, связанные с ним. Конечно, война штука жестокая. Не бывает среди её участников личностей однозначно белых и пушистых. Случается в бою всякое... Но моральное превосходство над противником всегда основывается на гуманном и великодушном отношении к пленным.

Красноречивый исторический факт: в 1705 году Пётр I представил британскому, прусскому и голландскому послам в Москве двух солдат, бежавших из шведского плена. У обоих на руках и на ногах были обрублены пальцы. По их показаниям, это было сделано на глазах шведского короля. В предшествующем году шведы сожгли здание, в котором находилось до двухсот русских военнопленных. По приказу самого Карла XII, захваченные в плен русские казаки избивались до смерти палками. В 1706 году с исключительной жестокостью были умерщвлены все русские, взятые в плен при Фрауштадте: их клали один на другого по два, по три и кололи штыками, пиками и ножами. «Лютость таковая происходила по точному повелению самого короля шведского», - замечает свидетель этих деяний. В то же время, современники отмечали, что после полтавской победы Пётр милостиво принял пленных неприятельских генералов, возвратил им шпаги, пригласил к своему столу. «А между тем по его повелению угощаемы были столом и все пленные офицеры, накормлены со изобилием и все пленные же солдаты». На содержание пленных Пётр определил «довольные деньги».

Позднее, уже в середине галантного века, во время Семилетней войны, в битве под Цорндорфом, Фридрих II «приказал не щадить ни одного русского». Исполняя приказ короля, пруссаки сбрасывали в ямы раненых русских солдат и закапывали их вместе с убитыми. Между тем, фельдмаршал Салтыков отмечает в своих реляциях, что русские солдаты проявляли в высшей степени человеческое отношение к побеждённым. Очевидец рассказывает: «Многие наши легко раненные неприятельских тяжело раненных на себе из опасности выносили; солдаты наши своим хлебом и водою, в коей сами великую нужду имели, их снабжали».

Воинский устав Петра I «под смертным страхом» воспрещал «не токмо в своей союзничьей или нейтральной землях, но и в неприятельской» причинять какие-либо «обиды мирным жителям». Инструкция 1706 года генерал-майору Брюсу и бригадир Шонбургу также ввела никаких «бесчестств отнюдь не чинить, не поступать как вышним, так и рядовым так, как добрым и честным солдатам надлежит...»

Так ещё с отроческих лет русской военной мощи внедрялось в сознание войск правило, позднее сформулированное в известном афоризме Суворова: «Солдат - не разбойник».

Правило это, определявшее гуманный образ действий по отношению к пленным и к обывателям на чужой стороне, стало одной из лучших национальных традиций русской армии. Всякое

отступление от него являлось своего рода аномалией, истекавшей из чуждых русской военной этике принципов. Знаменательно, что, упоминая о фактах насилия и разбоя, допущенных некоторыми офицерами во время взятия Варшавы в 1794 году, один мемуарист немецкого происхождения пристыжено замечает: «К моему удивлению, эти офицеры большей частью не русские, а немцы». Особенной жестокостью запятнал себя ещё в эпоху первой польской войны подполковник Древиц, немец на русской службе. Известно, что он с полным хладнокровием отрезал кисти рук у пленных поляков. Письма Суворова к главнокомандующему русскими войсками в Польше И.И.Веймарну кипят негодованием против Древица, который «позорит честь русского оружия», действуя «в стыд наш... в стыд России, лишившейся давно таких варварских времён». Это писал Суворов, которого враги называли «северным варваром».

Но вернёмся к Петру Великому. Как говорили древние римляне, *audiatur et altera pars* (пусть будет выслушана и другая сторона).

В нашем случае инакомыслящие, это те многочисленные носители латышского народного творчества (легенд, преданий и побывальщин), которые в своих, записанных собирателями фольклора повествованиях о Северной войне, высказали суждения, существенно отличающиеся от заявлений современных латышских историков. Эти записи производились с XIX века по наши дни. Многие из них в 1988 году были опубликованы в составленном известной фольклористкой Алмой Анцелане сборнике «Латышские народные исторические предания». Имя Петра Великого (именно, Великого!) звучит во многих легендах. В некоторых вариантах он упоминается безымянно как царь или «Ifeizars». Все эти предания и побывальщины различны по содержанию. В одних описан какой-нибудь случай, связанный с Петром, в других подробно излагается целая история, например, осада и взятие Риги.

Вот, например, распространённый сюжет латышских народных преданий «Пётр спасает Ригу от взрыва». Легенда была записана в Вентспилсе в 30-е годы.

«Это было тогда, когда шведы с русскими воевали. Пётр приехал вроде как нищим и пробрался неузнанным разведать Ригу. Захотелось ему есть. Пошёл по городу еды поискать. Проходит мимо склада с порохом и видит через окно: свеча горит. Её зажгли шведы, чтобы перед своим уходом взорвать город. Пётр сразу сообразил: если свеча догорит - Рига взлетит на воздух! Пётр ещё зашёл в один дом на кухню. Затем поспешил обратно в стан русского войска. А кухарка на кухне подметила, что у чужанина под нищенскими лохмотьями вроде как звезды поблескивают. Она поняла, что это русский царь, и донесла шведскому военачальнику. А Пётр вышел из кухни, увидел на телеге ящик с навозом, который повезут на поле, залез в ящик - так его и вывезли через городские ворота! Шведы ищут Петра повсюду в городе, а он спешит в русский лагерь, поднимает войско и ведёт на Ригу. Прежде всего поскакал к тому месту, где свеча горит. Пламя уже почти у порога. Пётр вовремя поспел, погасил огонь и спас Ригу от взрыва. Когда Пётр во главе войска скакал свечу тушить, скакал он так быстро, что у коня подкова отскочила и влетела через окно третьего этажа». Эта подкова, кстати сказать, как рассказывал в 1963 году собирателю фольклора А.Силину шестидесятилетний Алфреде Кронис, и по сей день красуется прикрепленной к стене дома на рижской улице Калькю, 20.

Другой собиратель, Я.Клапарс, в 1928 году записал предание о том, как Пётр Великий самолечно руководил сражением неподалёку от Яунпиебалгского кладбища. В этой легенде сохранились даже точные сведения, где располагались обе армии: шведские войска стояли там, «где теперь находится усадьба Луки, русские - напротив». Бой происходил рано утром. Поначалу казалось, что одолевают шведы, потом перевес получили русские. «Ужасно выглядело поле после сражения. Небольшой ручеек в лесу окрасился от крови в красный цвет, поэтому его и теперь называют Красный ручей. К югу от железнодорожно-

го полотна - холмик. Под ним лежит убитый шведский генерал с золотой саблей и серебряным щитом. Шведы шапками нанесли песок и засыпали его. Чтобы вода не залила покойника, к земле прибавляли угля».

В разных латвийских регионах можно отыскать места, связанные с Петром. В 1939 году было записано предание о большом камне в Бауске, где «во время Северной войны царь Пётр Великий останавливался со своим войском и обедал на этом камне. Под камнем до сих пор хранится золотая сабля царя».

Много преданий посвящено его чудесному спасению от преследовавших шведов. Одно из них записано в 1966 году от Индрикиса Круклиса в Валмиерском районе. Говорится там, что однажды враги настигали Петра на старой дороге из Руены в Валмиеру. «Шведы гнались за ним. Пётр Великий нигде не мог укрыться. Забежал в одну усадьбу, и в печь! Велел хозяйке делать вид, что собирает она её растапливать». Хозяйка так и сделала, чем спасла царя. Потом Пётр щедро наградил женщину, и никаких налогов она больше не платила!

В другом предании, записанном от 92 летней Лизы Мейстере из Цессисского района, Пётр, спасаясь, забежал в Алуксенскую церковь. В доме пастора Глюка царя спрятала его воспитанница. Благодарный Пётр спросил потом, сколько заплатить за спасение. «Ты сам должен знать, что делать», - ответил пастор. И Пётр женился на девушке, которая стала потом императрицей Екатериной.

Конечно, не во всех преданиях о Петре Великом его связывают только с Северной войной. Есть, например, легенда, записанная в 1934 году от Я.Лиепина. Однажды царь заблудился в лесу. Его вывел из чащобы какой-то беглый крестьянин, ставший браконьером. Пётр наградил того землей, подарив столько, сколько он сможет обскákat на царском коне за сутки.

В 1930 году собирателю фольклора К.Арайсу рассказали о некоем латышском старичке, который предупредил Петра о бомбе, заложенной под мостом, по которому должен был проехать царь, направляясь из Кулдиги. За это родичи старика получили написанную на бычьей коже грамоту, в которой были прописаны все их привилегии.

Как мы уже говорили, многочисленные варианты этих преданий встречаются и без имени Петра. Упоминается просто русский царь. И ведь что любопытно, несмотря на все ужасы Северной войны, в народном сознании имя русского царя осталось в неизменно положительном восприятии. Латышские сказители относились к Петру с явной симпатией, причём, в самых разных районах Латвии. В старинных легендах немало рассказывается о жестокостях военных действий, о тех бедах и несчастьях, которые в те годы претерпевали латыши. Но ни в одном из таких преданий каких-либо обвинений в адрес Петра мы не встречаем. Ни в одном! Как же объяснить такое устойчивое положительное мнение латышей о Петре Великом? Ведь в 20-30-е годы его личность получила в местных учёных кругах совсем иную интерпретацию. И вот ещё одно удивительное обстоятельство! Если мы сопоставим оценку шведов и русских в их постоянных противопоставлениях, то симпатии латышских рассказчиков однозначно склоняются в сторону именно русских. Заметим, что опять же в отличие от выводов и обобщений прогрессивных латышских историков 20-30-х и 80-90-х годов XX века.

Как же интересно получается! Простой народ 200 лет сохраняет симпатию к русским вообще и к царю Петру в частности, с тем, чтобы в XX веке разумные национально мыслящие историки и политики прилагали титанические усилия, чтобы убедить его (т.е. народ) в том, что он заблуждается... Чрезвычайно интересная ситуация. Может быть прав был ироничный философ, утверждавший, что «образование ума не даёт, но лишь дурь закрепляет»?

Под сенью Орла

После того, как российские власти приступили к управлению вновь приобретёнными землями, с первых же шагов стали заметны традиционная русская непоследовательность и отсутствие жёсткой государственной воли. По шведскому образцу в

Лифляндии была введена должность губернатора, являвшегося как бы наместником царя. Но при этом, если шведы старались существенно ограничить немецкое самоуправление, то российская корона не только вернула немцам все их прежние привилегии, но и предоставила ряд новых. В результате Остзейский край хотя и являлся частью Российской империи, но реально был как бы государством в государстве. На этой территории официально действовали собственные законы и свои дворянские органы самоуправления, отличавшиеся от общеимперских. Практически на протяжении всего XVIII века центральные органы власти во внутренние дела прибалтийских губерний совершенно не вмешивались. Сами остзейцы называли это состояние «особый балтийский порядок».

В полной мере местные дворяне почувствовали волю при Анне Иоанновне, в годы «бироновщины». Остзейцы стали тогда всевластны не только в Прибалтике, но и по всей России. Лишь при Елизавете Петровне их немного прижали, хотя непосредственно в Прибалтике мало что изменилось. Надо было заполучить на российский престол чистокровную немку Екатерину II, чтобы интересы России и русских были наконец-то соблюдены. Посетив эти края летом 1764 года, императрица лично ознакомилась с положением на местах. Она собиралась коренным образом реформировать управление прибалтийскими губерниями, чтобы привести их к единству с остальной страной. Были наконец ликвидированы многие средневековые порядки, сохранившиеся ещё со времён Ливонского ордена. Отменялись ограничения для «немцев». Русские, латыши и эстонцы впервые уравнивались в правах с остзейцами и могли на равных с ними заниматься ремёслами и торговлей, владеть имуществом. В 1785 году русские рижане получили право выбирать городское самоуправление и быть избранными. Не прошло и семидесяти лет после окончания Северной войны, как завоеватели наконец-то уравнили свои права с правами завоёванных! В какой ещё стране это было бы возможно, кроме России?! В правление Екатерины делались попытки укрепить влияние русской культуры и образования в Остзейском крае. В 1789 году в Риге было открыто первое учебное заведение с русским языком обучения - Екатеринбургское училище.

Правда, после того, как на престол взшёл ненавидевший свою мать Павел I, он отменил все её реформы. Прибалтийско-немецкому дворянству и бюргерству были возвращены привилегии, а русские снова лишались каких-либо гражданских прав.

В этот период русское население Балтии увеличивалось очень незначительно. Большинство русских здесь составляли тогда старообрядцы. Продолжавшиеся гонения толкали их к побегу. Как и прежде, они уходили на окраины страны, в том числе в Лифляндию и Эстляндию. Пользуясь тем, что во внутренние дела прибалтийских провинций Петербург предпочитал не вмешиваться, беглые староверы находили здесь приют, покой и помощь единовольцев. Бежали сюда и крепостные в поисках лучшей жизни. В городах численность русского населения увеличивалась за счёт солдат гарнизонов и их семей.

Особую роль здесь играла торговля. В 1775 году для нужд русского купечества в Московском предместье Риги был построен гостинный двор. Ослабление остзейского контроля привело к настоящему буму русской торговли. К концу века в городе проживало более 400 русских купеческих семей. В большинстве своём это были старообрядцы, сохранявшие свой традиционный быт. Мы должны признать, что находилось и немалое число тех, кто охотно интегрировался в немецкую среду. Ведь после отмены гражданских прав русские купцы оказались поставлены вне участия в активной городской жизни. Выход был в ассимиляции. Эти «лояльные» к политике дискриминации русские стремились любой ценой определить своего ребёнка в немецкую школу и старались полностью раствориться в немецком окружении. Так в Риге появились немецкие семьи Андриановых, Арбузовых и прочие, менее известные фамилии.

Впрочем, то же касалось и латышей. Для тех, кто желал достичь каких-либо социальных вершин, путь был один - добро-

вольная ассимиляция. Писатель-просветитель Гарлиб Меркель в 1796 году отмечал в своей знаменитой книге «Латыши, особенно в Ливонии, на исходе философского столетия» следующее: «Пока они остаются крепостными, не ищите в них никакой национальной гордости. У них такой недостаток в ней, что каждый латыш, которому удалось добиться свободы и перейти в другое сословие, считает горькой обидой для себя, когда кто-то напомнит ему, что он латыш. Он тщательно старается обособиться от своих братьев, прикидывается, что не понимает их языка, а если успеет сделаться барином для некоторых из них, тогда он жестокосерднее и корыстнее самих немцев».

Первая Отечественная

Начало XIX века ознаменовало себя как эпоха наполеоновских войн. Это героическое время оставило неизгладимый след в исторической памяти нашего народа.

10 (22) июня 1812 года войскам «Великой армии» был зачитан приказ Наполеона, который гласил: «Солдаты!.. Россия увлечена роком. Судьбы её должны свершиться. Идем же вперёд, перейдём Неман, внесём войну в её пределы...». Вечером следующего дня французская армия начала переправу. Война началась.

Операции в районе Риги Наполеон поручил корпусу Макдональда, в задачу которого входил захват Рижской крепости и угроза Петербургу. В состав его войск входили баварские, вестфальские и польские полки. В авангарде корпуса двигался 30-тысячный отряд пруссаков под командованием генерала Йорка. Уже 6 июля противник занял Бауску, потом Елгаву. После сражения у Иецавы русские полки были оттеснены к Доле и Кекаве.

Сто два года не знала Рига войны. Теперь рижане справедливо опасались, что город постигнет участь Гамбурга и Данцига: потеря древнего благосостояния и полное разорение. А ведь Наполеон высоко ценил Ригу, называя её «предместьем Лондона!» Уже 17 июня город был объявлен на военном положении «и багровый флаг развевался на валу». В помощь гарнизону организовали биргерские роты - отряды «военных граждан». В их обязанности входило несение караулов, организация пожарной безопасности, помощь в госпиталях, заготовка продовольствия, строительство оборонительных сооружений. Из-за недостатка в артиллеристах часть людей направили на бастионы в качестве орудийной прислуги. Отряды вражеских фуражиров уже рыскали под стенами города. Против них посылались воинские команды, «всегда сопровождаемые охотниками из молодых обывателей Риги». Лифляндская губерния тогда сформировала отряд добровольцев в 2260 человек и конный казачий полк из 2000 всадников. Задача этих частей заключалась «в ограждении границ от нападения неприятельских отрядов и мародёров». Был образован «корпус вольных конных и пеших лифляндских егерей». Из жителей занятой французами Курляндии был создан отряд вольных курляндских стрелков. Бойцы этого отряда назывались форштегерями, то есть лесными охотниками.

К началу июля пруссаки подошли к Риге на расстояние 15 км. В случае, если бы они попытались войти в город, орудийная стрельба с валов крепости была бы стеснена городскими предместьями. Это весьма осложняло оборону.

Генерал-губернатор И.Н.Эссен приказал разрушить строения Митавского предместья и подготовить к сожжению Московский и Петербургский форштадты. В ночь с 11 на 12 июля он отдаёт приказ уничтожить предместья. Солдаты с помощью специальных венков из просмоленной соломы начали поджигать дома. Страшный пожар охватил город, и через несколько часов предместья Риги представляли собой дымящееся, смрадное пепелище. Из-за «излишней торопливости» сгорело более 700 домов, нанесено 17 млн. рублей убытка. Без крова и имущества осталось около 10 тыс. жителей (население Риги в то время составляло 33 тыс. человек).

Есть легенда, что отдать роковой приказ заставила ошибка разведчиков, принявших стадо скота за вражеские войска. Но, в

действительности, история майора Апушкина, который поспешил сечь под Елгавой мост, приняв выков за неприятельских солдат, причудливым образом трансформировалась в уничтожение рижских предместий. Эссен действовал строго по инструкции, хотя и несколько поспешно. За эту ошибку против него потом восстало общественное мнение, и в октябре 1812 г. он был снят со своего поста и заменён маркизом Паулуччи. Удалившись в Балдоне, в своё поместье, бывший военный губернатор страшно переживал за свою оплошность. Поговаривали, что в следующем, 1813 году, в день годовщины сожжения предместий Риги, Эссен покончил жизнь самоубийством... Если бы нынешние госчиновники были так же совестливы!

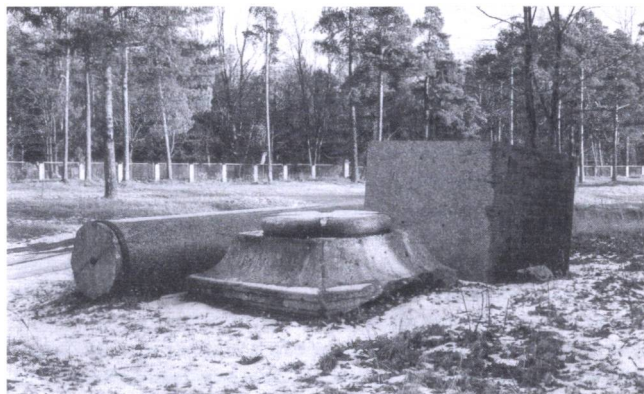
В обороне Риги особенно отличились братства, или цехи, латышских транспортных рабочих. В помощь артиллерийской команде пришли трепальщики пеньки. Когда был отдан приказ жечь форштадты, ни один из них не покинул боевой пост, чтобы спасти своё гибнущее имущество! Командующий артиллерией полковник Третьяков отметил их подвиг особой почётной грамотой, выданной старшине братства Мартину Славе и 60 его товарищам за их преданную службу и патриотизм. Рижские перевозчики, рискуя жизнью, перевозили войска и военные грузы с кораблей на берег, переправляли их через Даугаву. В Курземе и Земгале началась партизанская борьба. Крестьяне нападали на мелкие отряды фуражиров, на небольшие военные транспорты. По прусским источникам, в борьбе с партизанами они потеряли около 600 человек. В местных преданиях сохранились рассказы о тех лихих временах. Например, легенда о том, как в Тирельских болотах был уничтожен целый эскадрон «чёрных гусар».

Военные действия под Ригой продолжались до самой осени. В них участвовали небольшие речные флотилии, которые успешно сражались на р.Лиелупе. В октябре, когда основные силы французов начали отступление из Москвы, получил приказ отойти к Тильзиту и корпус Макдональда. Маркиз Паулуччи, узнав об этом, выделил для преследования противника большую часть рижского гарнизона. Война для Лифляндии закончилась.

10 октября 1814 г., по инициативе рижского генерал-губернатора маркиза Паулуччи, в день двухлетия со дня окончательного изгнания французов из Москвы, на Замковой площади состоялась закладка первого камня на месте будущего памятника в честь победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года. Вот как описывалось это событие в «Rigasche Zeitung» («Рижской газете»): «Годовщина освобождения Москвы, как для России, так и для всей Европы, была днём празднования своего освобождения - сегодня нами отмечена с чувством любви к Отчеству. Рижское купечество решило выразить свою любовь и преданность благословенному монарху тем, чтобы соорудить достойный памятник, который напоминал бы нашему потомству о событиях 1812, 1813, и 1814 годов.

Для этой, колонны" из гранита, увенчанной наверху металлической Богиней Победы, на Замковой площади был заложен камень. После торжественного православного богослужения выступил господин старший пастор Бергман с соответствующей речью, произнесённой с чувством. В свинцовый ящик был уложен памятный документ (на русском, немецком, латинском языках) и замурован в основание будущего памятника».

Этот памятник обещал быть выдающимся произведением искусства, способным украсить любой город. Автором его стал знаменитый архитектор Дж.Кваренги (1744-1817), автор скульптуры Победы - Б.И.Орловский, в бронзе её отлил мастер Екимов. Сама гранитная колонна была работой известного русского ваятеля С.К.Суханова, вытесавшего также Александровскую колонну в Петербурге. В 1816 году изготовление памятника было закончено, его погрузили на корабль и отправили в Ригу. По дороге, около города Арнсбурга (Курессааре) на острове Эзель (Сааремаа), судно затонуло. Хитроумный офицер фон Рейнике успешно справился с этой бедой. Он организовал подъём памятника со дна моря и доставку его в Ригу. С немалыми трудностями подняли колонну лебёдками на берег Двины и доставили к месту окончательной установки. Для открытия Колонны Победы был

Колонна Победы. Начало XXI века.

выбран торжественный момент: день коронации императора Александра 15 сентября. Незадолго до этого, а именно, 9 сентября 1817 г., в Риге уже прошло освящение Триумфальной Александровской арки. Вот опять цитата из немецкой газеты: «В день всеобщей народной радости, в день коронавания состоялось открытие памятника. Чтобы сдержать напор массы народа, вокруг всей Замковой площади были установлены в четыре ряда войска. Городская конная гвардия наблюдала за порядком.

В середине площади был устроен помост, покрытый навесом. К 11-ти часам на помосте собрались все высокопоставленные лица во главе с генерал-губернатором маркизом Паулуччи. Освящение памятника было совершено после православного богослужения, при грохоте пушек».

Изготовленную из красного гранита колонну венчала бронзовая фигура Богини Победы на шаре. Постамент был украшен орлами и гириандами, а также плитами с надписями на русском и латинском языках. Текст был таким:

Силы двадцати Царств и Народов
с мечом и огнём вторглись в Россию,
и
пали в смерть и плен.
Россия
поразя Губителя
расторгла узы Европы.
АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ
победоносною десницею
возвратил и утвердил
Царям царства, законы народам.
Л. 1814.

Колонна Победы высилась на Замковой площади почти столет. В начале Первой мировой войны, когда в 1915 г. немецкие войска приблизились к городу, металлические детали сняли и эвакуировали в глубь России. Обезображенная и голая, Колонна простояла до 1938 г. В тот год патриотизм нового хозяина Рижского замка, авторитарного диктатора К.Ульманиса, не позволил ему больше терпеть подобного надругательства над национальными чувствами: видеть каждый день в центре Риги «русский памятник» царских времен! По его приказу, Колонна Победы была разобрана и перевезена в сад Виестура, где она пролежала до конца 80-х годов. На сессии Рижского горисполкома было принято решение восстановить Колонну. Законное место на Замковой площади было к тому времени занято: там высился памятник латышскому большевику Петру Стучке. Поэтому её решили установить на площади Екаба. Была подготовлена выложенная камнями площадка, благоустроен сквер. Осенью 1990 г. Колонну привезли туда для последующей установки. Но вмешались уже нынешние патриоты. Актеры Национального театра, соратники Ю.Добелиса, устроили там пикет, протестуя против установки «русского памятника». К их мнению власти прислушались. Гранитные детали отвезли на склад, символично расположенный возле рижского крематория. Там и лежат они до сих пор.

Остзейские парадоксы

Мы понимаем, что для любого здравомыслящего человека это звучит достаточно дико. Но всю первую половину XIX века государственная политика Российской империи в Прибалтике заключалась в том, чтобы полностью игнорировать русские национальные интересы!

Прежде всего определимся, что земли современной Латвии в то время не представляли собой единого целого. Губернские границы разбивали их на две существенно отличавшиеся части. Это Остзейский край, включавший в себя Курляндскую и Лифляндскую губернии, и несколько уездов Витебской губернии (Динабургский, Режицкий, Люцинский). После того, как на престол вступил Александр Павлович, в Петербурге было полностью утрачено представление о том, что же реально происходит в Прибалтике. Это неведение продолжалось и при Николае I. Достаточно сказать, что о существовании в Риге многочисленных старообрядцев изумлённый царь узнал совершенно случайно после того, как староверы необдуманно опубликовали печатный отчёт о своей деятельности. Естественно, что после этого у них начались проблемы... Царя больше интересовал вопрос: «А что про нас скажет просвещённая Европа?!» Мнение Европы определяло поведение российских властей.

Александр боролся против «русского национализма»! Циркуляры губернаторам той поры предписывали бдительно следить за лицами, уличёнными в данном преступлении. Таковых отдавали под гласный надзор полиции! При дворе поощрялось подчеркнуто пренебрежительное отношение ко всему русскому. Всё иностранное, особенно немецкое, вызывало восторг. Иные мнения по этому поводу цензура жёстко пресекала. Подобный подход углубил и без того существовавший разрыв между властью и обществом. Если в те годы правительство было космополитично, то общество наоборот - национально. В дальнейшем, уже при ненавидимом либералами «русификаторе» Александре III, была сделана попытка совершить решительный поворот в национальном духе, но время было упущено. Общество в основе своей уже прониклось «прогрессивными идеями», и все попытки царя укрепить русские национальные чувства вызывали в среде либеральной интеллигенции лишь насмешки и критику. Наоборот, столичные либералы восторженно приветствовали любые проявления национального пробуждения «угнетённых народов» Империи.

Так что не удивительно, что в 1846 году при Лифляндском генерал-губернаторе состояло всего шесть русских чиновников. Мы не собираемся порочить всех остзейских дворян, что со времён Петра состояли на службе государства Российского. Среди них было немало людей достойнейших и благородных, верой и правдой служивших России. Имена флотоводцев Крузенштерна и Беллингаузена, военачальника Барклая-де-Толли, инженера Тотлебена, скульптора Клодта, художника Тимма, исследователя Толя, а также многих-многих других, навсегда останутся в памяти потомков. Но речь идёт о конк^ттном немецком засилье в верхах, благодаря которому торм^а ^илось развитие страны, подрывались её национальные интересы.

Местное прибалтийское дворянство откровенно заявляло, что принимали они присягу на верность императору, а не российскому государству. Естественно, что этих людей волновали интересы лишь собственные и никакие иные. Работавший в Риге в 40-х годах XIX века известный русский публицист Ю.Ф.Самарин распространил ставшие знаменитыми «Письма из Риги», где описывал немецкое всевластие в крае и полное бессилие российского государственного аппарата: *«Мне кажется, Россия присоединена к Остзейскому краю и постепенно завоёвывается остзейцами»*. Он приводил потрясающие факты, свидетельствующие об униженном состоянии русского населения: *«мастер [немец] выхваляя... свою кротость в обхождении с подмастерьями, сказал... указывая на русских работников: „Вы можете судить о моей снисходительности, когда я даже этих скотов русских не бью“*». Самарин был немедленно обвинён в разжигании революционных настроений (сейчас бы сказали «межнацио-

нальной розни»), выслан из Лифляндии и заключён в Шлиссельбургскую крепость! Самовластно остзейского дворянства содействовало и то, что ему сочувствовала влиятельная придворная «немецкая партия», куда входили многие высшие должностные лица, причём не обязательно немцы по национальности! Это в полной мере проявилось во время удивительного явления: массового перехода латышских и эстонских крестьян в православие в 1845-1848 годах.

Более 100 тысяч человек, каждый восьмой житель Остзейского края, перешёл тогда в «русскую веру»! Конечно, среди крестьян распространялись слухи о возможном переселении в южные российские губернии. Переменяя вероисповедание, они надеялись, что переход в «государеву веру» даст им в собственность землю в «тёплых краях». Но не надо забывать и о той искренней, лютой ненависти, которую испытывали к своим остзейским господам латыши и эстонцы. Они прекрасно осознавали, что лютеранская церковь всегда была одним из главных политических орудий подчинения крестьян власти немецких баронов. В этих условиях переход латышей в православие был действенной формой борьбы за освобождение от этой власти.

Крестьяне толпами приходили в Ригу, чтобы записаться в «русскую веру». Это невиданное религиозное движение в Лифляндии стало сенсацией, как в России, так и за границей. Император велел по сему случаю принять меры. К месту событий помчались флигель-адъютанты и жандармские офицеры. Генерал-губернатор Е.А.Головин пытался оправдаться, что он здесь совершенно не при чём. На защиту интересов немецких баронов с готовностью встал наследник, будущий царь Александр II, потребовавший решительного подавления крестьянского движения, а также запрещения латышам и эстонцам перехода в православие. Митрополит петербургский верноподданно запретил в Эстляндской губернии принимать эстонцев в православие. В Курляндской губернии православным священникам также не дозволялось принимать в православие латышей. В Лифляндии, где переход в «русскую веру» принял массовый характер, подавить это движение скоро не удалось. Николай I открыто выразил своё возмущение действиями бедного Головина, окончательно впадшего в немилость. По распоряжению императора, в Лифляндии приступили к подавлению «бунта» и окончательно ликвидировали его, когда в Западной Европе началась революция 1848 года. Правительство сделало всё, чтобы успокоить возмущённых до глубины души остзейцев. Новый генерал-губернатор А.А.Суворов по прибытии в Ригу сразу заявил, что своей задачей ставит защиту и охрану привилегий немецких баронов.

Страсти по русификации

«Страшная русификация», проводимая российскими властями в Прибалтике в 80-е годы XIX века, со временем стала одной из самых востребованных страшилок национальной латышской пропаганды. Политика «национального притеснения и русификации», которую начал тогда царь Александр III, подвергается нападкам и активно осуждается в наши дни. В чём же провинился император Всероссийский?

Чтобы понять это, надо прежде всего разобраться, с какими проблемами столкнулся этот царь-богатырь (он с лёгкостью разгибал руками подковы), вступая на престол в 1881 году. Проблем хватало. С каждым годом Россия всё сильнее экономически отставала от Европы. Обострение противоречий между европейскими державами, при быстром совершенствовании военной техники, толкало мир к неминуемой войне. В 1871 году образовалась Германская империя, буквально пронизанная идеей пангерманизма. Немецкие идеологи пропагандировали особую историческую миссию германской нации в мировом масштабе. В этих опасных условиях безмятежная Россия практически не представляла собой единого государства. Законодательство было общеимперским лишь номинально: в Царстве Польском действовал Кодекс Наполеона, в Полтавской и Черниговской губерниях - Литовский статут, в Прибалтийском крае - «Свод местных узаконений», на Кавказе, в Сибири и Средней Азии - всевозможные

местные законы и обычаи, не говоря уже о Великом княжестве Финляндском, которое даже имело свои деньги и собственную армию! И вот за то, что Александр III решил наконец покончить с этим беспорядком и укрепить свою державу, либералы всех мастей немедленно заклеили его позором, называя мракобесом, реакционером и «русификатором».

В Прибалтийских губерниях, называемых также Остзейским краем, вся реальная власть продолжала находиться в руках т.н. «остзейцев». Уточним, что это не только бароны, но и немецкое духовенство, а также бюргеры, пользовавшиеся всеми прелестями своего привилегированного положения. Среди немцев было очень мало «неостзейцев», из низших слоёв общества, т.н. «малых немцев», так что их мы в расчёт брать не будем. Остзейцам противостояли немногочисленные русские и латыши с эстонцами, которых немцы традиционно за людей не считали. Когда же в действие вступила новая политика российских властей, немцы немедленно бросились за поддержкой к Германии, которая не замедлила выступить в защиту их погранных «наисвятейших человеческих прав». Именно против этих «прав», этих замшелых средневековых привилегий, благодаря которым бароны, пасторы и городская знать жировали за счёт низших сословий, были направлены реформы Александра. Целью русификации не была попытка унижить латышей (они в то время и без того были унижены сверх всякой меры), но лишь желание уничтожить то особое положение остзейцев, что долгие годы позволяло им безнаказанно игнорировать законы Империи.

В отличие от нынешних «патриотов», готовых в ненависти ко всему русскому переименовать историю собственного народа, деятели национального движения, т.н. «младолатыши» трактовали правительственные реформы именно таким образом, видя в них не зло, но исключительно благо. Выступая с горячей поддержкой общественно-политических преобразований конца XIX века, младолатыши ратовали за освобождение латышской культуры от опеки немецких пасторов и ограничение зависимости латышского крестьянства от баронов. Русский язык, вытесняя немецкий из общественной жизни края, выступал тогда в роли мощного политического оружия. Не случайно остзейцы так яростно противодействовали любым попыткам улучшить преподавание русского языка в местных школах. Они беспокоились за латышей, чтобы перемены не нанесли ущерба «чистоте их немецкого сознания». В свою очередь, младолатыши искали и находили сочувствие среди русской славянофильски настроенной общественности Петербурга и Москвы. Об этом сегодня не принято говорить, но характерной чертой младолатышей в то время являлась их страстная проповедь необходимости изучения русского языка. Беда реформ Александра III состояла в том, что приподнялись они лет на двадцать...

Один из активнейших деятелей национального движения, Кришьян Валдемар, называл сближение *«латышского племени с великим русским отечеством истинно народным делом»* латышей. За русский язык как средство сближения латышского и русского народов агитировал ближайший соратник Кр.Валдемара, педагог, фольклорист и писатель Фр.Бривземниекс, призывая своих соотечественников *«стремиться к тому, чтобы русский и латышский народы, по возможности, сблизить в духовном отношении»*. Те же мысли высказывал И.Спрогис: *«Латыши призываются к самому теснейшему братскому единению с великим и славным русским народом. Никто не осмелится оспаривать, что в этом новом, самими латышами сознательно возбужденном и русскими людьми одобряемом стремлении к наитеснейшему внутреннему единению с русским народом лежит их лучшее будущее»*.

К ним присоединяют свои голоса и секретарь Рижского латышского общества, впоследствии педагог И.Крауклис, историк и педагог К.Биезбардис: *«Мы, латыши, члены Рижского латышского общества и благожелатели латышского народа, от лица своих единомышленников заявляем, что латыши прежде всего должны и хотят научиться языку своего отечества - языку русскому»*.

«Я глубоко уверен в том, - писал языковед Атис Кронвалд, - что латыши разовьются, их жизнь расцветет именно под защитой России». Такие же мысли высказывали в те годы общественные деятели, педагоги и литераторы братья Каудзит, Матеру Юрис и другие. Латышские поэты-романтики Аусеклис и Пумпур в своих стихах и поэмах проповедовали те же идеи о сближении с русскими, латышские общественные деятели выступали по этому вопросу в русской печати. Активными пропагандистами становились народные учителя, которые использовали любой повод для разъяснения того, насколько необходимо латышам изучение русского языка.

Движение младолатышей называют ещё «эпохой национального пробуждения». Напомним, что без активной поддержки русских прогрессивно мыслящих либералов это движение было бы задавлено остзейцами на корню. Ещё в 1863 году в защиту латышей выступал Михаил Катков, ставший тогда редактором крупнейшей в России газеты «Московские ведомости». Он писал статью за статьей против онемечивания латышей, требовал наделяния латышских крестьян землёй, добился облегчения участи видного представителя младолатышей К.Биезбардиса, взятого за его политическую деятельность под надзор полиции. Позднее этот период назовут «печатной войной».

В 1865 году прибалтийско-немецкому дворянству удалось добиться от российских властей закрытия идейного рупора младолатышей - газеты «Петербургас авизес» («Петербургская газета»), которую редактировал Кр.Валдемар. Он лишился средств к существованию, против него собирались возбудить уголовное дело. В этих условиях председатель этнографического отделения Императорского Географического общества В.И.Ламанский провёл Кр.Валдемара в члены общества. Одно из своих выступлений тех дней Ламанский завершил словами: *«Приветствуя в господине Валдемаре возрождение целой народности, столь близкой нам по происхождению и столь важной для нас в гражданском отношении, пожелаем, чтобы латыши побольше посылали России таких полезных деятелей»*.

В дальнейшем в работе данного этнографического отделения принимали активное участие К.Биезбардис и Кр.Барон, положившие начало широкому сбору материалов по этнографии и фольклору латышей. В результате этих исследований были изданы фундаментальные собрания латышского фольклора, в частности, «Латышские дайны» в шести томах (1894-1915 годы), опубликованные при содействии Петербургской академии наук.

В 1865 году оставшегося без работы Кр.Валдемара принял в свою газету М.Н.Катков. В том же году «Московские ведомости» опубликовали около десяти публикаций Валдемара в защиту младолатышского движения.

В поддержку младолатышей выступали и такие видные общественные деятели России, как М.П.Погодин и А.И.Герцен. В 60-70-е годы за права латышей боролся известный славянофил Ю.Ф.Самарин.

Таким образом, пролатышские позиции русских общественных деятелей вплоть до 1881 года были для них не только невыгодными, но и влекли за собой определенные осложнения. Однако, борясь за либерализацию, они добивались её для всех, а не для какой-то одной избранной группы. *«Свободного развития желаем мы всем и каждому»*, - писал один из публицистов того времени.

Что же касается царской администрации, то после того, как без малого две сотни лет владея этими землями, власть российская не обращала внимания на государственные интересы страны и нужды русского населения, теперь чиновники ринулись исполнять волю государеву. Сначала прибалтийских немцев травил печать, а власть занималась лишь малыми придирками. Потом, одно за другим, были круто вводимы преобразования судебной власти, школьного дела и местного управления. С первым остзейцы примирились скоро. Как строгие блюстители закона, привыкшие повиноваться высочайшей воле, они примирились бы и с местной реформой, если бы её стали применять тактично.

Но ретивые чиновные деятели совершали одну благоглупость за другой, принося много вреда и мало пользы общему делу. Например, эстляндский губернатор князь С.В.Шаховской в Ревеле (Таллине), требовал, чтобы протестантское ревельское общество строго соблюдало полицейские правила о почитании православного Великого поста, которых и в России-то никто не соблюдал!

Школьная реформа была самой слабой стороной в деятельности правительства в Остзейском крае. Конечно, за русским языком, как за государственным, следовало обеспечить преобладание, и население надо было выучить говорить по-русски. Но воспрещать всякое преподавание на немецком языке, даже в частных домах, насильно превращать в русские те учебные заведения, которые местным дворянством или городами основаны были на свой счет, едва ли было справедливо! Знаменитый Дерптский (Тартуский) университет можно было подвергнуть некоторой перестройке, с обязательным изучением русского языка и русской литературы в самых широких размерах. Но перевести разом, без всякой подготовки, всё тамошнее преподавание на русский язык - это означало выгнать оттуда большинство молодых людей из немецких семейств, а с ними и профессоров, многие из которых имели большую известность. Они, разумеется, не пропали. Те и другие нашли себе убежище в германских университетах. Это обстоятельство мало содействовало развитию в них русского национального чувства. Любопытно другое. Замена студентов-остзейцев русскими семинаристами, а прежних профессоров наставниками из русских либералов, привело к тому, что единственный российский университет, свободный от нигилизма, глотнул «русского» духа, бездумного «революционерства». С тех пор Дерпт уже мог гордиться своим ревностным участием во всех студенческих беспорядках. Просветили!

Венцом всей этой непродуманной политики было поощрение русификации через тесный союз между русскими чиновниками и кружками из латышской интеллигенции. Наивные столичные сановники почему-то вообразили, что эстонцы и латыши будут верными проводниками русского духа. С целью популяризировать эту идею среди прибалтов их откровенно науськивали на немецких баронов. Это науськивание эстонцы и латыши приняли за попустительство, но русскими оттого не сделались, а чиновники с обычной своей дальновидностью стали браться за революционными интеллигентами из латышей ради вящей пропаганды национального чувства.

Замечательно тут одно. И в Финляндии, и в Остзейском крае, и в западных губерниях, вступая в союз с радикальными элементами из нацменьшинств, российские власти всегда простодушно верили, что стоит по головке их погладить, как они приобретут себе верных друзей. Спустя сто лет на те же грабли наступали уже Горбачёв и Ельцин.

Вообще изумляет, как мало что-то переменялось за все эти годы. Вот, например, что писал в 1902 году публицист Г.Белинский по поводу посещения им Эстляндской губернии: *«Эстонцев у нас почему-то принято считать народом весьма образованным, культурным и развитым, и ставить его всегда выше русского населения в этом отношении, тогда как такое мнение ни на чём ровно не основано и просто является отголоском нашей известной национальной скромности, сделавшейся легендарной под названием пресловутого „самобичевания“, видящего у чужих все хорошие качества, а у своих одни лишь недостатки. Другие славянские народы, как сербы, болгары, чехи, а главным образом поляки, представляют обратное явление в этом смысле и дают нам постоянно самые поучительные уроки, как нужно своё предпочитать чужому. Эта черта русского народа всегда вредно отзывалась на русских интересах, уходящих на задний план всякий раз, как только с ними конкурируют интересы иностранцев».*

К началу XX века процесс унификации, утверждения однородности Российской империи был весьма далёк от завершения. Более того, развитие революционного движения в стране совпало с подъёмом национальных амбиций малых народов, поддержи-

ваемых сочувствием русской демократической интеллигенции. Остзейцы, правда, присмирели. Но самое интересное, что в это время среди латышских национальных идеологов появляются совсем иные настроения, нежели у младолатышей десятилетиями ранее. По крайней мере, они не стесняются высказывать их открыто. В крупнейшей в Прибалтике русской газете «Рижский вестник» имеется немало публикаций на эту тему. В частности, в ряде номеров за 1913 год, была развёрнута целая полемика, начало которой положила публикация в одной из латышских газет. С горькой обидой пишет «Вестник» о «новой латышской выходке». Русских презрительно называют ни более, ни менее, как *«некультурными культуртрегерами»!* Самое обидное, что в прошлые годы в русской прессе много писалось о благотворном влиянии российской государственности на прибалтов. И тут такая исчерпывающая оценка. Через несколько номеров «культурный латыш» наносит новый удар. В латышской прессе выражается тревога по поводу «русской колонизации» в Прибалтике. Авторы этих публикаций ставят под сомнение благотворное влияние данного процесса. Но наиболее убийственную оценку, выданную латышскими публицистами, «Рижский вестник» перепечатал в № 19, за 1914 год, сопроводив эпитетами «наглая выходка» и «наглое отношение к русскому народу». Итак, латышская оценка, безусловно, нелюбезная: *«Русский народ ко всему относится пассивно. Его не учили работать. Он любит стоять и смотреть, что выйдет, а не сам ввязаться за дело».* Такова же его интеллигенция - *«идеал каждого русского - стать героем, новой жизни нужны не герои, а труженики».* О культуре сказано *«русская фаталистическая культура».* В общем, все попытки приобщить латышей к русскому национальному духу столкнулись со столь едкой характеристикой «некультурных русских». Единственно, что остаётся делать «Рижскому вестнику», так это уныло сокрушаться: *«Язык неблагодарного и необузданного раба. Невольно вспоминается, „Эх, если б узнал это старый барин! Он таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почёсывался“.* Нам остаётся лишь догадываться, кого подразумевала русская газета под «старым баринном».

Начало XX века

В июне 1901 года Рига праздновала своё семисотлетие. В тот год по городским улицам пошёл первый рижский трамвай. Проводилось множество торжественных и красивых мероприятий. Но главным событием для всех стала грандиозная «Юбилейная выставка промышленности и ремёсел», которая проводилась на Эспланаде в течение всего лета. В ней приняли участие 788 экспонентов, из них 597 - рижских. В 40 павильонах были представлены разделы, относящиеся к последним достижениям промышленности, науки и искусства. Этой выставкой «отцы города» выразили своё глубокое понимание причин процветания Риги, а также той роли экономики и политики, которую сыграли благодатные исторические условия. Выставка пользовалась огромной популярностью. За три месяца здесь побывало более полумиллиона посетителей. До сих пор она считается самой крупной промышленной выставкой из всех, что когда-либо действовали на территории Латвии!

Время, предшествовавшее 1914 году, позднее назовут «золотым пятидесятилетием». Действительно, это эпоха наивысшего расцвета Риги, как истинно имперского города, промышленного и культурно-научного центра. Ныне мало кто способен поверить, что лет сто назад в Риге вполне могли считать Запад отсталым регионом. Часто Англия и Германия, например, становились поставщиками сырья для рижских предприятий, в городе жили великие ученые, строились целые улицы, где каждый дом напоминал дворец. Заводы выпускали суперсовременную для своего времени продукцию: автомобили, самолеты, электромоторы, броневики...

Ещё в середине XIX столетия известный учёный Иоганн Штукенберг констатировал: «Фабрик в Лифляндии почти не имеется». Что же породило настоящее экономическое чудо? Дело в том, что Лифляндия и Курляндия получили колоссальную фору: крестьян освободили здесь от крепостной зависимости на пол-

века раньше, чем в России. В сочетании с доступом к огромному российскому рынку это создало предпосылки для невиданно быстрого развития.

В изданной в 1869 году книге о сельских жителях секретарь Лифляндского статистического комитета Юнг-Штилинг убедительно доказывал: в 50-60 годы позапрошлого века сельское хозяйство Латвии переживало бурный экономический рост. К примеру, число денег в кассах крестьянских обществ менее чем за 20 лет возросло в 5 раз! Юнг-Штилинг подчеркивал: «*Наши самостоятельные мызные и крестьянские хозяйства служат теперь обильным источником заработка*». К чему привел экономический рывок? В 1868 году один батрак в Лифляндии зарабатывал больше, нежели в Германии целая семья сельскохозяйственных рабочих из пяти человек. Остается добавить, что ещё в 30-е годы двадцатого столетия в Латвию каждую весну ездили наниматься в батраки жители Польши.

Сельское хозяйство развивалось стремительно: в 1913 году в Латвии насчитывалось в десятки (!) раз больше голов крупного рогатого скота, чем сейчас, тогдашний объём производства мяса ныне является недостижимой мечтой. К примеру, раков, угрей, миноги было столько, что минога не только не была деликатесом, но некоторые рижане попросту брезговали ею, ибо считали её похожей на змею.

Ещё в царствование Александра II было начато проведение ряда реформ. Они касались положения крестьян, армии, судопроизводства, местного самоуправления и, в конечном итоге, всего общественного и экономического наклада Российской империи. Благодаря новым порядкам навсегда ушли в прошлое особые привилегии рижского бюргерства. Вся торговая и промышленная деятельность отныне велась по правилам свободной конкуренции. Как и везде, промышленная революция началась для России с железных дорог. Сотни лет Рига являлась одним из важнейших транзитных пунктов. Естественно, что для развития городу как воздух была нужна железнодорожная сеть, связующая его с промышленными центрами. В 1861 году была открыта Риги-Динабургская (Даугавпилская) железная дорога, в 1868 г. - линия Рига-Елгава. За кратчайшее время прибалтийская железнодорожная сеть буквально опутала регион, надёжно связав его с общероссийской железной дорогой. В 1872 году в Риге был построен железнодорожный мост через Двину. С появлением стальных магистралей резко упало значение речного судоходства. Великий Даугавский путь, по которому ещё тысячи лет назад двигались предприимчивые торговцы, практически замер. Но экспортный поток грузов нарастал. За 40 лет, с 1860 по 1900 год, общая ёмкость судов, ежегодно посещавших Ригу, увеличилась в 3 раза. Рижский морской торговый порт был обустроен по последнему слову того времени. Если в конце XIX века среднее время простоя судов под разгрузку в Одесском порту составляло 18 суток, С.Петербургском - 10, то в Рижском - только 7 суток. Постоянное торговое сообщение связывало Ригу с Гамбургом, Стокгольмом, Копенгагеном, Одессой. По названиям портов приписки судов, стоявших у причалов, можно было изучать географию всего мира. В информационном пространстве Рижской биржи спрос европейских и мировых деловых центров сталкивался с предложением российских производителей.

За один только день, 13 марта 1901 года, на страницах ежедневного информационного бюллетеня, «Рижского биржевого вестника», встретились: С.Петербург, Остров, Варшава, Москва, Нью-Йорк, Кирсанов, Одесса, Берлин, Чистополь, Брауншвейг, Царицын, Бремен, Лондон, Моршанск, Ливерпуль, Гамбург, Ростов-на-Дону, Роттердам, Лилль, Берген. Биржевые контакты через Ригу выводили российские провинциальные города на большую предпринимательскую дорогу, давали возможность прямого подключения к международной деловой жизни. В 1901 году по общему экспортно-импортному товарообороту - 198 миллионов рублей - Рижский порт занял первое место в Российской империи! В основном вывозили лён, пеньку, строительную древесину, зерно. Ввозили в страну традиционные колониальные

товары, каменный уголь, металл, каучук, хлопок, сельхозтехнику, минеральные удобрения.

К началу XX века по числу жителей Рига занимала четвёртое место в Балтийском регионе после С.Петербурга, Копенгагена и Стокгольма! В ней проживало 282 тыс. человек. Из них русских - 25%, немцев - 47%, латышей - 23%, эстонцев -1%, евреев - 4% и др.

Ничто так не говорит об экономическом процветании, как интенсивное строительство и городское благоустройство. В Риге тогда разбивались новые парки, быстрыми темпами шла застройка бульварного кольца. За пару десятков лет возвели больше великолепных зданий, чем за все предыдущие столетия. По сути, Рига шла нога в ногу с крупнейшими европейскими столицами - Парижем и Веней, также проводившими в то время глобальную реконструкцию.

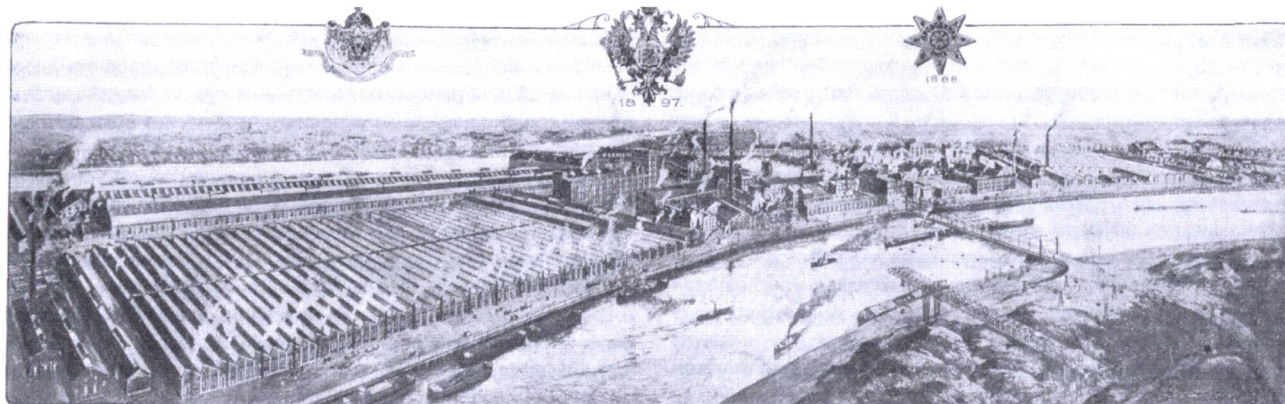
Вся Россия переживала тогда мощный промышленный подъём. Рига стала блестящим примером эффективного вложения «транзитного» капитала в промышленное производство. Кроме выгодного географического положения, больших денег и отлично налаженной железнодорожной связи с центральными районами Империи, успеху города способствовали уникальные условия, сложившиеся за столетия активного посредничества между Востоком и Западом. Здесь пересекались разные культуры, деловые отношения, семейные связи и личные знакомства. В этом бурлящем котле кипела жизнь многонационального города, перед которым открывалось блестящее будущее. Основанный в 1862 году Рижский политехникум стал к началу следующего века одним из крупнейших в Европе технических учебных заведений, настоящей кузницей инженерных и научных кадров.

В конце XIX века в Риге уже существовало более 400 промышленных предприятий. Самыми крупными были: «Унион» (впоследствии легендарный ВЭФ), выпускавший электродвигатели и электроприборы, «Проводник» - резиновое и телеграфное производство, «Русско-балтийский вагонный завод», вагоностроительный завод «Феникс», знаменитая фарфоро-фаянсовая фабрика Кузнецова. Около 90% продукции рижского машиностроения вывозилось в центральные районы России. Рижский промышленный регион стал третьим по объёму производства в стране - после С.Петербургского и Московского. Сама же Рига была шестым по численности населения городом Империи - после С.Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы, Лодзи.

Импульс успешной индустриализации был настолько мощным, что даже тяжёлые испытания, которые обрушились на Россию в начале XX века: экономический кризис 1901-1903 гг., неудачная война с Японией и революция 1905 г. не смогли снизить темпы экономического развития. Накануне Первой мировой войны углубили фарватер Даугавы, закончили строительство припортового железнодорожного терминала. Появилась и поныне действующая экспортная гавань и товарная станция. Оборот рижского порта достиг 409 миллионов рублей. Он занимал первое место среди портов Европейской России. К нему было тогда приписано 42 парохода, 178 речных судов и буксиров, 166 парусных кораблей. Также активно развивались Вентспилский и Либавский (Лиепайский) порты. Любопытно, что тогда действовала регулярная пароходная линия Либава-Нью-Йорк.

Неуклонно росла численность населения Риги и достигла к 1914 году 482 тысяч. Продолжали создаваться новые предприятия, высокими темпами развивались старые.

В начале XX века в Риге уже имелось немало заводов европейского уровня. Соединение немецкой аккуратности, еврейской предприимчивости, латышской настойчивости и русского размаха дало прекрасный результат. На Русско-Балтийском вагонном заводе трудилось 4 000 рабочих. Он играл серьёзную роль во Всероссийском производственном объединении «Продвагон». Первый в Российской империи автомобиль, первый аэроплан, первая боевая гусеничная машина были созданы именно здесь. Этот завод считался ведущим предприятием в области русского автомобилестроения. В январе 1914 года на международных автомобильных соревнованиях рижская автомашин заняла первое место в пробеге на 3 250 верст.

Товарищество Русско-Французских Заводовъ Резинового, Гуттаперчевого и Телеграфнаго производствъ,

подъ фирмою

„ПРОВОДНИКЪ“

Основано въ 1888 г.

Основано въ 1888 г.

Реклама завода «Проводник».

Много писали и о фабрике «Россия», продававшей велосипеды в Париже и Лондоне, о продаваемых на Запад трамваях «Феникса», о заводе «Мотор», создавшем первые в Империи авиационные моторы. Но самым большим и известным в Риге сто лет назад был завод «Проводник».

Перед Первой мировой войной на «Проводнике» работали 16 тысяч человек. Сегодня даже трудно себе представить латвийское предприятие, где одновременно производились бы десятки самых различных групп товаров: промышленное оборудование и обувь, одежда и детские игрушки, стройматериалы и медицинская техника, автомобильные шины и изоляционная лента... Объединяло эти производства то, что все изделия производились из очень современного для того времени материала - резины. В джунглях Амазонки добывался каучук, корабли через океан везли его в Ригу. В 1900 году на предприятии была разработана новая технология производства резины. «Проводник» запатентовал свои изобретения в США, почти во всех странах Западной Европы. Эти патенты приносили предприятию огромный доход. Но хотя использовали достижения «Проводника» многие заводы, рижане всё равно оказывались впереди. К примеру, автомобильные шины «Проводника» считались одними из лучших в мире. Не раз их вместе с европейской продукцией подвергали испытаниям. И вот лишь один отзыв того времени: *«Компетентным лицам удалось выяснить, что изделия этой фирмы превосходят намного зарубежные по качеству резины и прочности»*. Не удивительно, что в 1908 году «Проводник» был награждён за производство шин золотой медалью на международной выставке

За всю историю латвийской промышленности лишь одно предприятие превзошло «Проводник» по численности работающих. Это знаменитый ВЭФ 70-80-х годов XX века. Однако флагман индустрии второй половины столетия механически объединял разноплановые производства, а его филиалы даже находились в разных городах.

Заметим, что главные корпуса ВЭФа размещались в зданиях, построенных в начале XX столетия для известного в то время завода «Унион». Вот как описывалась новостройка в книге, изданной в Риге в 1903 году: *«Даже по сравнению с первоклассными зарубежными предприятиями она выделяется впечатляющей архитектурой и новейшими технологическими достижениями»*.

Свысока могли смотреть на Европу и руководители ряда других рижских заводов. Не случайно, в Риге изобрели в то время первый в мире авиационный ангар, построили первый в мире танк (конструктор А.А.Пороховщиков), первый в Российской Империи авиационный мотор... На Западе ценилась продукция многих рижских предприятий. Так, табачная фабрика или завод по про-

изводству искусственных минеральных вод получали призы на европейских выставках. До Второй мировой войны изделия фарфоровой фабрики отправляли в Великобританию, США, Нидерланды. Фарфорово-фаянсовая фабрика Кузнецова насчитывала 2200 работающих и была крупнейшим предприятием в своей отрасли. Из Европы в Ригу, словно из колонии в метрополию везли сырьё: кварцевый песок - из Германии, глину - из Англии, полевой шпат - из Швеции. Не удивительно, что рижский фарфор неоднократно завоевывал «Grand Prix» на международных выставках...

Видное место в рижской промышленности занимал судостроительный завод «Ланге и сын», который спустил на воду 234 судна разных видов и типов. Общее же число рабочих, трудившихся на рижских предприятиях в 1914 году, составляло более 80 тысяч человек.

В периоде 1890-х по 1914 г. только на участке рижского центра между улицами Известковой и Николаевской (Калькю и Кр.Валдемара), превратившемся в своего рода «банковский Сити», возводятся 11 монументальных зданий финансовых учреждений. В парковой зоне появляются здания, без которых трудно себе представить центр Риги: Русский городской театр (ныне Национальный латвийский театр), Коммерческое училище биржевого комитета (Академия искусств), Городской художественный музей. Поражают предвоенные темпы строительства. В 1910-1913 гг. из ежегодно строящихся 300-500 зданий 150-220 были многоэтажные каменные.

Первая мировая война нанесла сильнейший удар по экономике Риги. В 1915 г. в ожидании наступления германской армии 417 наиболее значительных рижских фабрик и заводов были эвакуированы в глубинные районы России. Из Риги было вывезено 30 тысяч вагонов с оборудованием, готовыми изделиями, сырьём и материалами.

К сожалению, большинство из эвакуированных в 1915 году предприятий впоследствии не возродились. Никогда более не возобновили работу такие гиганты рижской промышленности как «Проводник», «Руссо-Балт» и многие другие.

Лишь в 1939 году промышленная продукция независимой Латвии достигла 728 миллионов латов, в 2,5 раза превысив уровень 1932 года и достигнув 87% от уровня 1913 года. О причинах такого отставания каждый может поразмышлять самостоятельно.

Экономическая жизнь Риги знала периоды, которые по темпам промышленного развития (1950-е - 1980-е годы) даже превосходили «золотое пятидесятилетие», но никогда культурно-историческая, да, видимо, и материальная ценность замечательного наследия хозяйственной активности, созданного на таком коротком отрезке времени, не была столь высокой, а значение для грядущих поколений - столь непреходящим.

Хочется лишний раз подчеркнуть, что роль русских всегда была весьма значима, а дружба с Россией являлась основополагающим условием экономического расцвета Латвии. Это лишний раз доказывают те грандиозные успехи, которых когда-то добились Прибалтийские губернии в начале XX века.

Времена первой латвийской республики

Революционные события 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война разрушили старую Россию. Появилось русское зарубежье, вобравшее в себя не только тех, кто бежал от большевиков, но и тех, кто издавна проживал на территории новообразованных независимых государств. Русское население Латвии, Литвы и Эстонии представляло собой исторический и политический парадокс: люди оказались «в эмиграции», хотя и продолжали жить на своей родине. Отчасти эта ситуация повторилась после распада СССР в 1991 году, с той лишь разницей, что жертвами подобного парадокса стало гораздо больше граждан исчезнувшей державы.

Поэт Георгий Иванов, часто посещавший Латвию в 20-30-е годы, был поражён зрелищем традиционно русского района Риги - Московского форштадта. Он писал: *«Всё переменилось в мире, а форштадт такой же или почти такой же, как двадцать, тридцать, сто пятьдесят лет назад. Маленький островок, уцелевший от погибшего материка, он в неприкосновенности сохранил черты той России, которой давно не существует. Главным образом, лабазной, аршинной, толстосумной России, да ещё, уживающейся с ней бок о бок, Россией ночлежек, кабаков, лихо заломленного дырявого картуза и финского ножа за голенищем. Мало отрадного в этой России, и воздух её спёрт и тяжёл. - „Но и такой, моя Россия, ты всех краёв дороже мне“. И впервые попадая на мощёные озорными булыжниками, то благодушно-сонные, то бестолково-шумные улицы Московского форштадта, - трудно сдержать волнение».*

Действительно, пожалуй нигде больше в мире было не сыскать такой удивительной диковины, как в Риге - кусок старой России, каким-то чудом переживший все бури и потрясения, когда даже вывески на лабазах торговцев вплоть до конца 30-х гг. сохраняли традиционное написание, и лишь вместо усадеб городских царского времени порядок на перекрёстках охраняли полицейские Латвийской республики.

Русские латвийцы того времени, неожиданно для себя оказавшиеся в роли «национального меньшинства», включали в себя не только коренных жителей, но и тех, кто эмигрировал из Советской России. В период между двумя мировыми войнами Риге суждено было стать одним из культурных центров русского зарубежья. С 1919 по 1940 год здесь выходила газета «Сегодня», ставшая крупнейшим печатным изданием русской эмиграции. Она была популярна далеко за пределами Латвии, имея подписчиков даже в Австралии, в ней печатались И.Бунин, А.Куприн и другие известнейшие литераторы. Имелся также ряд других газет и журналов, выходивших на русском языке. Издавалось огромное количество книг по самой разнообразной тематике (по оценкам библиографов лишь Париж мог соперничать с Ригой по объёмам эмигрантского книгоиздательства). В Риге плодотворно трудились знаменитые русские учёные, художники, артисты. Население города жило весьма насыщенной культурной и духовной жизнью. Здесь действовал единственный постоянный русский театр за пределами России. На его сцене блистали М.А.Ведринская, Н.С.Барабанов, Л.Н.Мельникова, Ю.И.Юровский и другие замечательные актёры. Несколько сезонов работал знаменитый русский актёр и режиссёр Михаил Чехов. Латвию посещали многие известные представители культурной и научной русской элиты. Приезжал И.А.Бунин, лауреат Нобелевской премии по литературе 1933 года. Несколько раз гастролировал Фёдор Шалапин, выступал А.Вертинский. Близость к России и наличие коренного русского населения привлекали в Ригу многих известных общественных и политических деятелей эмиграции.

В первые годы существования Латвийского государства была заложена хорошая правовая основа для дружественного сосу-

ществования латышского народа и национальных меньшинств. В сравнении с другими лимитрофными государствами (например, Польшей, где проводилась откровенная русофобская политика), положение русского меньшинства в Латвии было наиболее благоприятным. Признавая этот факт, русские латвийцы особенно ценили право на автономию в области школьного дела и возможность обучать своих детей на родном языке. В.В.Преображенский писал в 30-е годы: *«Благодаря своей школе наши дети получают возможность сознательно определить своё место в жизни, разумно и убеждённо ответить на вопрос о своём отношении к национальности (народности) и нации (государству). Церковь, школа и семья передают из поколения в поколение великие культурные ценности и воспитывают в их духе наше будущее - молодёжь».*

Но не будем излишне идеализировать национальные отношения в период становления юной Латвии. Ядовитые семена национализма постепенно давали свои всходы.

После государственного переворота 15 мая 1934 года в стране был установлен авторитарный режим К.Ульманиса. При новом «вожде народа» возобладали радикально-националистические настроения. Лозунг «Латвия для латышей!» не оставлял будущего для национальных меньшинств, уделом которых отныне стала неотвратимая и скорая ассимиляция. Ужесточились запреты на использование родного языка в быту, а также в общественной и культурной жизни. Закрывались меншинственные школы, упразднялось образование на родном языке. Последовательно проводилась политика насильственной латышизации.

Ощувив свою второсортность и явное отчуждение от структур государственной власти, русские латвийцы оказались в сложном, противоречивом положении.

Национальная диктатура К.Ульманиса толкала народ Латвии к взаимному отчуждению и вражде. В конечном счёте, агрессивный латышский национализм, поощряемый властями, расколол общество и подвёл страну к внутреннему системному кризису, который усугубился начавшейся в 1939 году Второй мировой войной.

В 1940 году Латвия вошла в состав Советского Союза.

Заключение

Социальные перемены, политические репрессии, потрясения войны, которая в июне 1941 года вступила на латвийскую землю, радикальным образом изменили этнический облик Латвии. Практически всё немецкое население покинуло страну ещё в ходе репатриаций 1939-1940 гг. Большинство латвийских евреев (более 70 тысяч) сгинули в огне Холокоста. И латыши, и русские латвийцы гибли на фронтах, умирали в концлагерях, пропадали без вести. И те, и другие сражались как в Советской, так и в гитлеровской армиях. Немало было и таких, кто оказался на Западе и впоследствии не захотел вернуться на Родину.

Но для тех русских, которые родились и жили в Латвии уже после войны, эта земля по-прежнему оставалась близкой и родной. Сегодня Латвия переживает трудные времена. Бездумная политика, проводимая национал-радикалами, дорвавшимися до государственной власти, толкает страну в пучину кризисов и потрясений. Путём громкой демагогии, с помощью трескучих фраз безответственные политиканы скрывают свою полную несостоятельность и абсолютную неспособность разумно решать задачи управления сложным государственным механизмом. Только в единстве всех народов, живущих в Латвии, кроется залог решения наболевших проблем нашей страны. И многое здесь зависит от того, насколько русские латвийцы осознают для себя самое главное:

*Мы не чужие на этой земле,
и многие поколения наших предков покоятся в ней!*

**Главный редактор
культурно-публицистического
вестника «Клио»
Игорь Гусев**

Дополнительные сведения о выдающихся латвийских русских

Педагоги

Тайлова Людмила Ивановна (1851-1938) - основательница старейшей частной женской гимназии в Риге, просуществовавшей почти полвека (1884-1932). На последнем заседании педагогического совета Л.И.Тайлова сказала: «Шестьдесят лет я жила поэзией, теперь для меня наступила проза. Я пошла в школу по призванию. В ней была вся моя радость, вся цель жизни. Теперь я не у дел и мне тяжело».

Моссаковский Адриан Павлович (1871-1939) - известный педагог. По воспоминаниям своих учеников он являлся для них не просто талантливым учителем, уроки которого были необычайно интересны, но и родным, близким человеком, у которого они всегда встречали внимание и заботу. А.П.Моссаковский умело и внимательно внушал русской молодёжи любовь и уважение к русскому языку, к сокровищам русской культуры. Жизнь гимназии была его жизнью. С 1921 года он возглавлял Рижскую городскую русскую гимназию (бывшую Ломоносовскую), одну из крупнейших школ Латвии. После её закрытия в 1935 году ушёл в отставку. После этого тяжело заболел и уже не смог оправиться. Болезнь сердца осложнилась сильным расстройством нервов, и он постепенно угас.

Гербаненко Георгий Петрович (1875-1948) - педагог. Он был последним директором Рижской Правительственной русской гимназии, которая была не только очагом русского образования, но и фундаментом для развивающейся молодой русской интеллигенции. Будучи приверженцем национальной России, Г.П.Гербаненко старался сохранить её дух, прививая добрые традиции, базировавшиеся на верности этическим идеалам: честности и благородства.

Лишина (Бочагова) Олимпиада Николаевна (1875-1961) - педагог и общественный деятель, создатель знаменитой «Женской частной гимназии О.Н.Лишиной» (1908), ставшей подлинным очагом русской культуры в довоенной Риге. Гимназия была закрыта 17 июня 1936 года. Основной причиной послужила инструкция Министерства просвещения о распределении учащихся по школам в соответствии с их национальностью. Выполняя требование этой инструкции, из гимназии было вынуждено уйти более половины всех учеников.

Общественные и государственные деятели

Саманский Фёдор Никифорович (1719-1794) - старообрядец федосеевского согласия, основатель Рижского богоугодного странноприимного больничного заведения и первый наставник и духовник беспоповцев Риги, где в 1760 г. им был основан старообрядческий храм, от которого пошла Гребенщикова община. Он стоял у истоков создания старообрядческой библиотеки - книжницы Гребенщикова общины.

Саввич Николай Сергеевич (1845-1938) - известный общественный деятель. В 20-е годы возглавлял Русский национальный союз и Русское национальное объединение, пытавшееся защищать интересы русского населения Латвии.

Тихоницкий Елпидифор Михайлович (1875-1942) - общественный деятель. В 1922 г. организовал Рижскую правительственную русскую гимназию. В 1925 г. был избран во II Сейм. Бессменный председатель Рижского русского просветительского общества, инициатор и организатор ежегодных Дней русской культуры.

Кривошапкин Михаил Дмитриевич (1888-1942) - активный русский общественный деятель, инженер, специализировавшийся по строительству мостов. Был автором проектов понтонного моста в Риге, моста через Венту, моста через Саркандогаву и др. По его проектам строились многие элеваторы. Крупнейший в довоенной Латвии специалист по применению железобетона.

Плюханов Борис Владимирович (1911-1993) - общественный деятель. Один из активнейших участников Русского Студенческого Христианского Движения в Латвии. Всю жизнь собирал и бережно хранил книги, рукописи, фотографии и документы, которые легли в основу его фундаментальной книги: «РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского Студенческого Христианского Движения», вышедшей из печати уже после смерти автора.

Священнослужители

Филарет (Гумилевский) (1805-1866) - епископ Рижский и Митавский (1842-1848 гг.), выдающийся церковный историк. Овладев латышским и эстонским языками, выступил с инициативой перевода на них православных богослужебных книг, при нём для подготовки кадров местного духовенства в Риге было открыто Духовное училище. В 1848 году под давлением немецкого дворянства был удалён из края через повышение в должности.

Иринарх (Попов) (1790-1877) - первый епископ Рижский и Митавский (1836-1842 гг.). Широко эрудированный человек: магистр богословия, владел иностранными языками. Служил при российских посольствах в Милане, Флоренции, Риме и Афинах. За время его деятельности начался первый массовый переход латышских и эстонских крестьян из лютеранства в православие. Местное немецкое дворянство обвинило Иринарха в подстрекательстве крестьян к неповиновению и добилось его перевода из Риги во Псков.

Платон (Городецкий) (1803-1891)-архиепископ Рижский и Митавский (1848-1867 гг.). Энергичный организатор и талантливый проповедник, при нём в 1850 году была учреждена отдельная епархия, объединившая Лифляндскую, Курляндскую, позднее и Эстляндскую губернии, его заботами в епархии было построено 44 новых храма, продолжился переход латышских и эстонских крестьян в православие.

Евгения (Постовская) (1864-1948) - игуменья Рижского Свято-Троицкого Сергиева монастыря. Приняла иночество в 1894 году в сердце России - в Троице-Сергиевой лавре. Накануне Первой мировой войны была настоятельницей женской обители в Илуксте. В годы революции находилась в Нижегородской губернии. По окончании Гражданской войны вернулась в уже независимую Латвию и по решению Синода возглавила все три латвийские женские обители - в Илуксте, Риге и Валгунде. Во время Великой Отечественной войны, находясь на территории оккупированной гитлеровцами, монахини стали ходатаями за малолетних узников концлагерей. Уговорами и мольбами им часто удавалось освободить малышей, после чего их лечили и отдавали на воспитание в семьи верующих. Благодаря личному заступничеству игуменьи Евгении многие дети были спасены.

Учёные

Клименко Василий Николаевич (1868-1941) - профессор медицинского факультета Латвийского университета (1921), выдающийся микробиолог инфекционист, автор около 60 научных работ на русском, немецком, латышском языках. Один из основателей медицинского факультета при ЛУ.

Чернобаев Виктор Григорьевич (1891-1947)-профессор филологии, один из зачинателей славистики в России, историк литературы, переводчик, ведущий специалист по западнославянским языкам и литературе. После 1945 года возглавлял в Латвийском университете кафедру славистики. Одновременно был приглашён в Институт фольклора руководить сектором изучения русско-латышских фольклорных связей. Уже тогда профессор был неизлечимо болен, но успел дать поручение своему научному сотруднику Б.Ф.Инфантьеву собирать материалы для исследования по темам: «Русские и латышские варианты сказок...», «Связи латышских фольклористов с русской наукой». Собранные материалы явились первой публикацией в области русско-латышских литературных связей в послевоенное время. Главной его заслугой явилось то, что он немало потрудился над подготовкой новых кадров учёных, став первым руководителем первых аспирантов по славистике в Латвийском университете.

Попов Борис Анфирович (1871-1950) - знаменитый исследователь в области минералогии, выходец из известной в Риге русской купеческой семьи. Был профессором на кафедре минералогии химического факультета Высшей школы Латвии (ЛУ). Написал 14 научных трудов (изданы в Германии). Последовательно противостоял попыткам изгнания русского языка из Латвийского университета. После запрещения читать лекции на русском - перешёл на немецкий.

Лозинский Александр Александрович (1868-1961) - известный бальнеолог, доктор медицинских наук, профессор (1930). Разработал методику лечения различных болезней при помощи минеральных вод, целебных грязей и климата, занимался изучением происхождения и состава природных грязевых и минеральных источников, исследовал воздействие курортов на здоровье человека. Разработал показания для лечения сердечно-сосудистых болезней в Кисловодске. В1904-1915 годах был директором знаменитого латвийского курорта Кеммерн (Кемери), внёс огромный вклад в его развитие.

Ведин Юрий Петрович (1925-1985) - одно из ярчайших имён в русском философском пространстве Латвии. Многолетний заведующий кафедрой диалектического материализма, профессор, утончённый кантианец. Занимался вопросами диалектической логики, анализом сущности познания и структурой познавательной деятельности.

Чухина Лариса Алексеевна (1913-2002) - выпускница университета Стефана Батория в Вильнюсе, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и социологии АН Латвии. В 1967 году в ленинградском университете блестяще защитила диссертацию «Феноменологическая аксиология М.Шелера». Свободно владея многими древними и современными европейскими языками, она работала в близком ей жанре философских портретов. В многочисленных статьях, монографиях предлагала свою авторскую интерпретацию близких ей по духу русских, но особенно, европейских религиозных мыслителей - Ф.Достоевского, отца П.Флоренского, Аврелия Августина, Б.Паскаля, К.Барта, Ж.Маритена, М.Бубера, С.Кьеркегора, Г.Марселя, К.Ранера и многих других. Всегда оставалась верной главной проблеме своего философского творчества - проблеме человека.

Мекш Эдуард Брониславович (1939-2005) - реабилитированный доктор филологии, профессор кафедры русской литературы и культуры Даугавпилсского университета, председатель Совета Центра русской культуры (Дом Каллистратова). Автор восьми монографий по вопросам истории русской литературы и трёх учебных пособий. В различных журналах и сборниках им опубликовано около двухсот научных статей и материалов, он активно печатался в городских газетах с различного рода обзорами и рецензиями. В России Э.Б.Мекш считался одним из ведущих специалистов по творчеству Сергея Есенина. В соавторстве с о.Алексием Жилко им была написана и опубликована в престижном французском журнале статья об истории Латвийского старообрядчества. Много сил и внимания он отдавал изучению художественного своеобразия духовных стихов и условий их бытования в староверческой среде.

Марков Валерий Александрович (1924-2006) - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и социологии АН Латвии, участник Великой Отечественной войны, много лет преподавал в РВВПКУ им. Бирюзова в Риге. Самыми плодотворными годами для него стали последние полтора десятилетия, когда каждый год он выпускал монографию. Глубокий знаток теории познания, философии науки, философской антропологии, философии языка Марков не академично, а скорее эпатажно, под несомненным влиянием французской современной философии осмысливал состояние науки, человека, религии и философии. Предрекая падение интереса к философии в наш компьютерный век, он видел выход в необходимости культивировать произрастание новой элиты («постметафизической»), чтобы «свеча горела». Он писал: «Философия столь же наука, сколько искусство (искусство мыслить и создавать Тексты, значимые)».

Члены-корреспонденты АН ЛССР

Цекулина Амалия Андреевна (1902-1981) - специалист по механизации и электрификации сельского хозяйства, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, член-корреспондент АН ЛССР. С 1950 по 1954 г. была ректором Латвийской сельскохозяйственной академии, заведовала кафедрой электротехники ЛСХА. Исследовала проблемы механизации и электрификации сельского хозяйства и совершенствования технологии и систем машин для комплексной механизации ферм.

Циновский Яков Петрович (1906-1984) - цитолог, энтомолог, доктор биологических наук, член-корреспондент Академии наук Латвийской ССР. В 1947 г. начал работать в Институте зоотехники и зоогигиены АН Латвийской ССР, в 1953-1976 гг. - руководитель лаборатории Института биологии, в 1976-1982 гг. - консультант, старший научный сотрудник. Исследовал ранее не описанные группы клеток в органах размножения насекомых, разработал новые методы прогнозирования размножения вредителей. Под его руководством разработаны и внедрены в республике биологические методы борьбы с вредителями яблонь и гороха.

Дорошенко Василий Васильевич (1921-1992) - историк, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН ЛССР (1971). Участник Великой Отечественной войны. Занимался исследованиями экономической истории Восточной Прибалтики периода феодализма. В области истории балтийской торговли ввёл в научный оборот множество важных документальных архивных источников, позволивших вскрыть многообразие экономических связей Риги как с русскими и белорусскими землями, так и с западно-европейскими странами. Видный специалист по источниковедению и историографии Латвии эпохи феодализма.

Уржумцев Юрий Степанович (1929-2002) - специалист в области физики и механики полимеров, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент АН ЛССР (1973), член-корреспондент АН СССР (1981), член-корреспондент РАН (1991). Под его руководством была выполнена

программа исследований по разработке теоретических основ и методов прогнозирования длительного сопротивления материалов. Он сформулировал принципы вибровременной и напряжённо-временной аналогий и заложил основы многопараметрового метода прогнозирования длительной деформации и процессов разрушения материалов на основе полимеров. С 1986 по 1991 г. Ю.С.Уржумцев работал в АН ЛССР в должности заместителя академика-секретаря Отделения физико-технических наук, генерального директора инженерно-технологического центра АН Латвийской ССР. С 1991 по 1997 г. он был главным научным сотрудником ИФТПС СО РАН. В ноябре 1997 г. стал председателем Президиума Якутского научного центра СО РАН. С 2002 г. он являлся советником Российской академии наук.

Громов Валерий Сергеевич (1923-2004) - химик, специалист по химии древесины, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент АН ЛССР (1982). Участник Великой Отечественной войны. Исследовал субмикроскопическую структуру клеточных стенок древесины и целлюлозы, её влияние на процессы дел игнификации и формирование свойств технической целлюлозы. Под его руководством были созданы основы новой технологии производства целлюлозы азотно-кислыми и некоторыми другими методами, разрабатывалась технология получения улучшенных кормовых продуктов и субстратов для микробного синтеза белка. Автор многих научных работ и 20 изобретений.

Академики Академии наук Латвийской ССР

Ковалевский Николай Александрович (1892-1958) - экономист, доктор экономических наук, профессор, академик АН ЛССР (1951). Принимал участие в организации Академии наук ЛССР. В 1947-1952 г. был директором Института экономики АН ЛССР, затем-заведующим сектором института (1952-1958). Его научные работы были посвящены проблемам размещения производительных сил и перспективного планирования народного хозяйства.

Одинцов Пётр Никитич (1891-1968) - химик, доктор химических наук, профессор, академик АН ЛССР. Разработал технологию гидролиза древесины концентрированными кислотами, заложил теоретические основы этого процесса. Исследовал субмикроскопическую структуру древесины, природу лигнина и биосинтез отдельных компонентов древесины. Автор многих научных трудов и 10 изобретений по химической технологии древесины.

Михайлов Юрий Ананьевич (1927-1994) - физик, доктор технических наук, профессор, академик АН ЛССР (1968). В годы Великой Отечественной войны принимал участие в подпольном антифашистском движении в Латвии. Разработал новую теорию массо- и энергопереноса, физико-технические основы методов высокотемпературной сушки и термообработки влажных материалов, основы двухфазной и многокомпонентной магнитной гидродинамики. Работал над изучением массо- и энергопереноса в гетерогенных системах. Автор многих научных работ и ряда изобретений.

Сергеева Варвара Николаевна (1902-1997) - химик-органик, доктор химических наук, профессор, академик АН ЛССР (1971). Область её исследовательской работы - химия лигнина. Под руководством В.Н.Сергеевой были выполнены фундаментальные исследования по вопросам образования высокомолекулярных компонентов древесной ткани, исследован механизм ряда химических и термических реакций лигнина, разрабатывались теоретические основы пирогенетической переработки древесины, изучались процессы энзиматического разрушения лигнина. Автор многих научных работ и 20 авторских свидетельств.

Кирко Игорь Михайлович (1918-2007) - физик, доктор физико-математических наук, профессор, академик АН ЛССР (1966). Один из основоположников магнитной гидродинамики в Советском Союзе, основатель журнала «Магнитная гидродинамика». Являлся одним из организаторов академической науки в Латвии, с 1948 года - основатель и первый директор Института физики в ЛССР. Автор многих научных публикаций по проблемам электромагнетизма, подобия и моделирования явлений нелинейного намагничивания ферромагнитных тел и магнитной гидродинамики жидких металлов. Открыл новый эффект - смещение области дисперсии магнитной проницаемости ферромагнетиков в диапазоне звуковых частот. Совместно с другими учёными сформулировал основные закономерности турбулентного потока жидкого металла в магнитном поле, имел ряд изобретений по электрогидродинамике и физике невесомости, вёл работы в области магнитной гидродинамики экстремальных параметров. С 1972 г. Игорь Михайлович работал в Перми, сыграв важную роль в становлении академической науки на Западном Урале.

Инженеры, юристы, архитекторы, предприниматели

Лелюхин Семён (конец XVIII - начало XIX вв.) - предприниматель. По рецепту рижского аптекаря Абрахама Кунце наладил массовое производство рижского бальзама в бутылках, продавая его в России и даже экспортируя в Европу. Считается «крёстным отцом» этого напитка.

Чагин Николай Михайлович (1823-1909) - архитектор. Занимал должность Виленского губернского архитектора. Отвечал за постройку православных церквей в Витебской и Могилёвской губерниях. С 1850 по 1854 год им было перестроено и возведено 124 объекта. Не все постройки были безупречны, но признавая его заслуги 13 августа 1853 года Совет Академии Художеств возвёл Н.М.Чагина в звание академика по архитектуре. Был награждён орденами Св.Анны 3-й степени и Св.Станислава 3-й степени. Самое его известное творение - реконструкция собора святых Симеона и Анны в Елгаве, возведённого по проекту Растрелли.

Буковский Владимир Иосифович (1867-1937) - юрист высочайшего класса. В начале XX века работал в судебных учреждениях Прибалтийских губерний. В Первую мировую войну эвакуируется в Петроград. В феврале 1919 года возвращается в Ригу. В 1920 году министр юстиции Р.Бенус поручает ему сформировать комиссию по разработке Гражданского кодекса Латвийской республики. В.И.Буковский был её бессменным председателем вплоть до 1937 года, когда Гражданский кодекс был принят. Одновременно работает в Латвийском университете. Он был единственным специалистом в Латвии по Гражданскому процессу и Нотариальному праву и потому Кабинетом Министров ему пять раз продлевалось разрешение читать лекции для студентов на русском языке.

Кузнецовы - знаменитая династия русских предпринимателей, основателей Рижского фарфорового завода. Годом основания фирмы Кузнецовы считали 1812, хотя ещё в 1810 г. в деревне Ново-Харитоново бывшего Бронницкого уезда крестьянин Яков Васильевич, кузнец по профессии (принявший впоследствии фамилию Кузнецов), основал фарфоровый завод. Родственники и наследники складывавшейся династии Кузнецовых по мере возможностей строили и приобретали фарфоровые и фаянсовые предприятия в разных частях России. Первая фабрика Кузнецовых в Прибалтике была построена в Дрейлингсбуше (Дрейлини) под Ригой в 1841 году. Большинство рабочих были из России - из Гжели, Дулева, сёл Коломенской губернии, известных кустарным производством фарфора. Приучая детей к производству, глава семьи Матвей Сидорович Кузнецов поручал сыновьям управлять отдельными заводами. После революции 1917 года рижская фабрика оказалась единственной, оставшейся у ещё недавно богатейшей семьи. В 1940 году Кузнецовский завод был национализирован.

Якоби Пётр Николаевич (1877-1941) - правове́д и публицист, внук известного русского изобретателя академика Б.С.Якоби. В Латвии поселился с 1919 года (до этого в 1915-1916 гг. работал прокурором в Рижском окружном суде). С 1920 по 1936 г. состоял в Юридической консультации Министерства юстиции. Участвовал в разработке латвийского уголовного законодательства, был награждён орденом «Трёх звёзд». Член редколлегии юридического журнала «Закон и суд». Почётный член Русского национального союза.

Пороховщиков Александр Александрович (1892-1943) - российский конструктор, лётчик, предприниматель. Ещё гимназистом построил самолёт (1909), получивший одобрение Н.Е.Жуковского. В дальнейшем на собственных предприятиях выпускал самолёты как своей конструкции, так и иностранные. В 1915 году построил на рижском заводе «Руссо-Балт» опытный образец гусеничной бронированной машины, названной им «Вездеход». Этот русский танк был успешно испытан 18 мая - на несколько месяцев раньше, чем англичане опробовали своего «Маленького Вили». Из-за бюрократизма чиновников военного ведомства дальнейшие опыты были прекращены.

Яковлев Николай ... (1879-1956) - архитектор. По его проектам в период 1910-1914 гг. в Риге было построено около 15 домов в стиле вертикального модерна и русского национального романтизма с использованием фольклорных мотивов.

Лабутин Александр Иванович (1880-1970) - выдающийся инженер-строитель. Родился в Риге в известной русской семье и имел звание «потомственного почётного гражданина г.Риги». Совмещал научно-педагогическую деятельность с инженерной практикой. С 1920 г. читал в Латвийском университете курсы лекций по технической механике, начертательной геометрии и строительной статике. Им был написан ряд научных статей о строительных работах в портах. С 1921 по 1938 г. руководил техническим отделом в Департаменте по морским делам. Был автором проектов многих сооружений на территории рижского порта.

Шервинский Владимир Максимович (1894-1975) - синодальный архитектор Латвийской Православной Церкви. С 1925 по 1940 гг. им было спроектировано 25 православных храмов. Большинство из построенных им храмов были из дерева и выполнены в стиле северорусского деревянного зодчества. Об органичности созданных им проектов свидетельствует, например, тот факт, что спроектированная В.Шервинским часовня в деревне Роговка (1929) впоследствии была перевезена в Латвийский Этнографический музей под открытым небом в качестве характерного примера восточно-латвийского народного деревянного зодчества.

Кади́рков Валерий Павлович (1939-1989)-ведущий латвийский архитектор в 70-80-е годы. Участвовал в проектировании Дома Конгрессов, комплекса Агропрома, гостиницы «Ридзене», телецентра на Заячьем острове, больницы «Гайльззерс» и многих других объектов.

Шнитников Владимир Вячеславович (1913-1996) - архитектор. Соавтор Большой эстрады в Межапарке, проектировал комплексы «сталинских домов», Дом спорта «Даугава», стадионов «Даугава» и «Динамо».

Журналисты и литераторы

Ганфман Максим Ипполитович (1873-1934) - главный редактор рижской газеты «Сегодня». Определил главной задачей своей газеты - служение русской культуре. Видел смысл её не в национальном и интеллектуальном изоляционизме, а в наднациональной собирательной миссии, в единении людей.

Белоцетов Николай Алексеевич (1863-1935)-журналист, предприниматель, владелец страхового общества, пропагандист русского дела в независимой Латвии. В Риге оказался в начале 20-х годов, в числе многих эмигрантов покинувших родину после революции. Организовал издательства «Саламандра», главной целью которого стала не прибыль, а просветительская деятельность. Издавал газету «Слово» (вторую по значимости русскую газету Латвии), журнал «Перезвоны» и журнал «Юный читатель». Установка для всех печатных изданий Н.А.Белоцетова была единой - приобщение к великому прошлому России, к её истории и искусству. Его сын Николай стал известным в Европе поэтом.

Бережанский (наст. фам. Козырев) Николай Григорьевич (1884-1935) - журналист. Один из основателей газеты «Сегодня», впоследствии сотрудничал с газетами «Рижский курьер», «Вечернее время», «Слово», «Новый голос» и др. Выпустил ряд сборников в Берлине. Пропагандист русской фольклористики и этнографии в крае.

Шалфеев Борис Николаевич (1891-1935) - известный рижский краевед. Сын протоиерея Н.В.Шалфеева. Окончил Рижскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию. Участвовал в Первой мировой войне. Секретарь газеты «Сегодня». Директор русской школы.

Добychин Леонид Иванович (1896-1936) - писатель, уроженец Лудзы. В своём главном романе «Город Эн» описал Двинск (Даугавпилс) начала XX века. Сейчас в Даугавпилсе регулярно проводятся Добычинские чтения.

Белоцетов Сергей Алексеевич (1873-1938) - журналист. Закончил Духовную семинарию и юридический факультет Московского университета. Родной брат Н.А.Белоцетова. Жил в Риге, принимал участие в создании газеты «Слово» и журнала «Перезвоны». После закрытия этих изданий занялся педагогической деятельностью, преподавал Закон Божий. Был активным членом Союза русских учителей Латвии.

Клопотовский (Лери) Владимир Владимирович (1883-1944) - поэт-юморист, автор многочисленных стихотворных фельетонов и скетчей. С 1927 г. постоянный сотрудник газеты «Сегодня».

Волович Анисим Иванович (1866-1946) - известный старообрядческий публицист, собиратель книг и рукописей (его собранием пользовался И.Н.Заволоко). Значительная часть книжницы Рижской Гребенщиковской общины составляют собранные им книги.

Михайлов Владимир Дмитриевич (1929-2008) - писатель-фантаст. Родился в Москве, окончил юридический факультет Латвийского университета, работал следователем в прокуратуре, служил в армии. С 1958 года перешёл на литературное поприще, руководил Рижским семинаром молодых фантастов. Среди его книг романы «Особая необходимость», «Люди Приземелья», «Чёрные журавли», «Исток», «Дверь с той стороны», «Сторож брату моему», «Тогда придите и рассудим», «Вариант „И“», «Беглецы из ниоткуда» и другие. В 1994 году получил премию «Малый странник» как «отец-основатель современной российской фантастики».

Деятели искусств

Фролов Гавриил Ефимович (1854-1930) - известнейший старообрядческий иконописец. Родился в Черниговской губернии, в 14 лет с семьёй поселился в Режице (Резекне), где Фроловы открыли иконописную мастерскую. В конце XIX века семья переехала в Причудье. Здесь Гавриил Ефимович продолжал свою работу по созданию икон. Отлично зная старинное знаменное пение, он обучил несколько поколений крюковому пению. Для детей им была открыта школа церковно-славянского чтения и письма. Со временем появилась и иконописная школа. Рижский старообрядческий журнал «Родная старина» так писал о мастере-иконописце: «Принадлежит к монастырскому, старопоморскому согласию, Гавриил Ефимович вёл строго подвижнический образ жизни. В его душе всегда жило стремление к Божьей правде. За его внешней суровостью видна была отеческая любовь к людям. Строгая воздержанность жизни, начитанность, неустанная молитва и ревность к христианству снискали Г.Е.Фролову почёт и уважение».

Черкасская Марианна Борисовна (1876-1934) - известная оперная певица. С 1900 г. солистка Мариинского театра. Участница знаменитых «Русских сезонов» в Париже и постановок опер. В 20-е гг. жила в Латвии. С 1919 по 1929 г. - солистка Латвийской оперы. Умерла и похоронена в Риге.

Мельников Пётр Иванович (1867-1940) - знаменитый режиссёр. Выступал в качестве режиссёра оперных постановок в Большом театре в Москве (с 1906 г.) и в Мариинском театре в Петербурге (с 1909 г.). Его спектакли вошли в число признанных шедевров русского оперного искусства. Многолетняя дружба связывала его с Ф.И.Шляпиным. С 1922 года П.Мельников работал режиссёром в Латвийской Национальной опере. В 30-е годы он осуществил ряд постановок в Милане (театр «Ла Скала») и в Лиепайском оперном театре. Участие этого талантливого, многоопытного режиссёра оживило латышскую оперную сцену, обогатило её традициями русского искусства. С его именем связаны многие достижения Латвийской Национальной оперы того времени.

Ирецкая-Акцери Наталия Константиновна (1879-1940)-профессор вокала Петербургской консерватории, один из наиболее значительных авторитетов России в области вокального искусства. Незадолго до её отъезда из СССР в 1923 году ей поручили разработать программы вокального образования для русских консерваторий. Задача эта была выполнена с таким успехом, что совет консерватории счёл нужным поблагодарить её специальным письмом всех его членов во главе с А.К.Глазуновым. В письме этом программа называлась «энциклопедией музыкально-вокальной литературы». В Риге преподавала в студии, ставила голоса артистам в Латвийском Художественном театре.

Жеребцова-Андреева Анна Григорьевна (1868-1944) - известная русская певица, профессор Петербургской и Латвийской консерватории. Похоронена на Покровском кладбище в Риге.

Руденков Иван Семёнович (1887-1950) - Заслуженный артист ЛССР, основоположник Театра кукол (1915) и Театра марионеток в Риге (1923). Похоронен на Покровском кладбище.

Сергеев Николай Григорьевич (1876-1951) - артист балета, балетмейстер, педагог. Окончил Петербургское театральное училище (1894). С 1894 г. работал в Мариинском театре в Санкт-Петербурге (танцовщик, балетмейстер). В 1897-1917 гг. преподавал в Петербургском театральном училище. В 1922-1924 гг. балетмейстер Национальной Латвийской оперы. Поставил в Риге балет Гертеля «Тщетная предосторожность» - первую балетную постановку в истории независимой Латвии.

Глаголев Владимир Григорьевич (1898-1970)-известный церковный композитор. Родился в Калужской губернии, с восьми лет в Даугавпилсе пел в церковных хорах, с двадцати трёх лет - регент Борисо-Глебского собора, с двадцати пяти лет управлял хором Александро-Невского собора. Был учителем пения и дирижёром хоров в Русской и Белорусской гимназиях города Даугавпилса. С 1927 по 1929 год учился композиции в Латвийской консерватории у профессора Я.Витола, ученика Римского-Корсакова. Состоял регентом хора Всехсвятской, а затем Покровской церковью города Рига, состоял дирижёром хоров Русского Рижского просветительного общества (мужской хор), Русского общества «Баян» (смешанный хор) и Латвийского Украинского общества (смешанный хор). С 1951 года по 1958 год был регентом в церквях Калинина (Твери), в Баку и в Дзинтарском храме (Юрмала). За свою жизнь создал 110 духовно-музыкальных произведений (34 композиции для Всенощного бдения, 40 для Литургии, 36 для богослужений Архиерейским служением, богослужений праздников, Великого Поста и Пасхи). Им были написаны для хора 15 обработок русских и украинских народных песен и 5 светских музыкальных произведений.

Софронов Пимен Максимович (1898-1973)-один из самых значительных художников-иконописцев XX века. Родился в семье старообрядцев Причудья, с 1928 года жил в Риге, где возглавлял иконописные мастерские при рижском кружке ревнителей русской старины. Преподавал древнерусскую живопись в Париже и Праге, расписывал церкви в Югославии и Ватикане. В 1947 году переехал в США, где принимал участие в росписи многих храмов Русской Православной Церкви за границей.

Бельцова-Сута Александра Митрофановна (1892-1981) - художник. Окончила Пензенское художественное училище (1917). Училась в Студии Н.Альтмана в Петрограде (1918). С 1919 года проживала в Риге, с 1920 года участвовала на выставках (персональные выставки в советское время - 1962 в Риге, 1972 в Риге, Ленинграде, 1977, 1985 в Риге). Особенно известны её работы 20-х годов, выполненные в рамках модернизма. Рисовала карикатуры, занималась росписью по фарфору. Работала в техниках масляной, пастельной, акварельной живописи.

Климов Евгений Евгеньевич (1901-1990) - художник. Уроженец Елгавы, окончил Латвийскую Академию искусств со званием профессионального живописца и мастера искусств. Дипломная работа «Латгальское предместье Риги» уже в самом начале определила тематику творчества. Его графику высоко ценили А.Бенуа и М.Добужинский. Был секретарём художественного объединения «Акрополис». В 1941-1943 гг. работал зав. отделом русского искусства в Городском художественном музее, преподавал рисование в Ломоносовской гимназии. В 1944 году художник выехал в Прагу, а в 1949 году перебрался в Канаду, где и прожил до конца своих дней. Его творчество в основном посвящено изображению провинциальных городов. Будучи глубоко религиозным человеком, он предпочитал виды с церквями, церковными куполами, сельскими кладбищенскими часовенками. Манера исполнения проста и незатейлива, как сама патриархальная русская провинция. Излюбленная техника - литография, в которой он создал несколько альбомов. Выступал и в качестве искусствоведа. Читая лекции, публикуя свои воспоминания и исследования, он знакомил студентов в Канаде и США с русским искусством.

Горшенин Николай Николаевич (1947-2000)-оперный певец. Родился в Елгаве. Учился в Латвийской Музыкальной академии на отделении вокала в классе А.Вилюманиса. В 1975 году становится солистом Латвийской Национальной оперы. Лауреат Большой Музыкальной награды (1996), лауреат Премии Алдариса (1998).

Алфавитный список

1. Абызов Ю.И.....	122	45. Кадирков В.П.....	155
2. Агафангел (Преображенский).....	34	46. Каллистратов М.А.....	58
3. Александровский И.Ф.....	26	47. Келдыш М.В.....	98
4. Андзауров И.Е.....	124	48. Кириллов С.Р.....	84
5. Антимонова Е.Н.....	116	49. КиркоИ.М.....	154
6. Антонов С.Н.....	82	50. Клевцов В.И.....	127
7. Арабажин К.И.....	36	51. Клименко В.Н.....	152
8. Белоцветов Н.А.....	155	52. Климов Е.Е.....	156
9. Белоцветов С.А.....	155	53. Клопотовский В.В. (Лери).....	155
10. Бельцова-Сута А.М.....	156	54. Ковалевский Н.А.....	154
11. Бережанский Н.Г.	155	55. Краснопёров С.М.....	104
12. Богданов-Бельский Н.П.....	70	56. Кривошапкин М.Д.....	152
13. Буковский В.И.....	154	57. Кудрячёв В.Г.	54
14. Ведин Ю.П.....	153	58. Кузнецовы.....	154
15. Виппер Б.Р.	86	59. Кульнев Я.П.....	16
16. Виппер Р.Ю.....	78	60. ЛабутинА.И.....	155
17. ВитвицкийЛ.Н.....	30	61. Лелюхин С.....	154
18. Виноградов С.А.....	50	62. Ливен А.П.....	46
19. ВоловичА.И.....	155	63. Лишина О.Н.....	152
20. Всеволод Мстиславич.....	12	64. Лозинский А.А.....	153
21. Высотский К.С.....	48	65. Марков В.А.....	153
22. Вячко.....	10	66. Мать Мария.....	72
23. Ганфман М.И.....	155	67. Мекш Э.Б.....	153
24. Гербаненко Г.П.....	152	68. Мельников П.И.....	156
25. Глаголев В.Г.....	156	69. Милевский О.Н.....	28
26. Гончаренко Г.И. (Юрий Галич).....	52	70. Минцлов С.Р.....	40
27. Горшенин Н.И.....	156	71. Мирский В.В.....	112
28. Грецкий П.П.....	125	72. МисюрёвА.И.....	114
29. Громов В.С.....	154	73. Михайлов В.Д.....	155
30. Добкевич А.А.....	125	74. Михайлов Л.С.....	102
31. ДобычинЛ.И.....	155	75. Михайлов Ю.А.....	154
32. Дорошенко В.В.....	153	76. Моссаковский А.П.....	152
33. Дубровин П.Ф.....	24	77. Мухина В.И.....	76
34. Душак Н.Г.....	126	78. Незлобии К.Н.....	38
35. Евгения (Постовская).....	152	79. Одинцов П.Н.....	154
36. Елисеев Г.С.....	88	80. Орлов М.И.....	128
37. Жаков К.Ф.....	32	81. Осипов С.А.....	128
38. Жеребцова-Андреева А.Г.....	156	82. Павлов Ф.С.....	42
39. Заволоко И.Н.....	100	83. Петров В.М.....	62
40. Задорнов Н.П.....	108	84. Пиккуль В.С.....	106
41. Зубов П.И.....	126	85. Пильский П.М.....	56
42. Иванов С.И.....	127	86. Платон (Городецкий).....	152
43. Ирецкая-Акцери Н.К.....	156	87. Плюханов Б.В.....	152
44. Иринарх (Попов).....	152	88. Попов Б.А.....	153
		89. Пороховщиков А.А.....	155
		90. Репнин А.И.....	14
		91. Руденков И.С.....	156

92. Саввич Н.С.....	152
93. Саманский Ф.Н.....	152
94. Самарин Ю.Ф.....	18
95. Сергеев Н.Г.....	156
96. Сергеева В.Н.....	154
97. Сергей (Воскресенский).....	68
98. Синайский В.И.....	74
99. Слиц А.И.....	129
100. Слюсаренко В.В.....	90
101. Смирнов Д.А.....	66
102. Софронов П.М.....	156
103. Суворов А.А.....	20
104. Тайлова Л.И.....	152
105. Тихоницкий Е.М.....	152
106. Труханов П.С.....	129
107. Тынянов Ю.Н.....	60
108. Уржумцев Ю.С.....	153
109. Фёдорова А.А.....	92
110. Филарет (Гумилевский).....	152
111. Фридрих И.Д.....	94
112. Фролов Г.Е.....	156
113. Цекулина А.А.....	153
114. Циновский Я.П.....	153
115. Чагин Н.М.....	154
116. Черкасская М.Б.....	156
117. Чернобаев В.Г.....	153
118. Чешихин В.Е.....	44
119. Чешихин Е.В.....	22
120. Чиннов И.В.....	110
121. Чурилин А.П.....	130
122. Чухина Л.А.....	153
123. Шалфеев Б.Н.....	155
124. Шелковой Г.А.....	120
125. Шервинский В.М.....	155
126. Шнитников В.В.....	155
127. Шувалова В.Ю.....	118
128. Юнкеров Н.И.....	130
129. Юпатов А.И.....	96
130. Юпатов И.Ф.....	64
131. Якоби П.Н.....	153
132. Яковлев Н.....	155
133. Ян В.Г.....	80

Уважаемые читатели!

Все даты, все имена, все цифры и фактические данные, опубликованные в этом биографическом справочнике, проверялись и перепроверялись многократно. Но, как известно, от ошибок никто не застрахован. Тем более, что порой в различных источниках встречаются поразительные разночтения. Иногда даже невозможно определить, где истина, а где чьи-то заблуждения. Поэтому мы были бы весьма обязаны, если бы вы, уважаемые читатели, поделились с нами своими наблюдениями. Все недочёты, опечатки и неточности, указанные вами, мы обязательно отметим и постараемся их исправить в последующих изданиях.

Также мы будем глубоко признательны за любую помощь в работе, будь то совет, интересная информация или предоставленные для ознакомления редкие материалы. Это же касается рекомендаций относительно тех людей, которые в силу разных обстоятельств не были включены в наш теперешний список выдающихся русских латвийцев.

Будем рассматривать эту книгу как основу для дальнейших научных изысканий, благодаря которым никто из по-настоящему заслуженных героев минувшего и нашего времени не будет забыт, а имя его утеряно. В этом состоит наш долг перед прошлым и ответственность перед будущим.

Издатель

По всем вопросам обращаться:

м.т.: +371 29607043

e-mail: kum@klio.lv

<http://klio.ilad.lv>

В 2007-2008 гг. в серии «КНо» вышли следующие книги:

«Занимательная история латвийских русских»

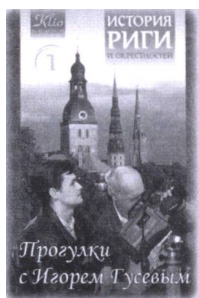
Эта книга основана на обширном материале и представляет собой объективную картину истории русских Латвии с древнейших времён до начала XX века. В ней впервые представлены малоизвестные факты, позволяющие оценить прошлое Прибалтики с новой, порой неожиданной точки зрения, весьма далёкой от мнения «официальных учёных». Живая неформальная манера подачи материала выбрана исключительно с целью популяризации исторических знаний в самых обширных кругах читательской аудитории.

«Быль о Саласпилсе»

Эти воспоминания бывших заключённых Саласпилсского лагеря смерти не переиздавались с 1964 года. За минувшие десятилетия уже выросли поколения тех, для кого история Саласпилса совершенно неизвестна. И находятся сегодня лукавые политики и застенчивые историки, которые стремятся замолчать эту ужасную страницу прошлого. Но живы ещё свидетели, и помнят они всё...

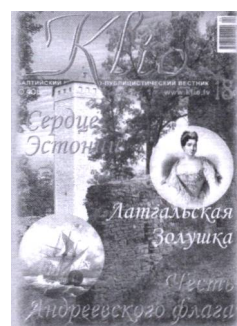
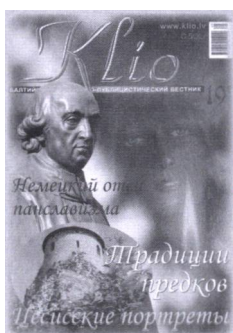
Эти книги размещены для свободного чтения на портале
www.rodina.lv

«История Риги и окрестностей. Часть 1»

Первая книга из давно задуманного цикла, повествующая о важнейших моментах раннего прошлого Риги, о наиболее значимых памятниках её истории и культуры. При работе были использованы редчайшие материалы и фотографии, многие из которых не публиковались более ста лет! Некоторые факты, приведённые здесь, впервые становятся достоянием широкого круга заинтересованных читателей.

Единственный в странах Балтии русский исторический журнал «Клио»

Уникальные материалы по истории и культуре нашего региона

Любая часть этих изданий в благих целях может быть воспроизведена в любой форме и любым способом. Нашей задачей является распространение исторических знаний и борьба с воинствующим невежеством.

Информационная поддержка:

www.klio.lv

www.rodina.lv

www.kolokola.lv

Данный биографический справочник включает в себя сведения о наиболее достойных русских представителях культуры, науки, государственной, общественной и военной службы, жизнь и деятельность которых была тесно связана с Латвией. Они уже ушли из жизни, но их судьбы, их дела, их свершения должны всегда оставаться для нас благим примером.

Разрешается воспроизведение в любой форме! Популяризация и распространение исторических знаний есть главная цель этой книги.

ISBN 978-9934-8028-0-5

9789934802805